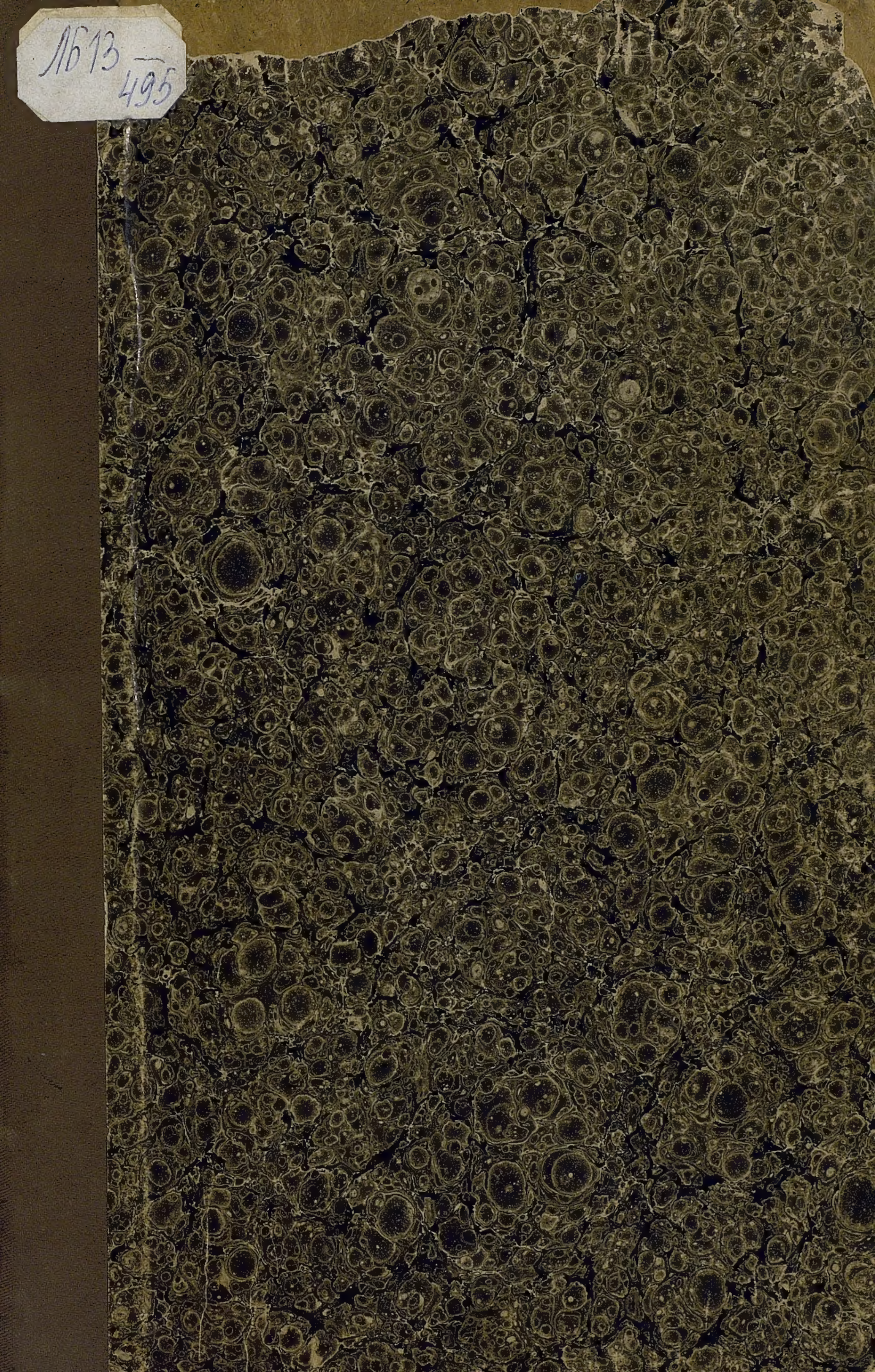

1613 — 495

№ 7. О. Пругевъ.

С. Трусовъ

ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО,

состоящее при Императорскомъ Техническомъ Училищѣ.

ЛБ13/495

ПУТЬ КЪ ЦУСИМѢ.

Посвящается памяти товарищей-техниковъ, погибшихъ въ Цусимскомъ бою.

П. К. Худяковъ,

профессоръ Императорскаго Московскаго Техническаго Училища.

МОСКВА. — 1907.

Типо-литографія **Русскаго Товарищества** печатнаго и издательскаго дѣла.

Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.

Печатано по распоряженію Совѣта Политехническаго Общества.
Предсѣдатель профессоръ **А. Гавриленко.**

Путь къ Цусимѣ.

Введенiе.

Въ Цусимскомъ сраженiи погибли *шесть инженеровъ*, окончившихъ курсъ въ Московскомъ Императорскомъ Техническомъ Училищѣ и работавшихъ во флотѣ въ качествѣ механиковъ. Въ кругу ихъ товарищей, составляющихъ Политехническое Общество при И. Т. У-щѣ, возникла мысль —почтить ихъ память: 1) путемъ образованiя при Политехническомъ О-вѣ капитала имени нашихъ Цусимскихъ героевъ, доходы съ котораго пойдутъ при О-вѣ на доброе благотворительное дѣло, 2) путемъ составленiя и напечатанiя бiографическаго очерка ихъ краткой, но исполненной большихъ душевныхъ страданiй, жизни и работы во флотѣ.

Выполненiе этой второй задачи выпало на мою долю. Матерiаломъ для составленiя этого бiографическаго очерка могли послужить мнѣ главнымъ образомъ данныя тѣхъ лицъ, которыя ближе меня знали въ отдѣльности каждаго изъ погибшихъ героевъ, т.-е. данныя, которыя можно было получить отъ ихъ родственниковъ, друзей, знакомыхъ, а также—и отъ уцѣлѣвшихъ соплавателей по эскадрѣ. Ко всѣмъ этимъ лицамъ было сдѣлано мною обращенiе на страницахъ *Вѣстника Политехническаго О-ва*.

Получая отъ нихъ этотъ матерiалъ и разбираясь въ немъ, я очень быстро увидалъ, что, говоря о дѣятельности нашихъ товарищей-героевъ во флотѣ, нельзя не обратить вниманiя и на ту, общую для всѣхъ нихъ, обстановку труда, среди которой протекли ихъ послѣднiе скорбные часы.

При ближайшемъ знакомствѣ съ этой обстановкой все болѣе и болѣе выяснялось попутно также и то, *съ чѣмъ, съ кѣмъ* и *какъ* они шли на Д. Востокъ. А совокупность всего этого съ каждымъ шагомъ все яснѣе и яснѣе обрисовывала коренныя причины, отъ которыхъ зависѣли наши неудачи въ бою. Указанiя на эти причины оказались въ наличности въ большомъ количествѣ также и въ нашей прессѣ, и въ технической литературѣ. Тогда у меня явилась мысль собрать воедино весь этотъ безпорядочно разбросанный матерiалъ, обработать его и въ сжатомъ видѣ передать въ видѣ вступленiя къ бiографiи нашихъ товарищей, погибшихъ въ бою.

Собирая и обрабатывая этотъ матеріалъ, я думалъ, что, сдѣлавши это, мы сплетемъ лучшій вѣнокъ нашимъ безвременно погибшимъ товарищамъ. Мы сдѣлаемъ это въ сознаніи того, что, тщательно не изучивши всѣхъ нашихъ и чужихъ ошибокъ въ прошломъ, нельзя побѣждать и въ будущемъ. Забвеніе этой истины никому не проходитъ даромъ, а въ такомъ дѣлѣ, какъ морское и военное, ведетъ къ катастрофамъ, за которыя больше всего расплачиваются ни въ чемъ неповинные.

Такого рода подготовительныя главы вступленія позволили мнѣ потомъ совсѣмъ не повторять однѣхъ и тѣхъ же печальныхъ подробностей во всѣхъ отдѣльныхъ біографическихъ очеркахъ. Кромѣ того, эти главы попутно выяснили общую картину нашей неподготовленности и нашей неумѣлости въ дѣйствіяхъ, этого застарѣлаго недуга нашей бюрократіи, которая за свои дѣйствія и за бездѣйствіе фактически у насъ никогда не несла и до сихъ поръ еще не несетъ ни передъ кѣмъ никакой отвѣтственности. Выясненіе этого недуга, при наличности полученнаго мною матеріала, позволило мнѣ освѣтить его такими данными, которыя при другихъ обстоятельствахъ могли бы совсѣмъ никогда не сдѣлаться общимъ достояніемъ; а умышленное или случайное замалчиваніе такихъ данныхъ могло бы только потворствовать дальнѣйшему распространенію недостатковъ, показавшихъ себя на дѣлѣ подъ Цусимою уже достаточно скорбно, тяжело и дорого для нашей родины.

Разработка этихъ главъ вступленія нѣсколько расширила первоначально поставленную мною себѣ задачу, но за то ея рѣшеніе получило болѣе общій интересъ.

Использовать весь доставленный мнѣ матеріалъ въ подлинникахъ не пришлось: одну часть его можно было взять только въ извлеченіи; на основаніи другой была сдѣлана провѣрка ранѣе добытыхъ данныхъ; на основаніи третьей были усилены или ослаблены сдѣланныя въ разныхъ мѣстахъ характеристики, выводы; для многаго не пришло еще время сдѣлаться общимъ достояніемъ въ печати; нѣкоторыя подробности надо было оставить пока въ резервѣ.

Безъ надобности я не даю здѣсь ни одной фамиліи дѣйствующихъ лицъ, ни одного названія судна, гдѣ происходило дѣйствіе; но весь этотъ матеріалъ имѣется у меня въ наличности въ черновикахъ, записанныхъ и провѣренныхъ такими участниками въ работѣ нашей Цусимской эскадры, которые смотрятъ на дѣло вполнѣ здраво, объективно, нелицепріятно, и къ которымъ я имѣю полное основаніе относиться съ довѣріемъ и уваженіемъ.

Содержаніе всей этой работы распадается на нѣсколько главъ:

I. Островъ Цусима, нашъ памятникъ у братской могилы.
II. Цусимская катастрофа.
III. Боевая мощь русскаго и японскаго флота во время войны 1904—5 г.
IV. Наша Балтійско-Цусимская эскадра.
V. Личный персоналъ ея.

VI. Переходъ эскадры отъ Кронштадта до Цусимы.
VII. Цусимскій бой.
VIII. Цусимскіе герои.

Составленіе III-й главы, по моей просьбѣ, любезно принялъ на себя нашъ уважаемый сочленъ и мой дорогой другъ, инженеръ-механикъ Владиміръ Григорьевичъ Шуховъ. Какъ отличный знатокъ иностранной литературы предмета, разобраннаго въ этой главѣ, Вл. Гр. съ поразительной пунктуальностію пророчески предсказывалъ исходъ всѣхъ пережитыхъ нашей родиной печальныхъ событій задолго до ихъ практическаго осуществленія нашей бюрократіей. При его же добромъ содѣйствіи составлена также и значительная часть главы VII-й.

Кромѣ этого сотрудника, пришли мнѣ на помощь въ этой работѣ и другія уважаемыя лица, опубликованіе фамилій которыхъ, по весьма понятнымъ причинамъ, я не могу сдѣлать. Всѣмъ лицамъ, которыя пожелали оказать мнѣ содѣйствіе при выполненіи этой отвѣтственной работы и доставили мнѣ въ изобиліи какъ разработанный, такъ и черновой, вспомогательный фактическій матеріалъ, приношу мою искреннюю и глубокую благодарность.

Всѣ дальнѣйшія указанія на мои промахи и недосмотры въ этой работѣ, а также и всѣ дополненія къ ней, будутъ приняты мною съ благодарностію.

Профессоръ Московскаго Императорскаго Техническаго У-ща
П. К. Худяковъ.

20 сентября 1906 г.

Островъ Цусима,

нашъ памятникъ у братской могилы.

„Не вѣрю я въ эскадру, какіе бы корабли въ ней ни были, и сколько бы ихъ ни насчитывали! Мало—имѣть боевыя суда, надо еще умѣть использовать ихъ силу"...

Мнѣніе корабельнаго инженера *Политковскаго* *) послѣ шести мѣсяцевъ походной работы на судахъ нашей Цусимской эскадры.

Островъ Цусима... До 1904 г. наши моряки могли проходить мимо этого острова также равнодушно, какъ и мимо многихъ другихъ, разсѣянныхъ въ этомъ архипелагѣ. Но теперь.... теперь это—нашъ народный памятникъ, приковывающій къ себѣ ихъ вниманіе, самою природою воздвигнутый на краю той братской могилы, въ которой погребены и русская эскадра, и болѣе четырехъ тысячъ русскихъ воиновъ...

Въ теченіе минувшей войны около этого острова наши морскія силы два раза терпѣли неудачу.

Сначала наши владивостокскіе крейсера вели здѣсь несчастливый бой съ эскадрою Камимуры. Это было 1-го августа 1904 года. Здѣсь нами былъ потопленъ тогда храбро сражавшійся съ непріятелемъ „*Рюрикъ*"...

Всемірную же и печальную извѣстность это мѣсто пріобрѣло послѣ историческаго сраженія 14 и 15 мая 1905 г., окончившагося полнымъ и безпримѣрнымъ въ исторіи разгромомъ нашего флота.

Надъ созиданіемъ его Россія работала болѣе двухъ десятилѣтій, и особенно громадныя суммы она затратила на это въ послѣднія 5—6 лѣтъ. На постройку и ремонтированіе эскадры, потопленной подъ Цусимою, было нами истрачено всего около двухсотъ милліоновъ рублей. Эскадра снаряжалась и готовилась къ отплытію болѣе восьми мѣсяцевъ и почти столько же времени пробыла въ походѣ. На среднемъ ходу эскадра сжигала ежедневно до 200.000 пудовъ угля. Этотъ неслыханный доселѣ переходъ громадной эскадры на разстояніе многихъ десятковъ тысячъ верстъ безъ своихъ угольныхъ станцій на пути былъ

*) Политковскій,—„*Отъ Либавы до Цусимы*", 1906, стран. 178.

сдѣланъ эскадрою съ громадными затратами и трудностями, но довольно успѣшно.

Вся эта колоссальная работа въ концѣ концовъ оказалась однако выполненною нами на „авось", безъ опредѣленнаго конечнаго плана и безъ достаточнаго знанія силъ противника. Черезъ пять часовъ послѣ нашей встрѣчи съ нимъ въ бою участь нашей эскадры была уже рѣшена; гибель ея была неизбѣжна. Отъ мѣтко направленнаго огня и отъ разрушительной силы японскихъ снарядовъ, градомъ обсыпавшихъ нашу эскадру, ее не могли спасти ни храбрость, ни мужество и стойкость отдѣльныхъ защитниковъ, которые работали съ неимовѣрными усиліями въ душной, ядовитой атмосферѣ и тяжелой боевой обстановкѣ. На боевую силу и умѣнье управлять ею надо было отвѣчать тѣмъ же, а у насъ не было въ этомъ сраженьи ни того, ни другого; и пораженіе нашего флота было неизбѣжно... Одинъ за другимъ отъ превосходной и превосходно использованной японской артиллеріи гибли наши лучшія суда, гибли и люди...

Просторная братская могила вмѣстила въ себѣ всѣхъ и все,—и достойныхъ, и недостойныхъ, и хорошее, и дурное...

Тамъ легли многіе самоотверженные работники въ своемъ дѣлѣ; они погибли каждый на своемъ отвѣтственномъ служебномъ посту, погибли за работою, воодушевленные ею въ сознательной борьбѣ за честь и достоинство родины; они по своему слѣпо вѣрили въ могущество Россіи на морѣ; они всегда готовы были своими слабыми силами оберегать его и своей неустанной работой доказывать его всему міру; но только, къ ихъ несчастію, они почти безплодно затрачивали свою цѣнную работу среди окружавшаго ихъ безбрежнаго моря карьеризма, безучастнаго отношенія къ дѣлу, нежеланья работать и неумѣнья работать...

Тамъ погребены радость и надежды на лучшее будущее у многихъ тысячъ семействъ, лишенныхъ навсегда своихъ работниковъ, кормильцевъ и дорогихъ сердцу людей.

Тамъ погребены многія тысячи тѣхъ, утрата которыхъ обильно орошается горькими народными слезами во всѣхъ обездоленныхъ и разбитыхъ семьяхъ.

Тамъ смерть нашла многихъ и тѣхъ, кто смотрѣлъ на русскій флотъ, только какъ на мѣсто призрѣнія для дѣтей потомственныхъ дворянъ и для дѣтей чиновъ морского вѣдомства.

Тамъ нашли свой удѣлъ многіе и тѣ, кто не любилъ морского дѣла, кто не слѣдилъ за его развитіемъ, кто самъ его не совершенствовалъ, кто другимъ не давалъ этого дѣлать, кто смотрѣлъ на него, какъ на красивую, веселую, пріятную и выгодно оплачиваемую забаву, какъ на привилегію той касты, къ которой принадлежалъ онъ самъ, къ которой иногда принадлежалъ его отецъ, и къ которой во всякомъ случаѣ могутъ принадлежать его сыновья, хотя бы *къ работѣ*, связанной съ серьезной морской службой, у нихъ не оказалось впослѣдствіи ни малѣйшаго призванія.

Вмѣстѣ съ эскадрою тамъ, подъ Цусимою, опущены на дно морское также и многочисленные, годами копившіеся, прошлые грѣхи нашей самовластной и безконтрольной бюрократіи въ области судостроенія; неразрывно съ нимъ были связаны у насъ и нерадѣніе къ казенной работѣ, и выполненіе ея всегда дорого, не всегда хорошо, но со всей показной канцелярской волокитой, безнаказанно позволявшей на долгіе годы затягивать работу и, при наличности всѣхъ показныхъ, оправдывающихъ ее, формальностей и документовъ, обильно „питать" ею всѣхъ и вся, сообразно чину, рангу, выслугѣ лѣтъ, и особенно—благодаря протекціи, связямъ и степени опытности...

Тамъ, передъ этимъ народнымъ памятникомъ, наша бюрократія морского вѣдомства чистосердечно и всенародно должна была покаяться, и передъ всѣмъ міромъ сознаться, что, не взирая на сдѣланныя у насъ милліардныя затраты на развитіе морского дѣла, „военнаго флота, какъ боевой силы, въ Россіи еще не существуетъ *), и что напрасны будутъ всѣ усилія созидать новый флотъ на прежнихъ началахъ"...

---

*) *„Морской Сборникъ"*, 1906, № 5, стран. 89.

Цусимская катастрофа...

Изъ рѣчи депутата *Алексинскаго* въ засѣданіи первой Государственной Думы 3 мая 1906 г.:
„Ужасна была наша неподготовленность къ войнѣ, и ужасны преступленія бюрократіи передъ народомъ... Цусима—преступленіе“...

Цусимская катастрофа... Если разобрать дѣло по существу, эта катастрофа произошла не случайно. Ее надо было ждать рано или поздно. Мы шли къ ней съ закрытыми глазами. Наша бюрократія, ослѣпленная своимъ самовластіемъ, вела Россію къ этой катастрофѣ исподволь, въ теченіе долгаго періода времени. Непроизвольны были только наши послѣдніе шаги, когда насъ заставили идти туда, куда мы не хотѣли бы, когда насъ заставили дѣлать то, къ чему мы вовсе не были приготовлены...

Первые зародыши пережитого нами великаго бѣдствія, Россія добровольно начала выращивать еще около полувѣка тому назадъ, когда её соблазнили, и она присоединила къ своимъ владѣніямъ „богатѣйшій“ *Амурскій край* съ его „непочатыми естественными богатствами“, но не имѣвшій тогда ни малѣйшей культуры и почти вовсе не заселенный. Это произошло сначала при содѣйствіи смѣлыхъ частныхъ предпринимателей и авантюристовъ и было закрѣплено послѣ многихъ дорого стоющихъ и не всегда удачныхъ военныхъ операцій съ нашей стороны *).

Этотъ „золотой край“ впослѣдствіи втянулъ Россію въ омутъ окраинныхъ экспериментовъ бюрократіи; а они неудержимо вели насъ къ войнѣ, къ Мукдену и Цусимѣ.

Сдѣлавши это пріобрѣтеніе, мы начали культивировать тамъ „наши интересы“, но чисто канцелярскимъ путемъ, разумѣется. Чиновники за счетъ казны должны были организовать заселеніе края, насажденіе въ немъ промышленности, использованіе водныхъ путей сообщенія, основаніе городовъ, постройку крѣпостей и т. п. На далекой и ненужной намъ окраинѣ, относительно которой мы рѣшительно ничего не знали, и знать не хотѣли, создалось обширное поле для неудачныхъ экспериментовъ бюрократіи и для приведенія въ исполненіе разнаго рода фан-

---

*) См. статью П. Надина—*Пятидесятилѣтіе Амурскаго края*, помѣщенную въ „*Вѣстн. Европы*“, 1905, №№ 5 и 6.

тастическихъ кабинетныхъ предначертаній. Постепенно развивались прихоти и аппетиты пріобрѣтавшей силу мѣстной бюрократіи; незамѣтно поощрялось неподдающееся контролю хозяйничаніе ея въ расходованіи все бóльшихъ и бóльшихъ суммъ, отпускаемыхъ изъ СПб. „на мѣстныя нужды края". Вслѣдъ за чиновниками двинулись туда же и цѣлыя стаи ловкихъ хищниковъ изъ всѣхъ сословій.

„Богатѣйшій край" отъ Россіи все время требовалъ только крупныхъ приплатъ къ своему бюджету, доходившихъ до 20 милліоновъ рублей въ годъ, не считая экстра-ординарныхъ затратъ на военныя надобности. „Наши интересы на Д. Востокѣ", искусственно навязанные Россіи группой смѣлыхъ авантюристовъ, на самомъ дѣлѣ оказались и въ дальнѣйшемъ по преимуществу интересами только кучки ловкихъ предпринимателей, искавшихъ для себя выгоднаго дѣла, искавшихъ со стороны казны только разнаго рода пособій и за это выручавшихъ бюрократію въ ея безсильныхъ и безплодныхъ потугахъ насадить культуру въ краѣ.

Началась затѣмъ и разработка „непочатыхъ естественныхъ богатствъ края", но это вело въ концѣ концовъ опять только къ выманиванію отъ правительства новыхъ ассигновокъ на оживленіе края; а „естественныя богáтства" или продолжали оставаться неразработанными, какъ, напр., уголь на о-вѣ Сахалинѣ, или же въ случаѣ разработки львиная доля барышей незамѣтно перекладывалась въ карманы предпринимателей и разныхъ случайныхъ хищниковъ (русскихъ и китайскихъ), жившихъ въ дружбѣ съ мѣстной бюрократіей.

Своимъ чередомъ шло также и случайное развитіе промышленности, торговли, путей сообщенія и всѣхъ военныхъ затѣй въ краѣ; но на всемъ этомъ лежала печать общенія съ людьми, которые заботились только о своемъ собственномъ благѣ, а никакъ не о благѣ края и страны, которую немилосердно сосетъ этотъ край. Въ глазахъ мѣстной бюрократіи интересы края нерѣдко широко отождествлялись съ интересами кучки этихъ ловкихъ людей, которые представляли ей всевозможные проекты, долженствовавшіе показать въ СПб., что тутъ, на мѣстѣ, широкою волною идетъ „культурная работа", но скрывавшіе искусно, куда эта волна смываетъ барыши отъ нея; а основные, насущные интересы и нужды поселенцевъ и мѣстныхъ инородцевъ оставались совершенно неизслѣдованными и неудовлетворенными.

Мало-по-малу создавалась на Д. Востокѣ хорошо организованная „школа" бюрократическаго своеволія и безконтрольнаго хозяйничанія.

Дѣльцы просили новой работы; и бюрократіи надо было расширять поле своей дѣятельности. Болѣе 40 лѣтъ мирно существовали и широко удовлетворялись казною „интересы Амурскаго края". Затѣмъ онѝ мало-по-малу отошли въ сторону; и вдругъ нахлынула новая могучая бюрократическая волна „русскихъ интересовъ въ Манчжуріи и на Квантунскомъ полуостровѣ", интересовъ, еще болѣе убыточныхъ для страны, еще болѣе расточительныхъ, чѣмъ всѣ прежнія затѣи бюрократіи. А

главное, эта волна мощно захлестнула собою и потопила всю, случайно возникнувшую и случайно проведенную, предшествовавшую этому 40-лѣтнюю „работу по оживленію Амурскаго края“; и самый этотъ край оказался послѣ этого въ положеніи заброшеннаго и застрялъ передъ войною на обсужденіи своихъ „неотложныхъ нуждъ“ въ созванныхъ правительствомъ комиссіяхъ и на съѣздахъ мѣстныхъ свѣдущихъ людей *).

Оглядываясь теперь назадъ, мы видимъ, что наша попытка насажденія культуры на восточно-сибирскомъ побережьи канцелярскимъ путемъ повела только къ сформированію цѣлой арміи чиновниковъ, которыхъ манили на эти окраины ничуть не интересы задуманнаго правительствомъ дѣла, а главнымъ образомъ „установленныя по службѣ особыя льготы, пенсіи, усиленные прогоны и подъемныя пособія“; мы видимъ, что вся наша полувѣковая „культурная миссія“ въ этомъ краѣ была сведена бюрократіей въ концѣ концовъ въ сущности только къ постановкѣ цѣлой серіи насосовъ для непрерывнаго откачиванія денежныхъ средствъ изъ СПб. къ благопріобрѣтенной нами окраинѣ...

„Богатѣйшій край“ послужилъ только удобнымъ мѣстомъ для широкаго культивированія колоссальнаго „бюрократическаго нарыва“ на бѣдномъ нашемъ народномъ хозяйствѣ... Рано или поздно этотъ нарывъ долженъ былъ прорваться и залить ядомъ своего содержимаго весь организмъ, который его питалъ... И онъ наконецъ прорвался, поглотивъ на свое выращиваніе многія сотни милліоновъ трудовыхъ денегъ въ ущербъ той части населенія, которая ихъ добывала... Прорвался, когда мы этого совсѣмъ не ожидали...

Перечислимъ здѣсь нѣсколько наиболѣе яркихъ и характерныхъ примѣровъ изъ темной области бюрократическихъ экспериментовъ на Д. Востокѣ.

То мы заселяли тамъ прибрежье рѣки Амура казенными крестьянами, силою заставляя ихъ жить на мѣстахъ, заранѣе выбранныхъ чиновниками, неумѣло застроенныхъ руками солдатъ и совершенно неудобныхъ ни для жилья, ни для хлѣбопашества и земледѣлія, и приведя поселенцевъ въ окончательное разореніе...

То мы начинали тамъ поспѣшно производить громадныя затраты на устройство и оборудованіе морского военнаго порта и арсенала при устьѣ Амура въ *Николаевскѣ*...

То мы бросали эту дорогую затѣю, оказавшуюся неудачной, и начинали ежегодно тратить многіе десятки милліоновъ сначала на постройку новаго военнаго порта и первоклассной крѣпости во *Владивостокѣ*, а затѣмъ на соединеніе ея одноколейнымъ рельсовымъ путемъ съ нашей общей сѣтью желѣзныхъ дорогъ...

---

*) Въ началѣ августа с. г. „*Петерб. Газ.*“ сообщила, что генералъ-адъютантъ Дубасовъ, бывшій московскій ген.-губернаторъ, получаетъ командировку на Амуръ, гдѣ онъ долженъ будетъ организовать *миноносную и канонерскую флотилію*. Это, вѣроятно, одна изъ первыхъ, неотложныхъ нуждъ края.

То мы „бросали вполнѣ законченное изысканіе по проведенію амурскаго рельсоваго пути къ Владивостоку, стоимостью 70.000 руб. на версту, и начинали вести путь черезъ Манчжурію, увеличивъ стоимость его въ два съ половиною раза“...

То заботы объ этой новой, сполна еще не оборудованной, крѣпости мы отводили на второй планъ, а съ лихорадочной поспѣшностью въ расходованіи колоссальныхъ суммъ начинали созидать на арендованной землѣ новую крѣпость *П.-Артуръ* и военный портъ при ней, оказавшійся во время войны, вслѣдствіе рѣзкаго прилива и отлива, совершенно непригоднымъ для пребыванія въ немъ гигантовъ-броненосцевъ и большихъ крейсеровъ...

То мы спѣшно занялись сооруженіемъ международнаго коммерческаго порта въ городѣ *Дальнемъ*, истративши на эту ненужную для интересовъ самой Россіи затѣю отъ 20 до 30 милліоновъ рублей, истративши ихъ прежде окончанія необходимѣйшихъ фундаментальныхъ работъ въ Артурской крѣпости и ея портѣ...

То мы начали широко содѣйствовать развитію частныхъ лѣсныхъ промысловъ въ Кореѣ на р. Ялу, захваченныхъ промышленниками и авантюристами при помощи нашихъ военныхъ отрядовъ, отданныхъ въ полное распоряженіе этихъ господъ мѣстною властію...

Южная часть острова Сахалина, обладающая богатѣйшими горными и рыбными промыслами и отнятая теперь отъ насъ Японіей, была отдана въ руки нашей бюрократіи; но она не использовала этотъ островъ съ его природными богатствами для насажденія тамъ культурной работы и для удовлетворенія всего нашего восточнаго побережья и нашей тихоокеанской эскадры своимъ сахалинскимъ каменнымъ углемъ, имѣющимъ хорошія качества; она ограничилась только устройствомъ на немъ... ссыльно-каторжной колоніи, все время лежавшей тяжелымъ бременемъ на государствѣ...

Не всегда была на высотѣ своего положенія и высшая мѣстная исполнительная власть, удаленная отъ призрачно повелѣвающаго ею центра на многіе десятки тысячъ верстъ*): она шла сюда рѣдко на работу, а чаще на беззаботное и привольное житье; она развивала и поощряла стремленіе къ наружному, показному блеску и представительству вмѣсто полезной дѣятельности; она сквозь пальцы смотрѣла на многое, явно вредное для государства; она откровенничала и свободно показывала „будущему врагу“ нашему и то, что ему вовсе не слѣдовало знать; она потворствовала стремленіямъ чиновныхъ и высокопоставленныхъ авантюристовъ къ захвату ими чужой собственности, снабжая ихъ для этого даже отрядами военной силы; а главное она всегда смотрѣла на кошелекъ народный, какъ на чудодѣйственный и неисчерпаемый источникъ,

---

*) „Въ то время какъ Японія напрягала всѣ свои силы для войны, мы держали на Д. Востокѣ людей, мало способныхъ и скорѣе случайныхъ, чѣмъ достойныхъ, исполнителей государевой задачи“. „*Нов. Вр.*“, 1905 г., 16 марта, № 10.427, статья Суворина-отца.

изъ котораго можно брать сколько угодно и вовсе не заботиться съ своей стороны о его пополненіи...

Лѣтъ за восемь передъ войною, смѣлые эксперименты и авантюры нашей наступательной политики на Д. Востокѣ начали затрогивать жизненные интересы и самолюбіе нашихъ сосѣдей, японцевъ. Мы затрогивали ихъ безцеремонно, часто даже безъ надобности, но къ войнѣ съ ними однако серьезно не готовились; ничуть не болѣе готовились мы къ ней даже и послѣ отнятія нами у японцевъ П.-Артура, который долженъ былъ бы къ нимъ перейти послѣ ихъ войны съ китайцами, но который былъ взятъ нами у Китая въ долгосрочную аренду по соглашенію съ Англіей и Германіей и какъ бы въ компенсацію захваченныхъ уже ими передъ этимъ концессій, портовъ и угольныхъ станцій на восточно-китайскомъ побережьи вблизи Квантунскаго полуострова.

Въ этомъ самомъ П.-Артурѣ, какъ извѣстно, при проектированіи фортовъ изъ экономіи было *приказано* разсчитывать ихъ лишь на дѣйствіе снарядовъ шести-дюймовыхъ орудій, т. к. орудій большаго калибра нашъ азіатскій противникъ имѣть не можетъ („*Морск. Сборн.*", 1906, № 4, стран. 54); а вѣроломный азіатскій противникъ явился на поле битвы съ 11-дюймовыми орудіями; 2-го декабря 1904 г. ихъ снаряды разрушили намъ казематъ одного изъ такихъ фортовъ, а мы понесли при этомъ ничѣмъ невознаградимую утрату въ лицѣ умнаго, честнаго и доблестнаго работника, генерала Романа Исидоровича Кондратенко, который являлся какъ бы душою всей осажденной крѣпости.

Еще задолго до войны съ нами японцы изучили до тонкостей всю нашу восточную морскую базу, всѣ слабости и особенности нашихъ морскихъ силъ, находящихся въ Тихомъ океанѣ; они знали слабости нашихъ начальниковъ и команды; они изучили нашъ языкъ, наши сигналы, наши обычаи. Мы же, когда это понадобилось знать, оказались почти въ полномъ невѣдѣніи всего этого у японцевъ. Въ П.-Артурѣ мы устроили безконтрольное владычество надменныхъ бездарностей; тамъ мы создали городъ, въ которомъ, по словамъ спеціальнаго французскаго военнаго корреспондента *Людовика Нодо*, царилъ эпическій развратъ, смѣхъ, и непристойныя пѣсни; тамъ, въ этомъ городѣ, мы сорили безъ счета и безъ пользы для Россіи народныя деньги; тамъ мы широко и усердно демонстрировали по завѣту предковъ, что „веселіе Руси есть пити", и безпечно проглядѣли даже и то, какъ нашъ врагъ, передъ этимъ давшій понять намъ свое озлобленіе замышлялъ своимъ набѣгомъ — вывести изъ строя лучшія боевыя силы нашего флота, и какъ онъ подъ покровомъ ночи безпрепятственно приводилъ свои коварные замыслы въ исполненіе.

Самый сигналъ о приготовленіи къ отраженію этой роковой минной атаки на рейдѣ въ П.-Артурѣ считали сначала просто за сигналъ къ ученію. Передъ этимъ моментомъ команда преспокойно спала въ койкахъ, а не при орудіяхъ. Только что за нѣсколько дней передъ этимъ изданъ былъ даже приказъ—при такихъ тревогахъ большихъ орудій не заряжать, т. к.

безъ выстрѣла ихъ разрядить нельзя. А нѣкоторыя береговыя наши батареи въ Артурѣ не могли принять участія въ стрѣльбѣ даже еще и 27 января 1904 г., когда къ намъ подступала уже вся японская эскадра, п. ч. *) „орудія у нихъ были все еще смазаны по зимнему“.

Лучшая и наиболѣе надежная часть нашего флота на Дальнемъ Востокѣ въ самомъ началѣ войны оказалась тоже совсѣмъ не тамъ, гдѣ ей слѣдовало быть по долгу охранной службы, а тамъ, гдѣ морякамъ было пріятнѣе, удобнѣе и ближе находиться къ широко веселящемуся на народныя деньги начальству: броненосцамъ и большимъ крейсерамъ надо было имѣть стоянку въ Владивостокѣ, а они всѣ тѣснились на Портъ-Артурскомъ рейдѣ, съ его рѣзкими приливомъ и отливомъ, на рейдѣ, годномъ только для малыхъ крейсеровъ и миноносцевъ.

Исправленіе этой основной и трудно поправимой стратегической ошибки повело сначала къ бою 28 іюля 1904 г. для нашей Портъ-Артурской эскадры, а впослѣдствіи—къ бою 14 мая 1905 г. для нашей Цусимской эскадры.

Но и эту лучшую часть нашей тихо-океанской эскадры на рейдѣ П.-Артура мы совсѣмъ не держали въ боевой готовности и нисколько не берегли ее не только до открытія японцами враждебныхъ дѣйствій, но также и послѣ этого. Цѣлый рядъ доказательствъ этихъ положеній приводитъ капитанъ 1-го ранга Бубновъ въ его интересной статьѣ „*Портъ-Артуръ*“ (см. „*Морск. Сборн.*“, 1906, № 5): „на словахъ“ готовились къ миннымъ атакамъ японцевъ, а предохранительныхъ сѣтокъ не привязывали; а „чтобы не возбуждать тревоги“, на „*Полтавѣ*“ была снята и подвязанная ранѣе сѣть; на одномъ изъ большихъ судовъ вплоть до вечера 26 января 1904 г. „ни разу не было ученій по отраженію минныхъ атакъ“; сторожевымъ миноносцамъ былъ отданъ весьма странный приказъ—„отнюдь не стрѣлять, если увидятъ что-нибудь подозрительное, а возвращаться и докладывать адмиралу“; такъ и поступили наши сторожевые миноносцы, подойдя поэтому къ своимъ кораблямъ почти въ одно время съ непріятельскими миноносцами; докладъ на флагманскомъ кораблѣ былъ сдѣланъ тогда, когда „*Паллада*“ была уже взорвана; а когда офицеръ, посланный съ нея въ городъ для донесенія адмиралу, сообщилъ ему о взрывѣ японцами „*Паллады*“, „начальникъ эскадры вначалѣ не хотѣлъ этому вѣрить“...

На столько не готовы мы были въ П.-Артурѣ къ войнѣ, что тамъ не закончена была, напр., даже и организація сигнальныхъ станцій; поэтому ни батареи, ни суда въ гавани не могли стрѣлять по невидимой ими цѣли; „въ концѣ декабря 1903 г., не смотря на опасное положеніе дѣлъ на Д. Востокѣ, увольняли въ запасъ лучшихъ спеціалистовъ, а суда по расписанію ставили въ резервъ“. „Отозваніе японскихъ посланниковъ изъ С.Пб. держалось *подъ большимъ секретомъ для всего*

---

*) „Морск. Сборн.“, 1906, № 5, стран. 32, 36.

*Артура**); многіе начальники отдѣльныхъ частей узнали объ этомъ только 26 января вечеромъ".

Но самая главная и опасная ошибка **), которая была допущена въ Артурѣ на эскадрѣ, состояла въ томъ, что даже въ ночь подъ 27 января „вся она не была подъ парами, за исключеніемъ двухъ дежурныхъ крейсеровъ"; и если бы японцы только знали объ этомъ, съ большимъ числомъ своихъ миноносцевъ они легко могли бы произвести полный разгромъ нашей Артурской эскадры. Но японцамъ, очевидно, и въ голову не приходила возможность такой чудовищной безпечности съ нашей стороны...

И въ С.Пб., и въ главномъ морскомъ штабѣ, и въ штабѣ намѣстника на Д. Востокѣ, и въ штабѣ эскадры въ Артурѣ въ первые дни войны чувствовалась потерянность, отсутствіе иниціативы; неудачныя распоряженія ***) слѣдовали одно за другимъ. Были сейчасъ же опубликованы во всеобщее свѣдѣніе не только имена поврежденныхъ кораблей, но даже и характеръ полученныхъ ими поврежденій, и сроки вѣроятной готовности кораблей послѣ ихъ исправленія. Во все время войны и дальше въ этомъ родѣ продолжалось то же самое, такъ что японцы всѣ необходимыя имъ свѣдѣнія самымъ скорымъ и достовѣрнымъ путемъ получали изъ нашихъ же офиціальныхъ сферъ. Такая „простота" отношеній дѣлала положеніе нашего противника исключительно выгоднымъ...

Въ Артурѣ же послѣ 27 января воцарились не только потерянность, но и паническій страхъ, и боязнь отвѣтственности за каждый дальнѣйшій самостоятельный шагъ, и бездѣятельность, и апатія. И все это продолжалось въ теченіе цѣлыхъ трехъ недѣль, вплоть до пріѣзда адмирала Макарова. За это время, вслѣдствіе нераспорядительности и непредусмотрительности мѣстнаго начальства ****), въ Артурѣ мы успѣли уже испортить крейсеръ „*Новикъ*" и 4 миноносца, изъ коихъ одинъ совсѣмъ затонулъ.

Послѣ гибели адмирала Макарова, послѣ высадки японцевъ на берегу полуострова выше Дальняго, г. намѣстникъ покинулъ Артуръ, когда вновь назначенный командующій флотомъ не прибылъ еще на мѣсто и не могъ уже прибыть туда до обложенія крѣпости японцами; и въ результатѣ въ Артурѣ послѣ этого не оказалось болѣе и *единовластія*. Приказы оставшемуся въ Артурѣ начальнику флота, адмиралу Витгефту, приходили только случайно и невсегда удачно. Прежде всего началось замазываніе промаховъ и ошибокъ, сдѣланныхъ до войны. „Слабость артурскихъ укрѣпленій *****) дала себя знать немедленно послѣ высадки японцевъ; распоряженія намѣстника *о передачѣ орудій съ кораблей на сухопутный фронтъ* слѣдовали одно за другимъ; устраненіе одной

---

*) „*Морск. Сборн.*", 1906, № 5.

**) Изданіе „*В. К. А. М., Военные Флоты*", 1906, стран. 22 приложенія.

***) Изданіе „*В. К. А. М., Военные Флоты*", 1906, стран. 23 приложенія; „*Морск. Сборн.*", 1906, № 5, стр. 47.

****) „*Морск. Сборн.*", 1906, № 5, стран. 47.

*****) Изданіе „*В. К. А. М., Военные Флоты*", 1906, стран. 36.

ошибки порождало другую ошибку, еще болѣе серьезную и роковую. Благодаря этимъ распоряженіямъ извнѣ, когда эскадра Витгефта по Высочайшему приказу должна была идти изъ Артура во Владивостокъ 28 іюля 1904 г., она могла это сдѣлать только уже съ неполнымъ числомъ орудій. Корабли заранѣе лишены были слѣдующаго числа орудій *):

Размѣръ орудій.	Ретвизанъ.	Побѣда.	Пересвѣтъ.	Аскольдъ.	Діана.	Паллада.
6 дюйм.	2	3	1	2	2	2
3 „	—	2	—	—	4	8

Вмѣстѣ съ орудіями были свезены на берегъ въ соотвѣтственномъ числѣ и личный составъ, и запасъ снарядовъ. При выходѣ изъ Артура 28 іюля, флоту было поставлено главной задачей — не разбить флотъ противника, а только прорваться во Владивостокъ. Это наложило извѣстный отпечатокъ на весь планъ боя и вызвало извѣстный его исходъ: одна часть кораблей вернулась въ Артуръ, другая вошла въ нейтральные порты, а третья рѣшила самостоятельно прорваться во Владивостокъ, но закончила свою самостоятельность тоже постановкою кораблей въ нейтральные порты. Въ результатѣ—*артурская эскадра распалась*, и остатки ея, вернувшіеся въ Артуръ, обречены были на гибель.

По этому поводу капитанъ Кладо писалъ въ свое время слѣдующее:— „Разоружили флотъ, состоявшій изъ новыхъ кораблей, для того только, чтобы поддержать агонію слабѣющей крѣпости, свое назначеніе уже исполнившей и все равно обреченной на паденіе; погубили артурскій флотъ не въ открытомъ морѣ, не въ бою съ противникомъ, а совершенно даромъ, не причинивъ никакого вреда японскому флоту, который сохранилъ всю свою силу, чтобы обрушиться на эскадру Рожественскаго...**) Передъ сдачей П.-Артура матросы и младшіе морскіе офицеры сражались на сухопутныхъ позиціяхъ, и всѣ о нихъ отзывались съ большой похвалой; адмиралы же сидѣли на берегу въ блиндажахъ; суда стояли въ бассейнѣ, какъ бы приготовленные къ разстрѣлу ихъ непріятелемъ ***); уголь у нихъ былъ, много его было... Адмиралы въ крѣпости никому подчинены не были; ихъ начальство (Скрыдловъ) сидѣло за 1000 миль отъ Артура; на совѣтѣ адмираловъ еще 6 дек. 1904 г. былъ подписанъ ими протоколъ, что флотъ изъ Артура не выйдетъ“...

Давно призракъ войны на Д. Востокѣ носился уже въ воздухѣ, а у насъ еще совсѣмъ не было достаточнаго комплекта настоящаго боевого флота, отвѣчавшаго современнымъ требованіямъ. До войны съ Япо-

*) Изданіе *В. К. А. М.*, стран. 44.
**) „*Новое Время*“, 1905, № 10361, 10367.
***) Тамъ же, 1905, № 10399, отъ 16 февр.

ніей, еще лѣтъ за восемь, наше морское министерство выработало успокоительный планъ постепеннаго усиленія флота съ такимъ разсчетомъ (на бумагѣ), чтобы нашъ флотъ по числу боевыхъ судовъ всегда былъ сильнѣе японскаго въ водахъ Дальняго Востока. Этотъ впослѣдствіи забытый нами планъ состоялъ въ *своевременной* постройкѣ и затѣмъ въ *своевременной* *) отправкѣ туда извѣстнаго числа броненосцевъ, крейсеровъ и миноносцевъ въ зависимости отъ числа изготовляемыхъ японскихъ военныхъ судовъ. Но хитрый и дѣятельный противникъ нашъ, вездѣ и все зорко высматривавшій, все во время выслѣживавшій, знавшій всѣ наши приказы, всѣ наши промахи и недочеты, заставилъ насъ выступить на бой задолго до окончательнаго выполненія нами „предначертанной строительной программы".

И намъ пришлось выступить на бой рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ неподготовленными...

Цусимская катастрофа—это одна изъ послѣднихъ картинъ послѣдняго акта трагедіи,—борьбы—не на жизнь, а на смерть, — борьбы, къ которой одна изъ борющихся сторонъ относилась все время свысока, несерьезно,—и до начала борбы, и во время ея.

Къ началу войны, у насъ оказались на лицо вороха исписанной бумаги съ надписями „дѣло" о томъ и о томъ, а самое дѣло было или кое-какъ выполнено,—только „для видимости", или запоздало исполненіемъ, или же и вовсе не сдѣлано, хотя и „проведено" чрезъ всѣ стадіи рукописной отчетности и фиктивнаго контроля; такъ было, напр., во Владивостокѣ, гдѣ.... „пропалъ пловучій докъ", могущій, по доставленнымъ въ министерство свѣдѣніямъ о его законченной постройкѣ якобы вмѣщать въ себѣ суда до 12.000 тоннъ водоизмѣщенія, а на самомъ дѣлѣ вовсе не оказавшійся въ наличности („*Рус. Бог.*", 1905 года, № 9), когда надо было ввести въ него для починки испорченный японцами нашъ крейсеръ.

Броненосцы „*Суворовъ*", „*Бородино*", „*Александръ III-й*" и „*Орелъ*", должны были быть въ Тихомъ океанѣ еще въ 1903 г., какъ это предполагалось при ихъ закладкѣ **), а они не были готовы къ отплытію изъ Балтійскаго моря даже и въ половинѣ 1904 года, несмотря на всю спѣшку при окончаніи работъ въ этомъ году. А если бы дѣлать пріемку какъ слѣдуетъ, „*Бородино*" съ его неудовлетворительными машинами не могло бы пойти и въ 1904 году.

При составленіи нашей строительной программы, въ одной части ея мы „прозѣвали ***) переворотъ, совершившійся на западѣ въ сторону усиленія брони, и жили все еще тѣмъ самымъ, что въ культурныхъ странахъ считалось

---

*) На дѣлѣ эта *своевременность* свелась къ тому, что мы регулярно опаздывали противъ японцевъ, *сознательно опаздывали на три года,* и при томъ всѣ наши эскадренные броненосцы ничѣмъ не превосходили спущенные ранѣе японскіе, неизмѣнно уступали имъ въ силѣ (см. изданіе „*В. К. А. М.*, *Военные флоты*", 1906, стр. 8—10 приложенія).

**) „Новое Время", 1904 г., № 10308.

***) См. статьи капитана Кладо въ „*Нов. Времени*", 1905 г., №№ 10364 (янв.), 10.404, 10.405, 10.406 (февраль).

необходимымъ дѣлать лѣтъ двадцать тому назадъ: всѣ европейскія государства, Соединенные Штаты Америки и Японія давно уже строили крейсера, исключительно большіе и броненосные, а мы,—*только одни мы* строили въ это время почти исключительно крейсера небронированные и средняго водоизмѣщенія". Передъ самой войной число броненосцевъ у Россіи и Японіи было почти одно и то же (*семь* и *шесть* соотвѣтственно), но число бронированныхъ крейсеровъ было много выше на сторонѣ Японіи; у нея ихъ было восемь, а у насъ только два—„*Баянъ*" и „*Громобой*"; а вся остальная масса (девять новыхъ крейсеровъ *) была выстроена у насъ небронированною; и все, что доканчивалось работой въ послѣдніе годы передъ войной (еще шесть новыхъ крейсеровъ **), тоже не было у насъ бронировано. Японскіе бронированные крейсера вошли съ составъ непріятельскаго боевого ядра, а наши новые, дорогіе ***) крейсера несли въ бою сторожевую службу при транспортахъ и съ трудомъ отбивались отъ легкихъ японскихъ крейсеровъ.

При выполненіи нашей показной строительной программы мы возлагали надежду и увѣренность главнымъ образомъ на свои внутреннія силы и средства; но у насъ никогда не было серьезно постановленнаго морского судостроенія, никогда не было единства плана въ выполненіи техническихъ работъ, никогда не было свободной критики плохо осуществленнаго, не было и плана такихъ критическихъ изслѣдованій, не было и послѣдовательнаго совершенствованія конструкцій; вслѣдствіе этого послѣ хорошо выработанныхъ и удачныхъ конструкцій мы потомъ начинали снова осуществлять плохія, считаясь съ какими-нибудь совершенно побочными для дѣла соображеніями и капризами.... Словомъ, у насъ не было ни настоящаго дѣла, ни отвѣтственнаго, работающаго хозяина въ дѣлѣ. Хозяйничали многіе, а никакой серьезной отвѣтственности ни передъ кѣмъ они у насъ никогда не несли...

„Погромъ флота мы сами себѣ подготовили", какъ чистосердечно сознаются теперь наши моряки ****): „мы строили суда безъ всякаго разбора въ типахъ, на которые кидались безъ всякой системы; мы строили суда, но въ то же время не подготовляли опытнаго, хорошаго личнаго состава; роняли дисциплину и забывали о совершенствованіи орудій, брони и снарядовъ". Японія все время фактически усиленно готовилась къ войнѣ съ нами, а мы—вяло; мы за минуту передъ войной еще не были увѣрены, что она будетъ, а окончательную подготовку противника и вовсе проглядѣли.

„Благодаря выдающимся качествамъ нашего военно-морского агента въ Японіи,—капитана 2-го ранга Русина, морское вѣдомство и г-нъ намѣстникъ на Д. Востокѣ были вполнѣ точно освѣдомлены *****) о пре-

---

*) *Варягъ, Бояринъ, Богатырь, Аскольдъ, Рюрикъ, Россія, Паллада, Діана, Новикъ.*

**) *Аврора, Свѣтлана, Олегъ, Жемчугъ, Изумрудъ, Алмазъ* шли въ Цусимскій бой, а *Очаковъ* и *Кагулъ* оставались дома.

***) Крейсеръ „*Аврора*" обошелся, напр., болѣе пяти съ половиной милліоновъ рублей.

****) „*Морск. Сборн.*", 1906. № 4. стр. 59.

*****) Изданіе „*В. К. А. М., Военные Флоты*", 1906 г., стр. 16 приложенія.

красномъ состоянiи японскаго флота, о неустанной его практикѣ и подготовкѣ къ войнѣ, о широкой оборудованности японскихъ портовъ и наконецъ *о неизбѣжности войны, начало которой Русинъ предсказалъ вполнѣ точно еще въ декабрѣ 1903 г.*"; и тѣмъ не менѣе передъ самымъ открытiемъ военныхъ дѣйствiй въ цѣломъ рядѣ случаевъ мы вели себя легкомысленно, а „въ сравнительной оцѣнкѣ нашего и японскаго флотовъ на Д. Востокѣ была сдѣлана *ошибка*, было сдѣлано заключенiе, что наша тихо-океанская эскадра приблизительно по силѣ *равна* *) *японскому флоту*, что побѣда для нея *возможна*".

На этомъ и было основано *заблужденiе*, что Японiя не рѣшится объявить намъ войну, и создалась увѣренность, что войны не будетъ. Таково было „мнѣнiе морского министерства **), представленное правительству и министру иностранныхъ дѣлъ". А вступивши на путь отрицанiя слабости нашей эскадры въ Тихомъ океанѣ, морское министерство заранѣе отрѣзало себѣ возможность своевременно потребовать кредиты на спѣшную подготовку подкрѣпленiй, въ которыхъ такъ нуждались наши морскiя силы на Д. Востокѣ.

При выясненiи состава эскадры, которая будетъ для этого послана, руководились главнымъ образомъ мнѣнiемъ самого Рожественскаго ***): а когда онъ ушелъ со своей эскадрой, пошли разговоры объ усиленiи ея, началось снаряженiе новыхъ отрядовъ изъ оставленнаго имъ старья, начались хлопоты о прiобрѣтенiи крейсеровъ у Чили и Аргентины, не увѣнчавшiяся успѣхомъ... Но тутъ уже сразу наступаетъ такая темная путаница во всѣхъ отношенiяхъ между инстанцiями, разбросанными по всѣмъ частямъ земного шара, что говорить объ этомъ считается еще пока несвоевременнымъ ****).

Когда пришло время отправлять эскадру Рожественскаго, морской путь изъ Россiи на Д. Востокъ былъ совсѣмъ не обезпеченъ угольными станцiями. Начали вырабатывать концессiи на доставку угля въ пути, но выработали только обычные образцы интендантской „работы".

Ежегодный бюджетъ нашего морского вѣдомства достигалъ въ послѣднее время до 115 миллiоновъ рублей. Это почти вчетверо болѣе соотвѣтственнаго бюджета въ Японiи. Изъ этого бюджета до 40 миллiоновъ рублей у насъ тратилось ежегодно на судостроенiе и на *ремонтъ судовъ*. И не взирая на это, нашъ флотъ въ Балтiйскомъ морѣ оказался въ началѣ войны въ невозможно запущенномъ видѣ: когда понадобилось *спѣшно отправить эскадру* на Дальнiй Востокъ, сдѣлать это было рѣшительно нельзя; понадобилось мѣнять котлы, чинить и мѣнять отвѣтственныя части паровыхъ машинъ, ставить новые аппараты, вооруженiе, доканчивать работы, запоздавшiя на годъ и болѣе...

---

*) Тамъ же, стран. 17, 18.
**) Тамъ же, стран. 17.
***) Тамъ же, стран. 61.
****) Тамъ же, стран. 67.

По мнѣнію адмирала Бирилева, изложенному имъ въ письмѣ, которое было напечатано въ газетѣ „*Нов. Время*", въ отмѣченныхъ выше непорядкахъ виноваты были всѣ, и начальники, и подчиненные, и всѣ они „таскаютъ головы на плечахъ только по неисчерпаемой милости *Императора*".

Передъ войной съ Японіей мы не держали въ Средиземномъ морѣ никакого резерва; поэтому мы такъ сильно и запоздали съ посылкою подкрѣпленія Артурской эскадрѣ. Раньше такой резервъ, хотя и слабый, у насъ тамъ былъ. Надо было его развить, усилить *); вмѣсто того осенью 1903 г. мы его совсѣмъ расформировали... А съ прошлаго года, опираясь на нашъ опытъ, такой резервъ въ Средиземномъ морѣ стала держать даже и Германія.

Благодаря этимъ непорядкамъ, мы послали нашу Балтійско-Цусимскую эскадру на Д. Востокъ не тогда, когда Японцы минною аттакою обрушились на лучшія суда наши въ П.-Артурѣ;—не тогда, когда, на виду у международнаго флота въ Чемульпо, Японцы издѣвались надъ безпомощностію „*Варяга*" и „*Корейца*", которымъ растерявшаяся бюрократія въ теченіе двухъ дней не давала знать о разрывѣ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Японіей;—не тогда, когда нашъ тихо-океанскій флотъ требовалъ себѣ поддержки извнѣ, а только *восемь мѣсяцевъ спустя послѣ этого и два мѣсяца спустя послѣ его полнаго разгрома.*

Въ параллель съ этимъ слѣдуетъ привести примѣръ полной мобилизаціи англійскаго флота. Въ послѣдній разъ, послѣ извѣстнаго столкновенія эскадры Рожественскаго съ флотиліей гулльскихъ рыбаковъ у Доггербанка (въ ночь съ 8 на 9 окт. 1904 г.), англійская эскадра по изданному приказу была мобилизована въ 24 часа. Вотъ тамъ есть активная морская оборона страны, а у насъ ея, безспорно, вовсе не было **)...

Совокупность перечисленныхъ выше фактовъ изъ области нерадѣнія является тѣмъ болѣе странною, что все время у насъ былъ на Д. Востокѣ явный избытокъ начальствующихъ силъ, которыя должны были бы нести на себѣ обо всемъ этомъ заботы ***).

---

*) Докладъ капитана *Кладо* о необходимости усиленія этого резерва былъ сдѣланъ имъ 26. III. 02. Его предложеніе отвергли тѣ самые дѣятели, которые потомъ изготовляли къ плаванію Б.-Ц. эскадру (см. „*Нов. Вр.*", 1906, № 10.760).

**) Періодомъ плаванія военныхъ судовъ оффиціально у насъ считалось только время, примѣрно, съ половины мая до половины сентября; въ остальное время механизмы разбирались, части ихъ сдавались въ портовые магазины, команда переселялась въ казармы, офицерство разбредалось кто куда. Такъ называемый „вооруженный резервъ" судовъ, на которыхъ, внѣ вышеуказаннаго періода, оставалось около четверти личнаго состава и большая часть запасовъ, заведенъ былъ только въ П.-Артурѣ, на Черномъ морѣ и отчасти въ Либавѣ. Стало быть, все-таки *къ началу мая*, а не къ началу октября, суда должны были бы быть готовы къ отплытію изъ Либавы и въ 1904 году...

***) Передъ выступленіемъ Балтійско-Цусимской эскадры въ походъ на Д. Востокъ, тамъ на мѣстѣ былъ адмиралъ, командующій несуществовавшею въ то время тихо-океанскою эскадрою, надъ нимъ—главнокомандующій сухопутными и морскими силами въ Манчжуріи, далѣе—намѣстникъ, управляющій всѣми восточно-азіатскими дѣлами; а незадолго до Цусимскаго сраженія въ подкрѣпленіе къ нимъ на Д. Востокъ былъ командированъ еще адмиралъ Бирилевъ со своимъ особымъ штабомъ для командованія тою будущею „соединенною эскадрою", которая могла бы получиться отъ слиянія эскадры Рожественскаго,

А между тѣмъ во время самой войны всѣ наши подготовленія оказались или запоздалыми, или недостаточными или недоброкачественными...

Цусимская катастрофа поэтому предвидѣлась и открыто предсказывалась въ Кронштадтѣ еще до выхода передового отряда нашей Балт.-Цусимской эскадры на Дальній Востокъ, но тѣмъ не менѣе обязательность выполненія для нея похода была рѣшена морскимъ вѣдомствомъ въ положительномъ смыслѣ.

Но вотъ пришли и къ Мадагаскару... „Выяснились во время плаванія эскадры значительные недостатки ея лучшихъ кораблей *); ясно было, что во время плаванія личный составъ эскадры не можетъ быть обученъ стрѣльбѣ... за недостаткомъ снарядовъ, которые и сюда не были высланы“; опредѣлился и духъ эскадры, и отсутствіе нравственной сплоченности личнаго состава между собою и съ своими начальниками... Надо было отозвать эскадру назадъ; но иниціатива въ этомъ направленіи, конечно, должна была исходить изъ СПб.; нельзя было ждать ея отъ адмирала, который самъ же первый настаивалъ на отправленіи эскадры.

Въ „*Новомъ Времени*“ (№ 10.506, отъ 3 іюня 1905 г.), чрезъ 3 недѣли *послѣ* Цусимскаго боя, Суворинъ-отецъ разсказывалъ о томъ, что произошло въ его присутствіи за 10 мѣсяцевъ передъ этимъ во время прощальнаго обѣда на эскадренномъ броненосцѣ „*Императоръ Александръ III-й*“ въ августѣ 1904 г. въ Кронштадтѣ, передъ уходомъ эскадры адмирала Рожественскаго на Дальній Востокъ. Въ отвѣтъ на всеобщія пожеланія счастливаго пути и пожеланія побѣды, командиръ этого броненосца, капитанъ I-го ранга *Бухвостовъ*, откровенно говорилъ:

„Россія—совсѣмъ не морская держава; русскіе никакого серьезнаго влеченія къ морю не имѣютъ; они никогда не были настоящими моряками и никогда ими не будутъ; постройка этихъ громадъ—броненосцевъ только разореніе казнѣ и нажива строителямъ, и къ добру она никогда не поведетъ. Вы смотрите и думаете, какъ тутъ все хорошо устроено. А я Вамъ скажу, что тутъ совсѣмъ не все хорошо. Вы желаете намъ побѣды. Нечего и говорить, какъ мы ея желаемъ. Но побѣды не будетъ!... Я боюсь, что мы растеряемъ половину эскадры по пути; а если этого и не случится, то насъ разобьютъ японцы: у нихъ и флотъ исправнѣе, и моряки они настоящіе. За одно я ручаюсь: мы всѣ умремъ, но не сдадимся“...

если бы ей удалось прорваться во Владивостокъ, съ находящимися тамъ миноносцами и двумя крейсерами. Так. обр. заботы о своевременномъ, и даже преждевременномъ, замѣщеніи должностей съ крупными окладами, подъемными и суточными въ пути, но безъ соотвѣтственныхъ этимъ окладамъ обязанностей, въ морскомъ вѣдомствѣ у насъ стояли очевидно, на первомъ планѣ. А въ результатѣ бывало и такъ, что дорого оплачиваемый „начальникъ эскадры въ П.-Артурѣ ничего не хотѣлъ брать на свою отвѣтственность; свои права онъ свелъ къ нулю и только прислушивался къ указамъ намѣстника; такъ воспитывались и воспитываются цѣлыя поколѣнія моряковъ; и всѣ боялись взять что-либо на свою отвѣтственность,—даже обязанность держать свой корабль въ полной боевой готовности для отраженія врага въ любой моментъ“. („Морск. Сборн.“, 1906, № 5, стран. 35, 32).

*) Изданіе „*В. К. А. М. Военные Флоты*“, 1906, стран. 66 приложенія.

Н. М. Бухвостовъ считался во флотѣ однимъ изъ лучшихъ морскихъ командировъ. При другомъ строѣ и режимѣ въ странѣ во многомъ правдивыя и пророческія, слова раздались бы не въ этой обстановкѣ, не въ этомъ обществѣ и не въ это время. Тутъ надо было сѣять мужество, бодрость духа и вѣру въ свои силы, а не уныніе и апатію. Въ данномъ же случаѣ только и оставалось деликатно замять рѣчь, что и сдѣлалъ старшій офицеръ *Племянниковъ*; присутствовавшіе на обѣдѣ старались объяснить ее „случайнымъ настроеніемъ"; и всѣ замалчивали ее въ теченіе цѣлыхъ 10 мѣсяцевъ, пока наконецъ пророчество не сбылось...

Нужно къ этому прибавить только, что правдивый *Н. М. Бухвостовъ* не сказалъ ничего новаго и неожиданнаго въ той части своей рѣчи, гдѣ онъ говоритъ о „наживѣ строителей" и о томъ, что „тутъ совсѣмъ не все хорошо"...

Объ этихъ непорядкахъ въ З. Европѣ знали всѣ, о нихъ было все извѣстно и нашему врагу; но о нихъ до послѣдняго времени однако нельзя было почти ничего сообщать въ русской прессѣ. Этого требовали стыдливые интересы той касты, того обширнаго муравейника, который былъ занятъ *своимъ* дѣломъ, а не дѣломъ страны, гдѣ онъ расположился....

Но вотъ послѣ Цусимскаго погрома всю нашу столичную прессу обходитъ извѣстное сообщеніе газеты „*Echo de Paris*", что у насъ тѣ лица, отъ которыхъ зависѣла раздача казенныхъ заказовъ морского вѣдомства, получали отъ нѣкоторыхъ поставщиковъ и подрядчиковъ постоянное жалованье въ размѣрѣ отъ 12 до 15 тысячъ рублей въ годъ, а затѣмъ „комиссіонныя", въ узаконенномъ обычаемъ размѣрѣ 10% съ валовой стоимости заказовъ... Никакихъ опроверженій этого сообщенія ни отъ кого не послѣдовало *).

Не только не послѣдовало опроверженія этого, но явились какъ бы подтвержденія, что это дѣло и въ будущемъ, повидимому, обѣщаетъ обстоять не лучше: когда въ іюнѣ 1905 г. заговорили о „возрожденіи русскаго флота" и сдѣлалось извѣстнымъ, что предположено истратить на это дѣло ни много ни мало 525 милліоновъ рублей въ теченіе семи лѣтъ, за границей появилась масса агентовъ, зондировавшихъ почву относительно возможности полученія и распредѣленія ожидаемыхъ милліонныхъ цифръ куртажа. Такіе агенты появлялись тогда и въ Парижѣ. По этому поводу постоянный парижскій корреспондентъ „*Нов. Времени*", г-нъ Яковлевъ, сообщилъ, что выборъ строительныхъ фирмъ былъ поставленъ прямо и откровенно въ зависимость отъ величины взятокъ **),

---

*) Одинъ изъ русскихъ извѣстныхъ адмираловъ въ письмѣ къ г. Меншикову, корреспонденту „*Новаго Времени*" (1905, № 10.599), разъяснялъ ему, почему теперь заказы на новые броненосцы будутъ сдѣланы предпочтительно за границей. Не потому, что заграничные заводы ихъ выстроятъ лучше и надежнѣе, а потому, что „заграничные заказы даютъ 10—15% дохода со стоимости заказа, а у себя дома не получишь ни гроша... Впрочемъ, пишетъ онъ далѣе, и наши заводы теперь начали практиковать этотъ способъ, но болѣе 3—4% на это еще не отчисляютъ".

**) „*Нов. Вр.*", 1905, №№ 10.601, 10.609.

какъ это было всегда и раньше. „Слышалъ я, говоритъ онъ, объ этихъ отвратительныхъ фактахъ много разъ и прежде, о нихъ же пришлось услышать и теперь; слышалъ объ этомъ отъ депутатовъ, друзей Россіи, въ коридорахъ Бурбонскаго дворца, слышалъ съ полными именами дѣйствующихъ лицъ, со всѣми подробностями дѣла; и эти разсказы всегда передавались этими лицами съ глубокимъ негодованіемъ; слышалъ объ этомъ и отъ множества коммерсантовъ, предпринимателей и коммерческихъ агентовъ, предлагавшихъ свои услуги различнымъ нашимъ вѣдомствамъ на всевозможныя поставки до войны и во время войны“...

Въ отвѣтъ на это г. Меншиковъ въ „*Нов. Вр.*“ (1905, № 10.609) написалъ слѣдующія строки:

„Среди нашихъ старыхъ адмираловъ есть, несомнѣнно, почтенные люди. Они заканчиваютъ свою долгую жизнь, присутствуя при гибели флота и глубокомъ бѣдствіи отечества, вызванномъ этой гибелью. У заслуженныхъ адмираловъ нѣтъ заслугъ, которыя перешли бы въ исторію. Но вотъ подвигъ, который самъ напрашивается. Почему бы этимъ почтеннымъ людямъ не стать на защиту чести русской отъ тѣхъ, кто продаетъ ее? Почему бы имъ не объявить открытую войну низости, прикрываемой Андреевскимъ флагомъ? Преслѣдованіе хищниковъ — государственное дѣло; но всего приличнѣе было бы инціативу въ немъ взять на себя старому адмиралтействъ-совѣту. Только открытая борьба съ предателями въ состояніи вернуть уваженіе страны къ ея флоту и дать ей хоть какую-нибудь надежду на его будущее. Только такая борьба сдвинула бы реформы во флотѣ съ ихъ мертвой точки“...

Но и эти золотыя слова оказались только гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Само собою разумѣется, что по меньшей мѣрѣ на величину суммы, получающейся отъ сложенія этихъ „добавочныхъ жалованій“, „комиссіонныхъ“ и всѣхъ „благодарностей“ раздатчикамъ заказовъ и пріемщикамъ работы разныхъ наименованій, нашъ флотъ обошелся Россіи дороже, чѣмъ бы то слѣдовало. Исчисляя теперь эту сумму самымъ скромнымъ образомъ, не трудно подсчитать, что въ составѣ нашей Балт.-Цусимской эскадры не доставало въ бою по крайней мѣрѣ *двухъ* броненосцевъ типа „*Цесаревичъ*“, стоимость которыхъ незамѣтно для самихъ хищниковъ расползлась по карманамъ въ разныхъ инстанціяхъ...

Въ 1905 г. въ Англіи вышла въ свѣтъ весьма интересная брошюра полковника *Wellesley* *), бывшаго англійскаго военнаго *attaché* при дворѣ въ СПб., который занималъ это мѣсто въ теченіе шести лѣтъ, изучилъ русскій языкъ и сдѣлалъ съ нашей арміею русско-турецкую кампанію. По своему положенію автору этой брошюры пришлось быть въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ бюрократіи военнаго и морского вѣдомствъ и видѣть предъ собою всю организацію показного благополучія, которое значилось на бумагѣ, но на которое въ дѣйствительности

*) With the Russians in Peace and War, by Wellesley. London, 1905.

иногда не было и намека. Авторъ между прочимъ передаетъ возмутительные факты, характеризующіе постановку нашего хвастливо поставленнаго судостроенія, которое совершенно насъ удовлетворяло на всѣхъ оффиціальныхъ смотрахъ, на всѣхъ парадахъ, и въ основу котораго были положены тогда не серьезные, а иногда и явно преступные принципы. Привычныя упражненія во лжи доходили до того, что на одномъ смотру, послѣ многихъ лѣтъ постройки броненосца, бюрократія дерзко осмѣлилась показывать Государю якобы въ готовомъ видѣ совершенно незаконченный еще броненосецъ съ невошедшею ни въ какія смѣты, бутафорской поддѣлкою у него тѣхъ частей его, которыя должны быть бронированы. Но и этотъ смотръ сошелъ благополучно: всѣ рубки и все показное устройство были тщательно закончены отдѣлкою, а флаги, декораціи и парадные мундиры заслонили собою все остальное... А между тѣмъ на этомъ броненосцѣ была поставлена поддѣльная броня, такъ какъ настоящая была еще совсѣмъ не готова; точно также и вращающіяся башни орудій были сдѣланы изъ выкрашеннаго подъ сталь полотна, искусно натянутаго на рамы. Это усмотрѣлъ между прочимъ зоркій глазъ герцога Эдинбургскаго, бывшаго на смотру; но Государю обо всемъ этомъ, конечно, не доложили. Начали пробную стрѣльбу, и... полетѣли головки заклепокъ у многихъ скрѣпленій. Паровое отдѣленіе тоже далеко не было еще закончено; котлы не всѣ были еще установлены, но бутафорскій дымъ валилъ исправно изо всѣхъ трубъ; запустили въ ходъ одну изъ наскоро собранныхъ машинъ и кое-какъ на короткое время довели скорость до 8 узловъ въ часъ... Характеризуя „дѣятелей“ той среды, въ которой *attaché* вращался, корректный авторъ-англичанинъ, въ общемъ весьма сдержанный въ своихъ выраженіяхъ, подчеркиваетъ ихъ „неумѣлость, самоувѣренностъ, хвастливость, поразительное взяточничество и продажность“; а честное отношеніе къ дѣлу онъ могъ наблюдать тогда только въ видѣ исключеній *).

Съ тѣхъ поръ прошло 15—20 лѣтъ времени; мы, конечно, старались совершенствоваться за это время, но довели Россію все-таки... только до позора подъ Цусимою.

Насажденіе и расширеніе дѣятельности нашихъ отечественныхъ заводовъ, обслуживающихъ морское и военное вѣдомства, безъ сомнѣнія, мотивировалось въ свое время желаніемъ — производить постройку и снаряженіе судовъ нашего морского вѣдомства *у себя,* своими силами производить ихъ *безъ помѣхи, скоро, надежно, хорошо и дешево.* Какою же глубокою и обидною ироніею звучитъ все это послѣ войны съ Японіею вообще и особенно послѣ сраженія подъ Цусимою!... И какъ поздно и мало въ Россіи мы, граждане, узнаемъ о всѣхъ такихъ свершающихся уклоненіяхъ въ сторону!..

При полномъ отсутствіи гласности и контроля со стороны страны, десятки лѣтъ безпрекословно отдававшей морскому вѣдомству изъ своего

---

*) „*The honest man was exception*“ (страница 137).

бюджета львиную долю, условія для развитія въ немъ всякаго рода непорядковъ были въ высшей степени благопріятны. О дѣятельности столповъ и главныхъ заправилъ этой касты по цензурнымъ условіямъ печать до сихъ поръ еще не говорила со всею откровенностью; но публика открыто выражала это имъ иногда въ глаза въ театральномъ зрительномъ залѣ, на улицѣ... А мелкая сошка, о которой говорили вслухъ и писали, творила свое узаконенное обычаемъ дѣло, только подражая „верхамъ“ и получая на свою долю по чину и рангу. Но и эти „мелкія доли“ въ сущности были не крупны только при отсчетѣ ихъ въ масштабѣ вѣдомства.

Взять хотя бы постройку механизмовъ для современнаго броненосца или большого крейсера. Стоимость такихъ механизмовъ, машинъ и котловъ, построенныхъ для одной только боевой единицы, обходится теперь нашей казнѣ около трехъ милліоновъ рублей. Умѣло „провести“ такой заказъ можетъ оказаться выгоднѣе, чѣмъ имѣть самый счастливый билетъ внутренняго съ выигрышами займа.

Ничуть не обижены бываютъ при этомъ и заводы. Правленія ихъ ждали и ждутъ такихъ заказовъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Да и есть изъ-за чего: установленная вѣдомствомъ попудная цѣна издѣлій такова, что хорошіе *частные заводы*, съ благодарностью взявшіеся за исполненіе такихъ заказовъ, при выполненіи мѣдныхъ издѣлій, а также большихъ поковокъ и валовъ, могутъ получить *прибыли* болѣе 100%, а при выполненіи литыхъ издѣлій (съ преобладаніемъ въ нихъ чугуна)— много болѣе 300% (!).

А на большихъ казенныхъ заводахъ, гораздо лучше оборудованныхъ, чѣмъ частные заводы, имѣющихъ возможность во время и выгоднѣе пріобрѣтать всѣ сырые матеріалы, не стѣсненныхъ кредитомъ, неужели прибыль получается менѣе? А если нѣтъ, то *куда же идетъ* эта прибыль? И почему она давно уже не вызвала удешевленія, значительнаго удешевленія попудной цѣны издѣлій?

При такихъ расцѣнкахъ на готовыя издѣлія „благодарность“ даже и болѣе 10% въ результатѣ ничего, кромѣ удовольствія, принести заводамъ не можетъ. Но и эти вышеприведенныя мною, изъ жизни взятыя, „скромныя“ цифры относятся уже къ послѣднимъ годамъ, когда цѣны оказались „сбитыми“, уменьшенными въ недавнее время на цѣлыхъ 25%, уменьшенными впрочемъ не столько влѣдствіе технической конкуренціи заводовъ на почвѣ усовершенствованія и удешевленія ими производства, сколько вслѣдствіе конкуренціи „благодарностей“ и другихъ побочныхъ обстоятельствъ.

Во время войны, при спѣшномъ окончаніи старыхъ заказовъ и возникновеніи новыхъ, вѣдомство привлекло къ сотрудничеству также и многіе частные заводы. Неопытныя и наивныя правленія нѣкоторыхъ изъ заводовъ предварительно командированнымъ къ нимъ чиновникамъ на первыхъ порахъ вздумали было дѣлать свои заявленія, что никому никакихъ взятокъ давать у нихъ принципіально не принято, и что поэтому

они имѣютъ возможность выполнить заказъ дешевле. А это вовсе не требовалось... Тогда командированное лицо уныло выслушивало такія заявленія, а затѣмъ представляло по начальству рапортъ, что этотъ заводъ „не въ состояніи справиться“ съ такимъ серьезнымъ заказомъ. Впослѣдствіи правленіе завода приходило въ понятіе; окольнымъ путемъ, съ приплатою „за урокъ“, устанавливались „добрыя отношенія“; и заводъ обыкновенно прекрасно „справлялся“ съ отданнымъ ему заказомъ...

Лицъ, которыя все это видѣли, обо всемъ подобномъ знали, которыя могли бы и по своему положенію *должны были бы* предавать такія дѣла гласности, ловили и обезоруживали другимъ способомъ: какъ бы цѣня ихъ техническій и научный авторитетъ, умѣло привлекали ихъ къ участію въ работахъ безчисленныхъ комиссій—по техническимъ экспертизамъ, по техническимъ разсчетамъ, консультаціямъ, по разработкѣ разныхъ проектовъ, нужныхъ и ненужныхъ заинтересованнымъ заводамъ *). Эти приватныя работы, которыя такой прочной сѣтью опутывали всѣ *взаимныя отношенія и связи заводовъ, учрежденій и лицъ*, оплачивались обыкновенно на столько щедро, что плата за нихъ дѣлалась у чиновника не подсобнымъ его заработкомъ, а главнымъ; независимость нужнаго человѣка была так. обр. парализована, на его уста и руки, невидимо для его окружающихъ, была положена печать бюрократіи...

На многомъ въ нашей странѣ лежитъ еще эта печать. Ее въ своей послѣдующей работѣ можетъ снять только будущая Государственная Дума. Еще въ самомъ началѣ русско-японской войны покойный С. Н. Трубецкой свой очеркъ **) бюрократическаго строя нашей многострадальной родины заканчивалъ слѣдующими словами:

„Допустимъ на минуту, что въ Россіи существуетъ народное представительство. Вѣдь несомнѣнно, что при немъ вся эта война и вся предшествующая позорная манчжурская эпопея были бы просто немыслимы, такъ какъ всѣмъ было бы до очевидности ясно, что никакихъ реальныхъ интересовъ у насъ въ Манчжуріи нѣтъ, и что расточать на нее народныя средства, столь нужныя дома, безсмысленно и преступно. Было ли бы возможно тогда пресловутое строительство манчжурской дороги, эта наглая вакханалія безнаказаннаго воровства, стоившая милліардъ и вовлекшая насъ въ дальнѣйшія затраты народныхъ средствъ и народной крови? Руководствовалась ли бы русская политика на Дальнемъ Востокѣ темными происками случайныхъ проходимцевъ? И, наконецъ, даже если бы Россія дѣйствительно, съ вѣдома и согласія народ-

---

*) Чтобы несуразныя цифры прибыли у паразитныхъ заводовъ вѣдомства сразу не бросались въ глаза тѣмъ, кому это не слѣдуетъ видѣть, заводы принимали для этого свои мѣры: съ періодомъ проведенія „хлѣбнаго заказа“ совпадали у нихъ то постройка новыхъ мастерскихъ, то болѣе или менѣе усиленное обновленіе заводскаго инвентаря машинъ-орудій, то смѣна старыхъ двигателей и котловъ, то погашеніе долговъ и т. п. Въ результатѣ предпріятіе обогащалось, но показная прибыль его разсыропливалась до „приличной“, не очень бьющей въ глаза нормы.

**) Напечатанъ въ *Московск. Еженедѣльникѣ*, 1906, № 7.

ныхъ представителей, рѣшилась утвердиться въ Портъ-Артурѣ, этомъ новомъ замерзающемъ портѣ, то развѣ была бы мыслима теперешняя полная неподготовленность къ оборонѣ, эти правительственныя сообщенія о нашемъ миролюбіи, помѣшавшемъ намъ предупредить войну? Развѣ возможенъ былъ бы этотъ флотъ, это преступное судостроительство съ его чудовищными злоупотребленіями, это воровство морского и артиллерійскаго вѣдомствъ?

Горько думать, что украдены такъ безстыдно сотни милліоновъ трудовыхъ народныхъ денегъ; ихъ собирали по грошамъ, а сколачивали эти гроши съ трудомъ и лишеніями. Но еще больнѣе при мысли о всемъ, потерянномъ Россіею, благодаря Цусимѣ. Потеряны, погублены ея слава, ея положеніе Великой Державы, обаяніе ея военной силы, плоды трудовъ прежнихъ поколѣній. На долгіе годы Россія обратилась въ ничто и не только на Дальнемъ Востокѣ, но и на Ближнемъ, и передъ З. Европой".

Тяжела и велика была та жертва, которую принесла наша родина подъ Цусимою, но дорогой урокъ, полученный здѣсь нами, сразу раскрылъ всей мыслящей Россіи глаза и наглядно доказалъ ей всю несостоятельность безконтрольныхъ бюрократическихъ „порядковъ" даже и въ той области, гдѣ наша бюрократія считала себя особенно свѣдущей, непогрѣшимой и незамѣнимой, и гдѣ она съ особеннымъ усердіемъ и заботливостію охраняла свои дѣянія отъ постороннихъ взоровъ. Несостоятельность дѣяній бюрократіи въ области военной и морской равно, какъ и въ области международныхъ сношеній, оказалась до очевидности самая полная и застарѣлая... Дорогой цѣною досталась намъ эта горькая увѣренность. Посмотримъ, что было нами сдѣлано, кромѣ однихъ безплодныхъ сожалѣній, и какія мѣры были приняты для выясненія коренныхъ причинъ пережитого нами бѣдствія, которое мы сами на себя навлекли.

Нашей первой Государственной Думѣ, усердно занимавшейся разслѣдованіемъ современныхъ частичныхъ погромовъ внутри страны, слѣдовало вникнуть и въ этотъ недавній, великій, всероссійскій историческій погромъ, тяжелыя послѣдствія котораго съ болью въ сердцѣ и теперь еще переживаетъ вся Россія. Хотя на старыхъ основаніяхъ управленіе арміей и флотомъ было поставлено и внѣ вѣдѣнія Государственной Думы, но своимъ вѣскимъ авторитетнымъ словомъ и своимъ нравственнымъ вліяніемъ, несомнѣнно, она могла бы и должна была бы добиться того, чтобы произведено было подробное и гласное разслѣдованіе всего, что предшествовало нашему позору подъ Цусимой, начиная съ постройки эскадры, ея снаряженія, ея укомплектованія личнымъ составомъ, ея снабженія всѣмъ необходимымъ ей въ пути, и кончая ея необученіемъ и ея небоевыми планами.

Нельзя не пожалѣть, что наша первая Дума за два мѣсяца ея существованія не нашла времени въ своемъ распоряженіи, чтобы сказать по этому поводу свое авторитетное слово; а пользуясь этимъ именно

*) *„Нов. Время"*, 1906, № 10.738 отъ 4 февраля.

обстоятельствомъ наше морское вѣдомство, во время самаго разгара преній о мѣстномъ погромѣ въ Бѣлостокѣ, назначило въ Кронштадтѣ судебный процессъ о привлеченіи Рожественскаго и его штаба къ отвѣтственности... по дѣлу объ умышленной сдачѣ ими японцамъ безъ боя того самаго миноносца *„Бѣдовый"*, на которомъ, покинувши остатки нашего флота подъ Цусимою на произволъ судьбы, они думали уйти во Владивостокъ. Въ этомъ процессѣ, который и всѣмъ своимъ ходомъ, и своимъ финальнымъ аккордомъ производилъ на всѣхъ весьма странное впечатлѣніе, въ роли обвинителей и судей выступили такія лица, которыя подчинены главному дѣятелю, строившему и снаряжавшему нашу Б.-Цусимскую эскадру въ походъ;—а къ лицамъ, которыя были посажены на скамью подсудимыхъ, было предъявлено обвиненіе не по существу той отвѣтственности, которую они передъ всею родиной на себя взяли, обязавшись обучить эскадру, подготовить ее къ предстоявшему бою, разумно использовать всѣ ея силы въ походѣ и въ бою, сберечь изъ нихъ все, что можно было не подвергать явной опасности и гибели... На судѣ объ этомъ и рѣчи не заходило; а изъ всей громады актовъ, закончившихся печальной трагедіей подъ Цусимой, былъ взятъ для выполненія правосудія одинъ только малый эпизодъ, на которомъ гг. судьи имѣли возможность проявить по отношенію къ обвиняемымъ сначала съ формальной стороны,—всю свою строгость, а затѣмъ по житейскимъ мотивамъ—всю полноту своего милостиваго отношенія... Этотъ непрошенный комическій финалъ къ народной трагедіи не могъ, конечно, внести ни удовлетворенія, ни успокоенія въ тѣ многія тысячи пострадавшихъ и осиротѣлыхъ семей, гдѣ еще такъ недавно ручьями слезъ оплакивалась первая вѣсть о семейномъ горѣ, связанномъ съ событіемъ 14 мая 1905 года.

Не подлежитъ сомнѣнію, что подробный разборъ всей нашей Цусимской катастрофы отъ начала до конца, при участіи въ этой работѣ выборныхъ представителей отъ народа,—впереди... Народъ долженъ знать, *куда*, *на что* и *какъ* тратились милліарды рублей его кровныхъ средствъ, и *что* именно, идя къ Цусимѣ, получили за нихъ въ свое распоряженіе защитники достоинства и могущества нашей родины..

Только разобравши этотъ вопросъ по существу дѣла, народъ русскій уразумѣетъ настоящую цѣнность того унизительнаго для насъ историческаго урока, который не случайно, а логически неизбѣжно былъ полученъ въ 1905 году нашей страной подъ Цусимою...

Спокойное и безпристрастное разслѣдованіе этого вопроса необходимо сдѣлать для того, чтобы полученный Россіею урокъ былъ въ то же время и *послѣднимъ*. Прошлаго не вернешь, но будущее находится до извѣстной степени въ нашихъ рукахъ, въ рукахъ народа, который, безъ сомнѣнія, отнынѣ пожелаетъ учиться не во время борьбы, а до нея. Это будущее можно улучшить и опредѣленнымъ образомъ направить *только путемъ сознательнаго отношенія къ ошибкамъ прошлаго*, *только путемъ всесторонняго освѣщенія этого прошлаго*

свѣтомъ гласности,—только путемъ подчиненія всѣхъ будущихъ дѣйствій въ этой области общественному контролю. Внѣ этихъ условій можетъ сколько угодно разъ повториться все одна и та же скучная, старая и вѣчно юная исторія о старомъ мѣхѣ и новомъ винѣ; а „уроки" будутъ слѣдовать одинъ за другимъ, не спрашивая насъ, готовы ли мы къ нимъ...

Это расслѣдованіе надо было бы и лучше всего было бы сдѣлать, конечно, прежде, чѣмъ создавать новую „програму", по которой будетъ дѣлаться „возрожденіе нашего флота", но... О немъ начинаютъ однако говорить и писать теперь все чаще и чаще. Дума распущена, а время не ждетъ. Бюрократическимъ путемъ разрѣшить этотъ вопросъ, казалось бы, нельзя. Этимъ способомъ можно только расписать предполагаемое употребленіе милліоновъ, если они у насъ будутъ въ рукахъ, на постройку дорогихъ броненосцевъ, крейсеровъ и т. д. Комплектъ адмираловъ для выполненія этой работы у насъ болѣе нежели достаточенъ Но дѣло не въ этомъ расписаніи. Нужно было бы сначала принципіально рѣшить вопросъ, нужно ли Россіи думать о возрожденіи ея флота *въ первую очередь*, опять оставивши въ тѣни разрѣшеніе другихъ, болѣе насущныхъ нуждъ, которыя терпѣливо ждутъ своей очереди вотъ уже многіе десятки лѣтъ, какъ, напр., вопросъ о народномъ образованіи, вопросъ о широкой помощи трудящемуся крестьянству, выбившемуся изъ силъ на своихъ голодныхъ надѣлахъ.

Полезныя указанія въ этомъ направленіи могла бы сдѣлать будущая Государственная Дума; а иначе Россія снова можетъ очутиться въ бюрократической трясинѣ. Если мы начнемъ опять строить свой флотъ съ цѣлію отправки его во Владивостокъ и задиранія тамъ нашихъ сосѣдей, мы приготовимъ себѣ *вторую Цусиму* раньше, чѣмъ мы думаемъ. Мысль о томъ, чтобы превзойти силами Японію на морѣ, намъ нужно теперь совершенно оставить. Для этого упущено и время, и благопріятныя обстоятельства... Проспали моментъ, котораго не вернешь.

Ни о какомъ реваншѣ, ни о какихъ затѣяхъ на Д. Востокѣ и рѣчи быть теперь не можетъ. Россія должна теперь собрать всѣ свои силы, чтобы справиться съ кореннымъ общимъ вопросомъ, одинаково затрогивающимъ интересы всего ея населенія: она должна въ первую очередь насадить и заботливо выростить конституціонныя начала жизни и въ то же время поднять уровень матеріальной, умственной и нравственной жизни большинства своего населенія, т.-е. народа. Въ этомъ—теперь главная, основная забота нашей страны.

Никакихъ приготовленій, могущихъ повести къ повторенію Цусимской катастрофы, быть не должно. Въ первую очередь нужна работа не надъ созиданіемъ флота, а надъ подготовкою *работниковъ* для этого флота.

Флота у насъ теперь нѣтъ, денегъ на его возрожденіе тоже нѣтъ; но есть у насъ громадный личный персоналъ, оставшійся не у дѣлъ; есть у насъ магазины и склады, въ которыхъ мы хранимъ на колоссальныя суммы комплекты и запасы для несуществующихъ болѣе судовъ, для несуще-

ствующихъ болѣе машинъ и механизмовъ. Толково разобраться въ утилизированіи всего этого, что у насъ есть, очень не мѣшаетъ еще до возрожденія флота.

А главное, надо бы подготовить оставшуюся безъ дѣла офицерскую молодежь; а иначе и на возрождающійся флотъ она будетъ поступать столь же мало освѣдомленною и невѣжественною въ своемъ дѣлѣ, какъ и раньше.

Практическую подготовку молодежи можно было бы организовать посылкою ея *на службу* въ иностранные флоты,—французскій, нѣмецкій, американскій, а если примутъ, то и въ англійскій, и даже въ японскій. На гастроли ихъ, конечно, не примутъ; а на службу, *для работы*, съ хорошею платою за обученіе, не откажутся принять—если не всѣ, то по крайней мѣрѣ дружественно расположенныя къ намъ державы. Так. обр. было бы положено хорошее начало возрожденію личнаго состава, омовенію его отъ грѣховъ прошлаго путемъ погруженія въ настоящую, дѣловую, рабочую атмосферу.

Ничего унизительнаго въ этомъ „погруженіи" нѣтъ и быть не можетъ. Наши „береговые" инженеры разныхъ спеціальностей всегда считали и теперь считаютъ для себя за честь и за счастье—получить возможность устроиться въ подобныхъ же условіяхъ, чтобы *поработать* подъ руководствомъ людей, болѣе опытныхъ, серьезно работавшихъ всю свою жизнь, знающихъ свое дѣло до тонкостей и умѣющихъ работать. Поучимся у другихъ, тогда и у насъ во флотѣ будутъ настоящіе работники, имѣющіе интересъ ко ввѣренному имъ дѣлу. Оно сдѣлается для нихъ знакомымъ „вдоль и поперекъ"; бѣгать отъ него имъ будетъ не нужно, чтобы не краснѣть за свое въ немъ невѣжество... Флота мы невозродимъ, если этого не сдѣлаемъ. Безъ этого корабли могутъ быть и новые, но порядки на нихъ будутъ только старые, и поучиться работѣ будетъ не у кого; вѣдь, не научишься же этому у „цензовыхъ гастролеровъ", способныхъ прикрывать свое невѣжество только дисциплиной и жестокостями...

Не стыдятся же нѣмцы такой подготовки даже и сейчасъ. Во время войны они прислали къ нашей эскадрѣ на „угольщикахъ" своихъ офицеровъ, которые согласились нести службу помощниковъ у капитановъ этихъ пароходовъ *). Эти офицеры были присланы для того, чтобы сдѣлать наблюденія нашего плаванія, чтобы полезное перенести въ свой флотъ, чтобы познакомиться съ нашими ошибками, поучиться за нашъ счетъ и не повторять этихъ ошибокъ у себя.

До войны съ нами еще болѣе была распространена такая практическая подготовка у японцевъ.

И всѣ, кромѣ насъ, это дѣлаютъ, считая долгомъ совѣсти трудиться и учиться. Не найти примѣра, гдѣ бы допускалось и поощрялось тунеядство за счетъ нищаго народа.

---

*) *Политковскій.* Отъ Либавы до Цусимы, 1906, стран. 112.

Отъ того, что у насъ не было *работающихъ* людей, и неподготовленность наша къ войнѣ, нами же вызванной, была самой полной. У насъ не было въ критическій моментъ ассортимента доброкачественныхъ боевыхъ кораблей; незавидна была наша артлилерія; недоброкачественны были наши снаряды,—да и тѣхъ, оказалось, не было припасено въ достаточномъ количествѣ; снабженіе эскадры углемъ на пути слѣдованія ея было организовано и крайне дорого, и не вездѣ хорошо.

Главное же то, что въ концѣ концовъ оказалось некому ввѣрить суда эскадры; не было избытка надежныхъ, опытныхъ въ морскомъ дѣлѣ людей, любящихъ его, подготовленныхъ къ работѣ и слѣдившихъ за всѣми нововведеніями и усовершенствованіями. И въ довершеніе всего всякая осмысленная работа непремѣнно сталкивалась съ интересами касты и парализовалась густо раскинутой кругомъ „паутиной", охраняющей чьи-нибудь „интересы", освященные обычаемъ, традиціями, жизненнымъ укладомъ...

Не было людей... Много было чиновниковъ, но рѣдко среди нихъ выдвигались *) работники, знающіе, опытные, надежные. Поэтому броненосцы мы проектировали и строили съ „перегрузкой", снаряжали ихъ съ „экономіей", принимали ихъ „со всей строгостію", посылали ихъ въ страны дальнія, незнакомыя, отдавали ихъ въ руки холеныя, непривычныя къ труду вообще, — и особенно къ труду черному, къ труду скучному, каждодневному... И случилось это въ вѣдомствѣ, на содержаніе котораго Россія ежегодно тратила болѣе сотни милліоновъ рублей... И оказалось это въ странѣ, гдѣ за послѣднюю четверть вѣка съ такимъ легкимъ сердцемъ губились и хоронились таланты, отвага и правдивая честность...

На основаніи всего вышеизложеннаго нельзя непридти къ заключенію, что катастрофа была неизбѣжна; и она не заставила себя ждать...

---

*) Тѣ, кто выдвигался, не хотѣли работать и не умѣли работать. А тѣхъ, кто могъ бы работать и желалъ бы работать, въ морскомъ вѣдомствѣ не выдвигали; надъ ними были люди, которые ненавидѣли знаніе, презирали таланты, имѣли на своей сторонѣ силу и право душить ихъ, мѣшать имъ выйти на свѣтъ Божій (статья Яковлева въ „*Нов. Вр.*", 1905, № 10.627).

Боевая мощь русскаго и японскаго флота во время войны 1904-5 г. *).

Наше морское дѣло *всегда* было секретомъ только для насъ, Русскихъ, но для Японцевъ — *никогда*.

Просматривая общіе техническіе журналы Западной Европы, читатель находитъ въ нихъ обширный матеріалъ по вопросамъ судостроенія, какъ торговаго флота, такъ и военнаго. Особенно въ этомъ отношеніи выдѣляются журналы англійскіе и американскіе.

„*Engineering*" и „*Engineer*" непрерывно знакомятъ техническій міръ съ прогрессомъ судостроенія и держатъ читателя въ курсѣ развитія военно-морскихъ силъ своей страны. Популярно изложенныя статьи съ хорошими фотографіями общихъ видовъ, съ чертежами деталей создаютъ у читателя совершенно ясное понятіе о военномъ суднѣ, возбуждаютъ у самаго мирнаго техника размышленіе о неразрѣшенныхъ еще задачахъ по вопросамъ военнаго судостроенія и оборудованія. Такое ознакомленіе читателя-техника съ вооруженіемъ его государства вполнѣ понятно. Если за арміей стоитъ весь народъ, и если армія считается внѣшнимъ выраженіемъ свойствъ и силъ народа, то за флотомъ главнымъ образомъ стоитъ совокупность реальныхъ знаній и техническаго развитія народа. Современный броненосецъ и его вооруженіе — это результатъ знанія и технической культуры. Было бы удивительно, если бы образованный англійскій инженеръ не интересовался этимъ сооруженіемъ уже по одному тому, что въ его цѣломъ и деталяхъ прилагаются самыя послѣднія изысканія техники и строительнаго искусства. Такой естественный интересъ къ дѣлу судостроенія отражается и на литературѣ этого предмета, дающей возможность наблюдать поучительную для техника картину, — какъ масса развитыхъ техническихъ силъ путемъ теоретическихъ разсужденій и практической дѣятельности созидаетъ прогрессъ морского судостроенія, эволюцію технической культуры. Ознакомленіе съ такой эволюціей составляетъ существенную необходимость для правильнаго сужденія о достоинствахъ или недостаткахъ разсматриваемаго техническаго сооруженія.

---

*) По моей просьбѣ эту главу написалъ нашъ уважаемый сочленъ инж.-мех В. Г. Шуховъ.

Если техникъ захочетъ, напримѣръ, разсмотрѣть паровую машину даннаго типа судовъ, то онъ долженъ знать исторію соотношеній вѣса и силъ котловъ и машинъ, прогрессъ въ расходѣ топлива на индикаторную силу, вліяніе исполненія деталей машины на отношеніе индикаторныхъ и дѣйствительныхъ силъ и т. п.

Или если техникъ пожелаетъ критически отнестись къ вооруженію военныхъ судовъ, то онъ долженъ прежде всего познакомиться съ эволюціей отношенія вѣса орудій и живой силы выпущеннаго изъ него снаряда. Литература журнала „*Engineering*" даетъ технику возможность въ короткое время познакомиться съ этимъ вопросомъ, а равно и съ устройствомъ современныхъ орудій, не прибѣгая къ спеціальнымъ источникамъ.

Въ нашей русской общей технической литературѣ наблюдается какъ разъ обратное явленіе. Никакихъ статей по вопросу о нашемъ судостроеніи, особенно военно-морскомъ, не встрѣчается, несмотря на то, что до войны Россія по числу военныхъ судовъ и тоннъ ихъ водоизмѣщенія занимала третье мѣсто въ мірѣ. И такое отсутствіе интереса къ судостроенію свидѣтельствуетъ о полной отчужденности нашего флота, а слѣдовательно и о полной неподготовленности русскихъ техниковъ, не служащихъ въ морскомъ министерствѣ, къ сужденію о томъ, въ чемъ замѣчались недостатки русскаго флота, и какова причина его гибели.

Конечно, неподготовленность къ сужденію, по свойству человѣческаго разсудка, еще не можетъ останавливать самаго процесса сужденія; но необходимо предвидѣть, что таковое сужденіе не будетъ отличаться необходимой для техническаго журнала полнотой и точностью.

Отсутствіе ознакомленій въ данномъ вопросѣ, какъ раньше, такъ и теперь, порождаетъ иногда самыя несообразныя разсужденія о плохихъ качествахъ нашего флота; многіе склонны видѣть причину гибели его исключительно въ бюрократическомъ строѣ нашей страны и на этомъ успокаиваются, не давая сколько-нибудь ясной картины будущаго, при которомъ уменьшилась бы возможность повторенія несчастныхъ для родины случаевъ.

Въ виду всего сказаннаго позволяю себѣ обратить вниманіе прежде всего на тѣ источники, изъ которыхъ могутъ быть почерпнуты необходимыя данныя для сужденія читателя-неспеціалиста о состояніи и дѣйствіи флотовъ обѣихъ сторонъ, враждовавшихъ на Дальнемъ Востокѣ.

На русскомъ языкѣ имѣется очень хорошее изданіе „*Военные флоты и морская справочная книжка В. К. А. М.*".

Въ этой книгѣ, напр., на 1897 годъ и позднѣйшіе, описаны флоты всѣхъ странъ, исключая русскаго. Описаніе выдающихся иностранныхъ судовъ сопровождается чертежами, съ подробнымъ указаніемъ размѣщенія брони, вооруженія и машинъ. Для нашего флота данныхъ этихъ не приводится. Русскія суда *только перечислены* и сопровождаются краткими таблицами размѣровъ корпуса, машинъ и вооруженія.

Въ отдѣлѣ этой книги, посвященномъ Японскому флоту, въ изданіи 1897 г. говорится слѣдующее: „Война съ Китаемъ возвеличила Японію на степень первоклассной державы и показала, что можетъ сдѣлать флотъ, имѣющій отличную организацію и слѣдящій за всѣми техническими усовершенствованіями; флотъ доказалъ, что онъ находится на высотѣ своего призванія. За все время войны, длившейся съ іюля 1894 по май 1895 г., ни одно судно не вышло изъ строя для какихъ-либо исправленій. Результатъ блестящій, полученный, благодаря постояннымъ плаваніямъ, а не засиживанію на берегу; это съ особенной яркостью выступаетъ при сравненіи японскаго флота съ китайскимъ до войны; при чемъ оказывается, что китайскій флотъ, какъ по численности судовъ, такъ и по боевымъ ихъ качествамъ, значительно превосходилъ японскій флотъ; за то по боевой готовности и по состоянію личнаго состава флота, проникнутаго чувствомъ долга и морскимъ духомъ, японцы стояли неизмѣримо выше своихъ противниковъ и сумѣли доказать, что при энергіи и основательномъ знаніи морского дѣла и съ плохими судами можно сражаться и поражать врага. Окончательнымъ результатомъ этой войны была почти полная потеря китайцами своего флота, отчасти уничтоженнаго (*Линъ-Юанъ, Лой-юанъ, Цзинъ-юанъ, Чинъ-юанъ* и т. д.), отчасти же взятаго японцами (*Того-Кіангъ, Чинъ-іенъ, Цзи-юанъ, Хаіенъ, Кохій, Чинто* и т. д. и около 10 миноносцевъ и нѣсколько пароходовъ). Кромѣ того уничтожены первоклассныя укрѣпленія въ портахъ Артурѣ и Вейхавеѣ, откуда всѣ орудія и всевозможные боевые запасы взяты японцами".

Это—замѣчательныя строки. Онѣ являются пророчествомъ исхода Русско-Японской войны. Прочтите ихъ еще разъ со вниманіемъ, замѣните слово Вейхавей словомъ Дальній, поставьте на мѣсто чуждыхъ вашему слуху названій китайскихъ судовъ хорошо извѣстныя имена: *Петропавловскъ, Севастополь, Ослябя, Бородино, Суворовъ, Александръ III-й* и другія въ послѣдовательности какъ ихъ гибели, такъ и перехода въ обладаніе японцевъ и вы получите краткую, но содержательную картину Русско-Японской морской войны, съ объясненіемъ ближайшей причины нашего пораженія.

Ограничиваясь вышеприведенной цитатой, замѣчу, что въ упоминаемой книгѣ дается описаніе дѣятельности Японскаго флота во время Китайской войны, описаніе назидательное не только для моряка, но и для обыкновеннаго читателя; послѣднему оно показываетъ, насколько трудны задачи, возлагаемыя на флотъ во время войны, и заставляетъ его проникнуться глубокимъ уваженіемъ къ дѣятельности флота.

Далѣе тамъ же изложена подробная программа на судостроеніе Японскаго адмиралтейства, и перечисленъ составъ флота, который Японія должна была имѣть къ 1902 году. Слѣдовательно, судя по цитируемой книгѣ, дѣятелямъ нашего Морского Министерства былъ хорошо извѣстенъ составъ Японскаго флота и качества его персонала *задолго до войны.*

Такъ какъ въ цитируемой книгѣ описанія Русскаго флота нѣтъ, и ничего не упоминается о программѣ русскаго судостроенія, то, не имѣя возможности обратиться къ спеціальнымъ источникамъ, мы не можемъ сказать, насколько въ это время Россія подготовлялась къ предстоящей морской борьбѣ.

Японцы закончили поставленную ими програму судостронія, и въ 1903 году были опубликованы въ Японскомъ О-вѣ Судостроенія *(Society Naval Architect's)* два доклада: одинъ—контръ-адмирала *Sasow*— „современныя суда Японскаго флота", а другой—контръ-адмирала *Miyabora*— „современное развитіе машиннаго дѣла и военнаго флота". — Оба доклада въ переводѣ помѣщены въ журналѣ „*Engineering*" за 1904 г. и представляютъ собою самое полное описаніе всѣхъ деталей каждаго судна, съ указаніемъ подробныхъ размѣровъ и вѣса каждой существенной части. Описаніе каждаго судна сопровождается графиками его моментовъ и цифрами напряженія матеріаловъ. Таблицы элементовъ судовъ настолько хорошо составлены, что неспеціалистъ можетъ съ легкостью замѣтить разницу, напр., въ расположеніи брони судовъ одинаковаго водоизмѣщенія, но построенныхъ въ разное время. Настолько же полно составленъ и докладъ по машинной части, сопровождаемый указаніемъ вѣса и размѣровъ машинъ и котловъ, таблицами испытаній механизмовъ, расхода топлива и т. п. Словомъ, каждый Японецъ, прочтя такой докладъ, могъ съ удовольствіемъ поблагодарить составителей за ихъ трудъ и остаться увѣреннымъ, что флотъ его государства находится въ прекрасномъ состояніи. Здѣсь кстати замѣтить, что въ Японіи всѣми силами старались популяризировать значеніе флота. Многимъ, вѣроятно, приходилось видѣть фотографіи обстановки элементарныхъ школъ Японіи съ моделью броненосца, по которой учитель объясняетъ что-то окружающимъ его мальчуганамъ.

Имѣются ли у насъ такіе отчеты о состояніи нашего флота, мнѣ не извѣстно.

Вслѣдствіе незнакомства нашего общества съ флотомъ, циркулируетъ удивительный слухъ, что постройка и свойства нашихъ судовъ составляютъ секретъ министерства. Лично я этому не вѣрю. Въ нашъ вѣкъ, когда пытливость человѣческаго ума раскрыла свойства радія, было бы странно до наивности скрывать отъ пытливыхъ умовъ свойства русскаго броненосца.

Наканунѣ войны въ американскомъ журналѣ „*Cassier's Magazine*" появилась статья „*Военные флоты Японіи и Россіи*" съ подробнымъ перечисленіемъ судовъ и указаніемъ на нѣкоторыя ихъ особенности. Статья во многихъ отношеніяхъ интересная, но мы не будемъ останавливаться на техническихъ ея подробностяхъ, а воспользуемся изъ нея матеріаломъ съ точки зрѣнія неспеціалиста, при чемъ расположимъ списокъ судовъ, участвовавшихъ въ морскихъ бояхъ 1904-5 г., по годамъ ихъ спуска на воду.

Броненосцы.

Россія.	Японія.
1889. Николай I-й . . 9600 *tn.*	Ченъ-іенъ, спущенный въ 1882 г. и взятый у китайцевъ, 7000 *tn.*
1891. Наваринъ . . . 9500 „	—
1893. Ушаковъ . . . 4100 „	—
1894. Сисой Великій . 9000 „	—
1894. Сенявинъ . . . 4100 „	—
1895. Апраксинъ . . . 4100 „	—
1894-5. Полтава. . . 11000 „	—
„ Севастополь . . 11000 „	—
„ Петропавловскъ. 11000 „	—
—	1896. Фуджи . . . . 12400 *tn.*
—	„ Яшима . . . . 12400 „
1898. Ослябя. . . . 12700 „	1898. Шикишима . . . 15000 „
1899. Пересвѣтъ. . . 12700 „	1899. Асахи . . . . 15000 „
„ Побѣда. . . . 12700 „	„ Хатцузе. . . . 15000 „
1900. Ретвизанъ. . . 13000 „	1900. Миказа. . . . 15000 „
1901. Цесаревичъ . . 13000 „	—
„ Бородино . . . 13500 „	—
„ Александръ III-й 13500 „	—
1902. Суворовъ . . . 13500 „	—
„ Орелъ . . . . 13500 „	—

Россія: Всего 18 броненосцевъ (изъ нихъ три—береговой обороны) съ общимъ водоизмѣщеніемъ 191.500 *tn.* и съ общимъ числомъ крупныхъ орудій:

12 дюйм. . . . . 66 орудій.
10 „ . . . . 15 „
9 „ . . . . 12 „

Японія: Всего 7 броненосцевъ съ общимъ водоизмѣщеніемъ въ 92.000 *tn.* и съ общимъ числомъ крупныхъ орудій.

12 дюйм. . . . . 28 штукъ.

Изъ приведенной таблицы для броненосцевъ видно, что при сооруженіи новаго типа броненосцевъ, Русскіе находились въ болѣе выгодныхъ условіяхъ сравнительно съ Японцами, а именно: указаніе опыта Испано-Американской (1898 г.) войны Русскіе могли внести въ девять броненосцевъ, Японцы же только въ четыре; а главное, послѣ постройки „*Миказа*", образцоваго броненосца Японскаго флота, Русскіе построили еще пять броненосцевъ. Слѣдовательно, при равныхъ условіяхъ ознакомленія съ техническимъ прогрессомъ судостроенія, *Русскіе должны были бы имѣть лучшій флотъ сравнительно съ Японцами.*

Крейсера броненосные.

Россія.	Японія.
1882. Владиміръ Мономахъ 5600 *tn.*	—
1883. Дмитрій Донской. 6200 „	—
1885. Нахимовъ . . . 8500 „	1889 Чійода. . . . . 2400 *tn.*
1892. Рюрикъ. . . . 11000 „	—
1896. Россія . . . . 12000 „	—
—	1898. Токива . . . . 9800 „
—	„ Азама. . . . . 9800 „
1899. Громобой. . . 12300 „	1899. Адзума . . . . 9500 „
—	„ Идзумо . . . . 9800 „
—	„ Якумо. . . . . 9800 „
1900. Баянъ. . . . . 7700 „	1900. Ивате. . . . . 9800 „
—	1902. Кассуга . . . . 7500 „
—	1903. Ниссинъ. . . . 7500 „

Россія: Всего 7 крейсеровъ съ общимъ водоизмѣщеніемъ 63.300 *tn.* съ общимъ числомъ крупныхъ орудій:

8 дюйм. . . . . 24 орудія.

Японія: Всего 9 крейсеровъ съ общимъ водоизмѣщеніемъ 75.900 *tn.* съ общимъ числомъ крупныхъ орудій:

10 дюйм. . . . . 1 орудіе.
8 „ . . . . 31 „

Крейсера бронепалубные.

Россія.	Японія.
—	1883. Идзуми . . . . 3000 tn.
—	1885. Нанива. . . . 3700 „
—	„ Такачихо. . . 3700 „
—	1889. Идзукушима. . . 4300 „
—	1890. Матсушима. . . 4300 „
—	1891. Хашидате. . . 4300 „
—	1892. Акицуцу. . . . 3100 „
—	1895. Сума . . . . . 2700 „
1896. Свѣтлана. . . . 3700 tn.	—
—	1897. Акаши. . . . . 2800 „
—	1898. Касаги. . . . . 4700 „
1899. Діана. . . . . 6700 tn.	„ Читозе. . . . . 4700 „
„ Варягъ . . . . 6500 „	—
„ Паллада. . . . 6700 „	—
1900. Аскольдъ. . . . 5200 „	—
„ Новикъ . . . . 3000 „	—
„ Аврора . . . . 6700 „	—
1901. Богатырь. . . . 6600 „	—
„ Бояринъ. . . . 3200 „	—

—	1902. Нійтака. . . . 3400 tn.
—	„ Цусима . . . . 3400 „
1903. Жемчугъ. . . . 3000 tn	1903. Отава. . . . . 3000 „
„ Изумрудъ. . . . 3000 „	—
„ Олегъ. . . . . 6600 „	—
Всего 12 крейсеровъ съ общимъ водоизмѣщеніемъ 60.900 tn.	Всего 14 крейсеровъ съ общимъ водоизмѣщеніемъ 51.100 tn.

Русскія суда этого типа значительно лучше японскихъ; они относятся у насъ къ 1-му рангу, а японскія—ко 2-му и даже 3-му рангу.

Въ отношеніи броненосныхъ крейсеровъ программа и исполненіе таковой для нашего флота и японскаго были совершенно различны. Послѣ 1898 года у насъ построено 2 крейсера „*Громобой*“ и „*Баянъ*“. Японцы пріобрѣли 6 крейсеровъ и накануне войны прибавили къ нимъ еще 2 новыхъ крейсера итальянскаго завода. За то въ теченіе періода 1899—1902 г. русскіе построили много бронепалубныхъ крейсеровъ. Чѣмъ объясняется прекращеніе постройки большихъ крейсеровъ и усиленный выпускъ малыхъ, трудно сказать. Роль этихъ нашихъ многочисленныхъ судовъ въ данной войнѣ совершенно не ясна. Боевого же значенія они имѣть не могли *).

Въ общемъ изъ разсматриваемой нами статьи „*Cassier's Magazine*“ видно, что русскій флотъ по численности, водоизмѣщенію и количеству орудій передъ войною значительно превосходилъ японскій. Казалось очевиднымъ, что для Японіи борьба съ могущественнымъ русскимъ флотомъ окажется непосильной. Имѣлось полное основаніе думать, что даже въ случаѣ пораженія нашей Дальне-Восточной эскадры, громадный резервъ Балтійскаго флота долженъ былъ уничтожить возможные остатки побѣдоносной эскадры японцевъ.

Дѣйствительный ходъ войны не оправдалъ этихъ предположеній. Флотъ нашъ былъ разбитъ, не нанеся противнику ущерба.

Послѣ войны 1904-5 г.

Россія.	**Японія.**
Броненосцы.	
Изъ 18 броненосцевъ остался одинъ—Цесаревичъ. . 13000 tn.	Изъ 7 броненосцевъ потеряно два:
	Хатцузе . . . . . 15000 tn.
	Яшима. . . . . . 12400 „
	Всего 27.400 „

*) Наиболѣе правдоподобное объясненіе постройки нами не боевыхъ, небронированныхъ, быстроходныхъ крейсеровъ иностранцы видѣли въ томъ, что Русскіе, готовясь къ войнѣ съ Японіей, хотѣли во время побѣдоносной войны производить *лихіе молодецкіе набѣги* на торговыя суда японцевъ. *Вл. Ш.*

Такъ это, вѣроятно, и предполагалось ранѣе. Но въ тотъ же самый день, когда послѣдовало назначеніе Рожественскаго командующимъ Б.-Ц. эскадрой (12 апрѣля 1904 г.), былъ выясненъ составъ эскадры и была сдѣлана *отмѣна* (см. „*Нов. Вр.*“, 1905, № 10.502) очень широко и обстоятельно задуманныхъ крейсерскихъ операцій въ водахъ Д. Востока; на это были уже ассигнованы и средства; къ этому были сдѣланы уже всѣ подготовительныя работы и распоряженія. *П. Х.*

Перешли въ обладаніе японцевъ:

Орелъ—Iwami.
Ретвизанъ—Hizen.
Побѣда—Suwo.
Пересвѣтъ—Sagami.
Полтава—Tango.
Николай—Iki.
Апраксинъ—Ikinoshima.
Сенявинъ—Minoshima.

8 судовъ. . . 80.700 tn.

Так. обр. за время войны японцы увеличили свою флотилію броненосцевъ на 53.300 tn.; при этомъ въ качественномъ отношеніи вслѣдствіе пріобрѣтенія двухъ прекрасныхъ броненосцевъ *Орелъ* и *Ретвизанъ* японскій флотъ улучшился.

Крейсера броненосные.

Изъ семи крейсеровъ осталось только *два*.

Потерь пять, пріобрѣтеній нѣтъ.

Крейсера бронепалубные.

Изъ двѣнадцати крейсеровъ осталось *шесть*.

Потери неизвѣстны; перешли въ обладаніе японцевъ:
Паллада—Tsugaru.
Варягъ—Soya.

Въ теченіе всей войны мы не знаемъ ни одного факта, который позволилъ бы приписать неудачу нашихъ морскихъ операцій несовершенству конструкцій судовъ, скверной ихъ постройкѣ и плохому состоянію машиннаго дѣла. Одно время, послѣ гибели „*Петропавловска*", стали было говорить о плохихъ перегородкахъ въ судахъ, но послѣ гибели японскаго броненосца „*Хатцузе*" отъ одинаковыхъ съ „*Петропавловскомъ*" причинъ эти толки замолкли.

Лучшимъ доказательствомъ хорошей постройки нашихъ судовъ, по моему мнѣнію, служитъ описаніе Цусимскаго боя, которое помѣщается далѣе въ этихъ запискахъ. Ужасная картина, даваемая авторомъ этого описанія, является концомъ, вполнѣ гармонирующимъ съ приведенными мною ранѣе строками изъ книги *В. К. А. М.*

Описаніе Цусимскаго боя развертываетъ ходъ состязанія 12-ти русскихъ судовъ (8 эскадренныхъ броненосцевъ, 3 броненосца береговой обороны и 1 крейсеръ) съ 12-ю японскими (4 броненосца, 8 броненосныхъ крейсеровъ).

По броневой защитѣ русскія суда были надежнѣе японскихъ; крупными орудіями русскіе и японскіе корабли располагали (по статьѣ *Cassier's Magazine*) такими:

	Русскіе	*Японскіе*
12 дюйм. . .	26 штукъ	16 штукъ
10 „ . .	7 штукъ	1 штука
9 „ . .	12 штукъ	ни одного
8 „ . .	8 штукъ	31 штука.

Слѣдовательно, русская артиллерія должна была быть не слабѣе японской. А если принять во вниманіе, что рѣшающимъ бой элементомъ являются 12-дюймовыя и 10-дюймовыя орудія, то сила русскихъ орудій должна была быть вдвое больше японскихъ *).

Результатъ битвы, можно сказать, потрясающій. Русскія суда разстрѣляны, японскія—почти не пострадали, благодаря отсутствію попаданія снарядовъ врага. При чемъ же тутъ качество броненосцевъ и крейсеровъ? Вѣдь невольно возникаетъ мысль: а что если при томъ же персоналѣ и артиллеріи японцы выступили бы противъ насъ въ Цусимѣ на деревянныхъ паровыхъ судахъ? И невольно напрашивается отвѣтъ: при описанныхъ условіяхъ Цусимскаго боя русскій броненосный флотъ былъ бы разбитъ.

Намъ не извѣстно, предусматривается ли при проектированіи морскихъ битвъ коэффиціентъ попаданія боевыхъ снарядовъ **). Но факты показываютъ, что въ Китайско-Японскую войну битва при Ялу была

---

*) Данныя изъ книжки *В. К. А. М.* еще болѣе благопріятны для русскихъ; по этимъ даннымъ у насъ было въ бою девяти-дюймовыхъ орудій—*четыре*, а десяти-дюймовыхъ—пятнадцать.

Въ этихъ *„должна была быть"* все и дѣло. Должна была, это—такъ; но была ли, вотъ въ чемъ вопросъ. *П. Х.*

**) *Попаданіе въ цѣль.* Не слѣдуетъ смѣшивать умѣнья стрѣлять съ умѣньемъ попадать въ цѣль. Обучить стрѣльбѣ можно въ мирное время, и пріобрѣтенный так. обр. навыкъ остается и въ бою. Но попадать въ цѣль при осыпаніи снарядами врага—это другое дѣло. Тутъ нужно имѣть именно культурный духъ, который не колеблется въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей при всевозможныхъ перемѣнныхъ условіяхъ внѣшней обстановки. По свидѣтельству иностранцевъ, въ японскомъ флотѣ во время активныхъ дѣйствій его, употребленіе спиртныхъ напитковъ запрещено. Конечно, это запрещеніе имѣетъ цѣлью сохранить самообладаніе въ моментъ наивысшаго проявленія духовныхъ силъ воина, сражающагося на данномъ разстояніи отъ врага. Повидимому, Японцы понимаютъ, что воиномъ должна руководить не подогрѣваемая виномъ ненависть, а глубоко и вѣрно воспитанное чувство любви къ родинѣ и вѣра въ людей, стоящихъ во главѣ ихъ дорогого отечества.

У насъ почти нѣтъ данныхъ судить о степени культуры Японцевъ. Иностранцы, ихъ восхваляющіе, описываютъ больше красоту природы, необыкновенную ихъ вѣжливость, разнообразіе нѣжныхъ красокъ ихъ обстановки, но ничего не говорятъ почему-то о культурности ихъ общественныхъ отношеній и о высокомъ проявленіи ихъ духа въ наукахъ и искусствѣ. Враги Японцевъ порицаютъ ихъ за холодность, неискренность, за ненависть къ иностранцамъ; они указываютъ на то, что у нихъ не было и быть не можетъ Ньютона, Шекспира, Канта, Толстого и др. мыслителей, на которыхъ воспитанъ умъ европейца. Но какъ тѣ, такъ и другіе отмѣчаютъ самую прекрасную отличительную для нихъ черту—*любовь къ родинѣ.* Эта любовь вмѣстѣ съ моралью (въ элементарныхъ японскихъ школахъ посвящаютъ особые часы преподаванію морали) прививается дѣтямъ въ школахъ съ самаго ранняго возраста.

Здѣсь считаю нужнымъ сдѣлать существенную оговорку о любви къ родинѣ. Христіанская мораль, по которой воспитаны народы Европы, не допускаетъ истребленія другихъ народовъ ради любви къ родинѣ. Война, вѣдь, есть проявленіе звѣрской природы

проиграна благодаря непопаданію китайскихъ снарядовъ; испанцы проиграли бой при Сантъ-Яго потому, что ихъ снаряды не попадали въ суда американцевъ. Все это, конечно, было извѣстно адмиралу Рожественскому лучше, чѣмъ намъ. Насколько помнится, адмиралъ Рожественскій былъ извѣстенъ, какъ организаторъ правильнаго обученія канонировъ. Но можетъ ли стоящій во главѣ адмиралъ силой своей воли и знанія заставить команду во время ужаснаго боя стоять на высотѣ ея задачи? *) Да, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда задача поставлена по силамъ того народа, изъ котораго взята команда. Въ томъ-то и дѣло, что культура народовъ вырабатываетъ великую защиту отъ внѣшняго врага. Эта защита лежитъ въ умѣніи владѣть современнымъ оружіемъ при современномъ состояніи боя. Умѣніе же это пріобрѣтается развитіемъ и образованіемъ массы народа во всѣхъ его слояхъ.

Морскія сраженія выигрываетъ нынѣ не героизмъ **), а культура; и Цусимскій бой долженъ называться не побѣдою Японцевъ надъ Русскими, а безпощадной казнью ни въ чемъ неповинныхъ Русскихъ за грѣхи своихъ ближайшихъ предковъ.

Инженеръ Вл. Шуховъ.

людей, не достигшихъ умѣнья рѣшить вопросъ мирнымъ путемъ. Какъ бы побѣдоносна ни была война, но отечество отъ нея всегда проигрываетъ. Она выдвигаетъ героевъ, порождаетъ лже-патріотическіе разсказы; но народъ въ общемъ долго еще продолжаетъ нести бремя подвиговъ своихъ воинственныхъ представителей, а иногда отъ побѣдоносной войны впадаетъ прямо въ одичаніе.

Трудно допустить, чтобы морально развитой или высокообразованный человѣкъ, могущій сочувствовать страданію человѣчества, предался бы охотѣ на людей въ трезвомъ состояніи ради любви къ родинѣ. Излишнее потребленіе вина, опьяняющее человѣка, всегда понижаетъ его природу. Не этимъ ли объяснется и то, что у христіанскихъ народовъ солдатъ нерѣдко подпаиваютъ виномъ для обращенія ихъ въ звѣрей передъ массовыми убійствами. Если это такъ, то русскій солдатъ въ его нравственномъ обликѣ, по моему мнѣнію, стоитъ неизмѣримо выше японскаго. Въ трезвомъ состояніи онъ не можетъ поднять своего духа до убійства ближняго. Японецъ же спокойно разстрѣливаетъ Русскихъ, будучи совершенно трезвъ.

И въ мирное время, знакомясь съ описаніемъ подвиговъ нашихъ войскъ при усмиреніяхъ, всегда читаемъ и о водкѣ. Это—великая вещь. Слава намъ, что это не дѣлается въ трезвомъ состояніи. *Вл. Шуховъ.*

*) Сомнѣваюсь, чтобы можно было воспитывать духъ войскъ. Кто утверждаетъ это, пусть подумаетъ, возможно ли, напр., зулусовъ или другое подобное племя вести къ побѣдамъ надъ культурнымъ врагомъ, отбирая изъ нихъ въ армію лучшихъ въ физическомъ отношеніи представителей и обучая ихъ по современнымъ уставамъ владѣть новѣйшимъ вооруженіемъ. *В. Ш.*

**) Спеціально военный героизмъ очень красивъ, но неизвѣстно, зачѣмъ онъ нуженъ въ современной войнѣ. При описаніи битвы при р. Ялу авторы изображаютъ геройство китайцевъ; испанцы въ битвѣ при С.-Яго тоже были настоящими героями; въ Цусимскомъ бою особенно поразителенъ героизмъ Русскихъ на „*Ослябя*“. Но къ чему этотъ героизмъ въ современной войнѣ? *В. Ш.*

Наша Балтійско-Цусимская эскадра.

„При *послѣднемъ* передъ боемъ обученіи эскадры маневрированію, происходившемъ 13 мая 1905 г., пришлось вспомнить старую истину*), что „*эскадра*" создается въ мирное время долгими годами практическаго плаванія (*плаванія*, а не стоянки въ резервѣ); а составленная наспѣхъ изъ разнотипныхъ кораблей, даже совмѣстному плаванію начавшихъ учиться только по пути къ театру военныхъ дѣйствій, это — не эскадра, а случайное сборище судовъ"...

Наша Балтійско-Цусимская эскадра. *По числу* главныхъ боевыхъ единицъ своего состава и *по числу* большихъ орудій эскадра *Рожественскаго* не только не уступала эскадрѣ *Того*, но даже и превосходила ее. Но дѣло — не въ одномъ *числѣ кораблей и числѣ орудій*, а и въ качествахъ ихъ, а главное — въ умѣньи наилучшимъ образомъ использовать эти качества; а вотъ этого именно умѣнья у насъ и не оказалось.

Боевыя качества всего состава нашей эскадры оставляли желать многаго; и посылать ее съ такими качествами въ современный эскадренный бой значило заранѣе обрекать ее почти на вѣрную гибель. Къ сожалѣнію, все это выяснилось уже слишкомъ поздно, вслѣдствіе несуществовавшей у насъ свободы печати. Здѣсь идетъ рѣчь, конечно, не о томъ старьѣ, которое было послано нами „въ бой" и на которое въ эскадренномъ бою японцы не особенно рьяно тратили даже и снаряды: старая и слабая артиллерія такихъ судовъ не могла нанести имъ серьезнаго вреда; они открыто считались съ ними въ главномъ бою скорѣе какъ съ бутафорщиной **). Рѣчь идетъ здѣсь объ этихъ „великолѣпныхъ", „съ иголочки", броненосцахъ и крейсерахъ, *результатъ воздѣйствія* которыхъ на непріятеля оказался весьма слабымъ, а сами они или вовсе погибли въ бою, или сочли за лучшее своевременно пойти наутекъ...

Адмиралъ *Того*, восемь лѣтъ не спуская флага, командовалъ постоянной эскадрой. Пять вице-адмираловъ и семь контръ-адмираловъ,

*) Изъ брошюры капитана Семенова — „*Цусимскій бой*", 1906, стр. 7.

**) „*Сенявинъ*" и „*Апраксинъ*" такъ и въ плѣнъ попали съ цѣлыми трубами и съ цѣлыми мачтами („*Нов. Вр.*", 1905, № 10560). Это — едвали не единственный примѣръ, который можно было наблюдать на русскихъ броненосцахъ, участвовавшихъ въ бою 14 мая.

которые участвовали со стороны японцевъ въ Цусимскомъ сраженіи въ качествѣ начальниковъ отрядовъ и младшихъ флагмановъ, а также и командиры судовъ,—все это были товарищи и ученики Того, воспитавшіеся подъ его руководствомъ... А съ нашей стороны и въ этомъ смыслѣ была полная неподготовленность. Никакихъ постоянныхъ эскадръ подъ Цусимой у насъ не было. Весь составъ пришедшей туда эскадры образовался за двѣ недѣли до боя; сводныхъ ученій всей эскадры было очень мало, и самыя серьезныя изъ нихъ, измучившія команду донельзя, были наканунѣ самого боя. Младшіе флагманы нашей эскадры были только слѣпыми орудіями въ рукахъ адмирала и совершенно не были посвящены въ его планы.

Благодаря нашей хронической неподготовленности,—и „сверху“ и „снизу“, Балтійско-Цусимская эскадра была составлена и отправлена въ походъ въ три пріема: сначала нами была послана главная часть эскадры подъ командой Рожественскаго (2 окт. 1904 г.); вслѣдъ за нимъ въ догонку былъ высланъ отрядъ Добротворскаго; и наконецъ, подъ давленіемъ совершенно некомпетентнаго въ такомъ дѣлѣ общественнаго мнѣнія, опиравшагося только на сдѣланныя авторитетнымъ тономъ заявленія капитана Кладо*), помѣщенныя въ „*Нов. Времени*“, былъ отправленъ хвостъ эскадры подъ командой Небогатова (1 февр. 1905 г.).

Отправка этого третьяго отряда не могла, конечно, оказать серьезнаго вліянія на исходъ боя; и его, дѣйствительно, не оказалось. Въ составъ отряда Небогатова могло уже войти попреимуществу только старье изъ состава броненосцевъ береговой обороны, построенныхъ въ періодъ 1889—1895 гг., съ малымъ водоизмѣщеніемъ (отъ 4100 до 9600 *tn*), съ артиллеріей или слабой, или устарѣлой,—съ броней, ушедшей въ воду ниже ватерлиніи, отъ 2 до 3 фут.,—съ изношенными и несовершенными машинами, которыя могли развивать не болѣе 12 узловъ хода. Комплектованіе личнаго состава для этого отряда свершилось чисто канцелярскимъ способомъ; подъ могучимъ напоромъ протекціи, вліяній *etc.* было особенно широко допущено у этого персонала отсутствіе предварительной подготовки къ исполненію принимаемыхъ имъ на себя обязанностей. Въ составъ команды этого отряда было зачислено особенно много запасныхъ, штрафныхъ, алкоголиковъ *etc.*, но не потому, чтобы не было лучшихъ... Отрядъ былъ выпущенъ изъ Либавы въ далеко незаконченномъ видѣ, и многія работы доканчивались уже въ пути... Любопытно, однако, что, какъ ни смѣялись и ни издѣвались на эскадрѣ Рожественскаго надъ этимъ отрядомъ Небогатова, въ мѣру своихъ силъ,

*) За эти печатныя заявленія сейчасъ же послѣдовало и возмездіе; 27.XI.04 было опубликовано распоряженіе: „Капитанъ 2-го ранга Кладо помѣстилъ въ газетѣ „*Нов. Вр.*“ рядъ статей, въ которыхъ позволилъ себѣ дерзко обвинять морское вѣдомство, искажая при этомъ факты. За такой крупный дисциплинарный проступокъ предписываю подвергнуть кап. 2-го ранга. Кладо аресту съ содержаніемъ на гауптвахтѣ на 15 сутокъ. *Ген.-Адм. Алексѣй*“. Кладо ходатайствовалъ о преданіи его суду. Вмѣсто этого, еще до конца высидки, его, какъ спеціалиста-эксперта, отправили въ командировку въ Парижъ для дачи показаній въ международной слѣдственной коммиссіи, разбиравшей Гулльскій инцидентъ.

отрядъ сдѣлалъ больше, чѣмъ отъ него всѣ ожидали: переходъ отъ Либавы до Суеца онъ сдѣлалъ быстрѣе всѣхъ (Добротворскій—58 дней, Фелькерзамъ—44 дня *), Небогатовъ—39 дней); до соединенія съ эскадрой Рожественскаго онъ дошелъ въ надлежащемъ видѣ и заслужилъ похвалу адмирала; въ дорогѣ научился плавать безъ огней и въ такомъ видѣ прошелъ проливы у Гибралтара и Сингапура; безъ огней же онъ шелъ и ночь съ 14 на 15 мая 1905 г. въ Цусимскомъ проливѣ, а потому вовсе и не пострадалъ отъ повторныхъ (до 50) минныхъ атакъ японскими миноносцами въ то время, какъ суда, оставшіяся отъ эскадры, которую велъ самъ Рожественскій, неистово свѣтили эту ночь всѣми своими прожекторами и за это жестоко поплатились; въ бой пошелъ этотъ отрядъ, какъ и другіе, по приказу адмирала, съ громадной перегрузкой углемъ, но безъ дерева, которое заранѣе было сброшено съ кораблей по личной инціативѣ Небогатова, а потому его отрядъ въ бою и не горѣлъ такъ нелѣпо, какъ другіе; въ бою этотъ отрядъ велъ себя прилично и, по свидѣтельству адмирала Того, *„Николай“* вывелъ изъ строя крейсеръ *„Касаги“*, флагманское судно контръ-адмирала Дэва, сдѣлавъ ему серьезную пробоину, съ которою крейсеръ тотчасъ же и скрылся въ бухтѣ Абурайя; но покинутый нашими крейсерами въ ночь съ 14 по 15 мая, этотъ отрядъ, къ сожалѣнію, не ушелъ ночью обратно, чтобы укрыться хотя бы въ Шанхаѣ, а самъ пришелъ 15 мая въ ловушку, еще болѣе крѣпкую, чѣмъ та, которую Того наканунѣ этого дня разставилъ для всей эскадры Рожественскаго. Не сдѣлавши оцѣнки силъ непріятеля даже и послѣ дневного боя, и не проявивши уже никакой иниціативы послѣ того, какъ былъ полученъ приказъ потерявшаго голову адмирала, Небогатовъ, очевидно, дѣлалъ ошибку, большую, непоправимую: самъ дался въ руки своему вчерашнему противнику-борцу.

Боевое ядро нашей эскадры въ сраженіи 14 мая должны были составлять три отряда; 1-й изъ нихъ—подъ командой Рожественскаго, 2-й—Фелькерзама **), а 3-й—Небогатова.

Въ составъ перваго отряда входили 4 однотипныхъ броненосца (*„улучшеннаго“ типа „Цесаревичъ“*, какъ величали ихъ до войны; или же—*типа „Бородино“*, какъ принято говорить теперь), а именно: *„Бородино“* (спущенъ въ 1901 г.), *„Александръ III-й“* (1901 г.), *„Суворовъ“* (1902 г.), *„Орелъ“* (1902 г.). Скорость хода у нихъ отъ 16 до 18 узловъ; броня по борту защищала весь корпусъ судна; артиллерія новая, почти однородная на всѣхъ четырехъ корабляхъ относительно орудій крупнаго калибра; водоизмѣщеніе около 13.500 tn; запасъ угля 1100—1250 tn, но грузили ихъ и до 2500 tn.

Машины на броненосцѣ *„Бородино“* оказались ненадежными еще передъ отправленіемъ въ походъ; этотъ корабль не могъ развить такого

---

*) Изданіе *„В. К. А. М., Военные Флоты“* 1906, стр. 67 приложенія.
**) Но въ бою участвовалъ только флагъ Фелькерзама, а самъ онъ умеръ за 4 дня до боя.

же хода, какъ и остальныя суда его типа *). Въ походѣ это выразилось нѣсколькими послѣдовательными аваріями **).

Въ составѣ второго отряда былъ скомбинированъ всякій „разнобой“. На эскадрѣ этотъ отрядъ звали также „разношерстной публикой“, или съ явно ироническимъ оттѣнкомъ—„компаніей“. Ее составляли:

1) „*Ослябя*“, спуска 1898 г., плохо бронированный ***), строился казеннымъ адмиралтействомъ болѣе *семи* лѣтъ... Водоизмѣщеніе около 13.000 tn, скорость хода до 19 узловъ, запасъ угля 2000 tn; 4 орудія 10-дюймовыхъ, 11 скорострѣльныхъ 6-дюймовыхъ. Вновѣ это былъ недурной броненосный крейсеръ, но у насъ его „произвели“ въ эскадренные броненосцы. Машины у него были плохія, изношенныя, къ тому же и плохой сборки. Бронировка слабая и не полная.

2) Эскадренный броненосецъ 2-го класса „*Сисой Великій*“, спуска 1894 г., плохо бронированный; водоизмѣщеніе около 10400 tn; дѣйствительная скорость—не болѣе 12—13 узловъ; артиллерія новая, но немногочисленная; машины отвратительныя; изъ-за машинъ въ походѣ о немъ думали, не бросить ли его лучше гдѣ-нибудь въ нейтральномъ порту Индѣйскаго океана.

3) Эскадренный броненосецъ 2-го класса „*Наваринъ*“, спуска 1891 г., плохо бронированный; водоизмѣщеніе около 9500 tn, скорость 12—13 узловъ; артиллерія старая; низкобортный, по виду сильно напоминающій собою мониторъ; съ очень плохими котлами..

4) Броненосный крейсеръ „*Адмиралъ Нахимовъ*“, спуска 1885 г.; „произведенъ“ въ эскадренные броненосцы въ 1904 г.; артиллерія старая, бронированіе слабое; ходъ 13—14 узловъ.

Даже и по внѣшнему виду корабли этого 2-го отряда рѣзко отличались другъ отъ друга во всемъ. Взять хотя бы число трубъ: у высокобортнаго красавца „*Ослябя*“, дававшаго прекрасную цѣль для непріятеля, было 3 трубы, у „*Сисоя*“—двѣ трубы, „*Наваринъ*“ былъ съ 4-мя трубами (по угламъ прямоугольника въ планѣ), у „*Нахимова*“ была одна труба,

Броненосцы отряда Небогатова, вооруженные не хуже „*Наварина*“ и „*Нахимова*“, вошли въ составъ 3-го отряда, который въ главномъ бою долженъ былъ идти наравнѣ со всѣми, но сильно отставалъ

---

*) Изданіе „*В. К. А. М. Военные Флоты*“, 1906, стр. 77 приложенія.

**) *Политовскій*, стран. 38, 41.

***) У „*Ослябя*“ и „*Сисоя*“ броневыя плиты были изъ стали *Гарвея*, а у „*Наварина*“ броня была обыкновенная стальная, а не крупповская; разница между ними такова, что если при извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ крупповскую броню пробиваетъ только 10-дюймовый снарядъ, то обыкновенную броню той же толщины и при тѣхъ же условіяхъ пробьетъ уже и шести-дюймовый снарядъ, а для брони Гарвея нуженъ девяти-дюймовый снарядъ. Кромѣ того, бронировка этихъ кораблей была не полной; оконечности ихъ были не покрыты броней.

и задерживалъ всѣхъ *). Въ началѣ боя „*Николай*“ былъ на 9-мъ мѣстѣ, чрезъ одинъ только часъ ему пришлось занять уже 5-е мѣсто; а въ пятомъ же часу дня 14 мая, сломивъ гордость, „*Александръ*“ шелъ за „*Сенявинымъ*“...

Составъ нашей эскадры, не подготовленной къ работѣ въ бою, былъ весьма неоднороденъ. Первый, второй и третій отряды адмиралъ заставилъ работать совмѣстно: скороходы должны были войти въ положеніе тихоходовъ и не убѣгать отъ нихъ; корабли съ новой дальнобойной артиллеріей попадали въ одну рабочую группу съ „компаніей“, слабо бронированной и слабо вооруженной.

При такомъ боевомъ ядрѣ наша эскадра не могла вести серьезную активную борьбу съ весьма однородной японской эскадрой; поэтому наша эскадра какъ бы заранѣе обрекалась только на пассивное сопротивленіе въ случаѣ нападенія непріятеля; а относительно возможности подобнаго нападенія на насъ со стороны японцевъ, у командующаго нашимъ флотомъ неоднократно прорывались въ походѣ увѣренные возгласы, что японцы „не посмѣютъ“ (!..) этого сдѣлать. Въ надеждѣ на это, съ собою въ бой мы потащили и военные транспорты.

Передъ тѣмъ какъ сдѣлать послѣдній переходъ на пути къ Владивостоку, одна часть транспортовъ была нами оставлена у Сайгона **); другую за два дня до боя Рожественскій отослалъ въ Шанхай; а затѣмъ съ собою въ дальнѣйшій путь эскадра повела еще *шесть* транспортовъ. Они были нагружены отчасти углемъ, а главнымъ образомъ тѣми матеріалами и запасами, которые могли понадобиться самой эскадрѣ *только по прибытіи ея во Владивостокъ*; сухопутною доставкою ихъ морское вѣдомство, деликатничая съ вѣдомствомъ военнымъ, не пожелало обременять сибирскую желѣзную дорогу, которая и безъ того была якобы занята непосильнымъ обслуживаніемъ манчжурской арміи. Благодаря этой деликатности, эскадра оказалась обремененной въ высокой степени; для нея были созданы весьма значительныя и совершенно излишнія затрудненія и помѣхи какъ въ походѣ, такъ особенно и въ бою.

Крейсеры „*Олегъ*“, „*Аврора*“, „*Дм. Донской*“ и „*Вл. Мономахъ*“ въ бою 14 мая спеціально были заняты не активной помощью эскадрѣ, а защитою транспортовъ отъ японскихъ крейсеровъ. Но это мало ихъ защитило. Они сразу попали подъ перекрестный огонь, сбились въ кучу, стояли носами въ разныя стороны и двигались безъ толку въ разныхъ направленіяхъ, вызывая кругомъ всеобщее замѣшательство и мѣшая только свободному перемѣщенію главныхъ силъ эскадры ***).

---

*) „*Нов. Вр.*“, 1905, № 10.588, капит. де-Ливронъ.

**) Тамъ былъ оставленъ запасъ, состоявшій изъ 58 судовъ съ углемъ и матеріалами („*Морск. Сборн.*“, 1905, № 9, стран. 212). Рожественскій оставилъ ихъ на тотъ случай, если бы наша эскадра, съ перваго раза не прорвавшись во Владивостокъ, могла уйти отъ японцевъ цѣлою и невредимою и вернуться обратно на югъ. Эти предположенія адмирала оказались однако вполнѣ фантастичными.

***) „*Нов. Вр.*“, 1905, № 10588, капит. де-Ливронъ.

За 4 дня до боя транспортъ „*Иртышъ*“ сообщилъ, что больше 9,5 узловъ хода онъ дать не можетъ *). „*Камчатка*“ могла развивать 10 узловъ, но вести ее за собою въ бой было прямо неумѣстно: на ней было полторасто вольнонаемныхъ цеховыхъ рабочихъ, не имѣвшихъ ровно никакого отношенія къ бою и приведенныхъ сюда на смерть совершенно неосмотрительно. „*Корея*“ не могла идти и 9-ю узлами **).

Непонятно, зачѣмъ Рожественскій согласился присоединить къ своей эскадрѣ бремя этихъ транспортовъ. Непонятно и то, зачѣмъ въ главномъ штабѣ особенно настаивали на этомъ. Никакой необходимости въ этомъ не было, такъ какъ въ это время у насъ вагоны довольно свободно отдавались подъ частные грузы; существовала даже торговля свидѣтельствами, которыя давали право на отправку частныхъ грузовъ въ Сибирь и на Д. Востокъ, и которыя перепродавались изъ рукъ въ руки съ преміями въ сотни и тысячи рублей ***).

Какія несбыточныя надежды возлагали въ СПб. на транспорты, показываютъ слѣдующія строки *оффиціальной докладной записки* командующаго флотомъ, поданной кому слѣдуетъ передъ отправкой эскадры на Д. Востокъ и опубликованной затѣмъ капитаномъ *Кладо*: „Послѣ боя транспорты принимаютъ раненыхъ, буксируютъ поврежденныя суда и т. п.“ („*Нов. Вр.*“, 1904, № 10319). Но чтобы выполнить этотъ фантастичный параграфъ, надо было послѣ ожесточеннаго боя имѣть транспорты цѣлыми и невредимыми, — а это зависѣло не отъ насъ; надо было, кромѣ того, вручить эти транспорты опытному персоналу, способному проявить иниціативу дѣйствій, а они оказались въ рукахъ персонала, совершенно растерявшагося въ бою и вовсе не умѣвшаго съ ними даже и маневрировать ****).

Въ результатѣ большую часть взятыхъ съ собою въ бой транспортовъ Рожественскій погубилъ, — меньшинство изъ нихъ случайно спаслось, дѣйствуя въ концѣ концовъ по собственной иниціативѣ; крейсера, даже и большіе, и быстроходные, безплодно толкались въ бою, охраняя

---

*) *В. К. А. М.* Военные Флоты.

**) „*Нов. Вр.*“, 1906, № 10.745.

***) Выдано около 70.000 свидѣтельствъ; котировка ихъ колебалась отъ 600 до 2000 руб. Отправлялись по нимъ въ вагонахъ, главнымъ образомъ, предметы „первой необходимости“ — вина, шампанское, гастрономія... Значительная часть грузовъ была расхищена до прибытія ихъ на мѣсто назначенія и была перепродана скупщикамъ краденаго. Черезъ годъ началось разслѣдованіе... „Дѣло“ благополучно сдано въ архивъ. („*Рус. Богат.*“, 1905, № 9).

****) А маневрировать у насъ не всегда умѣли, не только въ бою, но и въ походѣ, не только транспорты, но и суда съ болѣе опытнымъ персоналомъ. У *Политковскаго* въ его книгѣ „*Отъ Либавы до Цусимы*“ можно отмѣтить слѣдующія мѣста: 1) въ первый же день похода миноносецъ „*Быстрый*“ потаранилъ броненосецъ „*Ослябя*“, самъ получилъ пробоины, испортивъ свой минный аппаратъ (стр. 2); 2) въ водахъ Мадагаскара во время ученія при маневрированіи броненосцы „*Бородино*“ и „*Александръ III-й*“ два раза чуть-чуть не столкнулись (стр. 111); 3) тамъ же во время маневровъ въ открытомъ океанѣ самъ „*Суворовъ*“ чуть-чуть не таранилъ транспортъ „*Кубань*“ (стр. 128); 4) въ бухтѣ Камранъ ночью два миноносца ходили осматривать шедшій мимо чужой пароходъ, и „*Блестящій*“ ухитрился распороть бортъ „*Безупречному*“ (стр. 212) и попортить ему руль; работа оказалась огромной; въ штабъ заявили, что ее выполнятъ чрезъ двѣ недѣли; Политковскій взялся сдѣлать ее въ двое сутокъ (стр. 213); 5) въ бухтѣ Дакара „*Суворовъ*“ чуть-чуть не ударилъ ночью „*Орла*“ (стр. 37) и т. д.

только транспорты и ничуть не помогая главной боевой силѣ, ни въ началѣ боя, ни въ срединѣ его, ни въ концѣ его...

„Пройти нашей эскадрѣ во Владивостокъ съ побѣдой и овладѣть моремъ *)—нельзя и думать! Можно ей только проскочить!..“ Такъ думали оптимисты, къ числу которыхъ принадлежалъ, конечно, и самъ адмиралъ. „Проскочить“ задумали подъ покровомъ густого тумана, идя по кратчайшему пути чрезъ Корейскій проливъ. Надѣяться на это значило, однако, ни во что не ставить трезвую бдительность, энергію, ловкость и пронырливость нашего противника. А развѣ это было возможно? Къ тому же и всѣ даже чисто внѣшнія преимущества были на сторонѣ *японской эскадры*: она ихъ имѣла и въ скорости хода,—это мы знали; она была болѣе однородна по своему составу въ отдѣльныхъ отрядахъ,—это мы испытали на опытѣ въ сраженіи 28 іюля 1904 г.; она не сдѣлала кругосвѣтнаго перехода кто въ 30.000 верстъ, кто въ 14.000 в.; она не обросла ракушками и водорослями на стоянкахъ подъ тропиками въ теченіе трехъ съ половиной мѣсяцевъ,—это мы хорошо знали; японская эскадра чинилась, и персоналъ ея имѣлъ передышку въ теченіе девяти мѣсяцевъ; а наша эскадра въ походѣ и на стоянкахъ все время только ухудшалась въ своихъ качествахъ, и нашъ персоналъ физически и морально былъ измученъ; измученъ и трудностями перехода, и климатическими перемѣнами, и томительной неизвѣстностью, и постояннымъ страхомъ предъ минными атаками, которыхъ въ походѣ ждали непрерывно съ часу на часъ,—и это мы знали отлично. И тѣмъ не менѣе мы готовились не къ бою при наиболѣе благопріятныхъ для насъ условіяхъ, а только къ тому, чтобы какъ-нибудь проскочить... Только эта задача „какъ-нибудь проскочить“ и была съ грѣхомъ пополамъ выполнена нашей Цусимской эскадрой.

Взявшись за рѣшеніе этой задачи, мы забыли о транспортахъ, мы забыли, что въ составъ боевого ядра у насъ должны были входить такіе старые тихоходы и „самотопы“ **), какъ „*Николай I-й*“, „*Сенявинъ*“, „*Апраксинъ*“, „*Ушаковъ*“, „*Сисой Великій*“, „*Наваринъ*“ и др., которые, когда они были новыми и въ исправномъ видѣ, работая хорошимъ углемъ, могли развивать на пробѣ скорость не болѣе 12—14 узловъ въ часъ. Но это было давно и только на пробѣ... Съ тѣхъ поръ они уже успѣли перейти въ разрядъ старья; оно было мало полезно и въ бою, и въ отрядѣ, который задумалъ бы „проскочить“.

Да не только „проскочить“ во время боя не могла наша эскадра, она не могла развить порядочнаго хода даже и на мирныхъ переходахъ въ открытомъ океанѣ: она не могла этого сдѣлать изъ-за постоянныхъ поломокъ то въ машинѣ, то въ рулѣ, и не только у изношеннаго и пораздерганнаго старья,—въ родѣ „*Сенявина*“ или „*Сисоя*“, а и у новыхъ броненосцевъ, какъ „*Бородино*“, „*Орелъ*“.

*) Семеновъ, *Цусимскій бой*, стр. 15.
**) Семеновъ, стр. 6. Такъ прозвали на эскадрѣ корабли отряда Небогатова.

Вокругъ Африки до Мадагаскара, еще не обросшая ракушками, эскадра, шла въ среднемъ со скоростію 10 узловъ въ часъ; а отъ Мадагаскара пошли уже со скоростію восьми узловъ, а мѣстами она спускалась и до 5 узловъ *); на этомъ послѣднемъ переходѣ эскадра должна была останавливаться 112 разъ изъ-за поломокъ въ машинахъ **).

Трудно было незамѣтно „проскочить" нашей эскадрѣ не только изъ-за ея тихоходовъ и транспортовъ, но также и благодаря плохому дымному топливу, которымъ, „соблюдая экономію", какъ напишется объ этомъ въ реляціяхъ, снабдили нашу эскадру: японцы покупали лучшій бездымный кардифскій уголь по 13 шиллинговъ за тонну, а мы ухитрялись пріобрѣтать плохой валлійскій уголь по 138 шиллинговъ за тонну ***); да и условія для судовъ-угольщиковъ были составлены такъ неудачно, что этимъ судамъ гораздо выгоднѣе было на пути слѣдованія ихъ на Д. Востокъ какъ бы попадаться японцамъ и считаться захваченными ими; тогда они получали для себя отъ насъ болѣе выгодную премію....

Подходя къ Мадагаскару транспортъ „*Камчатка*" получилъ однажды около 150 тоннъ никуда негоднаго угля, не могъ поддерживать болѣе паровъ и началъ замѣтно отставать отъ эскадры. Командиръ транспорта сигналами просилъ разрѣшенія выкинуть этотъ негодный уголь за бортъ ****), чтобы скорѣе добраться опять до хорошаго. Адмиралъ же въ паденіи паровъ усмотрѣлъ злой умыселъ, угля выкинуть не разрѣшилъ, а „позволилъ выкинуть за бортъ только злоумышленника"...

Нѣкоторые угольщики доставили нашей эскадрѣ на Мадагаскарѣ такіе сорта угля, съ которыми нерѣдко происходило *самовозгараніе*... Хорошо еще, что этотъ *****) „проклятый уголь нѣмецкой доставки" попалъ также и на флагманскій корабль, гдѣ тушеніе его паромъ происходило передъ глазами начальства; и поэтому для „злоумышленниковъ" ничего

---

*) Политовскій—„*Отъ Либавы до Цусимы*", стран. 165.

**) „*Наша Жизнь*", 1905, № 118.

***) „*Рус. Бог.*", 1905, № 9, статья Энгельгардта о колоссальныхъ хищеніяхъ до войны и во время войны. Скверный шанхайскій и сиднейскій уголь доставлялся по цѣнѣ отъ 90 до 110 шиллинговъ за тонну, т.-е. отъ 67 до 82 коп. за пудъ („*Рус. Вѣд.*", 1905, № 137).

Не лучше этого были порядки и въ мирное время въ П.-Артурѣ. Тамъ снабженіе флота углемъ было отдано единственному поставщику, „благодѣтелю"; и всѣ другія поставки были организованы также. А въ результатѣ вышло вотъ что: за японскій уголь, стоимость котораго за тонну, какъ максимумъ, можно было бы назначить 7 р. 50 к., въ отчетахъ стояло по 12 р.; а за кардифъ, который оставлялъ свой слѣдъ только въ таблицахъ отчетовъ, выписывалось туда по 22 р. за тонну. Четырехъ-пяти рублевое машинное масло проходило по отчетамъ по 18 р. за пудъ и т. д. („*Нов. Вр.*", 1905, № 10.508).

Кромѣ того, много контрактовъ было сдѣлано еще въ ноябрѣ 1904 г. на доставку угля во Владивостокъ, чтобы имѣть тамъ запасъ его къ приходу Б.-Цусимской эскадры. Контръ агентъ морского вѣдомства передалъ выполненіе этихъ контрактовъ въ англійскія руки, при помощи которыхъ была разыграна слѣдующая комедія: англійскія суда, которыя шли съ углемъ якобы во Владивостокъ и снабжены были для этого пропусками нашего морского вѣдомства, избавлявшими ихъ отъ досмотра крейсерами Б.-Цусимской эскадры, аккуратнѣйшимъ образомъ попадали въ руки японцевъ, которымъ они и предназначались. Не взирая на эти непрерывные „*захваты*", Англія не заявила ни одного протеста... („*Нов. Вр.*", 1905, №№ 10 504 и 10.507).

****) Политовскій, стран. 74.

*****) Капитанъ Семеновъ, стран. 22.

жестокаго не было придумано и провозглашено адмираломъ. Приходилось только тратить этого горѣлаго и тушенаго паромъ угля процентовъ на 20—30 болѣе противъ нормы.

На основаніи данныхъ, полученныхъ мною отъ нашихъ товарищей, благополучно вернувшихся изъ-подъ Цусимы, нужно впрочемъ оговориться, что „механическая часть въ нашемъ флотѣ стояла всетаки выше всего остальнаго; 12-узловымъ ходомъ на короткихъ переходахъ доползали и ходили даже и такія „калоши", какъ „*Наваринъ*" и „*Сисой*", для которыхъ, по отзывамъ механиковъ, такой ходъ считался только пробнымъ. Механикъ одного изъ контръ-миноносцевъ, который въ ночь на 15-е мая 1905 г. шелъ первое время на югъ вмѣстѣ съ Энквистомъ, разсказывалъ, что наши крейсера утекали изъ боя на югъ, „въ тихую пристань", со скоростію до 22—23 узловъ. По справочнымъ книжкамъ для „*Авроры*", напр., показанъ ходъ только въ 19—20 узловъ. Быть можетъ, этотъ механикъ въ своихъ разсказахъ немного и преувеличилъ цифры, но ходъ этихъ крейсеровъ былъ, стало быть, все же очень высокъ и подавалъ поводъ къ такому преувеличенію".

Но одно дѣло для корабля развивать скорость въ его свободномъ прямолинейномъ движеніи, и совершенно другое дѣло—развитіе скорости корабля при боевыхъ маневрахъ его, когда всѣ движенія корабля дѣлаются до извѣстной степени несвободными и подчиненными общему движенію отряда. Боевая скорость главнаго ядра нашей эскадры въ бою подъ Цусимою колебалась и доходила до 9—10 узловъ, а для японской эскадры она была отъ 15 до 16 узловъ *), т.-е. приблизительно въ полтора раза болѣе.

Не имѣя преимуществъ въ скорости хода судовъ передъ японцами, мы должны были довольствоваться *въ бою* тѣми только позиціями, которыя намъ давали, на которыя насъ ставили японцы, подставляя насъ часто и подъ вѣтеръ, обдававшій прицѣлы брызгами, и подъ лучи солнца, пробивавшіеся иногда чрезъ мглу и тоже мѣшавшіе правильности прицѣла. Изъ-за этого недостатка (тихоходности), усугублявшагося взятыми съ собою въ бой транспортами, наша эскадра утратила значительную долю свободы и гибкости въ своихъ перемѣщеніяхъ, въ парированіи ударовъ; и каждый нашъ шагъ, который выказывалъ въ бою стремленіе проявить нѣкоторую инициативу дѣйствій съ нашей стороны, очень скоро и предупредительно оказывался парализованнымъ быстрыми перемѣщеніями непріятеля, опять уже успѣвшаго выбрать себѣ болѣе удобную позицію для нападенія на насъ.

Конструкція нашихъ новыхъ броненосцевъ, стоющихъ каждый по $11\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей, на дѣлѣ оказалась однако такою, что подъ Цусимою среди бѣла дня они гибли одинъ за другимъ *не отъ минъ*, а прежде всего и больше всего отъ превосходной японской артиллеріи.

*) См. брошюру капитана Вл. Семенова—*Цусимскій бой* (стран. 9), а также *Scientific American Suppl*, 1906, № 1597.

Въ этомъ бою у насъ было 4 совершенно новыхъ, 3—4 года тому назадъ построенныхъ въ Россіи, броненосца „улучшеннаго" типа „*Цесаревичъ*", какъ объ этомъ сообщалось въ литературѣ. Но, построенный заграницею, краса нашего флота, „*Цесаревичъ*", подвергшійся коварной минной атакѣ 27 января 1904 г., вынесъ на себѣ въ сраженіи 28 іюля 1904 г. всю тяжесть артиллерійскаго боя, былъ весь избитъ снарядами, подвергся затѣмъ новымъ миннымъ атакамъ и всетаки не потонулъ, а самъ дошелъ до Кіаочао со скоростью 4—5 узловъ. А броненосцы, построенные по его образцу нашимъ морскимъ вѣдомствомъ и „улучшенные" имъ, одинъ за другимъ горѣли и тонули 14 мая 1905 г. послѣ перваго же часа сосредоточеннаго артиллерійскаго боя.

Послѣдніе годы передъ войною, мы, не спѣша, заканчивали постройку этихъ нашихъ новыхъ броненосцевъ, заранѣе любовались ими и утѣшали себя мыслію, что *) „если принять во вниманіе защиту броненосца и силу его артиллеріи, то нашъ типъ „*Бородино*" по своей силѣ превосходитъ всѣ японскіе броненосцы, исключая развѣ одинъ только броненосецъ „*Миказа*"...

А на дѣлѣ, въ современномъ эскадренномъ бою, у нихъ не оказалось ни „защиты", ни „силы".

„*Всѣ* наши броненосцы продолжали управляться и стрѣлять до самаго послѣдняго момента и пошли ко дну съ неповрежденными у нихъ механизмами и еще годною къ бою артиллеріей; пошли ко дну изъ-за того только (!..), что не могли больше держаться на водѣ **), т.-е. потеряли свою пловучесть". Случилось это, вслѣдствіе нашей *неумѣлой постройки* ихъ ***), или, какъ это мягко и туманно выражаютъ въ оффиціальныхъ донесеніяхъ и рапортахъ, вслѣдствіе „перегрузки" ихъ. Но эта перегрузка дѣлалась такимъ грузомъ, который появлялся не внезапно, а считался на кораблѣ безусловно нужнымъ для его жизненныхъ отправленій и всю величину котораго можно и должно было бы предусмотрѣть при постройкѣ, если ужъ не перваго броненосца, то по крайней мѣрѣ всѣхъ остальныхъ, съ нимъ однотипныхъ, начиная со второго. Благодаря этой „перегрузкѣ", судно садилось бортами много глубже, чѣмъ это было предположено въ проектѣ, настолько глубже, что весь броневой поясъ судна уходилъ иногда въ воду; и судно дѣлалось поэтому сильно уязвимымъ въ самомъ началѣ боя, когда происходитъ только еще разстрѣлъ корабля издали, и когда заливаніе волнъ чрезъ громадныя пробоины (10—20 квадр. фут. площадью) выше броневой палубы ведетъ непремѣнно къ дальнѣйшей перегрузкѣ судна, но

---

*) „*Новое Время*", 1904 г., № 10.272.

**) „*Морск. Сборн.*", 1906, № 2, стран. 178.

***) Строитель японскаго флота передъ Китайско-Японской войной, французскій инж. *Бертень*, указываетъ, что изобрѣтеніе — дѣлать корабли непотопляемыми—лѣтъ восемь тому назадъ было сдѣлано русскимъ корабельнымъ инженеромъ Гуляевымъ, но наше морское вѣдомство не обратило должнаго вниманія на его работу; и онъ отправился съ нею заграницу („*Новое Время*", 1905, № 10.627).

уже большею частію однобокой; а эта послѣдняя можетъ иногда вызвать уже и перевертываніе корпуса судна килемъ кверху.

Такъ называемая „перегрузка“ судна является вслѣдствіе *ошибки* въ опредѣленіи вѣса судна при составленіи его проекта. Разница между проектнымъ вѣсомъ и дѣйствительнымъ у различныхъ судовъ нашей Б.-Цусимской эскадры была, по даннымъ капитана Кладо, отъ 8 до 20%.

Японскіе броненосцы „*Миказа*“ и „*Асахи*“ съ водоизмѣщеніемъ 15000—15200 tn. имѣли длину 400 фут., ширину 75 ф. 6 д., наибольшее углубленіе 27 ф. 6 д. Нашъ „*Суворовъ*“ при длинѣ 393 ф. ширинѣ 76 ф. и углубленіи 26 ф. долженъ былъ бы имѣть водоизмѣщеніе только 13500 tn., а оно было доведено тоже до 15000 tn.*). Эта разность 15000—13500, т.-е. 1500 tn. или 93000 пуд. (!) и есть „перегрузка“ его. Благодаря ей, онъ сѣлъ глубже предположеннаго въ разсчетѣ; вся броня оказалась въ водѣ, и корабль оказался бронированнымъ только на словахъ.

Благодаря подобной же перегрузкѣ, даже при небольшой волнѣ 6-дюймовыя орудія на броненосцѣ „*Орелъ*“ черпали воду; всѣ амбразуры 3-дюймовыхъ орудій приходилось закрывать наглухо, чтобы чрезъ нихъ не вливалась вода, иначе командѣ пришлось бы во время работы *стоять въ водѣ*; а между тѣмъ эти 3-дюймовыя пушки являются наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для отраженія миноносцевъ.

На каждомъ изъ „улучшенныхъ“ броненосцевъ было поставлено нами по *двадцать* 3-дюймовыхъ пушекъ („*Морск. Сборн.*“, 1905, № 9), но изъ нихъ работать въ бою, оказывается, можно было только *четырьмя*, находящимися на верхней палубѣ...

По свидѣтельству капитана Кладо, какъ разъ *наканунѣ* ухода 2-й тихо-океанской эскадры изъ Либавы, съ особымъ курьеромъ изъ министерства къ адмиралу Рождественскому была прислана бумага, въ которой указывалось ему, что *вслѣдствіе перегрузки* остойчивость ввѣряемыхъ ему броненосцевъ оказалась (!) гораздо меньше, чѣмъ бы ей слѣдовало быть, а потому предписывалось то-то и то-то... до самыхъ подробныхъ мелочей. Легко было составить на бумагѣ такое предписаніе, но не легко было отправляться съ нимъ въ путь, скрывая его отъ команды; не легко было исполнять его подъ боевымъ огнемъ и при сильной качкѣ во время боя... У перегруженныхъ судовъ „улучшеннаго нами типа“ броневой поясъ уходилъ въ воду, примѣрно, на *два фута* ниже ватеръ-линіи, т.-е. этотъ броневой поясъ обращался въ бою так. обр. только въ лишній грузъ на кораблѣ...

Но къ этой, такъ сказать, повседневной „перегрузкѣ“ броненосцевъ передъ самымъ Цусимскимъ боемъ была прибавлена еще „адмиральская сверхъ-перегрузка“ въ видѣ добавочныхъ запасовъ угля, которыхъ хватило бы на переходъ не 900 миль, сколько именно и оставалось до Владивостока при проходѣ Корейскимъ проливомъ, а на 3000 миль.

---

*) „*Новое Время*“, 1905, № 10.498, статья Кладо.

Благодаря этому, напр., на „*Апраксинѣ*" утромъ 15 мая оставался запасъ угля все еще на 20% болѣе противъ нормы, какая ему полагалась *).Исполняя волю командующаго флотомъ, на „*Николаѣ*" погрузили угля столько, что онъ занялъ собою всѣ площадки въ кочегарняхъ, рундуки, жилыя помѣщенія, баттареи, каюты офицеровъ и верхнюю палубу... У броненосцевъ броневой поясъ уходилъ въ воду по крайней мѣрѣ на 2 фута, а у „*Бородино*"—даже на 2,4 ф.

Благодаря такой значительной осадкѣ броненосцевъ, надводные минные аппараты тоже уходили въ воду, и пользоваться ими было при этомъ невозможно *даже въ штиль* при 9-узловомъ ходѣ **). Такихъ минныхъ аппаратовъ было у насъ на эскадрѣ 70 штукъ; всѣ они были обречены на бездѣйствіе; и для чьего удовольствія были поставлены, не извѣстно...

Перегрузка нашихъ судовъ отчасти происходила еще не только отъ того, что на нихъ безъ толку было понаставлено черезчуръ много „убійственныхъ" по своимъ названіямъ приборовъ, и вовсе не использованныхъ въ бою, но еще и потому, что эскадра должна была везти съ собою массу всевозможныхъ предметовъ и запасовъ, легко воспламеняющихся: *въ походѣ*, конечно, удобно и хорошо было имѣть ихъ подъ рукою, но *въ бою* ничего, кромѣ вреда, они съ собою не принесли и дали только пищу для возникновенія на кораблѣ пожаровъ, которые вызывали смятеніе, сумятицу и лишнія жертвы. Японцы же, будучи почти у себя дома, заранѣе сбросили съ своихъ судовъ весь легко воспламеняющійся комфортъ, но взяли съ собою достаточный запасъ и хорошаго угля, и боевыхъ снарядовъ.

Нашей эскадрѣ надо было сдѣлать то же самое, но Рожественскій слишкомъ понадѣялся на видимую мощность своей эскадры, понадѣялся на то, что японцы „не посмѣютъ" напасть на нее, и рѣшилъ оставить на ней все дерево, всю легко воспламеняющуюся обстановку корабельнаго жилья. Это была одна изъ крупныхъ ошибокъ Рожественскаго, за которую и его эскадра, и вся Россія жестоко поплатились: въ бою нашъ флотъ прежде всего былъ сожженъ японцами ***)... Значительная часть рабочихъ силъ нашей эскадры была отвлечена отъ дѣла непрерывнымъ тушеніемъ пожаровъ, которые производили на команду еще и неблагопріятное моральное воздѣйствіе...

Доля вины въ перевертываніи броненосцевъ въ бою могла падать отчасти также на трюмныхъ и старшихъ механиковъ. Возникаетъ вопросъ, „хорошо ли они слѣдили за распредѣленіемъ тяжести угля на броненосцахъ, полными ли они держали между-донныя пространства, и наконецъ (это уже не дѣло механиковъ) задраены ли были въ нужное

*) „*Новое Время*", 1906, №№ 10.725,10.744—показанія Небогатова и друг.

**) Изъ писемъ кораб. инж. Политковскаго, опубликованныхъ послѣ его гибели подъ Цусимою въ „*Нов. Вр.*", 1906, № 10.726

***) Вопреки распоряженіямъ Рожественскаго, по своей инціативѣ, сбросили съ кораблей большую часть дерева весь отрядъ Небогатова, затѣмъ броненосцы „*Нахимовъ*" и „*Орелъ*", они меньше и горѣли.

время полупортики у 3-дюймовыхъ орудій. Этотъ вопросъ ставитъ одинъ изъ нашихъ товарищей, близко знающихъ это дѣло. Онъ отмѣчаетъ также, что въ своей „исповѣди"*) Небогатовъ приписывалъ перевертываніе броненосцевъ также и вліянію пожаровъ. Этому товарищу извѣстно далѣе, что „броненосецъ „*Орелъ*" имѣлъ въ бою на верхней и баттарейной палубахъ до 80 *tn* заплеснутой туда воды (понятно, со свободнымъ уровнемъ), и остался цѣлъ, а „*Бородино*" и „*Александръ III-й*" перевернулись". Къ этому онъ добавляетъ, что „въ Кронштадтѣ на пробахъ броненосцы типа „*Бородино*" при положеніи руля на бортъ кренились на 7—8°. Прибавимъ сюда *возможность неправильнаго распредѣленія тяжести угля, возможность стоянія воды въ между-донномъ пространствѣ со свободной поверхностью*; прибавимъ сюда еще *кренъ, вызванный пробоиной, медленное заполненіе водою отсѣка,* парализующаго это бѣдствіе, а въ худшемъ случаѣ—*негерметичность переборокъ* или даже и *неправильное*, второпяхъ сдѣланное, *заполненіе водой не того отсѣка*, который слѣдовало бы заполнить; просуммируемъ несчастное, случайное совпаденіе всѣхъ этихъ фатальныхъ „возможностей", получается кренъ въ 15—16°, и перевертываніе готово"...

Сильнымъ вѣтромъ на прямомъ ходу въ океанѣ „*Суворовъ*" наклоняло на бокъ градуса на три, такъ съ этимъ наклономъ онъ иногда и шелъ въ пути. Изъ новыхъ броненосцевъ на зыби и на вѣтру лучше всѣхъ держался **) „*Бородино*".

„*Суворовъ*" въ бою 14 мая затонулъ правымъ бокомъ вверхъ. „*Ослябя*", „*Александръ III-й*" и „*Бородино*", всѣ опрокинулись передъ тѣмъ, какъ затонуть. Передъ битвой каждый изъ новыхъ броненосцевъ имѣлъ перегрузку до 1800 *tn* (около 115.000 пуд.). Однѣ шлюпки на этихъ броненосцахъ вѣсили около 100 *tn* и помѣщались на высотѣ 40 фут. надъ ватерлиніей. Это уменьшало высоту метацентра, примѣрно, на 4 дюйма. Дальнѣйшее уменьшеніе этой критической высоты происходило во время боя непрерывно, вслѣдствіе расхода угля (до 200 *tn*) и расхода снарядовъ (до 180 *tn*), т. к. этотъ грузъ брали со дна броненосца. Дальнѣйшее уменьшеніе этой высоты дѣлала вода, вливающаяся чрезъ пробоины надъ ватерлиніей, а также и вода изъ пожарныхъ рукавовъ, которую качали для тушенія пожаровъ, и которая чрезъ пробоины въ палубѣ лилась внизъ и собиралась на баттарейной палубѣ. Какое вліяніе на кренъ судна имѣетъ вода, выбрасываемая пожарными рукавами, показываетъ слѣдующій примѣръ: „Когда „*Орелъ*" 14 мая вечеромъ прекратилъ огонь, онъ имѣлъ кренъ въ 10°; но когда выкачали воду, набѣжавшую на баттарейную палубу, кренъ уменьшился до 6 градусовъ"***).

Броненосецъ „*Ослябя*" отъ второго же 12-дюймоваго снаряда, попавшаго въ него близъ ватерлиніи („*Морск. Сборн.*", 1905, № 9, стр. 221), и пробившаго его броню, въ бою 14 мая первымъ опроки-

---

*) Полный текстъ ея въ „*Нов. Врем.*", 1906, №№ 10.744 и 10.745

**) Политковскій, стр. 10, 73, 188.

***) *Scientific Amer. Suppl.*, 1906, № 1598, *pg.* 25.600.

нулся и... навсегда скрылъ подъ водою постыдные результаты многолѣтней постройки его нашимъ морскимъ вѣдомствомъ.

Гибель нашихъ броненосцевъ подъ Цусимою являлась вначалѣ неожиданною и загадочною. Наша первая эскадра, застигнутая передъ войною въ П.-Артурѣ и вынужденная къ бою 28 іюля 1904 г., не потеряла въ этомъ жестокомъ бою отъ артиллеріи ни одного корабля. Суда этой эскадры были тѣхъ же типовъ, что и въ Цусимской нашей эскадрѣ, но... только большинство заграничной постройки. Условія для работы въ бою 28 іюля были крайне тяжелы („*Рус. Слово*", 1905, № 142):

Броненосецъ „*Полтава*", имѣя въ кормѣ пробоины, продолжалъ бой и вернулся въ П.-Артуръ, несмотря на затопленныя у него отсѣки.

„*Ретвизанъ*" наканунѣ боя 28 іюля получилъ подводную пробоину. Въ двухъ затопленныхъ у него отдѣленіяхъ находилось до 500 тоннъ (болѣе 30.000 пуд.) воды; но это не помѣшало ему принять въ бою 28 іюля самое живое участіе наравнѣ со всѣми; а когда былъ сильно поврежденъ „*Цесаревичъ*", и надо было дать время ему оправиться, „*Ретвизанъ*" благополучно защищалъ его собою и былъ тогда единственною мишенью для всего японскаго флота.

То были настоящіе броненосцы, а у „*Ослябя*" носовая часть оказалась незабронированною вовсе. Первый же крупный снарядъ, попавшій въ нее, затопилъ 1-й и 2-й отсѣки, носовой погребъ 6-дюймовыхъ снарядовъ и динамо-машины... Броненосецъ осѣлъ уже носомъ, и для его выпрямленія искусственно начали затоплять патронные погреба правой стороны. Затѣмъ достаточно было одного снаряда, разрушившаго переборку въ 3-й носовой отсѣкъ, и гибель броненосца была уже неизбѣжна. Когда результаты первой носовой пробоины такъ чувствительно дали себя знать, среди машинной команды на „*Ослябя*" началась паника... Офицерамъ съ трудомъ удалось удержать людей на своихъ мѣстахъ, занявши всѣ выходы оттуда съ оружіемъ въ рукахъ... Но мѣра эта, въ концѣ концовъ, увеличила только число жертвъ на броненосцѣ, т. к. второй роковой ударъ не заставилъ себя долго ждать; и тогда ни машинная команда, ни офицеры, удерживавшіе ее на мѣстѣ, не успѣли уже выбраться наружу.

Во время боя 14 мая море было очень бурное, поэтому на низкобортныхъ нашихъ броненосцахъ—„*Наваринъ*", „*Апраксинъ*", „*Сенявинъ*", „*Ушаковъ*";—не могли дѣйствовать даже и башенныя орудія, т. к. ихъ жерла заливались волнами *). Небольшіе броненосцы „*Николай I-й*" и „*Сисой*" *могли* работать своими башенными орудіями; но ихъ орудійныя платформы, вслѣдствіе сильной качки, не могли имѣть устойчивости; и мѣткости стрѣльбы ждать отъ нихъ было нельзя. Такимъ образомъ, злополучная погода какъ бы заранѣе вывела изъ боевого строя шесть нашихъ старыхъ броненосцевъ, и адмиралъ Рожественскій болѣе надежно могъ располагать только 5-ю высокобортными броненос-

---

*) „*Рус. Вѣдом.*", 1905, № 131.

цами—„*Александръ III-й*“, „*Бородино*“, „*Орелъ*“, „*Ослябя*“, „*Суворовъ*“.

Что касается до оборудованія механической части нашихъ новыхъ броненосцевъ, то, *по отзывамъ нашихъ товарищей*, работавшихъ на этихъ броненосцахъ, можно отмѣтить слѣдующее:

„Паровыя машины на „*Суворовѣ*“, *Александрѣ III-мъ*“ и „*Орлѣ*“, исполненныя Балтійскимъ заводомъ, были хороши“. Объ одной изъ нихъ даже былъ данъ отзывъ, что она работала *превосходно* и въ походѣ, и въ бою. На пробѣ, вслѣдствіе недостатка давленія въ котлахъ, одна изъ нихъ впрочемъ могла развить работу только въ 14.900 индикаторныхъ силъ вмѣсто требуемыхъ 15.800...

„Сплоховали машины, построенныя Франко-русскимъ заводомъ для „*Бородино*“. На пробѣ броненосецъ далъ только 16 узловъ хода вмѣсто контрактныхъ 18; для переборки машинъ совсѣмъ не было времени, и... машины были приняты. Въ походѣ съ ними было не мало возни: онѣ портились и порознь, и обѣ вмѣстѣ, задерживая ходъ всей эскадры“.

„Котлы системы Бельвиля на этихъ 4 броненосцахъ были вполнѣ удовлетворительны. Но и тутъ не обошлось безъ курьеза. Кронштадтскій портъ снабдилъ корабли такими „казеннаго образца“ банниками для чистки кипятильныхъ трубокъ, что они совсѣмъ не лѣзли въ трубки. По счастію, достигнутое уходомъ хорошее состояніе котловъ не требовало частой помощи банника; а то кочегары въ случаѣ нужды перефасонивали эту казенщину зубиломъ и ручникомъ, или же искали настоящихъ банниковъ, заготовленныхъ Балтійскимъ заводомъ, и берегли ихъ затѣмъ на экстренный случай, какъ сѣницу ока“.

„На нѣкоторыхъ броненосцахъ попадались неудачныя донки *Блэка* для котловъ на 600 фут. рабочаго давленія пара, а на другихъ донки того же завода работали вполнѣ исправно“.

На „*Орлѣ*“ оказались никуда негодныя мѣдныя трубы, соединяющія котлы съ главной магистралью. „Изъ 20 трубъ шесть взорвались во время похода. Одна изъ нихъ взорвалась около 5 часовъ 14 мая во время Цусимскаго боя. Эти трубы, расположенныя наверху кочегаренъ, около вентиляторовъ, рвались однако еще довольно счастливо: никто не былъ сильно обваренъ; минутъ чрезъ 40 давленіе спускалось до 35—40 фунтовъ, тогда кое-какъ пробирались къ клапанамъ и закрывали ихъ. Въ бою изъ-за этого пришлось пережить тяжелыя минуты... Если автоматическіе клапаны прикипали, взрывъ такой трубы могъ быть роковымъ, такъ какъ могъ повлечь за собою остановку главныхъ машинъ. Эти трубы оказались изъ пережженой мѣди. Если не было новыхъ трубъ для замѣны испорченныхъ, ихъ паяли на транспортѣ „*Камчатка*“ и обматывали стальной проволокой“.

„Съ электрическими передачами къ рулю была въ плаваніи большая возня; ихъ считали *ненадежными*, и на нихъ *не разсчитывали*. Передача электромоторами къ шестернямъ и далѣе къ румпелю негодна была съ самаго начала; плохой конструкціи былъ приводъ, показываю-

щій сколько положено руля; его исправляли, а черезъ часъ работы онъ опять ломался"...

Когда въ Кронштадтѣ затонулъ „*Орелъ*", на немъ оказалась испорченной установка паро-динамо; ее взяли съ недоконченнаго броненосца „*Слава*"; но тамъ онѣ были приспособлены для работы пара при давленіи 220—200 фунтовъ, а на „*Орлѣ*" на вспомогательной магистрали *красной чертой* было отмѣчено 180 фунтовъ"... Этимъ не смущались.

„Въ трюмной части броненосцевъ во время плаванія стали появляться большія прорухи. Мѣдныя трубы (осушительныя, пожарныя и др.), гдѣ была соленая вода, давали постоянно свищи; и команда буквально *съ ногъ сбивалась*, ставя бугеля на эти трубы. Самое же главное, изъ-за частыхъ погрузокъ угля стала страдать *непроницаемость*. Горловины угольныхъ ямъ ставились на резинѣ; отъ частаго хлопанья во время погрузокъ, перегрузокъ, отъ попадающаго на нее угля—резина портилась; достать же новой было не откуда, ея не хватало; и въ бою это сильно сказалось: вода съ верхней и баттарейной палубъ (отъ тушенія пожаровъ и поддаваемая въ полупортики и пробоины) устремлялась по разбитымъ снарядами шахтамъ, чрезъ „*недержащія*" горловины, прямо въ угольныя ямы и заполняла ихъ; при отдраиваньи горловинъ въ кочегарняхъ для доставанія угля, вода потокомъ бросалась изъ ямъ на площадки передъ котлами... Впечатлѣніе было такое, какъ-будто корабль получилъ пробоину въ угольную яму: такъ сильны были эти потоки пришлой воды, смущавшіе кочегаровъ. Присутствія ея здѣсь и возможность для нея при кренѣ перекатываться по дну угольной ямы (въ центральныхъ ямахъ—это „полъ" самого корабля) уменьшало, конечно, и остойчивость броненосца. Затѣмъ уголь „выливался" вмѣстѣ съ водой на площадки; попадая въ топки, онъ загорался не сразу, сильно дымилъ: держать паръ становилось труднѣе"...

Неудовлетворительна и во многомъ нерадива была постройка судовъ у насъ въ смыслѣ конструктивномъ, но неудовлетворительна была также и пріемка роботъ, произведенныхъ на судахъ, какъ объ этомъ говорятъ теперь многіе, кому приходилось и приходится имѣть дѣло съ поставками этого рода. Показная строгость пріемки была непомѣрна, но— не по существу дѣла, а на почвѣ формалистики, прижимокъ. Впрочемъ это было большею частію до тѣхъ только поръ, пока при первомъ же „дѣловомъ" разговорѣ, за особые труды изъ рукъ въ руки передаваемая, „благодарность" не возрастала до желаемой цифры... А то бывало и такъ, что механизмы собирались и ставились на мѣсто въ водахъ Балтійскаго моря, а спеціалистъ вѣдомства, приставленный для наблюденія за этой работой, за полторы тысячи верстъ отъ нея преспокойно жилъ себѣ, какъ на дачѣ, на берегу одной изъ большихъ рѣкъ внутренняго плаванія...

Во время похода эскадры обнаружилось, что сдѣланныя изъ гофрированнаго желѣза переборки на нижней броневой палубѣ крайне слабы

и не смогутъ удержать напора воды, когда будетъ пробитъ бортъ. Затѣмъ всѣ такъ называемыя водонепроницаемыя двери и горловины считались таковыми только на бумагѣ, въ отчетахъ техническихъ агентовъ морского вѣдомства, ихъ принимавшихъ „со всей строгостью", а на самомъ дѣлѣ онѣ оказались очень даже проницаемы...

А неисправность руля... Ею страдали многія суда и въ бою; а броненосецъ „*Орелъ*" на переходѣ отъ Либавы до Мадагаскара испыталъ со своимъ рулемъ двѣ серьезныя аваріи, заставившія броненосецъ оба раза выйти изъ строя.

Исправленіе серьезныхъ поврежденій у рулей на крейсерахъ „*Изумрудъ*" и „*Жемчугъ*" потребовало въ бухтѣ Нози-бей весьма нелегкой и мѣшкотной работы. Надъ ней водолазныя команды (изъ 14 человѣкъ) провозились одиннадцать сутокъ, работая день и ночь на большой зыби и подъ угрозою подвергнуться нападенію акулъ, отъ которыхъ часовые ограждали водолазовъ выстрѣлами изъ винтовокъ *).

Серьезныя поврежденія руля имѣли мѣсто въ походѣ также на броненосцѣ „Бородино", на многихъ крейсерахъ, миноносцахъ и транспортахъ **), не исключая даже и флагманскаго корабля.

На переходѣ вокругъ Африки до Мадагаскара весь экипажъ морально былъ измученъ постоянными остановками изъ-за поломки машинъ у транспорта „*Малайя*", который неоднократно пришлось вести на буксирѣ ***); дойдя до Мадагаскара, рѣшились наконецъ этотъ транспортъ разгрузить и отправить назадъ въ Россію.

На переходѣ отъ Мадагаскара до Аннама ту же печальную роль по части остановокъ сыгралъ броненосецъ 2-го класса „Сисой" съ его растрепанными машинами ****); думали оставить и его на пути въ какомъ-нибудь порту, если бы только это не было такъ скандально...

Большія аваріи и неоднократно терпѣли также машины на броненосцѣ „*Бородино*", на транспортѣ „*Камчатка*", на миноносцѣ „*Прозорливый*" и на многихъ другихъ судахъ *****). Большая часть такихъ аварій происходила обыкновенно въ ночное время; и остановки всей эскадры изъ-за этого были тягостны особенно тѣмъ, что въ это время съ часу на часъ ожидались ночныя минныя атаки на эскадру со стороны весьма подозрительныхъ соплавателей; наши развѣдчики-крейсеры почти каждую ночь открывали ихъ въ сторонѣ отъ эскадры, линія строя которой въ походѣ иногда растягивалась до 10 верстъ ******).

Послѣ сдѣланнаго нашей эскадрою громаднаго перехода, механизмы на нѣкоторыхъ судахъ имѣли много дефектовъ; паровыя и разныя другія трубы *******), недоброкачественно исполненныя, постоянно лопались; по-

---

*) „*Морск. Сборн.*", 1906, № 5, стр. 127—130.
**) Политковскій, стр. 5, 20, 41, 50, 56, 75, 142, 160, 166, 173, 178, 180 и другія.
***) Онъ же, стр. 28, 38, 40, 52, 56, 61, 73, 104 и др.
****) Онъ же, стр. 165, 180 и др.
*****) Политковскій, стр. 5, 7, 38, 41, 61, 64, 67, 70, 79, 85, 162, 165, 196.
******) Онъ же, стр. 165.
*******) Случаи съ паровыми трубами были даже на „*Суворовѣ*" и на „*Орлѣ*" (*Политковскій*, стр. 78 и 196).

этому приходилось держать на нѣкоторыхъ судахъ не полное давленіе пара, зарегистрованное для нихъ на бумагѣ, и убавлять изъ-за этого скорость хода для всей эскадры.

Различныя другія, такъ называемыя, техническія „мелочи“ также не мало способствовали пониженію боевыхъ качествъ нашего флота.

Скорость заряжанія 12-дюймовыхъ орудій, наприм., у насъ оказалась почти *вдвое меньшей*, чѣмъ у японцевъ („*Морск. Сборн.*“, 1906, № 3, стр. 191), а это при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, для насъ было равносильно какъ бы уменьшенію у насъ числа работающихъ въ данный моментъ тяжелыхъ орудій почти вдвое.

Затѣмъ сложныя установки различныхъ спеціальныхъ приборовъ на разныхъ судахъ тоже были различны, а главное они были вовсе незнакомы персоналу другого судна. Части этихъ приборовъ, если и были иногда одинаковы по конструкціи, не могли быть взаимно замѣняемы по калибрамъ. Къ какимъ практическимъ неудобствамъ въ дѣлѣ ведутъ всѣ такія „мелочи“, отлично понимаетъ каждый инженеръ.

Не особенно надежна въ бою была главная доморощенная часть нашей эскадры; не лучше того были и тѣ вспомогательныя боевыя единицы, которыя во время войны наскоро были куплены нами готовыми у гамбургской компаніи изъ ея старья. Эти, бывшіе когда-то быстроходными, пассажирскіе океанскіе пароходы были пріобрѣтены морскимъ вѣдомствомъ со всею роскошью отдѣлки ихъ пассажирскихъ салоновъ. Была полная возможность пріобрѣсти ихъ и безъ этого, но со скидкою въ стоимости. На мѣстѣ перестройки этихъ пароходовъ у насъ, значительная часть этой роскоши, среди бѣла дня, постепенно исчезала съ кораблей, деморализуя будущую команду этихъ судовъ, которую заставляли переносить эти казенныя вещи на берегъ, „на храненіе“... Спѣшно перестроенныя, спѣшно ремонтированныя и весьма слабо вооруженныя, „съ игрушечной артиллеріей“, эти суда оказали эскадрѣ слабую помощь въ походѣ, и никакой—въ бою: ихъ старыя, не экономично работавшія машины, въ походѣ пожирали массу топлива; для дальнихъ и обстоятельныхъ развѣдокъ ихъ не употребляли; держась на близкомъ разстояніи отъ эскадры, они узнавали очень немногое; своими неполными, незаконченными, но всегда тревожными, донесеніями, они только поддерживали панику на эскадрѣ, и этимъ мучили ее немилосердно; а въ бою эти суда активно не участвовали; нѣкоторымъ изъ нихъ передъ боемъ 14 мая Рожественскій далъ довольно фантастическія порученія и отослалъ ихъ подальше отъ эскадры. Это хорошо было сдѣлано. Также надо было поступить и съ транспортами и съ кораблями, сопровождавшими эскадру подъ коммерческимъ флагомъ.

Крейсеръ „*Днѣпръ*“, когда стояли въ водахъ Аннама, былъ высланъ Рожественскимъ навстрѣчу подходившему къ эскадрѣ и долго ожидавшемуся Небогатову; къ его отряду крейсеръ и долженъ былъ присоединиться; ночью „*Днѣпръ*“ увидалъ огни отряда Небогатова,

шедшаго ему навстрѣчу, но *подумалъ, что это японцы*, убоялся; не исполнивъ порученія, онъ вернулся назадъ *)...

„*Уралъ*" совсѣмъ не рѣшались пускать въ крейсерскія операціи, т. к. его командиръ *открыто мечталъ о разоруженіи* **)... Мечта его не осуществилась: въ бою крейсеръ былъ разстрѣлянъ и потопленъ японцами...

Передъ боемъ „*Ріонъ*" и „*Днѣпръ*" были отправлены вмѣстѣ съ транспортами въ Шанхай, какъ бы „для охраны" послѣднихъ въ пути... „*Кубанъ*" и „*Терекъ*" тоже были отосланы куда-то и не были въ бою.

Еще обиднѣе и циничнѣе оказалась исторія съ *милліономъ рублей*, который, въ порывѣ патріотическаго воодушевленія, графъ Строгановъ пожертвовалъ на пріобрѣтеніе быстроходнаго крейсера-развѣдчика. Изъ доклада въ высшія сферы, открыто написаннаго тогда нынѣшнимъ г-мъ управляющимъ морскимъ вѣдомствомъ, адмираломъ Бирилевымъ, и обошедшаго въ печати всѣ журналы, видно, что на эти средства былъ купленъ вѣдомствомъ старый, изношенный, нѣмецкій пассажирскій пароходъ „*Lahn*", который на его родинѣ прослужилъ 17 лѣтъ, за негодностью ***) давно былъ переведенъ на береговую службу и представлялъ собою „хламъ, заключающійся въ ломѣ желѣза и дерева"... Его поремонтировали, покрасили, снарядили и тоже отправили въ походъ; но отъ Скагена пришлось вернуть его назадъ.

Передъ самымъ началомъ войны у итальянскихъ заводчиковъ оказались готовыми два хорошихъ броненосныхъ крейсера. Они намъ предлагали взять ихъ на льготныхъ условіяхъ ****). Морскому вѣдомству, опиравшемуся на мнѣніе Рожественскаго, они показались „неподходящими"... Итальянцы, повидимому, очень желали, чтобы эти крейсера были пріобрѣтены именно Россіей, а не Японіей; но дѣло не состоялось... Эти крейсера подъ именемъ „*Ниссина*" и „*Касуги*" участвовали въ войнѣ съ нами и оказались превосходными.

Какъ бы въ насмѣшку надъ нами „*Касуга*" подъ Артуромъ одинъ громилъ цѣлые отряды нашихъ крейсеровъ съ разстоянія до 12 верстъ, на которое не могъ стрѣлять ни одинъ изъ нашихъ кораблей; и это обстоятельство нерѣдко ставило наши отряды въ трагикомическое положеніе *****). Тотъ же самый „*Касуга*" передъ сдачей отряда Небогатова 15 мая одинъ безнаказанно началъ обстрѣливать „*Николая I-го*" съ

---

*) Политковскій, стр. 251.

**) Онъ же, стр. 247, 259.

***) Наше морское вѣдомство чуть было не купило также у Чили и Аргентины ихъ старыя суда изъ остатковъ ихъ военнаго флота. Лучшія боевыя единицы его въ свое время были пріобрѣтены Англіей и Японіей, а эти остатки были ими забракованы. Спасла насъ отъ этого, говорятъ, только случайность, только черезчуръ робкая, длительная и неясная разработка продавцами вопроса о величинѣ „благодарности" въ промежуточныхъ инстанціяхъ. А рѣчь шла о затратѣ на это пріобрѣтеніе до 75 милліоновъ рублей (см. „*Рус. Богат.*", 1905, № 7). Въ Цусимскомъ проливѣ нашлось бы мѣсто и для этого хлама.

****) „*Нов. Вр.*", 1906, № 10.744.

*****) „*Морск. Сборн.*", 1906, № 2, стр. 156.

разстоянія въ 8,5 верстъ; и опять никто въ этомъ нашемъ отрядѣ не могъ отвѣчать на такой разстрѣлъ; а весь остальной боевой составъ эскадры Того, окруживъ Небогатова со всѣхъ сторонъ, въ это время стоялъ вдали, величавый въ своей грозной мощи*)... Такъ вотъ такіе корабли намъ были не подходящи, а „*Lahn*" и др. рухлядь — очень кстати. И этотъ „*Lahn*" съ его 250-ю заплатами, которыя пришлось поставить на его котлахъ передъ отправкою его въ походъ, цинично назвали еще „*Русью*"...

Несомнѣнно плоха была посланная нами эскадра. Часть нашей вліятельной прессы, наиболѣе освѣдомленной въ морскихъ сферахъ, устами своихъ корреспондентовъ, выдававшихъ себя за спеціалистовъ въ морскомъ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе позволяла себѣ успокаивать нашу страну и хвастаться передъ всѣмъ міромъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, приводимыхъ здѣсь дословно:

„Эскадра наша свѣжѣе, новѣе, лучше обученная и имѣетъ прекрасную артиллерію; тогда какъ японцы, ослабленные боями 28 іюля и 1 августа, имѣющіе такія поврежденія на судахъ, исправить которыя потребуется полгода и болѣе, почти лишенные орудій крупныхъ калибровъ, должны будутъ избѣгать открытаго боя". „*Нов. Время*", 1904 г., № 10308, отъ 10 ноября.

Во всемъ этомъ не оказалось даже и намека на правду.

Артиллерія, наша и японская, если судить о нихъ по числу орудій, поставленныхъ на судахъ, которыя встрѣтились подъ Цусимою, можетъ быть охарактеризована данными, приведенными въ изданіи „*В. К. А. М., Морскіе Флоты*", 1906, на стр. 71 приложенія:

Калибръ.	12	10	9	8	6	дюймовъ
у Японцевъ. . . .	16	1	—	30	174	орудія
у Русскихъ. . . .	26	15	4	8	91	„

По числу большихъ и дальнобойныхъ орудій *перевѣсъ въ артиллеріи былъ*, какъ видно изъ этихъ данныхъ, *на нашей сторонѣ*. Но въ бою главную роль играютъ:

1) качества орудій и снарядовъ,

2) установка орудій на корабляхъ,

3) умѣнье использовать орудія для той цѣли, для которой они предназначены.

Тутъ мы пасовали во всемъ.

Новой артиллеріей русскій военный флотъ началъ обзаводиться съ 1894 г. У старыхъ пушекъ, которыя передъ войною такъ и не успѣли перемѣнить на „*Николаѣ I-мъ*", „*Наваринѣ*" и „*Нахимовѣ*", длина канала была въ 30 и 35 калибровъ; и орудіе дѣлало одинъ выстрѣлъ въ $1^1/_2$—2 минуты. У новыхъ орудій длина канала была въ 40—45

*) *Scientific American Suppl.*, 1906, № 1598.

калибровъ; скорострѣльность пушки была весьма значительно увеличена, живая сила снаряда также.

Но артиллерійское дѣло—живое дѣло, прогрессирующее необыкновенно быстро. За развитіемъ этого дѣла заграницей надо было очень зорко слѣдить и не отставать.

Артиллерійскій же отдѣлъ при Техническомъ Комитетѣ Морского Вѣдомства у насъ все время „запаздывалъ *) со введеніемъ тѣхъ усовершенствованій въ артиллеріи, которыя въ западныхъ государствахъ давно вошли уже въ жизнь".

Мы никакъ не могли справиться съ „перегрузкой" броненосцевъ, поэтому у насъ все стремились выработать болѣе легкій типъ пушекъ, но получили изъ-за этого типъ болѣе слабый **), чѣмъ у англичанъ и японцевъ, дающій на большихъ разстояніяхъ сравнительно малую пробивную силу.

Вѣсъ снарядовъ до 1892 года у насъ былъ много больше, чѣмъ у японцевъ, а затѣмъ въ послѣдніе годы подъ шумокъ мы его уменьшили и въ войну 1904—5 г. имѣли его много меньше, чѣмъ у японцевъ ***):

Калибръ орудій.	Вѣсъ русскихъ снарядовъ:		Вѣсъ японскихъ снарядовъ 1904 г.
	до 1892 г.	на войнѣ 1904 г.	
12 д.	1004 анг. ф.	736 анг. ф.	850 анг. ф.
8 д.	294 „	195 „	250 „
6 д.	123 „	92 „	100 „

Любопытно, какимъ образомъ, помимо экономіи, объясняется теперь это уменьшеніе вѣса нашихъ снарядовъ:

„Мы имѣли легкіе снаряды въ войну 1904 г. потому, что *ожидали* ****) *боя на разстояніи до 30 кабельт.* (до 5 в.)". Но странно было этого ожидать; разстояніе для боя можетъ выбирать только тотъ, у кого есть преимущества и въ скорости хода кораблей, и въ умѣньи владѣть орудіями, а у насъ не было ни того, ни другого, и не было никакихъ основаній разсчитывать на превосходство во всемъ этомъ и въ будущемъ.

Это объясненіе отчасти напоминаетъ собою образецъ нашихъ строительныхъ распоряженій въ П.-Артурѣ, при проектированіи фортовъ (см. главу II-ю).

Начиная съ 1892 г., въ артиллерійскія заготовки была внесена у насъ *принципіальная ошибка* [1]): „*Предполагалось*, что кораблямъ без-

*) „*Нов. Вр.*", 1905, № 10.519, статья Кладо.
**) Изданіе „*В. К. А. М., Военные Флоты*", стр. 57.
***) „*Морск. Сб.*", 1906, № 7, стр. 126.
****) Тамъ же, 1906, № 7, стр. 128.
[1]) Тамъ же, 1906, № 7, стр. 129, статья полк. Меллера.

полезно будетъ тратить свои снаряды для стрѣльбы съ большихъ разстояній, такъ какъ, все равно съ этихъ разстояній брони пробить было нельзя, машины и котлы пробить нельзя, башенъ пробить нельзя и т. д. Если бы до войны 1904 г. были высказаны предположенія о гибели кораблей отъ артиллерійскаго огня съ цѣлою бронею, цѣлыми машинами и котлами, никто бы этому не повѣрилъ... Но война, этотъ ужасный экзаменъ, показала, что корабли тонутъ и безъ пробитія брони, тонутъ отъ надводныхъ пробоинъ, если эти пробоины достаточныхъ размѣровъ"...

Въ бою 28 іюля 1904 г. съ разстоянія 30—35 кабельт. (до 6 в.) японцы своими 12-дюймовыми орудіями могли пробивать броню въ $8^1/_2$ д., а самыми новѣйшими орудіями, даже $9^1/_2$ д. *), тогда какъ наши пушки при тѣхъ же условіяхъ могли бы пробивать броню не толще 8 д.

Въ дальнобойности наши пушки также уступаютъ англійскимъ и японскимъ (теоретически въ отношеніи 8 : 9 и даже 7 : 8, а практически—много болѣе). Подъ Артуромъ японцы изъ большихъ орудій насъ громили иногда съ разстоянія 80—95 кабельт. (ок. 14—16 в.), ничѣмъ не рискуя сами, т. к. *у насъ въ началѣ войны прицѣлы были разбиты для полученія радіуса дѣйствія никакъ не болѣе 65 кабельт.* (11 в.); но и на такія разстоянія мы никогда еще и *не пробовали стрѣлять*...

Дальномѣры лучшей конструкціи *Barr & Stround* существовали уже лѣтъ восемь, а мы начали ими обзаводиться только въ началѣ войны. На японскихъ броненосцахъ въ бою 14 мая ихъ было штукъ по 12—13, а у насъ по 2—3. На отрядъ Небогатова ихъ сдали прямо въ закупоренныхъ ящикахъ **), не провѣренными...

Началась уже война, а оптическихъ прицѣловъ у насъ не было *ни одного*. Едва успѣли снарядить ими эскадру Рожественскаго; выручили нѣмцы... Отверстія въ башенныхъ крышкахъ для постановки этихъ прицѣловъ однако все еще не существовали даже и при выходѣ эскадры изъ Либавы ***). „Ковыряла" эти отверстія въ походѣ вплоть до испанскихъ береговъ судовая машинная команда...

Установки оптическихъ прицѣловъ передъ выходомъ эскадры въ походъ не всѣ были провѣрены у насъ на полигонахъ,—не успѣли (!) этого сдѣлать. Въ рукахъ людей, не умѣющихъ осторожно обращаться съ этими деликатными приборами, прицѣлы не рѣдко портились. При уходѣ эскадры изъ Кронштадта ни офицеры, ни комендоры не были практически знакомы съ употребленіемъ оптическихъ прицѣловъ при дальнобойныхъ орудіяхъ ****).

Въ пути почти ежедневно шли упражненія въ наводкѣ орудій съ этими прицѣлами; для практической же стрѣльбы представилось въ пути

---

*) Броненосецъ *„Побѣда"* получилъ пробоину въ его 9-дюймовой бронѣ съ разстоянія 30—32 кабельт.

**) *„Нов. Вр."*, 1906, № 10.744.

***) *„Нов. Вр."*, 1905, № 10.519.

****) *„Морск. Сборн."*, 1905, № 9, стр. 230.

только два случая (въ бухтѣ *Нози-бей* на Мадагаскарѣ): стрѣляли въ пловучіе щиты на разстояніи 20—30 кабельтовъ при скорости хода въ 10 узловъ. Результатъ стрѣльбы оказался очень плохой: *всѣ щиты остались не тронутыми* *)...

Во время одного изъ этихъ морскихъ ученій снарядъ, пущенный съ флагманскаго корабля „*Суворовъ*", угодилъ въ крейсеръ „*Дмитрій Донской*"; снарядъ ударилъ въ мостикъ, испортилъ его, ранилъ человѣкъ 10 и полетѣлъ дальше **)...

„*Суворову*" вообще сильно не везло. При встрѣчѣ нашей эскадры возлѣ Гулля съ флотиліей англійскихъ рыбаковъ, флагманскій корабль первый открылъ по нимъ огонь, но разстрѣлялъ не только ихъ, а и нашъ крейсеръ „*Аврору*"; этому крейсеру изрѣшетили бортъ и трубы, смертельно ранили на немъ священника, контузили одного комендора, и сдѣлали крейсеру 4 подводныхъ пробоины 6-дюймовыми снарядами ***)...

О нашихъ оптическихъ прицѣлахъ въ бою одинъ изъ товарищей получилъ слѣдующія свѣдѣнія отъ комендоровъ:

„Установка прицѣловъ была закончена окончательно въ плаваніи; при повѣркахъ установки, сдѣланной въ Россіи, оказывались порядочныя уклоненія. Пользоваться прицѣлами въ бою приходилось очень мало: послѣ первыхъ же выстрѣловъ стекла оказывались покрытыми копотью, брызгами воды. Благодаря этому; прицѣлы дѣлались безполезными ****); и все время боя стрѣляли такимъ образомъ безъ оптическихъ прицѣловъ"...

„Русскіе плѣнные офицеры старались разузнать, въ какомъ положеніи было это дѣло на японскихъ корабляхъ, и однажды спросили японскаго морского штабъ-офицера, бывшаго въ бою 14 мая,—не оптическимъ ли прицѣламъ обязаны японцы мѣткостью своей стрѣльбы; но тотъ уклончиво засмѣялся и только похлопалъ себя по правому глазу. Отрицалъ ли онъ употребленіе у нихъ оптическихъ прицѣловъ, или же хотѣлъ дать понять, что и при этихъ прицѣлахъ главнымъ остается все-таки сноровка и вѣрный глазомѣръ,—сказать трудно".

„Съ разстоянія въ 40—50 кабельт. (до 8,5 верстъ) японцы не только свободно попадали въ корабль, но попадали въ самыя жизненныя его части, заклинивали башни, руль, пробивали и валили мачты, трубы. Они вообще привыкли стрѣлять на большихъ дистанціяхъ. Разстояніе между эскадрами въ бою 14 мая меньше 30—22 кабельт. (5—3,5 в.) не было, но увеличивалось иногда до 50—60 кабельт.

---

*) „*Морск. Сборн.*", 1905. № 9, стран. 230.

**) *Политковскій*, стр. 118, 119, а также письмо А. М. Плѣшкова.

***) Онъ же, стр. 11. Показавшись на горизонтѣ въ сторонѣ отъ главнаго отряда нашей эскарды, „*Аврора*" навела свой прожекторъ на „*Суворова*" и тоже готова была въ него стрѣлять (стран. 44), но во время спохватилась.

****) Можетъ быть, въ этомъ бою среди тумана и дыма отъ нашихъ пожаровъ, и японцы полагались на прицѣлы только отчасти Капитанъ де-Ливронъ въ „*Нов. Вр.*" (1905, № 10.588) писалъ по этому поводу слѣдующее: „Пристрѣлявшись къ разстоянію, японцы, не теряя времени, начинали громить наши головные корабли настоящимъ градомъ снарядовъ, такъ что вода вокругъ насъ буквально кипѣла. А наша стрѣльба была вялая"...

(8,5—10 в.); тѣмъ не менѣе воздѣйствіе на насъ непріятельскаго огня ничуть не ослабѣвало даже и въ этомъ случаѣ; а 15 мая подъ вечеръ два японскихъ крейсера свободно разстрѣляли нашъ старый броненосецъ *„Ушаковъ“* съ разстоянія 70—80 кабельт. (около 13 верстъ) и пустили его ко дну... Наши комендоры въ артиллерійскихъ отрядахъ учились стрѣлять на 10—12—16 кабельт. (2—3 в.) Одинъ офицеръ, плававшій въ артиллерійскомъ отрядѣ въ 1904 г., утверждалъ, что они *однажды стрѣляли на 22 кабельт.* (4 в.); но другіе офицеры, плававшіе въ томъ же самомъ артиллерійскомъ отрядѣ, чистосердечно сознавались, что *отрядъ никогда не стрѣлялъ еще на 22 кабельтовыхъ...* А это было уже тогда, когда японцы „выучили“ нашу Артурскую эскадру стрѣлять на 60 кабельтовыхъ (10,5 в.); но это „ученье“ для насъ, какъ видится, прошло совершенно даромъ. Это платились тогда своей головой, вѣдь, въ другой русской эскадрѣ, не въ нашей“...

Затѣмъ наша Балт.-Цусимская эскадра вообще весьма немного *училась маневрированію и стрѣльбѣ на большомъ ходу* (*„Морск. Сборн.“*, 1905, № 9, стран. 229). А въ этомъ—вся суть дѣла въ бою; и противникъ, который прекрасно умѣлъ это дѣлать, сразу получилъ надъ нами большія преимущества. Мы не занимались этимъ въ походѣ, чтобы не разрабатывать паровыхъ машинъ и дальнобойныхъ орудій, чтобы не тратить угля и не тратить боевыхъ снарядовъ, такъ какъ достаточно запаса ихъ на это *не было и выдано въ Кронштадтѣ.*

Времени для обученія стрѣльбѣ на стоянкахъ было цѣлыхъ три съ половиной мѣсяца, но имъ толково не воспользовались и наша команда въ концѣ-концовъ оказалась очень небрежно обученной стрѣльбѣ (*„Морск. Сборн.“*, 1905, № 9, стран. 225).

Въ результатѣ отъ всего этого вышло вотъ что: на бумагѣ у японцевъ въ бою было всего только 16 штукъ 12-дюймовыхъ орудій противъ 26 штукъ у русскихъ; но въ дѣйствительности, вслѣдствіе мѣткости ихъ стрѣльбы, практическаго умѣнья быстро пристрѣливаться съ дальнихъ разстояній, съ которыхъ мы совсѣмъ никогда не учились стрѣлять, это отношеніе вмѣсто 16:26 обратилось въ 64:26 (*„Морск. Сборн.“*, 1905, № 9, стран. 226), такъ какъ попаданіе у нихъ было въ 3—4 раза лучше чѣмъ у насъ. Примѣрно такое же отношеніе попаданій выстрѣловъ оказалось и для болѣе легкой артиллеріи (*тамъ же*, стран 226).

А если принять во вниманіе *удвоенную быстроту заряжанія* японскихъ большихъ орудій противъ нашихъ, то это отношеніе могло обратиться уже въ 128:26, т.-е. почти въ *пять*. Итакъ, на судахъ нашей эскадры мы имѣли тяжелыхъ орудій на 60% больше, чѣмъ японцы, а изъ-за ихъ несовершенства и неумѣнья владѣть ими, какъ слѣдуетъ, наши главныя боевыя силы были почти въ *5 разъ слабѣе* японскихъ. Но и это было бы въ томъ только случаѣ, если бы японцы совсѣмъ не выводили нашей прислуги при орудіяхъ изъ строя; а объ этомъ благопріятномъ случаѣ въ бою намъ даже и помечтать не при-

шлось: ихъ снаряды въ самомъ началѣ боя прилетали къ намъ „съ промежутками менѣе одной секунды“ („*Морск. Сборн.*“, № 9, стр. 215) и обрушивались прежде всего на орудія и команду при нихъ.

„Послѣ капитуляціи П.-Артура, въ ожиданіи нашей Балт.-Цусимской эскадры, японцы начали готовиться къ ея встрѣчѣ *); каждый японскій комендоръ выпустилъ изъ своего орудія при стрѣльбѣ въ цѣль пять боевыхъ комплектовъ снарядовъ (около 300 штукъ). Затѣмъ износившіяся пушки были всѣ замѣнены новыми“.

„Наши же комендоры *на новыхъ броненосцахъ* почти совсѣмъ не стрѣляли изъ своихъ орудій, если не считать ночныхъ событій возлѣ Гулля. На стоянкѣ же у Мадагаскара было выпущено *только по три боевыхъ снаряда* **) на орудіе“...

Затѣмъ слѣдуетъ подчеркнуть, что на нѣкоторыхъ старыхъ броненосцахъ поставили у насъ новыя орудія, а размѣры портовъ для нихъ не увеличили настолько, чтобы можно было использовать всю дальнобойность новаго орудія ***). Благодаря этому, при большихъ дистанціяхъ и новыми орудіями на выстрѣлъ непріятеля мы не могли отвѣчать...

Въ устройствѣ боевыхъ рубокъ и башенныхъ установокъ оказался у насъ на новыхъ броненосцахъ цѣлый рядъ недосмотровъ въ такъ называемыхъ „мелочахъ“, порождающихъ весьма серьезныя послѣдствія ****). Полупортики 3-дюймовыхъ орудій оказались слабы, задраивались *со щелями до полдюйма*; и въ эти прорѣзы, расположенные близъ ватерлиніи, свободно захлестывалась вода еще за долго до полученія кораблемъ непріятельскихъ пробоинъ. Башенныя стойки 12-и 6-дюймовыхъ батарей были поставлены такъ близко къ борту, что, при ударѣ снаряда въ бортъ и его отгибѣ внутрь, башня неминуемо должна была выходить изъ строя. Въ боевыхъ рубкахъ у насъ было не безопасно отъ осколковъ японскихъ снарядовъ и т. д.

Японскіе снаряды и наши. Въ снарядномъ дѣлѣ мы и вовсе отстали отъ японцевъ. Да и само по себѣ это дѣло было поставлено у насъ совершенно неправильно. Разрывнымъ, фугаснымъ дѣйствіемъ снаряда у насъ пренебрегали, о примѣненіи сильно взрывчатыхъ веществъ не позаботились; „наводили экономію“ въ стоимости снарядовъ, и требуемаго запаса ихъ не имѣли. Завели броненосцы по $11\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей штука, но вздумали обойтись на нихъ снарядами почти бутафорскими: взрывчатаго вещества—поменьше, оболочка—подешевле.

Количество взрывчатаго вещества, затраченнаго на изготовленіе снаряда, въ процентахъ отъ вѣса снаряда выражается слѣдующими цифрами:

---

*) Брошюра капитана Вл. Семенова—*Цусимскій бой*, стран. 45.

**) Эта цифра взята мною изъ письма одного изъ нашихъ товарищей-техниковъ. Въ американскомъ флотѣ считается нужнымъ, чтобы каждый изъ комендоровъ при обученіи его сдѣлалъ 60—70 выстрѣловъ изъ крупныхъ орудій. Обученіе происходитъ не передъ боемъ, не въ походномъ плананіи; а въ родныхъ водахъ, на свободѣ. *П. X.*

***) „*Scientific Amer. Juppl.*“, 1906, *august* 18; а также „*Нов. Вр.*“, 1906, № 10.744, исповѣдь Небогатова.

****) Изъ писемъ кораб. инж. Политковскаго. „*Нов. Вр.*“, 1906, № 10.726.

Снаряды.	Бронебойные:		Фугасные:	
	12-д.	6-д.	12-д.	6-д.
Русскіе	1%	2%	2%	3,4%
Англійскіе. . .	5 „	5,5 „	9,5 „	9,5—13 „

Только до 1887 г. оболочка снарядовъ дѣлалась у насъ изъ вальцованной стали высокихъ качествъ, а затѣмъ съ 1891 г., *ради дешевизны* *), мы перешли къ литымъ толстостѣннымъ снарядамъ. Но такъ какъ при этомъ въ нашихъ такъ называемыхъ фугасныхъ снарядахъ взрывчатаго вещества было меньше, чѣмъ въ англійскихъ бронебойныхъ, то, слѣд., надо заключить, что *у нашей Б.-Цусимской эскадры совсѣмъ не было настоящихъ фугасныхъ снарядовъ*, а было... только одно ихъ названіе въ рапортахъ и отчетахъ.

Въ старыхъ снарядахъ (до 1887 г.) и у насъ количество взрывчатаго вещества достигало 8% отъ вѣса снаряда; а когда перешли къ „новымъ" снарядамъ, т.-е. литымъ, въ эту тайну уменьшенія ихъ взрывной силы нашихъ офицеровъ не посвятили, и *„новыми" снарядами не стрѣляли даже и въ артиллерійскомъ отрядѣ* **). Поэтому съ разницей въ дѣйствіи нашихъ „новыхъ" снарядовъ и японскихъ всѣ начали знакомиться только во время боя.

Послѣ боя создалась даже легенда, что японцы изобрѣли противъ насъ что-то такое еще болѣе новое. Вся новость была только въ составѣ начинки, количествѣ ея, а также и въ томъ, что мы пошли назадъ въ снарядномъ дѣлѣ, а они впередъ. Снарядовъ съ пироксилиномъ ни у кого не осталось: во Франціи давно уже перешли на мелинитъ, Англія употребляетъ лиддитъ, Японія—шимозу, а мы такъ и заплѣсневѣли на пироксилинѣ, да еще „съ экономіей"...

По свидѣтельству Небогатова, нашихъ снарядовъ взрывалось не болѣе 25%, при ударѣ *они не зажигали иногда даже и сухого дерева*, и газы давали безвредные; тогда какъ отъ японской шимозы у насъ былъ случай удушья двухъ врачей на *„Сисоѣ"*...

Невзрываемость снарядовъ оправдываютъ тѣмъ, что во время плаванія подъ тропиками взрывчатый составъ якобы испортился, разложился ***). Въ тропическую атмосферу они попали изъ Кронштадта; оттуда при сильномъ морозѣ по льду ихъ везли въ Ораніенбаумъ, грузили

*) Изданіе *„В. К. А. М., Военные Флоты"*, стр. 63.
**) Тамъ же, стр. 65.
***) *„Морск. Сборн."*, 1905, № 9, стр. 215. Несомнѣнно, что въ большой зависимости отъ плохихъ качествъ нашихъ снарядовъ были и тѣ сравнительно небольшія потери въ людяхъ, которыя оказались у японцевъ подъ Цусимою. Они потеряли тамъ: убитыми—90, смертельно ранеными—27, серьезно ранеными—181 и болѣе легко ранеными—401. Изъ всѣхъ потерпѣвшихъ 699 чел. на долю убитыхъ и тяжело раненыхъ приходится около 42% (*„Морск. Сборн."*, 1906, № 5).

здѣсь въ вагоны и доставляли въ Либаву; а тамъ они до осени лежали на платформѣ непокрытыми *), пока не подошла очередь ихъ погрузки на корабли.

Когда пришло время отпускать эскадру въ походъ,—а случилось это послѣ восьми мѣсяцевъ подготовки къ этому, у насъ *оказался* (*!*) *недостаточнымъ запасъ снарядовъ*; противъ положенной нормы, и на ученье и на всѣ случайности, вродѣ Гулльской, былъ выданъ излишекъ не болѣе 20%. Съ такимъ запасомъ эскадра практиковаться въ стрѣльбѣ не могла. Рѣшили все-таки отправить эскадру въ походъ и ждать подвоза снарядовъ въ пути. Въ догонку за эскадрою былъ посланъ транспортъ со снарядами. Для этого былъ зафрахтованъ англійскій (!) пароходъ „*Carlisle*“. А дальше началась обычная во время этой войны комедія съ англійскими транспортами. Ждали его у Мадагаскара,—не пришелъ; ждали въ Камранской бухтѣ, и туда не пришелъ. Пройдя Малаккскій проливъ, англійскій пароходъ... сбился съ пути и вмѣсто Камрана попалъ въ Маниллу. Японскіе агенты ему тамъ сдѣлали демонстрацію и объявили, что, если только онъ выйдетъ изъ порта, онъ будетъ взорванъ... Тогда онъ остался спокойно стоять въ портѣ, а вся эта комедія имѣла для насъ весьма трагическій конецъ: русская эскадра пошла въ бой безъ достаточнаго запаса снарядовъ. Плохіе снаряды и тѣ надо было экономить въ бою, испытывая на себѣ частый градъ японскихъ снарядовъ...

Такимъ образомъ, корень зла лежалъ у насъ не только въ дурной стрѣльбѣ, не только въ отсутствіи попаданій, но также и въ дурномъ качествѣ снарядовъ, и въ ихъ недостачѣ.

Только уже по окончаніи войны со снарядами были сдѣланы опыты во Владивостокѣ **), чтобы окончательно убѣдиться въ ихъ негодности; ну, и убѣдились, но... уже не много поздно.

Японская броненосная эскадра въ бою 14 мая 1905 г. стрѣляла фугасными снарядами съ сильнымъ разрывнымъ дѣйствіемъ. Эти снаряды предназначались для быстраго пораженія всѣхъ слабо защищенныхъ частей непріятельскаго корабля, для стрѣльбы по корпусу, для производства большихъ пробоинъ и пожаровъ, для вывода мелкой и крупной артиллеріи, для уничтоженія паровыхъ и гребныхъ шлюпокъ, для порчи трубъ, мачтъ, для пораженія людей на смерть, для воздѣйствія паническимъ страхомъ на видѣвшихъ все это и оставшихся въ живыхъ и т. д. Мѣткость японскихъ комендоровъ и разрывное дѣйствіе японскихъ снарядовъ казались всѣмъ нашимъ участникамъ Цусимскаго сраженія прямо сверхъ-естественными.

Ударники на ихъ снарядахъ были необыкновенно большой чувствительности; поэтому японскіе снаряды рвались *отъ перваго прикосновенія съ чѣмъ-либо*, даже и съ водой; они давали очень много осколковъ

---

*) „*Нов. Вр.*“, 1906, № 10.744.
**) „*Нов. Вр.*“, 1906, № 10.754.

и большіе клубы чернаго, ѣдкаго дыма. Попадая на палубу корабля ихъ снаряды своими осколками крошили все на пути, выводили изъ строя людей, портили намъ приборы. Наши же снаряды имѣли очень тугіе ударники и были слабо начинены пироксилиномъ; когда такіе снаряды пронизывали препятствіе, они дѣлали въ немъ дыру и только затѣмъ уже иногда рвались. Между тѣмъ одинъ разрывающійся на кораблѣ снарядъ такого состава, какъ у насъ, производитъ опустошеній и разрушеній больше, чѣмъ 3—4 попадающихъ, но не разрывающихся, снаряда („*Морск. Сборн.*“, 1905, № 9, стр. 225). Это обстоятельство опять въ 3—4 раза должно было бы усиливать качественный коэффиціентъ японской артиллеріи; а на дѣлѣ, вслѣдствіе особыхъ качествъ заряда, у японскихъ снарядовъ эта разница оказалась еще больше.

Разрывные японскіе снаряды, выпускаемые 12-дюймовыми орудіями, имѣли около фута въ діаметрѣ и болѣе четырехъ футовъ въ длину. Наши матросы прозвали ихъ „чемоданами“... Такъ вотъ эти самые чемоданы рвались отъ малѣйшей задержки въ ихъ полетѣ; но такъ рвались, что, по словамъ капитана Семенова*), „стальные листы борта и надстроекъ на верхней палубѣ летѣли въ клочья и своими обрывками выбивали людей; желѣзные трапы свертывались въ кольца; неповрежденныя 3-дюймовыя пушки по четыре штуки отъ одного удара срывались со станковъ. Зависѣло это разрушительное дѣйствіе повидимому, не отъ *силы удара* снаряда, а отъ *силы взрыва* его; кромѣ этого, при взрывѣ развивалась необычайно высокая температура и появлялось пламя, которое все заливало и проникало собою. Отъ дѣйствія этого пламени, напр., краска, покрывающая стальной бортъ, моментально загоралась, койки и чемоданы, сложенные въ нѣсколько рядовъ и политые водою, вспыхивали почти мгновенно яркимъ костромъ. Раскаленный воздухъ приходилъ на мѣстѣ взрыва въ такое быстрое колебаніе, что черезъ слой его ничего нельзя было видѣть въ бинокль... Разрывной зарядъ японскихъ снарядовъ былъ начиненъ шимозой, которая при взрывѣ развиваетъ температуру почти въ два раза высшую, чѣмъ пироксилинъ. Въ грубомъ приближеніи можно сказать, что *одинъ* удачно разорвавшійся японскій снарядъ наносилъ такое же разрушеніе, какъ *двѣнадцать* нашихъ, тоже удачно разорвавшихся. А вѣдь наши снаряды часто и вовсе не рвались“...

Если считать эту цифру *12* за достовѣрную и принять во вниманіе все то, что было высказано выше относительно качественнаго коэффиціента японской артиллеріи, тогда мы его получимъ теперь уже равныхъ 5×12, т.-е. 60. Другими словами, въ бою мы имѣли передъ собою противника, артиллерія котораго могла работать въ 60 разъ продуктивнѣе нашей. При совпаденіи всякихъ благопріятныхъ для насъ случайностей, уменьшимъ эту цифру въ 2—3—4 раза, но и тогда на

---

*) См. его брошюру—*Цусимскій бой*, стр. 94, 46, 47, 56, 57.

сторонѣ нашего противника все еще остается громадный перевѣсъ, позволявшій ему безъ особаго труда истреблять наши боевые корабли...

Когда японскій снарядъ попадалъ въ тонкую обшивку ($^5/_8$ — $^3/_4$ д.), пробоина отъ такого снаряда получалась очень большихъ размѣровъ, гораздо больше площади сѣченія снаряда; и края пробоины получались отогнутыми и свернутыми. Задѣлывать такія пробоины, обшивая ихъ досками, было очень трудно. Съ другой стороны достаточно было часто небольшой брони, чтобы защититься отъ снарядовъ, которые выпускались съ большого разстоянія. На кормѣ „*Орла*" былъ сдѣланъ казематъ изъ обыкновенной стальной брони въ 3 д. толщиною. Въ бою 14 мая два раза попадали въ него 6 и 8-дюймовые снаряды, и ни одинъ изъ нихъ не пробилъ этой легкой брони*).

„Фугасные снаряды**), которыли японцы громили нашу эскадру 14 мая, совершенно не пробивали брони", пишетъ одинъ изъ нашихъ товарищей. „Не только закаленная крупповская броня въ 6—7 дюймовъ, но даже и мягкая трехъ-дюймовая броня казематовъ нигдѣ не была ими пробита. Нормальнымъ къ поверхности ударомъ снаряда о башенную броню (каленую и толстую) была сбита лишь немного окалина со стали, а углубленіе было *не больше четверти дюйма*. О силѣ же взрыва, развивающейся послѣ удара, можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

1) у одного изъ нашихъ новыхъ броненосцевъ броневая плита въ нѣсколько сотъ пудовъ была сорвана силою взрыва со своихъ броневыхъ болтовъ и была сброшена за бортъ;

2) въ 10 саженяхъ отъ борта крейсера „*Олегъ*" снарядъ разорвался въ водѣ, и при этомъ развилась такая громадная сила взрыва, что стальной бортъ крейсера на длинѣ 14 фут. подался внутрь, давши стрѣлу прогиба въ 10 дюймовъ***);

3) одинъ изъ снарядовъ влетѣлъ въ амбразуру 12-дюймовой башни и тамъ взорвался; стальная крышка башни (эллиптическая, размѣры въ ширину около 24 и 20 фут., толщина 4 дюйма) была сорвана съ болтовъ, переломлена пополамъ и подброшена вверхъ футовъ на 50 (оттуда она снова упала на палубу); а изъ башни, по словамъ офицеровъ, видѣвшихъ это явленіе взрыва съ „*Орла*", вырвался въ это время сплошной столбъ огня фут. въ 60—70 высотою".

„Не пробивая брони, японскіе снаряды превосходно доставали и людей, прикрытыхъ броней, и аппараты: осколки залетали одинаково легко и въ большіе порта казематовъ, и въ болѣе узкіе прозоры боевой рубки; офицеры, командиры башенъ, которымъ оставлены для наблюденія лишь узкіе прозоры не больше дюйма шириною, лишались глазъ отъ маленькихъ осколковъ снарядовъ; при попаданіи же снаряда въ

*) *Scientific Amer. Suppl.*, 1906, № 1598, *pg.* 25.600.

**) Изъ писемъ нашихъ товарищей-техниковъ, участвовавшихъ въ бою и осматривавшихъ наши корабли, сданные въ плѣнъ.

***) „*Морск. Сборн.*", 1905, № 9.

башню вблизи амбразуръ, осколки влетали въ башню, поражали комендоровъ и производили иногда взрывъ (пожаръ) приготовленныхъ для стрѣльбы снарядовъ; въ машины и кочегарни залетали и осколки снарядовъ, и оторванные ими куски разныхъ аппаратовъ (напр., бронзовые зубцы шестерень отъ электрическихъ лебедовъ и т. п.")

„Пробивающая сила отдѣльныхъ кусковъ снаряда была не особенно велика: внутреннія каюты, напр., имѣли только вдавлины въ своихъ бортовыхъ переборкахъ; точно также осколки, пробившіе бортъ и внутреннюю переборку внѣшней каюты, почти лишались своей силы".

„Японскій огонь дѣлалъ совершенно невозможнымъ для людей пребываніе *внѣ брони*, особенно наверху, т.-к. *на корабляхъ, уцѣлѣвшихъ послѣ боя 14 мая, трудно было найти хоть одно живое мѣсто*".

„Японскіе снаряды рвались на громадное число крупныхъ и мелкихъ осколковъ самаго различнаго вѣса и величины,—вплоть до самыхъ мельчайшихъ, иногда и совершенно безопасныхъ: въ японскомъ госпиталѣ былъ одинъ нашъ матросъ, въ котораго попало болѣе 120 осколковъ; нѣкоторые изъ нихъ не нуждались даже и въ хирургическомъ извлеченіи".

„Кромѣ пораженія людей, фугасные снаряды японцевъ производили громадныя зіяющія пробоины въ легкомъ борту; площадь этихъ пробоинъ, полученныхъ отъ 12-дюймоваго снаряда, достигала отъ 10 до 20 квадратныхъ футовъ. Если есть порядочная зыбь, то даже и при высокой бронѣ вода нахлестывается въ палубы чрезъ эти пробоины; а разливаясь по палубѣ, вода попадаетъ въ бомбовые погреба, угольныя ямы и т. д. Присутствіе на палубахъ большого количества воды, попавшей чрезъ эти пробоины и могущей свободно переливаться съ борта на бортъ, пагубно отражается на остойчивости корабля, если не принять мѣръ для ея немедленнаго удаленія съ палубы. На такихъ плохобронированныхъ корабляхъ, какъ „*Наваринъ*", „*Ослябя*" или „*Сисой Великій*", подобныя пробоины могли вести ихъ прямо къ гибели".

„При попаданіи 10 или 12-дюймоваго снаряда въ мачту или трубу, снарядъ могъ свалить ихъ. Можно вообразить себѣ, какова будетъ тяга у группы котловъ при сбитой дымовой трубѣ, съ перекрученными перегородками"...

„У хорошо бронированныхъ кораблей разрушенія по корпусу, причиняемыя фугасными снарядами, бывали не столь существенны; а причиняемые ими пожары на нашихъ броненосцахъ были не только грандіозны сами по себѣ, но и тяжело дѣйствовали на моральную сторону команды.—„Ну, Ваше Благородіе, что у насъ наверху!.. Ничего не осталось!.." говоритъ бывало кто-нибудь изъ команды, мелькомъ увидавши такое пожарище, когда жизненныя части корабля были еще не тронуты нисколько"...

Наши офицеры, которые участвовали какъ въ морскомъ сраженіи 28 іюля 1904 г. подъ П.-Артуромъ, такъ и въ бою 14 мая 1905 г. подъ Цусимою, и которые счастливо остались въ живыхъ, увѣряютъ,

что, будто бы этихъ новыхъ разрывныхъ снарядовъ, дѣйствующихъ наподобіе минъ, въ 1904 г. у японцевъ еще не было. Снабдить такими новыми снарядами передъ боемъ 14 мая они могли, повидимому, пока только орудія крупныхъ калибровъ въ тѣхъ главныхъ двухъ броненосныхъ отрядахъ (12 судовъ), которые должны были нападать на наши броненосцы. Японскіе же отряды мелкихъ крейсеровъ, вѣроятно, еще не всѣ имѣли при себѣ такіе снаряды, какъ убѣждаетъ въ этомъ, напр., успѣшная борьба нашего крейсера „*Дмитрія Донского*" 15 мая 1905 г. съ отрядомъ изъ шести легкихъ японскихъ крейсеровъ, которые, сами получивъ отъ „*Донского*" пожары, обратились въ бѣгство, не причинивъ ему большого вреда.

Ядовитые, удушливые газы, развивающіеся при дѣйствіи разрывныхъ японскихъ снарядовъ, производятъ страшныя опустошенія среди людей и дѣлаютъ помѣщеніе, куда они попали, зловреднымъ на весьма продолжительное время, не поддаваясь провѣтриванію. Засвидѣтельствованъ такой фактъ, напр., что у нашего уцѣлѣвшаго крейсера „*Олегъ*", около рубки котораго въ бою 14 мая разорвался снарядъ, чрезъ сутки послѣ боя все еще стоялъ весьма острый, удушливый запахъ, хотя оконъ въ стеклахъ не было и дверь была открыта все время; а въ ночь послѣ боя зажженная свѣча чрезъ полчаса погасла въ этой открытой рубкѣ, вслѣдствіе недостатка тамъ кислорода въ воздухѣ *).

Японскіе снаряды, попадая въ воду, подымали громадный столбъ ея и тѣмъ самымъ указывали стрѣляющимъ *мѣсто паденія снаряда*; а когда оно было близко къ кораблю, люди обдавались массою брызгъ, ранились осколками; иногда снарядомъ рвались и борта корабля подъ водою, если они были не бронированы. Наши же снаряды, попадая въ воду, не производили такого эффекта, который ясно можно было бы усмотрѣть за нѣсколько верстъ, особенно въ дымкѣ тумана; поэтому мы часто стрѣляли какъ бы съ завязанными глазами, не видя, куда снаряды ложатся, и не имѣя никакихъ данныхъ, чтобы корректировать наводку пушекъ. Мы не имѣли за собою преимуществъ въ скорости хода кораблей и не всегда могли приблизиться къ непріятелю на такую дистанцію, чтобы сдѣлать его досягаемымъ для нашихъ орудій; дистанцію для боя всегда устанавливалъ нашъ противникъ, исправно насъ громившій; а большинство нашихъ снарядовъ летѣло въ воду, до японскихъ кораблей даже иногда не долетая и не давая намъ никакого корректива для послѣдующаго прицѣла.

Уже одно это печальное обстоятельство дѣлало всю нашу Балтійско-Цусимскую эскадру не имѣющею особенно серьезной боевой мощи, дѣлало ее больше всего и чаще всего только декораціей и мишенью для японскихъ прицѣловъ. А наши борцы за родину, не обученные стрѣльбѣ и вооруженные такими устарѣлыми и негодными средствами, чрезъ это ставились въ бою въ самое нелѣпое, отчаянное и въ высокой степени трагическое положеніе...

*) „*Морск. Сборн.*", 1905, № 9, стр. 232.

Разрушая всѣ надстройки броненосца, дѣлая на немъ пожары и побивая людей кучами, японскіе фугасные снаряды, посылаемые со всѣхъ непріятельскихъ судовъ въ одно мѣсто, чрезъ какую-нибудь четверть часа дѣлали на броненосцѣ полное разрушеніе всей сложной организаціи его различныхъ служебныхъ частей; тучи заразъ прилетавшихъ снарядовъ поселяли панику, вносили оцѣпенѣніе въ среду необстрѣлянной команды и выводили ее нерѣдко изъ повиновенія.

Борьба съ огнемъ представляла также громадныя, иногда почти неодолимыя, трудности; мѣсто пожарища было переполнено ядовитыми, удушливыми газами; пожарные шланги, сколько разъ ихъ ни замѣняли запасными, немедленно превращались въ лохмотья. А когда всѣ запасы шланговъ исчезали, то никакими средствами нельзя было подать воду на мостики и особенно на ростры, гдѣ, какъ это было, напр. *), въ бою на „*Суворовѣ*", стояли пирамидою одиннадцать деревянныхъ шлюпокъ. Передъ боемъ была налита въ нихъ вода; но чрезъ дыры, пробитыя осколками снарядовъ, она постепенно утекала. И тогда на этомъ лѣсномъ складѣ пламя бушевало совершенно свободно. По счастію вода иногда плохо стекала за бортъ, и на верхней палубѣ ея собиралась по щиколотку. Въ такихъ случаяхъ этому только радовались: это спасало саму палубу отъ огня, а съ другой стороны это позволяло тушить валившіеся на нее сверху горящіе обломки, просто растаскивая и переворачивая ихъ... Въ концѣ концовъ приходилось таскать воду на пожаръ даже и ведрами, въ которыя, во время длиннаго морского перехода, на эскадрѣ были передѣланы почти всѣ опорожненныя жестянки изъ-подъ машиннаго масла. Но и это возможно было дѣлать, пока были для этого руки, пока можно было имѣть подходъ къ водѣ...

Для тушенія пожаровъ на эскадрѣ еще были заготовлены банки съ какимъ-то патентованнымъ порошкомъ, но въ него на эскдарѣ вѣрили плохо **), и о результатахъ его дѣйствія что-то ничего не слышно.

Заготовивши эти банки, Рожественскій распорядился передъ боемъ— дерево, переборки каютъ, мебель и т. п. *не убирать* (см. далѣе). Благодаря этому, своими снарядами *японцы свободно сожгли лучшіе боевые корабли нашей эскадры* и всѣ пустили ихъ ко дну, за исключеніемъ „*Орла*", на которомъ дерево передъ боемъ было частію убрано, частію повыкинуто за бортъ...

---

*) См. брошюру капит. Вл. Семенова—*Цусимскій бой*, стр. 52—53.
**) Политовскій, стр. 199.

Личный персоналъ нашей Балтійско-Цусимской эскадры.

„Морского дѣла они не знаютъ *). Они къ нему не готовились... „Мы моряки, гдѣ вамъ до насъ!“...

Личный персоналъ нашей эскадры оставлялъ желать очень и очень многаго, и въ общемъ онъ былъ *далеко не на высотѣ своего положенія.* На этой сторонѣ дѣла я считаю нужнымъ остановиться здѣсь нѣсколько подробнѣе, т. к. спеціалисты изъ морскихъ сферъ, по весьма понятнымъ причинамъ и писали, и пишутъ объ этомъ слишкомъ мало; да и многое для нихъ въ этой области примелькалось, они его просто не видятъ; а многое и замалчиваютъ, чтобы не навлечь на себя служебныя кары, чтобы не тревожить начальство... А тревожиться есть о чемъ.

Матеріаломъ для составленія этой главы послужили: 1) имѣющіяся въ нашей литературѣ фактическія данныя, 2) свѣдѣнія, любезно предоставленныя въ мое распоряженіе уцѣлѣвшими участниками Балт.-Цусимской эскадры, и, наконецъ, 3) письма погибшихъ въ бою, какія только удалось собрать.

По справедливому мнѣнію капитана Кладо, одною изъ ближайшихъ причинъ уничтоженія нашего флота надо считать то угнетенное состояніе, въ которомъ онъ находился послѣднія 20 лѣтъ подъ вліяніемъ господствовавшаго въ немъ бездушнаго формализма и ценза, поддерживавшихъ невѣжество какъ бы съ цѣлію, не дававшихъ простору живой дѣятельности, убивавшихъ духъ и энергію отдѣльныхъ работниковъ **).

По мнѣнію самихъ нашихъ моряковъ, центръ тяжести морского вопроса для Россіи лежитъ теперь еще болѣе въ личномъ, нежели въ матеріальномъ составѣ нашего флота. „*Безразлично, будетъ ли онъ по-*

---

*) Флагманскій корабельный инженеръ Е. С. Политовскій—„*Отъ Либавы до Цусимы*“, 1906, стр. 124.

**) „*Нов. Вр.*“, 1906, № 10.522, статья Кладо. Въ № 10.746 онъ же указываетъ, что „возрожденіе флота и далѣе у насъ будетъ невозможно, пока будутъ существовать *цензовые* контръ-адмиралы и старые капитаны І-го ранга; они его задержатъ; довѣрія къ нимъ нѣтъ на корабляхъ, и быть его не можетъ“.

полняться новыми судами того или другого типа, или же нѣтъ, его существованіе не достигнетъ никакой цѣли, и расходованіе на него народныхъ денегъ ничѣмъ не будетъ оправдываться, если только его личный составъ и въ дальнѣйшемъ не будетъ удовлетворять опредѣленнымъ требованіямъ въ смыслѣ знаній и нравственности". „(*Морск. Сборн.*", 1906, № 4, стр. 7).

Строить хорошіе, доброкачественные, броненосные корабли мы, безъ сомнѣнія, научимся; пріобрѣтать готовые хорошіе типы ихъ, не переплачивая „комиссіонныхъ", также возможно. Все это, при добромъ желаніи, можетъ быть налажено сравнительно быстро. Но обновленіе личнаго персонала, разумная, планомѣрная подготовка свѣжихъ силъ для работы,—именно *для работы*, а не для чего-нибудь другого, дадутся не легко и не скоро. Эта задача потребуетъ для своего рѣшенія большого періода времени, большой затраты энергіи, сознательнаго отношенія къ ней всего личнаго персонала, работающаго во флотѣ и въ морскомъ вѣдомствѣ вообще; и она можетъ быть правильно поставлена *только при дружной совмѣстной работѣ морскихъ сферъ и береговыхъ, подъ контролемъ гласности и общественнаго мнѣнія.*

Многаго оставляло желать снаряженіе, вооруженіе и постройка нашихъ судовъ, вошедшихъ въ составъ Балт.-Цусимской эскадры. Не на высотѣ своего призванія оказался и личный составъ на нихъ. Теперь въ этомъ чистосердечно сознаются въ морской средѣ. „*Въ личномъ составѣ, въ его неподготовленности—главная причина нашихъ неудачъ на войнѣ*". („*Морск. Сб.*", 1906, № 3, стр. 120)... Не было законченнаго образованія для офицеровъ, не только общаго, но даже и спеціальнаго (стр. 120); не было сознанія и побужденій у нихъ къ серьезной работѣ, не было любви къ дѣлу; выѣзжали на цензѣ, на выслугѣ установленныхъ сроковъ плаванія, всего сильнѣе выѣзжали на протекціи, на угодливости начальству, на вѣчной неполнотѣ комплекта, благодаря чему „плохихъ не бываетъ"... А при такихъ офицерахъ нельзя удивляться ни распущенности командъ, ни плохой ихъ подготовкѣ (стр. 122).

Къ тому же для укомплектованія команды на суда было дано безъ разбора слишкомъ много запасныхъ, даже иногда изъ разряда штрафованныхъ*); эти отвыкшіе отъ судовой работы матросы не были втянуты въ нее разумными пріемами и благожелательнымъ къ нимъ отношеніемъ.

Въ отрядъ Небогатова, съ которымъ вообще мало церемонились и штабъ, и Рожественскій, послѣдняя партія матросовъ прибыла всего за нѣсколько часовъ до ухода отряда въ походъ. О подборѣ офицерскаго состава и командировъ также не спросили командующаго отрядами.

Не было у насъ подготовлено также полнаго комплекта техниче-

---

*) *Политовскій*, стр. 240. Такъ было, напр., на броненосцѣ „*Орелъ*". Объ его строевой командѣ говорили, что „это—арестанты, а не матросы". Въ связь съ злымъ умысломъ команды ставятъ и попытку потопленія броненосца передъ уходомъ эскадры изъ Россіи, и попытку испортить у него обѣ машины.

ской команды (машинной и орудійной), обученной, дисциплинированной; и не было дано возможности этой командѣ непрерывно получать полезныя знанія и руководство въ работахъ отъ своего непосредственнаго начальства; послѣднее не понимало необходимости этого ученія и не обнаружило ни малѣйшаго желанія исполнить это на дѣлѣ. По этому поводу одинъ изъ товарищей сообщалъ мнѣ, напр., что на одномъ изъ транспортовъ машинная команда, неумѣлая, нетрезвая, предоставленная самой себѣ, израсходовала на переходѣ отъ Кронштадта до Либавы почти весь свой запасъ машинной смазки, выданный ей съ разсчетомъ на переходъ до береговъ Африки; замѣтивъ, что смазки остается мало, ее начали экономить, вслѣдствіе чего на пути въ Данію большая часть подшипниковъ „горѣла".

Привожу слова другого товарища по вопросу о командѣ:—„Главнымъ недостаткомъ команды являлась ея сѣрость, некультурность, дикость, болѣе всего замѣтная у строевой команды. Особой нетерпимости къ своимъ ближайшимъ начальникамъ спеціалисты-матросы не обнаруживали, когда послѣдніе обращались съ ними заботливо; но нетерпимость всегда чувствовалась при обращеніи ихъ не къ своему прямому начальству. Здѣсь сказывалось вліяніе берега, вліяніе наступившаго тогда и висѣвшаго въ воздухѣ соціалистическаго движенія. Нѣкоторые офицеры не прилагали съ своей стороны никакихъ стараній, чтобы улучшить эти отношенія, а иные даже явно ухудшали ихъ, благодаря чему взаимное отчужденіе и недовѣріе между офицерствомъ и командою царствовали на такихъ корабляхъ".

По словамъ нашего товарища А. М. Плѣшкова *), машинная команда, а также всѣ такъ называемые унтеръ-офицеры, комендоры, квартирмейстеры (машинные и кочегарные), были значительно интеллигентнѣе всей остальной строевой массы. Замѣчалась только черезчуръ узкая спеціализація. Напр., квартирмейстеръ съ правой бортовой машины приходилъ въ немалое затрудненіе, когда его переводили на лѣвую бортовую машину и т. п. Всѣ эти „спеціалисты"—фавориты начальства: жалованье для нихъ порядочное (квартирмейстерамъ, напр., 50 р.); имъ допускаютъ частыя отлучки на берегъ; на нихъ смотрятъ сквозь пальцы, когда они притѣсняютъ свою меньшую братію, низведенную ими въ разрядъ весьма жалкихъ существъ, живыхъ машинъ... Это благоволеніе начальства объясняется полной безпомощностью послѣдняго: безъ этихъ разнаго наименованія спеціалистовъ-матросовъ оно остается всегда какъ бы безъ рукъ, а иногда и безъ головы...

Надо пожалѣть въ особенности о томъ, что не озаботились подобрать для эскадры наилучшихъ комендоровъ, не использовали для этого ни персоналъ черноморскаго флота, ни обоихъ артиллерійскихъ отрядовъ **). На эскадру взяли много запасныхъ, даже не имѣвшихъ жела-

---

*) Изъ письма его отъ 1 августа 1904 г.
**) Изданіе *„В. К. А. М., Военные Флоты"*, 1906, стр. 63 приложенія.

нія идти; а другіе рвались работать, способны были принести пользу дѣлу, подавали просьбы о зачисленіи на Б.-Ц. эскадру и получали отказъ. Подобранный персоналъ надо было бы обучать, да... не было снарядовъ *).

Комплектъ опытныхъ судовыхъ механиковъ для Б.-Ц. эскадры оказался передъ войною далеко не полнымъ. Мало подготовили своихъ, принадлежавшихъ къ морской кастѣ. Не оказалось подготовленнаго запаса и „береговыхъ" инженеровъ. Но послѣдніе и ранѣе мало допускались къ этой службѣ... Кастовая нетерпимость **)...

Механиковъ для флота мы не только не готовили серьезно, но и не понимали часто дѣйствительной цѣнности и значенія ихъ, обусловливающихъ собою боевую готовность или неготовность корабля. Не понимали этого и многіе командиры кораблей, не понимали и высшіе чиновники вѣдомства. Передъ самою отправкою Балтійско - Цусимской эскадры въ походъ одинъ изъ адмираловъ позволилъ себѣ заявить ***), что „механики считаются паріями во флотѣ"... Въ разговорѣ это было откровенно высказано отцу одного изъ нашихъ товарищей, погибшихъ въ сраженіи подъ Цусимою, когда тотъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ проститься съ своимъ сыномъ, уходившимъ въ походъ. Тамъ, гдѣ существовалъ такой взглядъ, не могло быть и боевого флота.

Насколько несправедливъ и неоснователенъ былъ такой взглядъ, доказываетъ исходъ всей кампаніи. „Наши инженеръ-механики, благодаря ихъ самоотверженному отношенію къ дѣлу и нечеловѣческимъ усиліямъ, достигли того, что, казалось, не по силамъ было бы даже и наилучшимъ въ мірѣ инженеръ-механикамъ ****); а именно: они дали возможность совершить этотъ, выходящій изъ ряда вонъ, подвигъ, этотъ громадный переходъ безъ возможности чиниться и грузить уголь въ

---

*) Тамъ же, стр. 65.

**) См. мою статью *Къ вопросу о службѣ береговыхъ инженеровъ въ нашемъ военномъ флотѣ.* Она была напечатана въ „*Бюллетеняхъ Политехническаго О-ва*, 1905, № 2, стр. 145—150.

Закончилась война, заговорили о реформахъ въ морскомъ вѣдомствѣ, но вопросъ о механикахъ, благодаря узости взглядовъ, не нашелъ себѣ правильнаго рѣшенія. На страницахъ „*Морского Сборника*" въ статьѣ М. Георгіевскаго—„*Что нужно нашему флоту*"— читатель найдетъ слѣдующія строки, возмущающія своей несообразностью:

„По окончаніи какого-либо училища, молодой человѣкъ поступаетъ на механическій или судостроительный заводъ ученикомъ-слесаремъ, затѣмъ, постепенно изучивъ это мастерство, онъ устраивается въ судовые машинисты; и обыкновенно бываетъ такъ, что въ случаѣ его способности къ дѣлу, онъ можетъ разсчитывать сдѣлаться судовымъ механикомъ. Имѣя такой примѣръ въ коммерческомъ флотѣ, казалось бы справедливымъ примѣнить эти условія подготовки судовыхъ механиковъ и къ военному флоту". Далѣе авторомъ рекомендуется закрытіе *Морского инженернаго училища*, чтобы „дать рѣзкій толчокъ къ переходу обученія механиковъ флота на чисто практическую почву („*Морск. Сборн.*", 1906, № 5, стр. 103). На всѣхъ другихъ частяхъ статьи г-на Георгіевскаго лежитъ печать здраваго смысла: но тутъ мы видимъ, что вопроса о механикахъ ему, повидимому, не слѣдовало касаться: онъ не проявляетъ своего знакомства съ постановкой преподаванія паровой механики въ береговыхъ школахъ; а потому о пригодности и степени подготовленности береговыхъ инженеровъ къ выполненію ими обазанностей судовыхъ механиковъ такой авторъ правильнаго сужденія имѣть не можетъ. *П. Х.*

***) См. „*Нов. Вр.*", 1905. № 10.517.

****) Изданіе „*В. К. А. М., Военные Флоты*", 1906, стр. 73 приложенія.

портахъ; при этомъ въ походѣ ни одно судно не отстало, а въ бою ни одинъ корабль не выходилъ изъ строя изъ-за такихъ поврежденій въ механизмахъ, вину за которыя можно было бы возложить на механиковъ". На нихъ смотрѣли свысока, ихъ считали „паріями", но на дѣлѣ они оправдали себя и свою работу лучше, чѣмъ кто-либо во флотѣ и въ морскомъ вѣдомствѣ...

Перейдемъ теперь къ другому вопросу. Была ли въ нашемъ боевомъ флотѣ трезвость?... Мы говоримъ *въ боевомъ флотѣ*, флотѣ во время войны, не въ мирное время, когда онъ имѣетъ право жить на свободѣ. Общепризнано, что мы съ тренировкой въ трезвости во флотѣ знакомы не были... Нѣкоторые прискорбные факты подверглись даже всемірной огласкѣ. Весною 1905 г., незадолго до Цусимскаго разгрома нашей эскадры, императоръ *Вильгельмъ* произносилъ въ Страсбургѣ, въ кругу военныхъ, рѣчь. Въ поученіе противъ излишней роскоши, противъ распущенности нравовъ, погони офицеровъ за развлеченіями и проч., императоръ привелъ разсказъ своего сына, только что вернувшагося съ Д. Востока, о томъ, какъ русскіе офицеры по прибытіи въ Кіаочао первымъ дѣломъ поспѣшили скупить тамъ все шампанское...

Особенно предавались алкоголизму на стоянкѣ у Мадагаскара. На „*Суворовѣ*" одинъ офицеръ, подъ вліяніемъ выпитаго, опрокинулся за бортъ *)... „Много шампанскаго выпивали и на флагманскомъ кораблѣ, да и на другихъ судахъ Б.-Ц. эскадры"... Изъ-за этого шампанскаго вышла одинъ разъ скверная исторія. Нѣсколько ящиковъ этого вина были привезены на „*Суворова*". Одинъ изъ нихъ матросы умудрились скрыть въ топку резервнаго котла. Ихъ накрыли **)... Пришлось бы матросамъ сильно пострадать, если бы дали дѣлу законный ходъ; но его замяли.

Торжественный „завтракъ" на одномъ изъ броненосцевъ, во время стоянки у Мадагаскара, „въ день поминовенія воиновъ, на полѣ брани животъ свой положившихъ", затянулся почти на сутки; собрались къ 11 ч. утра 19 февраля, а разошлись утромъ 20 февраля ***)...

Алкоголизмъ былъ сильно развитъ на всей эскадрѣ ****). Но особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи транспорту „*Иртышъ*", предназначавшемуся для сопровожденія эскадры до самаго Владивостока и очутившемуся 14 мая въ бою. На этомъ суднѣ командиръ, старшій лейтенантъ и старшій офицеръ были пьяны почти постоянно и въ сильной степени *****)... Въ результатѣ получались тамъ дикія сцены, масса всякаго рода недовольства, и на транспортѣ царило подавленное, мрачное настроеніе.

---

*) *Политовскій*, отъ Либавы до Цусимы, 1906, стр. 143.
**) Тамъ же, стр. 143.
***) Тамъ же, стр. 151.
****) Политовскій, стран. 96, 97, 141, 143, 147, 151, 192, 220, 237; см. также письма нашихъ погибшихъ товарищей, помѣщенныя далѣе въ главѣ *Цусимскіе герои*.
*****) *Онъ же*, стран. 237, 244.

По приходѣ эскадры къ Мадагаскару пришлось отобрать значительную часть алкоголиковъ, особенно сильно мѣшавшихъ общей работѣ, и отослать ихъ обратно, на родину. Посадили ихъ на безнадежный транспортъ *„Малайя“*, который пришлось тоже вернуть на родину изъ-за его разбитыхъ до нельзя машинъ; присоединили къ нимъ всѣхъ исключенныхъ со службы, штрафованныхъ, сумасшедшихъ и „нѣкоторыхъ“ больныхъ *)...

Въ № 10.883 *„Нов. Вр.“* отъ 2 іюля с. г. бывшій морякъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ *„Разбитое поколѣніе“*. Въ этой статьѣ въ числѣ весьма важныхъ причинъ, способствовавшихъ гибели нашего флота, авторъ отмѣчаетъ еще и распутство личнаго персонала, на которомъ сосредоточено все вниманіе и въ практическихъ плаваніяхъ, и въ резервѣ **). Свою статью, подкрѣпленную ссылками и на мнѣнія авторитетныхъ адмираловъ, авторъ закончилъ слѣдующими словами:

„Еще до четверть вѣка до Цусимскаго боя поколѣніе нашихъ моряковъ было обезсилено развратомъ, обезволено, разгромлено въ своихъ нервахъ, истощено въ совѣсти своей... Я не говорю уже объ ихъ матеріальномъ разореніи, объ ихъ другихъ порокахъ ***), сопутствующихъ разврату, въ родѣ пьянства и проч. Соберите все это въ одинъ итогъ, и тогда будетъ понятно, отчего мы проиграли войну“...

На свои сухопутныя и морскія затѣи на Дальнемъ Востокѣ Россія тратила ежегодно многіе милліоны рублей и не имѣла тамъ, подъ бокомъ у непріятеля, ни настоящаго штаба для эскадры, ни опытнаго, дѣятельнаго начальника для нея: существовавшее тамъ подобіе штаба сами моряки откровенно называли между собою *„Kindergarten“* (*„Морск. Сборн.“*, 1906, № 4, стран. 48); а отвѣтственнымъ на бумагѣ начальникомъ эскадры за полтора года до войны былъ назначенъ Старкъ, который въ должности младшаго флагмана и въ адмиральскомъ чинѣ совсѣмъ не плавалъ, самъ все время жилъ на берегу и держалъ только иногда свой флагъ на одномъ изъ судовъ II-го ранга (*тамъ* же, стран. 47). Организація, обученіе, и нравственное воспитаніе боевого флота при такихъ условіяхъ не замедлили принести, конечно, и соотвѣтствен-

*) Онъ же, стран. 104.

**) „Отдавали якорь и сейчасъ же па берегъ—въ извѣстныя по преданіямъ злачныя мѣста. Обезпеченное офицерство, не довольствуясь мѣстнымъ предложеніемъ, изъ Киля катило въ Гамбургъ, изъ Шербурга въ Гавръ, изъ Бреста въ Парижъ и т. д, Иной старый морякъ, вернувшись, начиналъ передавать, что онъ видѣлъ; оказывалось по его разсказамъ, что весь свѣтъ состоитъ изъ однихъ только злачныхъ мѣстъ... Японскіе офицеры пріѣзжали къ намъ работать, изучать минное дѣло и др. части военнаго дѣла, а наши офицеры, какъ заберутся бывало въ Нагасаки, такъ сейчасъ же—къ обольстительной Анита-санъ; тутъ начиналась ихъ „работа“, тутъ же она и кончалась“....

***) По словамъ *„Нашей Жизни“*, товарищескій судъ офицеровъ, бывшихъ на броненосцѣ *„Орелъ“* во время его сдачи, разсматривалъ дѣло о расхищеніи судовыхъ денегъ въ суммѣ около 100 тысячъ рублей. Деньги эти передъ сдачей корабля замѣститель командира судна приказалъ ревизору выбросить въ морѣ и въ отвѣтъ на это получилъ донесеніе объ исполненіи этого приказанія. Но впослѣдствіи, во время пребыванія въ плѣну въ Японіи, появились признаки того, что это распоряженіе на самомъ дѣлѣ выполнено не было. Въ виду отсутствія офиціальнаго разслѣдованія по этому дѣлу и собирался указанный товарищескій судъ.

ные результаты, возможные только въ государствѣ, когда въ немъ отсутствуетъ гласность и независимое общественное мнѣніе, когда въ немъ царитъ атмосфера полнаго общественнаго застоя.

Необходимость плаванія въ теченіе всего года у насъ не сознавалась. А такое плаваніе столь же необходимо и для адмираловъ, какъ и для остальнаго персонала. Передъ войной наши адмиралы считали, что учиться имъ нечему, что они уже все знаютъ, что имъ остается только учить другихъ. А на практикѣ это обученіе нерѣдко выливалось ими въ невѣжественное самодурство *), или въ разгильдяйство, въ зависимости отъ личныхъ качествъ адмирала. Въ лучшемъ случаѣ все сводилось къ строгостямъ чисто внѣшняго порядка. Типъ адмирала Н. И. Бутакова, который въ плаваніи, не переставая, учился, такъ и не повторился у насъ въ теченіе 30 лѣтъ.

Передъ самой войной назначеніе командировъ на суда, благодушно стоявшія на Дальнемъ Востокѣ, стало дѣлаться канцелярскимъ путемъ, просто по списку; и будущіе гг. командиры пріѣзжали туда для выполненія ценза, *какъ на гастроли* („*Морск. Сборн.*", 1906, № 4, стран. 47): нѣкоторыхъ изъ нихъ передъ войной признали нужнымъ смѣнить; а нѣкоторые потомъ уже, во время войны, уѣхали сами изъ П.-Артура „по болѣзни", которая, однако, ничуть не мѣшала имъ затѣмъ числиться командирами судовъ, бездѣйствующихъ въ Балтійскомъ морѣ; началась война, а на многихъ миноносцахъ въ П.-Артурѣ совсѣмъ не было еще командировъ, ихъ потомъ уже „по великому сибирскому пути" прислали изъ Россіи; но они, разумѣется, совсѣмъ не знали ни миноносцевъ, ни людей, имъ ввѣряемыхъ, ни береговъ...

Не мудрено, что при такихъ порядкахъ потомъ, когда это понадобилось, у насъ не оказалось достаточнаго числа хорошихъ строевыхъ командировъ, такихъ, у которыхъ были бы и знанія, и опытность въ дѣлѣ и любовь къ работѣ,—такихъ, которые умѣли бы опираться въ часы работы не на призрачное обаяніе своего чина и ранга, не на одну только жестокую, бездушную, служебную дисциплину, а и на глубокое знаніе своихъ помощниковъ, на уваженіе въ подчиненномъ—его человѣческой личности, его таланта, знаній, разумной иниціативы и горячаго, искренняго желанія работать... Не было серьезнаго отношенія къ дѣлу и желанія работать „вверху", нельзя было ожидать другого отношенія къ дѣлу и во всѣхъ рангахъ ниже.

Во флотѣ только сейчасъ начинаютъ думать о томъ, что хорошо было бы главный офицерскій составъ судовъ (командиръ, старшій офицеръ и спеціалисты) безъ надобности и крайней необходимости не перемѣщать съ одного судна на другое, чтобы „съ одной стороны положить начало созданію кораблей-организмовъ, на которыхъ личный составъ могъ бы съ своимъ кораблемъ какъ бы спаяться и получить отъ него спеціальную окраску, а съ другой—положить конецъ гастролированію

---

*) „*Нов. Вр.*", 1906, № 10.753.

гг. офицеровъ, вся цѣль пребыванія которыхъ на суднѣ сводится къ полученію морского довольствія"... („*Морск. Сборн.*", 1906, № 5, стран. 76). Только сейчасъ начинаютъ говорить о томъ, что командиру судна надо бы предоставить право избранія себѣ своихъ помощниковъ (т.-е. старшаго офицера, старшаго штурмана, механика, артиллериста, минёра) и право списыванія съ судна нерадивыхъ работниковъ.

„У насъ не могло быть опытности, не могло быть (!) боевой постановки дѣла; но мы, кромѣ этого, ничему и не учились изъ опыта предшествовавшихъ войнъ; даже опыты этой войны пропадали для многихъ даромъ: Цусимскій бой какъ разъ подтверждаетъ это; боевой опытъ нашей первой тихо-океанской эскадры пропалъ для насъ почти даромъ *), такъ какъ чины эскадры Рожественскаго, до своего пораженія, къ этому опыту относились только съ пренебреженіемъ".

Къ подбору личнаго состава строевыхъ офицеровъ, къ знакомству ихъ съ кораблемъ и командой, идущими на войну, высшее начальство относилось вообще довольно своеобразно; офицеры постоянно мѣнялись, одни приходили, другіе уходили. Мѣняли и командировъ, мѣняли и офицеровъ-спеціалистовъ передъ самымъ уходомъ эскадры на Д. Востокъ; и *все это ничуть не вызывалось самимъ дѣломъ или потребностями корабля*, а производилось чисто канцелярскимъ путемъ, на основаніи „особыхъ соображеній"...

Жаль, что на уходившей на войну эскадрѣ, тѣ же самыя перетасовки дѣлались и съ механиками. „Былъ случай**), что миннымъ механикомъ назначили технолога, только-что произведеннаго, который хорошенько еще и мины-то ни разу въ глаза не видѣлъ. Были случаи, что на броненосцы присылали новыхъ старшихъ механиковъ за двѣ недѣли до выхода эскадры на войну, а ихъ помощники были на корабляхъ передъ этимъ кто мѣсяцъ, кто полтора. Это обстоятельство между прочимъ обратило на себя особое вниманіе Государя Императора на смотру эскадры въ Ревелѣ, когда Онъ узналъ объ этомъ изъ вопросовъ, обращенныхъ Имъ къ гг. механикамъ на нѣкоторыхъ броненосцахъ. Государь высказывалъ командирамъ по этому поводу свое удивленіе.—Вообще механиковъ на корабляхъ мѣняли, если можно такъ выразиться, какъ перчатки. Одно лицо, напр., въ 3 мѣсяца перемѣнило 4 должности передъ самымъ походомъ: было и миннымъ механикомъ, и кочегарнымъ, и трюмнымъ, и наконецъ сразу устроилось помощникомъ старшаго механика на одномъ изъ броненосцевъ-гигантовъ; на другомъ кораблѣ въ $2^1/_2$ мѣсяца было „списано" съ корабля одинъ за другимъ 4 механика по соображеніямъ, ничего общаго не имѣющимъ съ механическимъ дѣломъ, а пошли въ походъ лица, совершенно незнакомыя ни съ кораблемъ, ни съ его механизмами".

*) „*Морск. Сборн.*", 1906, № 5, стран. 56.
**) Изъ писемъ нашихъ товарищей, отправлявшихся въ походъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, это невыгодно отражалось и на дѣлѣ. „Пошли въ походъ, съ минуты на минуту ожидая нападенія японцевъ, или же ихъ приспѣшниковъ; пошли *на незнакомомъ кораблѣ, съ незнакомой командой,* надежность которой *считалась* невысокой. Первое время всѣ чувствовали себя неважно. Приходилось наскоро знакомиться со всѣмъ, а жизнь корабля все шла впередъ, приносила съ собою все новыя и новыя требованія. Сколько непріятностей, горячки и тяжелыхъ минутъ неизвѣстности пережили мы, молодые механики, пока взяли всю механическую часть корабля въ свои руки. Трудно было что-либо дѣлать, не зная ни людей, ни машинъ, ни трубопроводовъ.—Да вотъ, изъ-за незнанія корабля сколько мучились мы, напр., съ прѣсной водой, которая „пропадала“, несмотря на то, что работало два испарителя. Изучить всю сѣть трубопроводовъ до выхода въ море не удалось, все подсовывали другія экстренныя работы; а тутъ въ октябрѣ 1904 г. въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ морѣ волей-не-волей пришлось лазить подъ котлами по поясъ въ холодной водѣ, осматривать и практически *изучать* питательный трубопроводъ; получить указанія „свыше“ нечего было и думать; довѣрить осмотръ кочегарному или трюмному унтеръ-офицеру было нельзя,—мы не знали еще степени ихъ надежности, а дѣло было серьезное, не терпящее отлагательства и требующее безусловно вѣрнаго рѣшенія“...

Объ отношеніяхъ офицерства къ служебной работѣ и служебному долгу предоставимъ теперь говорить имъ самимъ*):

„Воспитанникъ, окончившій Инженерное училище или Морской корпусъ, производился въ офицеры и во всю свою дальнѣйшую службу *могъ больше не учиться,* а только аккуратнымъ быть по службѣ и и практически узучать свое дѣло по скольку это непосредственно касается его;—и ему движеніе по службѣ и награды были обезпечены, а чрезъ 35 лѣтъ онъ уходилъ въ отставку съ мундиромъ и пенсіями по положенію“... И со льготами для своихъ сыновей,—прибавлю къ этому,—быть пристроенными впослѣдствіи къ такому же хлѣбному мѣсту, красивому мундиру, привилегированному положенію и нерѣдко паразитному существованію за счетъ народныхъ средствъ...

Чтобы получить штатъ работоспособныхъ офицеровъ, заботящихся о своей научно-технической подготовкѣ, у насъ не было проведено даже и мысли о томъ, что во флотъ слѣдуетъ допускать всѣхъ способныхъ молодыхъ людей, которые имѣютъ дѣйствительное влеченіе къ морской службѣ, независимо отъ ихъ „происхожденія въ морскомъ вѣдомствѣ“; у насъ царилъ, наоборотъ, „обычай—въ училищахъ вѣдомства давать преимущества дѣтямъ флотскихъ офицеровъ и дѣлать имъ разныя прибавки въ баллахъ въ ущербъ**) дѣтямъ нефлотскихъ семей“ („*Морск.*

---

*) „*Морск. Сборн.*“, 1906, № 4, стр. 71.

**) Въ 1905 г., напр., въ одномъ изъ высш. уч. завед. вѣдомства было принято 65 чел.; но въ этомъ числѣ было только 45 лицъ, удовлетворявшихъ конкурсу, но не по-

Сборн.", 1906, № 4, стр. 72), обычай, который значительную часть живого дѣятельнаго ядра нашего флота привелъ въ концѣ концовъ къ апатіи, вырожденію, упадку, къ насажденію въ его средѣ извращенныхъ понятій о долгѣ, чести и лежащихъ на немъ высокихъ обязанностяхъ передъ родиной.

Годами и десятилѣтіями создавалась атмосфера, въ которой чувство долга и добросовѣстное исполненіе обязанностей, не показное, а по существу дѣла, нерѣдко отходили въ сторону и свободно уступали свое мѣсто лѣни, карьеризму, фиктивной работѣ, безцѣльной, неосмысленной, не двигающей дѣла впередъ, а только демонстрируемой иногда предъ очами начальства, столь же вялаго и безучастнаго, какъ и они сами, озабоченнаго больше всего сохраненіемъ своего положенія, озабоченнаго прибавками къ окладу („за особыя заслуги"), чинами, повышеніями, сложнымъ и запутаннымъ проведеніемъ въ жизнь простыхъ работъ, формальными придирками и стѣсненіями, торжествомъ мертвой буквы надъ здравымъ смысломъ, попираніемъ разумной человѣческой личности, таланта, знанія, рвенія къ разумной работѣ, не предусмотрѣнной отжившимъ свое время уставомъ, обычаями и традиціями...

Есть и еще одна сторона дѣла. Капитанъ де-Ливронъ за двѣ недѣли до Цусимскаго боя о „порядкахъ" въ нашемъ морскомъ вѣдомствѣ сообщалъ слѣдующія подробности (см. „*Слово*", отъ 28 апрѣля 1905 г.):

„Нѣчто страшное, ничѣмъ необъяснимое, творится въ вопросѣ объ укомплектованіи нашихъ судовъ личнымъ составомъ... Назначеніе офицеровъ на суда происходитъ или по протекціи, или въ наказаніе... Если офицеръ испытываетъ дѣйствительное призваніе къ морской службѣ, пылаетъ горячей страстью принести свои силы на алтарь отечества и просится на Востокъ, ему отказываютъ, мотивируя отказъ тѣмъ, что на судахъ нашихъ—столько офицеровъ, что назначеніе еще одного... потопитъ эскадру, а въ то же время, по протекціи бабушки, ея внукъ, захудалый, избалованный, пьянчужка-мичманъ, удирающій отъ долговъ, зачисляется на лучшія суда эскадры"...

Одинъ изъ нашихъ товарищей добавляетъ къ этому:

„Въ походѣ нерѣдкость было поэтому слышать въ товарищеской бесѣдѣ между офицерами такой разговоръ:—„Б—ъ, несомнѣнно, милый и прекрасный человѣкъ; но согласитесь, развѣ ему мѣсто во флотѣ? Что онъ для флота, и что флотъ для него?" — А таковыхъ оказалось не мало во флотѣ съ тѣхъ поръ, какъ наша высшая бюрократія стремится передать подъ сѣнь Андреевскаго флага своихъ дѣтей, изнѣженныхъ, безсильныхъ, не привыкшихъ ни къ какой работѣ и не интересующихся никакой работой; а вѣшалками для красивыхъ мундировъ

тому, чтобы такихъ лицъ не было болѣе, а потому, что 20 л. надо было помѣстить внѣ конкурса, съ плохими отмѣтками: среди нихъ были: четверо сыновей адмираловъ, 1 сынъ генералъ-лейт., 7 сыновей чиновъ вѣдомства и 8 протеже такихъ персонъ, которымъ „нельзя отказать въ просьбѣ" (см. „*Нов. Вр.*", 1905, № 10.486, статья Кладо).

они могли быть прекрасными... Внѣшній лоскъ, манеры, актерское умѣнье даржать себя—вотъ альфа и омега той показной паразитной жизни, которую вели многіе изъ нихъ; а служебная работа—это было для нихъ только ненавистное ярмо"...

Упорядочивая эту сторону дѣла, въ будущемъ слѣдуетъ обратить вниманіе также и на матеріальную обезпеченность нашихъ моряковъ, нормы которой у насъ совсѣмъ другія, чѣмъ въ Японіи. Тамъ въ среднемъ одинъ морякъ (включая и офицеровъ) получаетъ жалованья 143 рубля въ годъ, а у насъ—только 104 руб.; тамъ на содержаніе и продовольствіе одного моряка въ среднемъ отпускается 56 руб. въ годъ, а у насъ — 24 руб., несмотря на то, что въ Японіи жизнь чуть-ли не вдвое дешевле, чѣмъ у насъ. Но за то у насъ командующій флотомъ получалъ 108.000 руб. въ годъ *), а тамъ адмиралъ Того довольствовался скромнымъ вознагражденіемъ въ 6000 руб. въ годъ („*Рус. Вѣд.*", 1905, № 144).

Въ дополненіе ко всему вышеизложенному приведу нѣсколько личныхъ характеристикъ дѣятелей съ нашего разбитаго флота. Этотъ интересный матеріалъ въ разное время любезно былъ доставленъ мнѣ участниками похода, нашими товарищами-техниками по преимуществу.

„На одномъ броненосцѣ, въ пути на Дальній Востокъ, всѣ орудія извѣстнаго калибра оказались засыпанными углемъ послѣ его погрузки на судно; оставался лишь одинъ плутонгъ, гдѣ пушки были свободны и возможно было ученіе. И вотъ мичманъ, командиръ одного изъ этихъ плутонговъ, жалуется, что изъ троихъ мичмановъ (командировъ этихъ плутонговъ), которые должны были бы упражняться въ наводкѣ положенное время со своими людьми на этихъ орудіяхъ незасыпаннаго плутонга, лишь онъ одинъ занимается, а два другихъ мичмана и ихъ люди вовсе не ходятъ на занятія"...

„Тотъ же самый мичманъ, когда старшій артиллерійскій офицеръ приказалъ комендорамъ его плутонга имѣть всегда подъ руками зубило и ручникъ, прибѣгаетъ однажды, жалуется и сердится, какъ это старшій артиллерійскій офицеръ, не извѣстивъ его, приказалъ людямъ имѣть такія вещи, объяснить назначеніе которыхъ въ плутонгѣ онъ не могъ и очутился передъ людьми въ „идіотскомъ" положеніи"...

„Другой мичманъ, командиръ башни, во время плаванія эскадры прибѣгаетъ съ разстроеннымъ видомъ къ старшему артиллерійскому офицеру и объявляетъ: —„Надо перестать производить „башенное" ученіе (т.-е. артиллерійское ученіе въ башняхъ), потому что портятся башен-

*) По случаю болѣзни отъ ранъ и контузій Рожественскому, еще за полтора мѣсяца до суда надъ нимъ по дѣлу о сдачѣ японцамъ миноносца „*Бѣдовый*", Высочайшимъ приказомъ была назначена почетная отставка съ мундиромъ и усиленная пенсія въ размѣрѣ 5000 руб. въ годъ („*Страна*" и „*Морск. Сборн.*", 1906, № 5).

ныя установки; сначала, въ Либавѣ еще, онѣ плохо работали; потомъ стали работать лучше; а теперь опять начали портиться; сегодня башня у меня совсѣмъ стояла и сдвинуть ее не могли; если будемъ часто ее вертѣть, въ бою она никуда не будетъ годна; я искалъ-искалъ,... и наконецъ, *мы нашли*; выскочила шпонка отъ валика, и шестеренка не дѣйствуетъ"... И вотъ такому-то персоналу ввѣрялось управленіе башенными установками.

„А при погрузкѣ угля, какъ много зависитъ разумный и быстрый ходъ работы отъ мичмановъ и младшихъ механиковъ. Вотъ бѣжитъ по палубѣ безусый перепачканный мичманъ.—„Куда вы?"—„На правомъ берегу не хватаетъ людей таскать мѣшки", и нигдѣ ни одного человѣка не даютъ; такъ вотъ бѣгу къ старшему артиллерійскому офицеру, попрошу у него четверыхъ комендоровъ". Чрезъ нѣкоторое время возвращается сіяющій.—„Ну, что, достали?"—„Да, двоихъ досталъ; ну да ничего, они дружно взялись"... Вотъ у такихъ всегда, и на работѣ, и въ бою, берутся дружно. А чаще приходилось видѣть другую картину. Особа, имѣющая молодое, красивое, выхоленное, надменное лицо, съ зубочисткой во рту, явно занята собой; или толчется на мѣстѣ, или прохаживается мѣрнымъ шагомъ (а кругомъ покрикиваетъ:—„Ходи бѣгомъ, во флотѣ служишь"...), или ведетъ разговоръ съ „Ванькой", какъ съ какимъ-то доисторическимъ человѣкомъ. И „Ваньки" на нашихъ корабляхъ, дѣйствительно, „бѣгомъ ходятъ", какъ это имъ полагается"...

„Адмиралъ, строгій, наводящій ужасъ, но втайнѣ все еще многими обожаемый, издаетъ приказъ, чтобы мичманамъ на ходу вмѣсто верхней вахты стоять вахту въ машинахъ. Командиръ приказываетъ по кораблю, старшій офицеръ пишетъ расписаніе, съ мостика повѣряютъ присутствіе мичмана на вахтѣ...—„Вызовите къ рупору мичмана П."—„Г-нъ П.—въ кочегаркѣ; сейчасъ ихъ позовутъ". Это отвѣчаетъ опытный машинистъ, а тѣмъ временемъ вахтенный бѣжитъ наверхъ: П—въ относительно этого условливается съ механикомъ и преспокойно сидитъ свои четыре часа вахты въ каютѣ, чтобы не попадаться на глаза старшему офицеру. И вахта въ машинахъ многими мичманами такимъ образомъ не стоится; на такихъ людей ничто не дѣйствуетъ, даже и предстоящая встрѣча съ непріятелемъ; беззаботность и нежеланіе работать полныя*); не взирая на техническую неподготовленность,—равнодушіе ко всему дѣловому, что само не лѣзетъ въ глаза, и только чисто формальное отношеніе къ обязанностямъ"...

„Доходило иногда до того, что старшій офицеръ за чаемъ заявлялъ мичману:—„Василій Петровичъ, сейчасъ я проходилъ по баттарейной

---

*) А вотъ и результаты этого. *Политовскій* разсказываетъ слѣдующее (стр. 178):—„Слышалъ вчера споръ мичмановъ о томъ, сколько на „Суворовѣ" кочегарокъ, и какъ расположены котлы. Объ этомъ спорили люди, проплававшіе на кораблѣ около года!... Навѣрное, японцы знаютъ лучше наши корабли, чѣмъ мы сами".

палубѣ по правому борту,—ваше завѣдываніе; 25 лѣтъ я плавую, но такой грязи и безпорядка никогда еще не видѣлъ"...

„Справедливость требуетъ сказать, что были мичмана и съ серьезными положительными качествами. „Мы видѣли съ ихъ стороны 14 мая и храбрость, и благородство и сердечность, истинное пониманіе ими своего дѣла, желаніе исполнить его до конца, а иногда и пятна ихъ собственной крови на бѣломъ кителѣ; вмѣсто обидно-жестокаго третированія *) матроса въ трудную для него минуту, которое мы знали и видѣли ежедневно ранѣе, тамъ проявлялись иногда и нѣжность, и трогательное самоотверженіе для того же самаго, всю жизнь безжалостно третированнаго „Ваньки". Но 14 мая 1905 г. эти проявленія казались намъ уже запоздалыми"... А будь другія традиціи, другіе взгляды кругомъ, такія отношенія существовали бы и ранѣе 14 мая.

„Начиная съ Мадагаскара на эскадрѣ каждую ночь ожидали минной атаки непріятеля; вечеромъ обязательно играли сигналы отраженія минной атаки, по которымъ на кораблѣ кругомъ должны задраиваться иллюминаторы. Подъ тропиками въ каютахъ и безъ того была жара въ 30—35 градусовъ Реомюра, и съ задраенными иллюминаторами спать не было никакой физической возможности. Поэтому офицеры съ тоской ожидали всегда приближенія ночи; а когда она наконецъ наступала, притыкались спать гдѣ попало,—не только въ каютъ-компаніи, но и на спардекѣ, на мостикахъ, рядомъ съ матросами. Нѣкоторые же младшіе офицеры чуть ли не до Корейскаго пролива спали въ каютахъ, потихоньку отдраивая иллюминаторы. На такихъ не дѣйствовали ни постоянные приказы командира, ни принципъ, ни обходы старшихъ и постоянныя ихъ просьбы, ни дѣйствительная опасность"...

„И вотъ такой-то мичманъ, не знающій хорошенько своихъ орудій, сколько-нибудь серьезно никогда незанимавшійся артиллерійской стрѣльбой, мало упражнявшійся даже въ наводкѣ орудій, стоитъ въ злопо-

---

*) Что касается до дисциплины среди японскихъ солдатъ и отношеній между солдатами и офицерами, то относительно этого надо сказать слѣдующее: въ обычное, неслужебное время, офицеръ среди солдатъ является ихъ товарищемъ. Солдатъ подойдетъ къ офицеру и спокойно закуритъ у него папироску, солдатъ сидитъ въ присутствіи офицера, и офицеръ спокойно разговариваетъ со своими солдатами, какъ равный съ равнымъ; но въ служебное время нѣтъ болѣе строгаго и болѣе подчиненнаго отношенія, какое наблюдается у японца-солдата передъ японцемъ-офицеромъ; только это служебное подчиненіе является сознаннымъ, какъ необходимость, но не какъ слѣдствіе страха передъ наказаніемъ и мордобитіемъ, котораго совершенно не существуетъ въ японскомъ обиходѣ. Сознательность въ отношеніяхъ солдатъ-японцевъ и ихъ офицеровъ объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что японцы всѣ грамотны, всѣ развиты въ среднемъ до одного уровня мышленія и пониманія, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что и солдаты, и офицеры составляютъ дѣйствительно единодушную и единомыслящую военную семью, имѣющую общіе идеалы и живущую въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Японцы никакъ не могутъ себѣ уяснить, отчего такая громадная отчужденность между русскими солдатами и русскими офицерами, отчего русскій офицеръ имѣетъ у себя солдата какъ прислугу, съ которой обращается не по-товарищески, отчего русскій офицеръ пользуется такимъ привилегированнымъ положеніемъ, а русскій солдатъ—нѣтъ. „У насъ,—говорили японцы,—и солдатъ, и офицеръ одинаково и одѣваются, одинаково питаются и одинаково понимаютъ военную службу". („*Русск. Вѣд.*", 1906, VI).

лучный день 14 мая 1905 г., не получая изъ рубки ровно никакихъ указаній, и только кричитъ иногда комендорамъ:—„Это—не японскій крейсеръ, это „*Ослябя*“, не стрѣляйте“. Онъ же чуть не первый подставляетъ свое тѣло подъ фугасные снаряды непріятеля и падаетъ убитымъ или раненымъ; а команда и вовсе лишается начальника“...

„Но мичмана это молодежь, многое имъ можно и должно простить. Главное-то у нихъ все-таки есть,—молодая энергія и готовность работать; не научили ихъ только многихъ работать; не сумѣли въ нихъ самихъ возбудить интересъ къ работѣ, не сумѣли заставить ихъ понять высокій смыслъ ея, не показали на своемъ примѣрѣ, какъ надо работать“...

Перейдемъ теперь къ лейтенантамъ. На такомъ пробномъ камнѣ, какъ долгое плаваніе, они довольно рѣзко дѣлились у насъ на *не-дѣльныхъ*, которыхъ берутъ на корабль „въ перегрузку“, и на *дѣльныхъ*, настоящихъ моряковъ. Къ счастію, лейтенантовъ перваго типа было все-таки не большинство; объ ихъ работѣ мало слышно на кораблѣ, тамъ они незамѣтны; но когда надо гдѣ-нибудь съ апломбомъ присутствовать своей собственной персоной, напр., въ каютъ-компаніи въ обѣденное время, тамъ они безусловно стараются первенствовать. Въ ихъ присутствіи товарищи задаютъ нерѣдко загадки:—„Что будетъ съ такой-то частью (минной, артиллерійской), если уйдетъ М—нъ?“... Всѣ хохочутъ. Или говорятъ невозмутимо серьезнымъ тономъ:—„Ну, вотъ будетъ бой; кто же у насъ въ рубкѣ будетъ стоять; вѣдь у насъ одинъ только П—въ дѣльный“... Новый взрывъ хохота. Къ нимъ, какъ къ гусю вода, ничего не прилипаетъ; они спокойно проплаваютъ свой цензъ „съ одной полоской и тремя звѣздочками“, не смущаясь тѣмъ, что въ это время они тормазятъ и губятъ дѣло; потомъ у нихъ будутъ „двѣ полоски“, а потомъ и „орлы на плечахъ“; въ каждой такой стадіи, не желая работать, въ свое время они *внесутъ въ дѣло свою долю вреда*, ничѣмъ не смущаясь и спокойно опираясь на установленную традиціями выслугу лѣтъ. Бѣдный, бѣдный русскій флотъ!“...

„Зато сердце отдыхаетъ, когда вспоминаешь дѣльныхъ лейтенантовъ, столповъ корабля, настоящихъ боевыхъ моряковъ, которые держатъ весь корабль въ своихъ рукахъ и въ концѣ концовъ придаютъ ему его истинную физіономію. Эти составляютъ расписанія, интересуются погрузкой угля, принимаютъ мѣры для ея улучшенія, а также и облегченія для команды; приглашаютъ на совѣтъ и старшаго механика, но ведутъ съ нимъ не „боевые разговоры“ о распредѣленіи работъ между верхней и нижней командой; совѣтуются насчетъ боевой готовности корабля, лучшаго прикрытія людей отъ непріятельскаго огня; ведутъ разговоры о будущемъ боѣ, о строѣ эскадры, о тѣхъ или другихъ преимуществахъ непріятеля надъ нами, или обратно; устраиваютъ разумныя развлеченія для команды, сообщаютъ ей интересующія насъ всѣхъ свѣдѣнія и т. д“.

„Но даже и здѣсь, у этихъ лучшихъ, храбрыхъ и преданныхъ морскому дѣлу офицеровъ, оказывались общіе всѣмъ нашимъ морякамъ недостатки; среди послѣднихъ чаще всего бросаются въ глаза *плохая спеціальная техническая подготовка*, *отсутствіе у нихъ самыхъ примитивныхъ кузнечно-слесарныхъ знаній и неумѣніе самому разобраться* въ самыхъ простыхъ вещахъ этого рода. Они завѣдуютъ людьми, часто завѣдуютъ очень хорошо, обучая и воспитывая команду и своимъ примѣромъ внѣдряя въ нее добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Но вѣдь, кромѣ того, у нихъ на рукахъ масса механизмовъ; взять хотя бы 12-дюймовыя орудія и башенныя установки; онѣ стоятъ любыхъ механизмовъ, которые ввѣряются попеченію судовыхъ механиковъ, имѣющихъ для этого спеціально-техническую подготовку. Въ практическомъ неумѣніи обращаться со всѣми этими механизмами, въ отсутствіи правильнаго техническаго взгляда на сущность ихъ устройства, дѣйствія и ремонта лежитъ одна изъ главныхъ слабостей чуть не у всего офицерскаго состава. И это тѣмъ болѣе ощутительно, что наши портовыя средства извѣстны; на ихъ помощь и содѣйствіе трудно разсчитывать; а у нашей Балт.-Цусимской эскадры, кромѣ „Камчатки", всегда по горло заваленной работой, ничего другого въ этомъ родѣ не было".

Нашъ погибшій въ бою товарищъ съ одного линейнаго корабля разсказывалъ, что ихъ „старшій артиллерійскій офицеръ, прилаживая практическіе стволы къ 12-дюймовымъ орудіямъ, послѣ долгой возни и осмотра приказалъ комендорамъ (не въ шутку, а совершенно серьезно!) снять *наждачной бумагой* такое количество металла, которое на токарномъ станкѣ надо снимать не меньше часа или полутора, и которое такимъ инструментомъ, какъ наждачная бумага, комендоры могли бы снять, вѣроятно, лѣтъ въ пять"...

„У одного крупнаго орудія въ пути на Д. Востокъ испортился компрессоръ (клапанъ пропускалъ); надо было его разобрать; все „начальство" при орудіи очутилось въ большомъ затрудненіи; и не будь долгой стоянки у Мадагаскара, броненосецъ могъ бы попасть въ бой, не имѣя въ работѣ 12-дюймоваго орудія его носовой башни; а работа (разборка и притирка клапана), по отзыву механиковъ, была вовсе не изъ трудныхъ".

„Можно было бы привести и еще много-много такихъ примѣровъ и, опираясь на нихъ, шибко разбранить и этихъ несомнѣнно лучшихъ офицеровъ нашего флота. Это—ихъ слабая сторона, но ее вовсе не трудно было бы исправить еще въ корпусѣ".

И это непремѣнно надо будетъ сдѣлать для будущаго поколѣнія дѣятелей; а настоящее поколѣніе ихъ можно было бы упражнять на практическомъ разрѣшеніи такихъ задачъ, искусственно поставленныхъ умѣлою рукою, какъ это дѣлаемъ мы, „береговые", въ нашихъ инженерныхъ лабораторіяхъ, когда хотимъ ознакомить нашихъ студентовъ

съ различными типами „береговыхъ“ машинъ, ихъ сборкою, установкою, ремонтомъ, испытаніями экономичности ихъ дѣйствія и т. п.

„Еще обиднѣе было видѣть *незнаніе строевыми офицерами семафора*. Знать его „считается“ обязательнымъ даже и для механиковъ, но они его, конечно (!), не знаютъ; а если и знаютъ, то развѣ только любители. Это незнаніе пришлось наблюдать даже у младшихъ штурмановъ, завѣдующихъ сигнальщиками. А вѣдь какъ Рожественскій въ своихъ приказахъ напиралъ на это, какъ бранилъ и стыдилъ всѣхъ насъ за равнодушіе къ сигнальному дѣлу. По поводу долгаго неразбиранія сигналовъ во время маневрированія, не онъ ли указывалъ намъ въ приказѣ, что если и въ бою мы также будемъ не понимать сразу сигналовъ, то *„полетятъ отъ насъ клочья немытой шерсти“...* И въ бою подъ Цусимою они, дѣйствительно, полетѣли“...

„Вотъ одинъ изъ примѣровъ для иллюстраціи того, *какъ у насъ на корабляхъ было поставлено сигнальное дѣло.* За два дня до рокового боя, недалеко отъ Шанхая, оказалось, что отрядъ броненосцевъ идетъ невѣрнымъ курсомъ. Впереди шелъ *„Суворовъ“*, за нимъ *„Александръ III-й“*, *„Бородино“*, *„Орелъ“*, а въ хвостѣ *„Ослябя“*. Часовъ въ 7—8 вечера *„Ослябя“* проситъ броненосецъ *„Орелъ“* и всѣ впереди него идущіе броненосцы передать *„Суворову“*, что эскадра идетъ невѣрнымъ курсомъ и можетъ наскочить на банку. Семафоръ принимаютъ и передаютъ по назначенію, но въ извращенномъ, оказывается, видѣ; и на *„Суворовѣ“* его уже совсѣмъ не понимаютъ. Обратный запросъ семафорами пришелъ на *„Ослябя“* только чрезъ 5—6 часовъ. Къ счастію, благодаря высокой водѣ, броненосцы прошли по этому мѣсту благополучно“.

„А гг. командиры кораблей... О многихъ изъ нихъ съ полной искренностію и безъ преувеличеній можно сказать, что изо всего экипажа, кончая послѣднимъ матросомъ, *командиръ, глава корабля, менѣе всего былъ на своемъ мѣстѣ...* Да оно и понятно, если гг. лейтенанты изъ числа „гастролеровъ“ по выслугѣ лѣтъ наравнѣ съ другими попадаютъ въ командиры и старшіе офицеры“.

„Былъ и такой случай, что командиръ судна I-го ранга, почти „выплывшій цензъ“ на контръ-адмирала, плачущимъ тономъ говорилъ молодому лейтенанту, недавно произведенному въ этотъ чинъ:—„Вы плавали больше моего и лучше знаете, такъ распорядитесь, пожалуйста“. Извѣстный своей „храбростью“, трудолюбіемъ, добросовѣстностію, но и... безтолковостью въ то же время, этотъ командиръ во время боя сидѣлъ въ рубкѣ, рискуя, конечно, въ первую голову быть убитымъ или раненымъ, и спокойно созерцалъ... счетчикъ числа оборотовъ вала, *не входя рѣшительно ни въ какія распоряженія по кораблю*, который велъ бой и самъ страдалъ отъ непріятельскаго огня“...

Далѣе въ этомъ письмѣ приводится такой примѣръ.

„Энергичный, умный командиръ, на парусныхъ судахъ хватавшій

звѣзды съ неба, попадаетъ на современнаго левіафана. Создавшій себѣ славу, какъ „парусникъ“, онъ сразу натыкается здѣсь на все новое, незнакомое, теряется и часто не находится; изъ образцоваго командира паруснаго корабля онъ становится ниже средняго на современномъ. Да, и его рыцарское благородство, и его честность, и его джентльменское отношеніе къ подчиненнымъ,—офицерамъ и нижнимъ чинамъ, и его безграничная храбрость, доказанная уже послѣ смертельной раны, все это остается въ удѣлъ ему. Но тѣмъ не менѣе самъ корабль съ его трюмами, его машины, электрическіе шпили, башни съ гигантскими орудіями, ихъ установки, безчисленныя переборки, горловины, палубы,—все это для него чуждо. Онъ не знаетъ своего корабля, на каждомъ шагу онъ—новичекъ въ дѣлѣ; онъ боится ближе подойти къ нему и вникнуть въ него, рискуя все время выказать свое незнаніе или отдать свое распоряженіе не впопадъ. Преданный своему дѣлу человѣкъ, въ своемъ служебномъ дѣлѣ опоздавшій лѣтъ на *30*, дѣлаетъ все, что въ его силахъ, дѣлаетъ многое; но *онъ жалокъ, онъ—не голова корабля*, и ему не должно быть мѣста на современномъ левіафанѣ“...

А вотъ и еще одинъ яркій примѣръ изъ того же письма.

„На одномъ броненосцѣ, гдѣ командиромъ былъ благородный и преданный своему дѣлу человѣкъ, но ровно ничего не понимавшій въ механическомъ дѣлѣ и въ электричествѣ, случилась разъ такая исторія. Въ 12-дюймовой башнѣ испортилась электрическая часть для вращенія башни, вышла неполадка съ реостатами. На ученьи башню вращалъ въ ручную мичманъ *N*, командиръ башни. Послѣ ученья командиръ броненосца спрашиваетъ его:—„Вы вертѣли въ ручную?“—„Да“.—„Ну, а при ручной передачѣ какъ работали реостаты?“—„Прекрасно“, отвѣчаетъ *N*, нисколько не смутившись. Настолько же былъ на высотѣ современной техники корабля этотъ, выслужившій цензъ, старшій нашъ руководитель и въ другихъ спеціальныхъ частяхъ“.

У насъ это было совершенно обыкновенное явленіе, что командиръ ничего не понимаетъ въ машинахъ, въ электричествѣ, очень мало въ артиллеріи и минномъ дѣлѣ; и это давало возможность всѣмъ этимъ спеціалистамъ, а особенно механикамъ, „втирать очки“ командиру. То и дѣло виситъ въ воздухѣ *угроза, что машина „разорвется“*, если не сдѣлать того-то и того-то; а въ предотвращеніе этого старшій офицеръ готовъ всячески облегчить машинную команду и навалить работу на строевыхъ. Понять же и мало-мальски оцѣнить работу механиковъ они совсѣмъ не могли.

Командирамъ часто недоставало еще многихъ другихъ необходимыхъ познаній. Въ *Морскомъ Сборникѣ* читаемъ, напр., слѣдующее:

„Въ русскомъ военномъ флотѣ *) командиръ, не знающій штурманскаго дѣла и не умѣющій водить своего карабля, составляетъ обычное

---

*) *„Морск. Сборн.“*, 1906, № 5, стр. 98.

явленіе. Бывало и такъ, что *нѣкоторые гг. командиры даже морской карты не умѣли прочитать какъ слѣдуетъ*. И такимъ-то лицамъ ввѣрялись многія сотни человѣческихъ жизней и многомилліонной стоимости корабли".

Теперь моряки сознаются сами, *) что „всѣ способы, практикуемые нынѣ для того, чтобы произвести выборъ офицеровъ на должности командировъ, совершенно неудовлетворительны, вслѣдствіе чего *въ командиры зачастую и попадали у насъ люди, непригодные къ этой должности*"; это было будто бы между прочимъ одною изъ главныхъ причинъ, почему Рожественскій не былъ склоненъ обращать вниманіе на мнѣнія командировъ своей эскадры.

Рожественскій передъ уходомъ его эскадры изъ Балтійскаго моря устранилъ нѣкоторыхъ командировъ, какъ лицъ неспособныхъ и въ военномъ флотѣ нетерпимыхъ. Тѣмъ не менѣе лица эти были назначены командирами на эскадру Небогатова, и такимъ образомъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они были посланы морскимъ штабомъ Рожественскому какъ бы въ догонку... **).

Все вышеизложенное остается дополнить наиболѣе характерными чертами дѣятельности гг. офицеровъ изъ штаба Рожественскаго. Эта группа представляетъ для насъ интересъ, какъ ядро боевой иниціативы Балт.-Цусимской эскадры. Данныя для сужденія о дѣятельности этого ядра обрисовались въ іюнѣ 1906 г. на судѣ, когда къ Рожественскому и его штабу было предъявлено обвиненіе въ сдачѣ *безъ боя* миноносца „*Бѣдовый*" японскому миноносцу „*Сазанами*", болѣе слабому, чѣмъ нашъ...

Рожественскій въ своей рѣчи на судѣ объяснилъ, что, при составленіи предположеній относительно боя 14 мая, въ штабѣ адмирала *никому не приходило въ голову,* что возможно совпаденіе двухъ такихъ роковыхъ случайностей, какія оказались на дѣлѣ: вслѣдствіе поврежденія въ рулѣ и машинахъ флагманскій корабль потерялъ способность управляться; съ другой стороны въ то же самое время флагманъ потерялъ способность командовать флотомъ, вслѣдствіе полученныхъ ранъ и контузій.

Ничего невѣроятнаго въ такомъ совпаденіи не было. А когда это совпаденіе случилось, весь адмиральскій штабъ растерялся. Эскадра въ своихъ дѣйствіяхъ была предоставлена самой себѣ и оставалась въ бою въ продолженіе почти трехъ часовъ безъ всякаго руководства со стороны адмирала и его штаба. Раненый адмиралъ тоже былъ предоставленъ самому себѣ; и никто изъ состава штаба въ продолженіе двухъ часовъ не поинтересовался даже узнать подробнѣе, насколько серьезно раненъ адмиралъ, не требуется ли ему медицинская помощь. Всѣхъ

---

*) „*Морской Сборникъ*", 1906, № 5, стр. 98.
**) „*Нов. Вр.*", 1905, № 10.521, статья Кладо.

тогда удовлетворило, что въ моменты полученія ранъ на всѣ вопросы адмиралъ сердито отвѣчалъ, что это—пустяки.....*).

Когда „*Суворовъ*" безнадежно вышелъ изъ строя и адмиралъ былъ лишенъ возможности командовать флотомъ, оставаясь на своемъ флагманскомъ кораблѣ, штабъ не имѣлъ никакихъ совѣщаній о необходимости перенести флагъ адмирала на другой корабль. И весь ходъ дальнѣйшихъ событій, въ которыхъ участвуетъ штабъ, оставаясь на „*Суворовѣ*", носитъ на себѣ характеръ какой-то случайности: чтобы взять раненаго адмирала, совершенно *случайно* подошелъ къ „*Суворову*" миноносецъ „*Буйный*", не назначенный къ нему по расписанію; на миноносецъ передали адмирала, и туда же *случайно* пересѣлъ вмѣстѣ съ нимъ и его штабъ, хотя флагъ адмирала не переносился на миноносецъ; спустя два часа послѣ выбытія адмирала изъ строя, при осмотрѣ ранъ, полученныхъ имъ, онѣ *случайно* оказались болѣе серьезными, чѣмъ предполагалъ это штабъ, не озаботившійся тотчасъ же организовать ихъ осмотръ еще на „*Суворовѣ*", гдѣ былъ и докторъ, и всѣ средства для оказанія первоначальной медицинской помощи... Воистину на „*Суворовѣ*" это былъ какой-то „штабъ случайностей"... Съ подбитаго „*Буйнаго*" во избѣжаніе аваріи пришлось адмиралу и его штабу пересѣсть на „*Бѣдовый*". Больной адмиралъ отдалъ себя въ полное распоряженіе штаба. Орудія и машины были на миноносцѣ въ полной исправности, угля было довольно, команда рвалась въ бой, но штабъ безъ боя заранѣе рѣшилъ сдать миноносецъ японцамъ, „чтобы спасти драгоцѣнную жизнь адмирала". На сдавшемся миноносцѣ „даже чехлы съ пушекъ не были сняты"...

Обвинительный актъ въ этомъ процессѣ освѣтилъ „поразительную картину совершенной растерянности и жалкой трусости" офицеровъ, сгруппировавшихся вокругъ Рожественскаго на миноносцѣ „*Бѣдовый*". Дѣйствія отдѣльныхъ офицеровъ штаба въ судебномъ процессѣ были обрисованы слѣдующими штрихами:

Начальникъ штаба, капитанъ I ранга Клапье-де-Колонгъ, не подумалъ съ „*Суворова*" перевести работоспособныхъ офицеровъ штаба на какой-нибудь изъ другихъ участвующихъ въ бою кораблей, а прямо пересѣлъ на миноносецъ, стремившійся прорваться во Владивостокъ. При встрѣчѣ этого миноносца съ японскимъ, онъ, „начальникъ штаба, прикрываясь именемъ адмирала, сдалъ „*Бѣдовый*" непріятелю безъ боя".

При рѣшеніи этого вопроса начальникъ штаба нашелъ себѣ поддержку въ полковникѣ Филиповскомъ. Въ засѣданіи суда Рожественскій

---

*) Капитанъ Семеновъ — *Цусимскій бой*, стран. 103, 104. Чрезъ три часа послѣ полученія адмираломъ головной раны ее осмотрѣлъ фельдшеръ на миноносцѣ „*Буйный*". Тогда оказалось, что фельдшеръ „опасается за жизнь адмирала, такъ какъ осколокъ черепа вошелъ внутрь, и всякій толчокъ можетъ быть гибельнымъ для адмирала"... И опять, стало быть, въ штабѣ никому и въ голову не пришло подумать раньше, что адмиралъ— не докторъ, что онъ совершенно не компетентенъ въ рѣшеніи вопроса — пустяки или непустяки его головная рана, что безъ головы Рожественскаго и вся эскадра остается безъ головы, и что во всякомъ случаѣ адмиралъ нуждается въ перевязкѣ въ первую очередь передъ всѣми остальными ранеными на кораблѣ.

чрезвычайно торжественно заявилъ, что „навигаціоннымъ успѣхомъ похода, удивившимъ весь міръ, онъ обязанъ флагманскому штурману Филиповскому“. Онъ самъ пришелъ къ адмиралу и сказалъ ему: „35 лѣтъ я кормился на народныя средства, теперь настало время заплатить родинѣ“... Онъ отправился въ походъ, прекрасно исполнялъ свои штурманскія обязанности, но это ничуть не помѣшало ему быть въ то же время „самымъ энергичнымъ защитникомъ мысли о сдачѣ миноносца безъ боя“...

Въ числѣ штабныхъ офицеровъ на „*Бѣдовомъ*“ были и такіе обстрѣлянные люди, какъ капитанъ II ранга Семеновъ, который сначала былъ въ бою съ японцами 28 іюля 1904 г. на П.-Артурской эскадрѣ, а затѣмъ попалъ и въ бой 14 мая 1905 г.; но и онъ не противодѣйствовалъ сдачѣ „*Бѣдоваго*“ и не стоялъ за бой его съ „*Сазанами*“...

Лейтенантъ Леонтьевъ, флагъ-офицеръ съ „*Суворова*“, передъ сдачей „гналъ команду отъ орудій на „*Бѣдовомъ*“ и собственноручно распутывалъ фалы при спускѣ Андреевскаго флага“ и т. д. Однимъ словомъ, во всемъ составѣ штаба не нашлось ни одного лица, которое стояло бы за бой нашего миноносца съ японскимъ**)...

Такимъ образомъ въ этомъ судебномъ процессѣ выяснилось вполнѣ опредѣленно, что гг. офицеры штаба Рожественскаго, къ сожалѣнію, совершенно не оказались на высотѣ своего положенія ни на „*Суворовѣ*“, ни на „*Бѣдовомъ*“...

Въ числѣ причинъ успѣха японцевъ подъ Цусимою спеціалисты указываютъ также и на то, что въ бою *команда у нихъ была со свѣжими силами*, и что „между начальниками эскадръ и отрядовъ у нихъ было не только полное *довѣріе* къ способностямъ главнокомандующаго, но и основательное *знакомство* съ его всесторонне обдуманными тактическими предначертаніями; вслѣдствіе этого они могли дѣйствовать каждый самостоятельно, свободно разрѣшая каждый свою задачу и не нарушая общаго между собою согласія и связи“ ***).

Мы же совсѣмъ не имѣли такой постановки дѣла. А между тѣмъ нашъ личный составъ „заслуживалъ лучшаго къ себѣ отношенія, большей заботливости и вниманія къ состоянію его духа ****); никакая суровость и требовательность не были для него непосильной тяжестью и даже не убили его духа,—онъ это доказалъ на дѣлѣ, но разумное довѣріе и доля теплой дружественности, сознательное участіе въ планѣ начальника удесятерили бы его уже и безъ того приподнятыя силы, сдѣ-

---

*) Это и есть авторъ брошюры—*Цусимскій бой*. Всѣ существенныя выдержки изъ нея приведены мною здѣсь.

**) По суду въ іюнѣ 1906 г. Рожественскій былъ оправданъ, сдача миноносца „*Бѣдовый*“ была приписана не ему; офицеры же его штаба и командиръ миноносца „*Бѣдовый*“ были *приговорены къ разстрѣлянію;* но, въ виду смягчающихъ обстоятельствъ и перенесенныхъ подсудимыми потрясеній, судъ постановилъ ходатайствовать предъ Государемъ о замѣнѣ имъ смертной казни (или заключенія въ крѣпости вмѣсто нея) *исключеніемъ и увольненіемъ со службы.*

***) „*Морск. Сборн.*“ 1905, № 9, стр. 209.

****) Изданіе „*В. К. А. М., Военные Флоты*“, 1906, стран. 75 приложенія.

лали бы эти силы болѣе искусными и сплоченными, или, вѣрнѣе, знающими; и послѣдствія этого не могли бы не сказаться такъ или иначе на результатѣ боя"...

Передъ самымъ боемъ команда у насъ, дѣйствительно, не только не получила передышки, но утомлена была *еще больше обыкновеннаго* и ночными вахтами, и дневными погрузками всѣхъ запасовъ на корабли въ большемъ противъ нормы количествѣ; спали у орудій и гдѣ попало, не раздѣваясь, съ самаго Мадагаскара, т.-е. почти два съ половиной мѣсяца; коекъ людямъ не давали, а понадѣлали изъ нихъ защиты...

Плаваніе было трудное. Команда была измучена длиннымъ переходомъ, борьбою организма съ непривычными и неблагопріятными для него климатическими условіями, которыя значительной частью команды переживались даже еще и въ первый разъ въ жизни; физическаго отдыха на стоянкахъ было слишкомъ мало, такъ какъ днемъ команда почти всегда привлекалась къ погрузкѣ угля, матеріаловъ, провіанта; а ночь она проводила на вахтѣ; моральнаго, освѣжающаго и бодрящаго отдыха за все время перехода эскадры было мало у команды. На нее смотрѣли больше, какъ на „казенный" живой мускулъ, которому уставать не полагается,—какъ на живые, дисциплинированные рычаги и рукоятки къ тѣмъ сложнымъ и деликатнымъ механизмамъ, которыми переполнено современное военное судно, и которые существуютъ и, дѣйствительно, помогаютъ въ борьбѣ съ непріятелемъ только до перваго удара въ нихъ вражескаго снаряда.

Физической работы и усталости для команды было много, а питаніе ея бывало и скудно, а главное до надоѣдливости, до отвращенія однообразно: изо дня въ день давали все тотъ же неизмѣнный супъ съ солониной; а въ промежуткахъ между этой ѣдой—чай съ сухарями... Заготовленные передъ самымъ походомъ и взятые съ собою дорогіе и сложные приборы для сохраненія мяса и консервовъ въ свѣжемъ видѣ оказались въ дѣлѣ совсѣмъ почти никуда не годными. Заготовленные консервы въ пути частію были уже съѣдены, большею же частію береглись для какого-то фантастическаго будущаго, когда они будутъ яко бы еще нужнѣе, и погибли въ морѣ безо всякой пользы для экипажа...

Команда на судахъ, не взирая на все вышесказанное, добросовѣстно дѣлала свое дѣло и въ походѣ, и въ сраженіи, но въ тѣхъ предѣлахъ, разумѣется, въ какихъ ее этому научили, въ какихъ сумѣли ее использовать непосредственные ея начальники. Поэтому и пораженіе наше подъ Цусимою совсѣмъ не затрогиваетъ чести русскаго народа, а ложится всею своею тяжестію исключительно на плечи нашей бюрократіи, которая давала безпрепятственный ходъ по службѣ всѣмъ бездарностямъ и посредственностямъ, формально прослужившимъ установленное число лѣтъ во флотѣ, но его не любившимъ, не носившимъ въ своемъ сердцѣ заботъ о его нуждахъ и совершенствованіи и часто не знавшимъ ни судна, ни команды, которыя ввѣрялись ихъ попеченію и управленію.

Въ довершеніе всего, говоритъ Меншиковъ въ „*Нов. Вр.*" (1905, № 10.508), у насъ во флотѣ существовало „печальное отсутствіе того, что прежде всего необходимо для побѣды,—это увѣренность команды въ своемъ ближайшемъ начальствѣ. Если съ незапамятныхъ временъ держатся и передаются сказанія о хищеніяхъ, о ростовщическихъ комиссіяхъ при заказахъ, объ исчезновеніи нетолько паровыхъ котловъ, но и цѣлыхъ корпусовъ и т д., если большинство чувствуетъ и себя и своихъ начальниковъ совершенно несвѣдующими въ послѣднемъ словѣ техники по своей спеціальности, то какой же на такихъ корабляхъ можетъ быть „бодрый духъ" вообще, и откуда ему взяться въ военное время, на великомъ экзаменѣ исторіи"...

Командующій флотомъ *). Балтійско-Цусимская эскадра шла въ плаваніе въ далекія воды. Личный персоналъ ея не зналъ, гдѣ и какъ будетъ доставляться на эскадру уголь, гдѣ будутъ стоянки, и какимъ путемъ она пойдетъ. Но, имѣя во главѣ эскадры адмирала Рожественскаго, одного изъ самыхъ энергичныхъ адмираловъ нашего флота, съ самаго же начала плаванія всѣ на эскадрѣ были увѣрены, что съ этимъ начальникомъ препятствія будутъ преодолѣваться легко. „Въ бухтѣ *Грэтъ-Фишъ-бай* въ З. Африкѣ насъ выставили португальцы, изъ нѣсколькихъ бухтъ Аннама насъ выставляли французы", пишетъ одинъ изъ нашихъ товарищей, „эскадра уходила въ море, — неизвѣстно куда, но мы совершенно не падали духомъ и не волновались, зная, что за насъ думаетъ адмиралъ. И онъ, дѣйствительно, думалъ и оберегалъ свою эскадру. Оставаясь за его спиной, въ походѣ мы знали мало горя. Онъ намѣчалъ стоянки, соображалъ угольныя погрузки, снабженіе провіантомъ и т. д. Покидая Мадагаскаръ, мы должны были сдѣлать переходъ всего Индѣйскаго океана. Угольныя ямы на эскадренныхъ броненосцахъ въ это время у насъ были далеко не полны; угля могло и нехватить на такой переходъ; гдѣ и какъ мы будемъ грузиться углемъ, мы не знали, но выходили спокойно, твердо вѣря въ заботливость о насъ адмирала"...

Одинъ изъ нашихъ товарищей о довѣріи къ адмиралу на эскадрѣ пишетъ слѣдующія строки:

„Во время стоянки у береговъ Аннама мнѣ пришлось быть на транспортѣ „*Камчатка*" въ каютъ-компаніи. Я тамъ обѣдалъ. Одинъ изъ старшихъ лейтенантовъ, погибшихъ потомъ 14 мая 1905 г., восхищаясь энергіею и твердостію Рожественскаго, говорилъ намъ, что адміралъ будетъ драться до послѣдней возможности, и что въ критическій моментъ боя онъ не подниметъ сигнала объ отступленіи... Такъ же думало и значительное большинство офицеровъ эскадры. Утромъ 14 мая

---

*) Матеріаломъ для составленія этой характеристики послужили данныя изъ неопубликованныхъ нигдѣ ранѣе писемъ нашихъ товарищей, а также изъ писемъ многихъ участниковъ похода, которыя были напечатаны въ „*Новомъ Времени*" 1905 г. №№ 10.547, 10.554, 10.565; 1906 г., № 10.714.

мы всѣ были исполнены довѣрія къ адмиралу; мы были увѣрены, что въ бою онъ первый пойдетъ на сближеніе съ японцами"...

Что же касается до ежедневныхъ,—такъ сказать, будничныхъ отношеній между адмираломъ и эскадрой въ походѣ, то они оставляли желать многаго. Благодаря своему желѣзному характеру и строгой дисциплинѣ, повиновенія онъ достигъ образцоваго, но любимъ онъ не былъ; особенно сильно его недолюбливали и команда, и офицеры за его грубое, рѣзкое обращеніе.

Человѣкъ болѣзненно-раздражительный и вспыльчивый до крайности, Рожественскій дѣлалъ крайне тягостнымъ положеніе своихъ подчиненныхъ.

На „*Суворовѣ*" всѣ прятались, когда адмиралъ выходилъ наверхъ... Сигнальщики начинали дрожать отъ страха и терять всякое соображеніе, когда адмиралъ появлялся на мостикѣ: каждый изъ нихъ хорошо зналъ, что за малѣйшую оплошность адмиралъ не задумается сломать сигнальную трубку о голову виновнаго („*Н. В.*", № 10.714).

По сообщенію нашего товарища, была однажды такая дикая сцена: „По спардеку „*Суворова*" идетъ Рожественскій и видитъ, что матросъ „лопатитъ" палубу не вдоль досокъ, кроющихъ ее, а поперекъ. Внезапный припадокъ гнѣва охватываетъ адмирала; съ искаженнымъ лицомъ бросается онъ къ матросу, вырываетъ у него изъ рукъ лопату и начинаетъ колотить его ею"...

Нерѣдко доставалось отъ него и офицерамъ, этимъ „позорнымъ начальникамъ позорной команды, недостойнымъ возвращенія на родину", какъ охарактеризовалъ онъ ихъ на второй день Пасхи во время крупнаго „разноса" на одномъ изъ броненосцевъ. Ругатель, какихъ мало, *Р.* въ сношеніяхъ съ отдѣльными офицерами и даже цѣлыми кораблями часто злоупотреблялъ этимъ средствомъ и достигалъ не всегда того результата, котораго желалъ достигнуть.

При своей непрерывной раздражительности адмиралъ не всегда проявлялъ справедливое отношеніе къ дѣлу *).

Разговоры съ адмираломъ всегда облекались имъ въ такую форму, что его всѣ пугались, передъ нимъ робѣли, не осмѣливались ему отвѣтить, выразить свое мнѣніе, даже просто сказать правду, когда это требовалось настоятельно.

Для характеристики этой стороны отношеній между эскадрой и адмираломъ въ походѣ одинъ изъ товарищей сообщаетъ еще слѣдующія строки:

„Въ маѣ 1905 г. въ открытомъ морѣ эскадра спѣшно грузитъ уголь баркасами. Всю команду, какую только можно, выгоняютъ на-

---

*) Въ Нози-бей, напр., крейсеръ „*Свѣтлану*", по указаніямъ самого адмирала, такъ сильно перегрузили углемъ, что корпусъ крейсера прогнулся. Во время доклада объ этомъ, въ отвѣтъ на приведенныя адмиралу разумныя соображенія, пришлось отъ него выслушать только ругательства („*Н. В.*", 1906, № 10.714).

верхъ,—строевыхъ, машинистовъ, кочегаровъ, минёровъ, минныхъ машинистовъ, комендоровъ; офицеры—тоже наверху и работаютъ старательно. Въ самый разгаръ погрузки адмиралъ вдругъ поднимаетъ сигналъ—произвести артиллерійское ученіе. Для этого пришлось бы взять комендоровъ и часть прислуги, а чрезъ это значительно уменьшить часовую пріемку угля; но это тоже недопустимо, за это влетаетъ выговоръ. Комендоровъ числомъ немало; у нихъ есть свое мѣсто, куда они грузятъ уголь уже цѣлый походъ, и освоились съ этой работой хорошо, а главное—это добросовѣстная и дружная команда, „драенная". У командира происходитъ совѣтъ, гдѣ присутствуетъ и старшій артиллерійскій офицеръ; рѣшаютъ поставить 12-дюймовыя орудія въ раздрай, отдраить полупортики, дать всѣмъ орудіямъ различные углы возвышенія, а комендоровъ послѣ этого сейчасъ же погнать опять на погрузку; пусть адмиралъ думаетъ, что у насъ идетъ артиллерійское ученіе, а мы себѣ уголь будемъ грузить, распредѣливши тяжесть этой работы на всю команду... Такъ и сдѣлали. Разберите, кто правъ, адмиралъ или корабль?"—По моему мнѣнію, не правы обѣ стороны; а чтобы этого не могло случиться, на совѣтѣ адмирала съ командирами судовъ должно было быть выяснено заранѣе, что жалѣть людей надо и въ походѣ, что совмѣщеніе тяжелой погрузки угля и артиллерійскаго ученія не должно было имѣть мѣста; точно также, какъ исполненіе ни одного приказа не должно было быть обращаемо въ комедію, деморализующую людей.

Гордый и болѣзненно-самолюбивый, Рожественскій обращался съ нескрываемымъ презрѣніемъ даже съ командирами судовъ, не разбирая, заслуживали они его, или же нѣтъ. Онъ не признавалъ за ними права высказывать свое мнѣніе даже по вопросамъ, которые имѣли къ нимъ непосредственное отношеніе. Главное же, онъ никого не находилъ нужнымъ знакомить съ положеніемъ дѣлъ и, хоть сколько-нибудь, съ планомъ дѣйствій. Это одинаково относилось и къ командирамъ, и къ младшимъ флагманамъ эскадры. Всѣ безъ исключеній были низведены имъ на степень какъ бы автоматовъ, не имѣющихъ ни воли, ни разсудка. Такая школа не могла дать развиться личной иниціативѣ и находчивости у начальниковъ, подчиненныхъ адмиралу, не могла воспитать ему помощниковъ и замѣстителя. И вышло поэтому такъ, что, когда эскадра лишилась своего адмирала, она вдругъ оказалась... безъ головы.

Всѣ на эскадрѣ такъ привыкли видѣть въ Рожественскомъ начальника всѣхъ частей и единственнаго источника распоряженій, что, когда выбыли изъ строя онъ и Фелькерзамъ, получилось въ бою полное безначаліе; и никто не могъ уже взять на себя иниціативы всего боя. Послѣ этого наши головные броненосцы, продолжая честный бой, ходили по тѣмъ курсамъ, по которымъ заставлялъ ихъ ходить болѣе быстроходный непріятель.

Подъ командой Рожественскаго не было въ сущности эскадры, а были только „отдѣльные корабли", безъ серьезной взаимной связи,

безъ взаимнаго пониманія и вдумчиваго отношенія къ общимъ интересамъ *).

Остановимся еще на нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ, характерныхъ подробностяхъ.

Два офицера, работавшіе на вспомогательныхъ крейсерахъ въ свое время, писали въ газетахъ слѣдующее **): „Рожественскаго мы никогда не видали. Онъ избѣгалъ даже командировъ. Всѣ сношенія его съ нами ограничивались приказами, въ которыхъ онъ самымъ грубымъ образомъ оскорблялъ насъ, нерѣдко даже и вовсе незаслуженно... Дисциплина этимъ только подрывалась, чувство собственнаго достоинства убивалось, матросамъ подавался примѣръ — не уважать своихъ офицеровъ. Мы не знали близко другъ друга: онъ—насъ, мы — его. Вся связь между экипажами была чисто бумажная. Грубый тонъ, которымъ онъ обращался къ командирамъ, подсказывалъ всѣмъ, что онъ ихъ или презираетъ, или опасается. Намъ казалось, что онъ ненавидитъ всѣхъ насъ; и, вѣроятно, многіе командиры платили ему тѣмъ же. Среди нихъ, правда, были и не надежные, были и запасные, которые совсѣмъ отстали отъ дѣла... Одному только адмиралъ и научилъ насъ какъ слѣдуетъ, это—погрузкѣ угля; наловчились мы дѣлать это, даже и въ открытомъ океанѣ. Грузили по 40 *tn* (до 2500 пуд.) въ часъ—съ транспорта на баркасъ, съ баркаса—на броненосецъ. Всѣ главныя соображенія адмирала вертѣлись около угля. И этого угля передъ боемъ погрузили мы столько, что его хватило бы обойти вокругъ всей Японіи; а въ бою онъ горѣлъ вмѣстѣ съ деревомъ и бездымнымъ порохомъ; перегрузка углемъ нашихъ броненосцевъ способствовала только ихъ перевертыванію въ бою“...

„Проявляя свою суровость и свой деспотизмъ, Рожественскій умѣлъ быть и снисходительнымъ къ командѣ“, пишетъ одинъ изъ нашихъ товарищей-моряковъ. „Нѣкоторые офицеры упрекали его даже въ излишней мягкости къ нижнимъ чинамъ эскарды, провинившимся въ важныхъ проступкахъ. Когда ему предлагали суровую кару для нихъ, онъ отклонялъ ее, говоря, что команда цѣлыми мѣсяцами сидитъ безвыходно на корабляхъ въ то самое время, когда гг. офицеры бываютъ на берегу и не всегда хорошо себя ведутъ; надо поэтому имѣть къ командѣ больше снисхожденія“.

Объ отношеніяхъ адмирала къ личному персоналу заслуживаютъ вниманія еще слѣдующія строки изъ одного товарищескаго письма: „Всѣ ночи напролетъ адмиралъ ходилъ по палубѣ, самъ слѣдилъ за всей эскадрой, самъ входилъ во все, даже и въ мелочи. Адмиралъ думалъ за насъ, велъ насъ, одинъ держалъ всю эскадру въ своихъ рукахъ. Контръ-

---

*) Были корабли съ персоналомъ исключительно „бѣлой кости“; были корабли, гдѣ въ каютъ-компаніи отдѣльно отъ остальныхъ величественно красовался „княжескій и графскій столъ“; были корабли съ отборнымъ рабочимъ персоналомъ; былъ и другой спеціальный подборъ личнаго состава...

**) См. „*Нов. Вр.*“, 1905, № 10.554, статья Глинки.

адмиралъ Энквистъ, который шелъ съ тремя крейсерами вокругъ мыса Доброй Надежды вмѣстѣ съ Рожественскимъ, жаловался, что этотъ послѣднiй совершенно не считался съ нимъ, какъ съ адмираломъ: онъ съ нимъ никогда не совѣтовался и не сообщалъ ему своихъ плановъ. Такъ было въ походѣ, такъ было и съ подготовкою кораблей къ бою: всѣ распоряженiя и тутъ были сосредоточены исключительно въ рукахъ адмирала; признавалась только его воля, его распоряженiя; совѣта командировъ не было созвано... Если бы даже и былъ такой совѣтъ, не было бы возможности предотвратить разгромъ нашей эскадры при встрѣчѣ ея съ непрiятелемъ; но было бы возможно сдѣлать этотъ разгромъ не столь тяжелымъ. И неисчерпаемаго источника сѣтованiй и нареканiй на адмирала также не было бы тогда".

Переходъ эскадры отъ Кронштадта до Цусимы.

Эскадра благополучно сдѣлала этотъ переходъ, этотъ подвигъ, благодаря самоотверженной работѣ, которую проявили инженеръ-механики *).

Переходъ эскадры отъ Кронштадта до Цусимы. Готовилась къ нему эскадра Рожественскаго не восемь дней, и не восемь недѣль, а *болѣе восьми мѣсяцевъ!..* Спѣшно, дорого и не во всемъ хорошо доканчивались въ это время работы серьезныя на такихъ броненосцахъ, которымъ „по программѣ" надо было бы быть во Владивостокѣ еще въ 1903 году; мѣнялись механизмы и вооруженіе на старьѣ; спѣшно достраивались и вооружались крейсера, передѣланные изъ нѣмецкихъ пассажирскихъ пароходовъ; вырабатывались удивительные контракты на поставку угля; комплектовался личный составъ, который много и долго подбирали и разсаживали по мѣстамъ, какъ музыкантовъ въ извѣстной крыловской баснѣ...

Вся эта бюрократическая работа по снаряженію эскадры въ путь носила на себѣ характеръ полной растерянности, незнакомства съ дѣломъ; оно было сильно запущено; къ быстрому и серьезному окончанію его вовсе не готовились; многое кончали какъ-нибудь. То выпустили главное ядро эскадры, то въ догонку за нимъ послали крейсеры съ только что оконченнымъ „Олегомъ", то въ дополненіе къ выпущеннему ранѣе составу снарядили еще военные транспорты, то начали снаряжать изъ старья запоздалый отрядъ Небогатова... А главныя силы въ походѣ въ это время стояли на мѣстѣ, въ чужихъ водахъ, ждали неизвѣстно чего; корабли непрерывно обростали ракушками и водорослями, а персоналъ отъ бездѣлья только деморализовался...

Если, дѣйствительно, надо было въ пути ждать столько времени посланныхъ въ догонку за эскадрою и крейсеровъ, и транспортовъ и отряда Небогатова, то, разумѣется, эти три съ половиной мѣсяца ожиданія надо было провести гораздо производительнѣе,—и провести ихъ въ Балтійскомъ морѣ, а не въ чужихъ водахъ, у Мадагаскара и Анна-

*) Изданіе „*В. К. А. М.*, *Военные Флоты*", стран. 73.

мы. Не говоря уже о томъ, что это стоило бы Россіи во много разъ дешевле, достигнуто было бы при этомъ и самое существенное: за это время *успѣли бы исправить многое* въ механизмахъ, въ вооруженіи; *безъ снарядовъ не пошли бы* въ походъ; времени зря не теряли бы, *учились бы* непремѣнно, п. ч. стоять передъ походомъ въ Ревелѣ и не учиться стрѣльбѣ и маневрированію было бы всѣмъ совѣстно; это— все-таки не у Мадагаскара, нѣтъ-нѣтъ, да и написали бы въ газетахъ что-нибудь по поводу этого. Военныхъ транспортовъ брать съ собою въ бой тоже не пришлось бы тогда, п. ч. содержимое ихъ свободно могло быть доставлено и по желѣзной дорогѣ. За эту четверть года на мѣстѣ легче было бы сообразить, что брать съ собою въ походъ изъ старья и чего не брать; на ученьи и на маневрахъ начальству въ этомъ легче было бы оріентироваться, ко всему этому ближе можно было бы присмотрѣться. Тутъ же легко было бы сдѣлать основательную сортировку и персоналу, произвести отборъ алкоголиковъ, больныхъ, нерадивыхъ, лѣнивыхъ, попавшихъ не на свое мѣсто и т. д. А главное, за эту четверть года, проведенную въ Россіи, въ сознательной работѣ, а не въ изнурительномъ хмельномъ угарѣ Мадагаскара, весь *персоналъ лучше сохранилъ бы свои силы, физическія и моральныя*, и пошелъ бы тогда въ походъ и въ бой съ сознаніемъ, что онъ добросовѣстно поработалъ надъ подготовкою себя къ тому дѣлу, за которое взялся... Но для этого, конечно, многимъ нужно было проявить большое гражданское мужество *однимъ открыто и чистосердечно надо было передъ* Государемъ *и его народомъ сознаться, что и въ октябрѣ 1904 года полное предположенное снаряженіе эскадры было все еще далеко не готово, а другимъ надо было сознаться, что они, слившись въ эскадру, еще ничего не знаютъ и не начинали еще совмѣстно работать*... Узнать тогда обо всемъ этомъ Государю и народу, разумѣется, было бы горько, обидно; во всякомъ случаѣ это была бы неизмѣримо меньшая обида, чѣмъ теперь, когда нашъ флотъ задорно и хвастливо шелъ впередъ, завѣдомо обманывая и всю Россію, и весь міръ—въ своей боевой мощи, въ своихъ знаніяхъ морского дѣла, въ своей боевой опытности... Узнавши чистую правду, Государь и его народъ благоразумно рѣшили бы тогда, конечно, что съ такими данными нельзя еще идти на поединокъ съ непріятелемъ, что сначала надо къ этому подготовиться, а иначе осрамишь Россію и неосмотрительно подорвешь ея силы и могущество на многіе десятки лѣтъ...

Однако ни у кого не хватило этого гражданскаго мужества. Въ своей полной неподготовленности никто не сознался; провѣрить ихъ было некому; пресса должна была молчать... Въ дѣлѣ совсѣмъ не было хозяина, несущаго отвѣтственность передъ страной, хозяина, имѣющаго опредѣленный планъ работы, а чаще всего не было ни хозяина, ни плана, ни работы...

Когда только что начали снаряжать у насъ эскадру для Рожественскаго, ее думали отправить, конечно, въ П.-Артуръ на соединеніе съ

тихо-океанской эскадрой *). Но затѣмъ оказалось, что даже и въ началѣ маѣ 1904 г. ничего путнаго нельзя еще было отправить въ походъ: новое не достроено, старое развалилось...

Рѣшили обождать... А время шло. Неудачи на сухопутномъ театрѣ войны непрерывно слѣдовали одна за другою. П.-Артуръ былъ обложенъ раньше, чѣмъ успѣлъ прибыть туда адмиралъ Скрыдловъ, назначенный для командованія тихо-океанской эскадрой; пришлось ему проѣхать отдыхать во Владивостокъ, а эскадру въ Артурѣ ввѣрить чиновнику по старшинству... Задумали далѣе попробовать произвести соединеніе отрядовъ артурскаго и владивостокскаго, т.-е. исправить ошибку намѣстника, который для большаго блеска въ своемъ штатѣ держалъ всѣ главныя морскія силы въ Артурѣ; но произвести этого соединенія чиновники несумѣли: владивостокскій отрядъ вышелъ на два дня позднѣе, чѣмъ бы ему слѣдовало; а портъ-артурская эскадра одна не справилась со своей задачей, *благодаря исключительно неудовлетворительности ея высшаго личнаго персонала;* наши корабли въ сраженіи 28 іюля 1904 г. постояли за себя хорошо, но людей не было; обновить своей артиллеріи и ввести новые снаряды японцы тогда еще не успѣли. Но когда мы имъ дали на это время, задержавши отплытіе нашей Балтійско-Цусимской эскадры до октября 1904 г. и простоявши съ ней въ пути еще три съ половиной мѣсяца, японцы привели главныя боевыя сила своей эскадры въ неузнаваемый видъ **)... Так. обр. и наша неподготовленность, и наша нераспорядительность, и отсутствіе у насъ хозяина въ дѣлѣ,—все это оказалось на пользу только японцамъ, чиновникамъ да подрядчикамъ нашего морского вѣдомства.

Въ Кронштадтѣ, Ревелѣ и Либавѣ въ 1904 г. работа „кипѣла", какъ никогда. Въ концѣ лѣта въ Кронштадтѣ, хотя и спѣшно, но „со всей строгостью", производились пріемки кораблей. То и дѣло ходили на пробу „*Суворовъ*", „*Бородино*", „*Орелъ*", „*Олегъ*", „*Жемчугъ*", „*Изумрудъ*" и друг. Не всѣ пробы оказались, конечно, удовлетворительными: то нехватало обѣщанныхъ „узловъ", то оказывалась нехватка въ „индикаторныхъ силахъ"; то повторно корабли садились на мель на самой линіи фортовъ; послѣ долгой возни ихъ наконецъ стаскивали, они снова шли и опять садились на мель и т. д., точно въ чужихъ водахъ. Гдѣ задирало, „смазывали", гдѣ не хватало, „замазывали" *etc.*

Не безынтересны первыя впечатлѣнія нашихъ товарищей-техниковъ, попавшихъ во флотъ какъ разъ въ компанію 1904 г.

---

*) Капитанъ I-го ранга Серебренниковъ, командиръ на „*Бородино*", одинъ изъ лучшихъ командировъ эскадры, со стоянки у Мадагаскара отъ 28 февр. 1905 г. писалъ въ СПб. слѣдующее: „Говорятъ", что мы скоро уходимъ во Владивостокъ. Навѣрно, неправда. Идти туда послѣ паденія Артура, идти въ томъ составѣ, что мы имѣемъ, нельзя, безсмысленно; да мы, я въ этомъ увѣренъ, и не пойдемъ, даже соединившись съ 3-мъ отрядомъ. Послѣ сдачи Мукдена, что принесли намъ сегодня французскія телеграммы, идти мы не можемъ; этого не должно быть, въ противномъ случаѣ это будетъ роковая ошибка"... (См. изданіе „*В. К. А. М. Военные Флоты*", 1906, стран. 66 приложенія).

**) Капит. Семеновъ, стран. 47, 51.

Приведу здѣсь рядъ выписокъ изъ писемъ, которыя были получены мною въ разное время отъ участниковъ въ походѣ нашей Балтійско-Цусимской эскадры и которыя дополняютъ собою характеристику личнаго состава нашего флота.

„Насъ, попавшихъ во флотъ изъ напряженной, трудовой атмосферы Императорскаго Техническаго Училища, поражала окружавшая насъ въ Кронштадтѣ дѣйствительность. Мы ожидали здѣсь встрѣтить серьезную, настоящую подготовку эскадры—ученія, тревоги, подготовку къ стрѣльбѣ, маневрированіямъ и т. д. Ничего этого не было; лишь чрезъ 3 ночи на 4-ю нѣкоторыя суда ходили въ дозоръ за нѣсколько миль дальше отъ своей якорной стоянки въ Финскій заливъ; тамъ они отдавали якорь и стояли до утра съ поднятыми парами, а утромъ опять уходили и становились на якорь на большомъ рейдѣ, занявши прежнее мѣсто. Два раза въ день, послѣ завтрака и обѣда, на Петровскую пристань въ Кронштадтѣ приходили катера, переполненные веселыми офицерами въ чистенькихъ кителяхъ и накидкахъ, ѣхавшими на берегъ или съ берега... Утромъ и вечеромъ приходили на эскадру тяжелыя портовыя суда съ рабочими, которые производили на корабляхъ разныя исправленія и устанавливали безпроволочный телеграфъ.—Иногда впрочемъ производили на эскадрѣ шлюпочныя ученія, траленіе минъ, практиковались съ боевымъ освѣщеніемъ (прожекторами)“.

„На корабляхъ, которые достраивались, шло большое оживленіе среди рабочей массы. Днемъ на броненосцахъ работало до 2000 человѣкъ, ночью—до 1000. А для гг. офицеровъ — опять праздникъ. Какъ правило было заведено въ нашемъ флотѣ, что строевые офицеры, кромѣ „верха“ и палубы, могли ничего не знать. И многіе изъ нихъ, дѣйствительно, не знали вовсе своего корабля и не всегда сумѣли бы пройти въ какую-нибудь часть его, называемую въ разговорѣ. Спеціалисты офицеры (штурмана, минёры, артиллеристы), по скольку хватало у нихъ знаній и охоты, слѣдили отчасти за вооруженіемъ своихъ частей. Не вездѣ они могли слѣдить за работой, п. ч. не имѣли для этого прежде всего достаточныхъ техническихъ знаній *). Въ плаваніи при неисправности рулевого привода, напр., штурманскіе офицеры съ академическимъ образованіемъ были часто вовсе не въ состояніи опредѣлить причину этого; на помощь призывались или корабельный инженеръ, или механикъ; этимъ же приходилось лѣзть и сначала знакомиться на

*) Позднѣе то же лицо дѣлилось своими впечатлѣніями въ такихъ выраженіяхъ: — „Манера внѣшняго военнаго обращенія далась не скоро. Выправка усвояется скорѣе... Съ уваженіемъ къ старшимъ строевымъ офицерамъ во флотѣ *прощаешься навсегда*. Мы въ Училищѣ привыкли уважать своихъ „старшихъ“, профессора или преподавателя, и безусловно подчиняться ихъ указаніямъ, п. ч., если они даже и не изъ лучшихъ, они знаютъ свое дѣло, всегда они далеко превосходятъ меня знаніями, они работаютъ нерѣдко вмѣстѣ со мною или на моихъ глазахъ. А здѣсь совсѣмъ не то; весь жизненный обиходъ складывается здѣсь так. обр., что къ старшимъ строевымъ возможно отношеніе въ лучшемъ случаѣ съ насмѣшкой, а иныя дѣйствія ихъ внушаютъ и пренебреженіе и даже презрѣніе“...

мѣстѣ съ устройствомъ штурвала, тратя на это время, и лишь тогда удавалось найти причину; иниціатива и способъ исправленія отдавались, конечно, въ руки механика"...

Первый отрядъ эскадры Рожественскаго вышелъ изъ Кронштадта въ Ревель 12 августа. Въ немъ все еще недоставало транспорта „*Камчатки*" и броненосца „*Орелъ*"; у 1-й передъ самымъ уходомъ были испорчены машины, а 2-й все еще былъ не готовъ.

Въ Ревелѣ эскадра немного училась маневрированію, задраивали кругомъ иллюминаторы, готовились къ стрѣльбѣ, а главное семеро ждали одного...

Наконецъ пришли „*Камчатка*" и „*Орелъ*"; адм. Бирилевъ пріѣзжалъ въ Кронштадтъ самъ, когда броненосецъ, ранѣе утопавшій и оправившійся, опять вдругъ сѣлъ на мель за двѣ недѣли до похода...

26 сентября 1904 г. эскадра въ Ревелѣ ждала Высочайшаго смотра. Надѣвали полную парадную форму *); команда была одѣта „въ первый срокъ" и была на шканцахъ выстроена по оба борта.

Государь, пріѣхавшій въ Ревель съ поѣздомъ, на катерѣ обходилъ всю эскадру, начиная со старыхъ броненосцевъ. Подойдя къ борту, Онъ поднимался на спардекъ, здоровался съ почетнымъ карауломъ и командой, проходилъ на задній мостикъ и обращался съ воодушевляющею рѣчью къ офицерамъ и командѣ. „Здѣсь они впервые узнали изъ Его устъ, что эскадра пойдетъ въ Японскія воды... сражаться съ врагомъ, нарушающимъ спокойствіе Россіи". Рѣчь Государя была покрыта криками „*ура!*"

Чрезъ день послѣ этого эскадра снялась съ якоря и отправилась въ Либаву. Ждать еще „*Олега*" долѣе не нашли возможнымъ...**) Здѣсь эскадра пробыла дня три, грузилась углемъ до полнаго запаса и прощалась съ Россіей. Многіе прощались навсегда...

1 октября съ полудня корабли начали вытягиваться изъ аванъпорта на рейдъ. Погода была сѣрая, дождливая...

Еще на стоянкѣ въ Ревелѣ появился на эскадрѣ слухъ, что противъ нея готовятся козни при проходѣ ея Нѣмецкимъ моремъ или Англійскимъ каналомъ. Одни говорили о японскихъ миноносцахъ, другіе—о пловучихъ минахъ, которыя нѣкоторыя спортсменскія общества въ угоду японцамъ берутся якобы набросать на пути нашей эскадры. Эти свѣдѣнія были будто бы доставлены нашими агентами въ З. Европѣ.

---

*) А чрезъ семь мѣсяцевъ послѣ этого на той же эскадрѣ, въ бухтѣ Ванъ-Фонгъ за выносомъ плащаницы была уже такая картина: —„Стояла босая команда, босые пѣвчіе, босой дьячокъ. Всѣ въ бѣломъ; постарались надѣть чистое, но всѣ рваные. Костюмы офицеровъ тоже были скверные... Боже, какое это было убожество!" — см. Политовскій, стран. 233.

**) Немного позднѣе выпустили изъ Кронштадта и „*Олега*", но съ поврежденными машинами, дѣлавшими крейсеръ въ бою только декораціей (статья кап. Добротворскаго въ „*Нов. Вр.*", 1905, № 10.826).

Не опровергаемый никѣмъ, этотъ слухъ повторялся въ каютъ-компаніяхъ; и его знала команда, отъ которой не было причинъ его скрывать.

Настроеніе на корабляхъ передъ уходомъ эскадры въ общемъ было неважное, неувѣренное.

Вечеромъ на „*Суворовѣ*“ былъ отслуженъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Молились за „болярина Зиновія и дружину его...“

Утромъ 2-го октября эскадра покинула Либаву съ самыми тревожными думами о неизвѣстномъ будущемъ, которое рисовалось ей преисполненнымъ всякихъ опасностей въ пути.

Гулльскій инцидентъ*)... „Снявшись 2 октября съ якоря, эскадра перешла къ Лангеланду, а оттуда, конвоируемая по временамъ датскими канонерками, поотрядно она прошла проливы, собралась и стала на якорь у мыса Скагенъ, гдѣ нѣкоторыя суда грузились углемъ“.

На этомъ переходѣ успѣлъ уже отстать броненосецъ „*Орелъ*“; о немъ безпокоились всю ночь **); у него нѣсколько разъ портился руль.

„На этой остановкѣ распространялось опять много тревожныхъ извѣстій. Съ одного частнаго парохода ночью будто бы видѣли у шхеръ шесть миноносцевъ, прятавшихся тамъ; съ другого парохода видѣли судно, очень похожее на подводную лодку; нашъ „*Наваринъ*“ будто бы поднималъ сигналъ, что онъ видитъ два воздушныхъ шара“, и т. д.

„Начинало уже вечерѣть, темнѣть, а эскадра почему-то все еще не снималась съ якоря. Чтобы разогнать тревожныя думы, за ужиномъ кто-то пробовалъ шутить на счетъ всѣхъ этихъ слуховъ, но безуспѣшно... Было уже совсѣмъ темно, когда эскадра снялась съ якоря. Всѣ вздохнули свободнѣе. Пошли опять поотрядно“...

„На другой день была сѣрая погода; и говорили, что въ эту ночь ужъ непремѣнно надо ждать нападенія. Наступилъ вечеръ, пришла и ночь съ 8 на 9 октября. Около полуночи на судахъ 1-го броненоснаго отряда были получены первыя тревожныя вѣсти съ транспорта „*Камчатка*“, который сильно отсталъ отъ эскадры и сообщалъ, что „видитъ непріятеля“. Затѣмъ стало извѣстно, что „*Камчатка*“ телеграфируетъ: „аттакована непріятелемъ со всѣхъ румбовъ“. Всѣ заволновались... Проиграли тревогу... Боевая смѣна разошлась по мѣстамъ; отдраили полупортики, подкатили телѣжки со снарядами; все было поставлено на „..товсь!“

„Краса эскадры, 4 новыхъ броненосца,— въ строѣ кильватера; сзади ихъ—транспортъ „*Анадыръ*“ и нашъ буксирный пароходъ „*Роландъ*“. Съ мостика было передано въ машинное отдѣленіе, что въ кочегарняхъ просятъ возможно меньше шуровать и аккуратнѣе подбрасывать уголь,

---

*) По даннымъ, извлеченнымъ изъ писемъ нашихъ товарищей, участвовавшихъ въ походѣ.

**) Политовскій, стран. 5—6.

иначе за стелющимся дымомъ *непріятельскіе миноносцы* могутъ близко подкрасться къ эскадрѣ незамѣченными"...

„Ночь мѣсячная. На морѣ—мглистыя облака. Нервно настроенные люди пристально вглядывались во море; переговаривались шепотомъ; тревожно оглядывали каждаго проходящаго... На морѣ—зыбь. Въ отдраенные полупортики, съ стоящими около нихъ людьми, нахлестывало воду, которая покрыла скоро всю палубу... „Въ палубахъ" было темно (огней почти не было), всюду чувствовалась напряженность ожиданія. Артиллерійскіе офицеры и командиры плутонговъ давали наставленія комендорамъ—не волноваться при наводкѣ и стрѣлять съ выдержкой"...

„Вдругъ громко заиграли „отраженіе минной атаки" и раздались повсюду крики: „миноносцы! миноносцы!"...

„*Суворовъ*" встрѣтилъ *какія-то суда, по его мнѣнію подозрительныя*, открылъ боевое освѣщеніе и началъ стрѣлять... Другіе броненосцы сдѣлали то же самое, и началась канонада"...

„Тѣ лица, которыя пережили и Гулльскій инцидентъ (при Доггербанкѣ), и Цусимское сраженіе, говорятъ, что „Гулль въ своемъ родѣ превосходилъ Цусиму по напряженности нашей стрѣльбы; подъ Цусимою мы старались все-таки оцѣнивать разстояніе до непріятеля и стрѣляли только изъ подходящихъ орудій; здѣсь же наши корабли стрѣляли даже изъ пулеметовъ, страшно волнуя этимъ команду, находящуюся внизу, около машинъ и котловъ"...

„На одномъ изъ броненосцевъ раздался выстрѣлъ даже изъ 12-дюймоваго орудія... Грохотъ и сотрясеніе корабля показались нервно-возбужденнымъ людямъ до того сильными, что они приняли это за минную пробоину въ носовую часть и бросились принимать необходимыя мѣры... Комендоры теряли зачастую всякое самообладаніе, а поддаваемая въ полупортики вода еще болѣе увеличивала замѣшательство: кто стрѣлялъ, не цѣлясь вовсе; кто тыкалъ въ казенникъ новымъ патрономъ, въ торопяхъ еще не выстрѣливъ. Вотъ сверху прожекторомъ впопыхахъ водятъ близко отъ борта, а комендоры палятъ въ воду, освѣщенную электрическими лучами не далеко отъ борта... Офицеры старались внести порядокъ и погасить расходившіяся страсти: удерживали наиболѣе взволнованныхъ, оттаскивали комендоровъ отъ орудій, иные давали непокорнымъ зуботычины... А на поверхности моря, какъ бы потемнѣвшей отъ боевого освѣщенія, безпомощно качалось въ это время нѣсколько разстрѣлянныхъ и горѣвшихъ судовъ... Приказано было остановить стрѣльбу; но зуботычина не вездѣ еще дошла по назначенію, и канонада нѣкоторое время все еще продолжалась и дальше".

„Все еще стрѣляя въ побѣжденныя суда, броненосцы прошли мимо нихъ девяти-узловымъ ходомъ. Кормовые плутонги нѣкоторыхъ броненосцевъ однако не стрѣляли вовсе, т. к. при свѣтѣ пожара ясно можно было видѣть, что горѣлъ не миноносецъ"...

„Боевое крещеніе эскадры свершилось... Горящія суда остались далеко сзади, стрѣльба стихла, возбужденіе прошло... На кораблѣ пахло

испорченными яицами (запахъ бездымнаго пороха), палуба была покрыта нахлестанной водой... Въ группѣ офицеровъ слышны бы возгласы:—„А знаете, господа, вѣдь это мы простыхъ рыбаковъ*) раскатали!“...

„На утро стали извѣстны и тѣ дефекты, которые принесла нашей эскадрѣ эта боевая несчастливая ночь: „*Суворовъ*“, кромѣ рыбачьихъ судовъ, разстрѣлялъ еще и „*Аврору*“; смертельно ранили на ней священника; и на эскадрѣ было обнаружено нѣсколько случаевъ помѣшательства во время событій этой ночи“...

Слѣдственная Международная Коммиссія по дѣлу о гулльскомъ инцидентѣ засѣдала въ январѣ 1905 года въ Парижѣ. На осуществленіе ея работъ Англія и Россія затратили около 300.000 руб.; исковъ къ Россіи со стороны гулльскихъ рыбаковъ было предъявлено на сумму около 650. 000 руб. Три офицера съ броненосцевъ „*Суворовъ*“, „*Бородино*“ и „*Александръ III-й*“ свидѣтельствовали, что въ началѣ перваго часа при свѣтѣ прожекторовъ они видѣли въ разстояніи около 2 миль отъ эскадры „два миноносца чернаго цвѣта. экадреннаго типа, съ числомъ трубъ не менѣе двухъ“. Одинъ изъ нихъ они видѣли въ теченіе 2—4 мин., другой дольше. Стрѣльба длилась около 9 мин. Имъ доказывали, что за миноносцы гг. офицеры приняли свой же крейсеръ „*Аврору*“ и рыбацкое судно „*Alpha*“, и что „*Камчатка*“ стрѣляла въ нѣмецкое рыбачье судно**) „*Sonntag*“ и въ шведскій пароходъ „*Aldebaran*“. Коммиссія постановила, что ни военное достоинство, ни гуманность Рожественскаго въ связи съ этимъ инцидентомъ не подлежатъ никакому порицанію.

Машинная вахта въ тропикахъ ***). „Солнце вертикально надъ головой... Нестерпимый зной... Отъ постояннаго пота почти вся команда, мывшая себя соленой водой, болѣла тропической сыпью, нарывами... Въ полуденные часы изъ-за жары запрещалъ производить погрузку угля даже самъ Рожественскій... Насколько же невыносимо на броненосцахъ въ такое время „въ машинахъ“: надъ ними—накаленная броня съ общей толщиной дюйма въ 4, кругомъ—раскаленные трубопроводы, сепараторы, детандеры... Даже вдувная и выдувная вентиляція, производимая электрическими вѣтрогонами, дѣлала пребываніе „въ машинахъ“ возможнымъ только для команды и механиковъ. Замѣтное дѣйствіе вентилятора было ощутимо только вблизи него; а немного въ сторону отъ него, казалось, стоитъ все та же удушливая неподвижная атмосфера“...

„У машинныхъ „ручекъ“ внизу, на уровнѣ туловища температура держалась обыкновенно около 45—47 градусовъ Реомюра. Пойти на

*) Въ Гуллѣ воздвигнутъ памятникъ, изображающій во весь ростъ рыболова съ поднятой къ небу рукой. Памятникъ воздвигнутъ въ память избавленія англійскихъ рыбаковъ отъ разстрѣла ихъ у Доггербанка эскадрой адмирала Рожественскаго, принявшей ихъ за японскую военную флотилію.

**) Письма нашего товарища А. М. Плѣшкова категорически подтверждаютъ *три послѣдовательныя ночныя атаки „Камчатки“ миноносцами*, а не другими судами (см. ниже).

***) Изъ писемъ товарищей-техниковъ.

индикаторныя площадки нечего было и думать, тамъ было отъ 66 до 70 градусовъ"...

Если вступающій на вахту механикъ, спустившись въ машину, видѣлъ всѣ предметы довольно ясно, то можно было надѣяться отстоять вахту безъ чрезмѣрныхъ страданій. Но дѣло было совсѣмъ иное, и вахта обѣщала быть особенно жестокой, когда, при входѣ въ машинное помѣщеніе, оно оказывалось какъ бы въ туманѣ отъ испаряющагося масла".

„Машинисты на вахтѣ носили только брюки и ко́ты на ногахъ; торсы, облитые по́томъ, были голы, или же на нихъ были надѣты сѣтчатыя безрукавки, „натѣлки"...

„Въ кочегарняхъ было не лучше. Съ плохимъ углемъ тяжело было исправно держать паръ, а прибавить котловъ не всегда было можно. Съ кочегарами случались нерѣдко тепловые удары. Помимо вреда для пораженнаго, они угнетающе дѣйствовали и на товарищей его. Человѣка машинной команды, попавшаго „наверхъ", сразу можно было узнать; его выдавало блѣдное, безкровное лицо съ трупнымъ оттѣнкомъ и неровная волдыристая кожа"...

„Машинная команда стояла на три вахты (по 8 час.); и передъ ея трудомъ, мужествомъ и безропотностію надо было прямо преклоняться. Механики стояли на 4 и на 5 вахтъ; но у нихъ кромѣ этого были еще свои сверхъ-урочныя работы—чистка котловъ, ремонтъ паровыхъ шлюпокъ и друг. И тѣ, и другіе перенесли этотъ тяжелый походъ и добрались почти до Владивостока, гдѣ надѣялись отдохнуть... Въ бою, когда машинныя помѣщенія и кочегарни заволакивались удушливымъ дымомъ шимозы и пожаровъ, когда гасло электричество, когда останавливались вентиляторы и температура поднималась, какъ и подъ тропиками—до 45—46 градусовъ,—и тѣ, и другіе умирали на своемъ посту, переживши превышающій наше представленіе ужасъ во время перевертыванія корабля... Такъ, надо думать, погибли наши товарищи Быковъ, кн. Гагаринъ, Михайловъ и Федюшинъ"...

Погрузка угля на эскадру *). Погрузка угля на корабли въ открытомъ морѣ составляла славу нашего плаванія. Вопросъ о возможности такихъ погрузокъ въ большомъ масштабѣ не былъ рѣшенъ раньше насъ никѣмъ **).

„Погрузка угля у насъ на эскадрѣ была въ высшей степени поучительна. Корабли, шедшіе съ Рожественскимъ кругомъ Африки, имѣли въ общемъ болѣе 40 погрузокъ; и всѣ онѣ были осуществлены, пользуясь только своими людьми, пользуясь трудомъ экипажей. Въ концѣ концовъ это дѣло было поставлено на эскадрѣ на должную высоту.

Часовая погрузка угля колебалась въ зависимости отъ способа погрузки, въ очень широкихъ предѣлахъ,—отъ 45 до 100 *tn* въ часъ.

*) Изъ писемъ нашихъ товарищей.

**) Описанные товарищами способы погрузки угля, практиковавшіеся на Б.-Ц. эскадрѣ, я не передаю здѣсь. *П. Х.*

Главную задержку при погрузкѣ составляла набивка угольныхъ ямъ,— заторы въ шахтахъ, заторы у йхъ горловинъ и разгребаніе угля лопатами въ самихъ угольныхъ ямахъ. Нѣкоторыя угольныя ямы были устроены очень неудачно; быстроты и удобства набивки ихъ углемъ нельзя было достигнуть никакими средствами.

Въ быстротѣ погрузки большую роль игралъ „духъ“ экипажа. Если расписаніе было хорошо составлено, если команда видѣла, что офицеры горячо берутся за дѣло, а главное—если погрузкой распоряжался любимый командою и товарищами офицеръ, то работа шла весело, и дѣло всегда спорилось.

На „духъ“ офицеровъ при этой работѣ вліяло иногда желаніе ихъ указать старшему офицеру его мѣсто: когда распоряжается онъ самъ, корабль грузитъ мало; а когда его нѣтъ, грузятъ вдвое...

Разныя команды грузили различно. Лучше всего работала на погрузкахъ угля машинная команда. Хорошее расписаніе, разумная дисциплина, привычка и втянутость въ разумную отвѣтственную работу дѣлали то, что изъ назначеннаго на работу числа лицъ этой категоріи были на мѣстѣ всѣ 100%. Хорошо грузили и комендоры,—тоже около 100%. Хуже всего работала строевая команда. Отсутствіе у нихъ строгой дисциплины, непривычка къ правильной систематической работѣ были причиной того, что изъ всего состава, назначеннаго по расписанію, были на мѣстѣ и работали какихъ-нибудь 25%, а остальные разбѣгались по кораблю и спали.

На новыхъ броненосцахъ были установлены различныя „усовершенствованныя приспособленія“ для автоматической передачи угольныхъ мѣшковъ съ „угольщика“ на броненосецъ. Но всѣ эти дорогія устройства оказались игрушечными. Полная негодность ихъ для той цѣли, для которой ихъ ставили, обнаружилась еще въ военной гавани въ Кронштадтѣ. Съ помощію этихъ приспособленій удавалось грузить 10—12 *tn* угля въ сутки, но броненосецъ типа „*Бородино*“ сжигалъ на якорѣ около 25 *tn*, а на ходу не менѣе 100—120 *tn* въ сутки. Принимать угля за разъ приходилось иногда въ походѣ до 1700 *tn*. Поэтому въ походѣ о всѣхъ этихъ дорогихъ игрушкахъ пришлось забыть. Онѣ мирно лежатъ теперь въ Цусимскомъ проливѣ...

Уголь доставлялся эскадрѣ гамбургской компаніей. Она зафрахтовала для этого суда разныхъ національностей. Кромѣ того, эскадра постоянно имѣла еще при себѣ нѣсколько своихъ транспортовъ съ углемъ на тотъ случай, если бы что-нибудь помѣшало нѣмцамъ придти во-время къ назначенному мѣсту. Запасный уголь для эскадры имѣли „*Анадыръ*“, „*Иртышъ*“, „*Кн. Горчаковъ*“ и пароходы Добровольнаго флота.

По качеству уголь былъ такъ называемый „кардифъ“; происхожденіе его не всегда было англійское. На переходѣ до Мадагаскара особенно часто попадался уголь низкаго качества. Онъ былъ съ большой примѣсью графита, сильно спекался, заливалъ колосники, давалъ удушливый запахъ при чисткѣ топокъ; и при всѣхъ усиліяхъ кочегаровъ съ этимъ

углемъ не было никакой возможности сносно держать паръ. Качества угля значительно мѣнялись послѣ каждой погрузки. Раза два пришлось топить и брикетами. Они давали очень длинное пламя, горѣли, какъ солома, и давали сильный налетъ на кипятильныхъ трубкахъ. Для отопленія котловъ во время хода брикеты не годились. Послѣ Мадагаскара уголь пошелъ лучше; да и мы, механики, стали умнѣе: на случай полнаго хода мы держали всегда въ запасѣ уголь получше, заполняя имъ такъ называемыя подвѣсныя ямы.

Остается добавить, что погрузкой угля въ открытомъ морѣ Небогатовъ „перещеголялъ" Рожественскаго: его маленькіе корабли отшвартовывались съ угольщиками въ океанѣ, и погрузка производилась, какъ на якорѣ. Не со всѣми только кораблями можно это продѣлывать; другой можетъ проколоть угольщику и бортъ,—пушками и приборами огражденія отъ минъ".

На переходѣ отъ Испаніи до Японіи *). „Покинувши испанскій портъ Виго, мы перестали получать на эскадрѣ какія-либо извѣстія изъ внѣшняго міра и начали свыкаться съ мыслію, что при встрѣчѣ съ японцами мы должны разсчитывать только на свои силы. Въ каютъ-компаніи какъ-то разъ поднялись разговоры, а что будетъ, если, дѣйствительно, нашей эскадрѣ придется одной встрѣтиться съ врагомъ въ рѣшительномъ бою. Одинъ лейтенантъ, проявившій потомъ въ бою рѣдкую храбрость, доказывалъ намъ тогда ясно, логично и убѣдительно, что японцы въ бою будутъ имѣть безусловное превосходство надъ нами. Раньше объ этомъ говорили мало и не такъ обстоятельно. Впечатлѣніе получилось поэтому неожиданное, очень сильное и удручающее. Рѣшили въ каютъ-компаніи не сравнивать наши силы съ японскими, не гадать о результатахъ будущаго боя, что, конечно, не должно было касаться разговоровъ о лучшемъ использованіи своихъ силъ для полученія перевѣса надъ врагомъ".

„Въ концѣ ноября откуда-то дошелъ до насъ темный и тревожный слухъ, что въ П.-Артурѣ очень неладно, что тамъ начинается голодъ, что эскадра еще цѣла, но представляетъ собою лишь плавающіе гроба. Слухъ этотъ исчезъ такъ же скоро, какъ и появился".

„Но вотъ стали видны силуэты горъ Мадагаскара, голубыя днемъ. Ласковы послѣ недавняго шторма стали море и солнце; на всѣхъ повѣяло бодростью и надеждой. Начались мечты о соединеніи съ П.-Артурской эскадрой, о счастливыхъ комбинаціяхъ нашихъ силъ, которыя послѣдуютъ отъ такого соединенія. Но на первой же стоянкѣ у Мадагаскара мы узнали, что П.-Артурскіе суда разстрѣливаются 11-дюймовыми японскими гаубицами. Передавали даже телеграмму изъ Токіо:—„Вчера покончили съ „*Пересвѣтомъ*", сегодня разстрѣливаемъ „*Ретвизана*"... Впечатлѣніе было ужасное. Точно при насъ сдирали кожу съ живого

---

*) Абзацы этой главы, отмѣченные въ кавычкахъ и не оговореные въ сноскахъ, взяты мною изъ писемъ нашихъ товарищей-техниковъ, полученныхъ мною.

человѣка. Всѣ пріуныли: за душу хваталъ всѣхъ не только зловѣщій смыслъ телеграммы, но и трагическая, безславная кончина товарищей — не на морѣ, а въ гавани, откуда нельзя уйти, гдѣ нельзя спрятаться... Но вотъ германскій „угольщикъ" подходитъ къ правому борту для погрузки намъ угля. Вотъ завели уже и швартовы, загромыхали паровыя лебедки, высоко и звонко защелкали въ ясномъ воздухѣ телѣжки Темперлея, загрохоталъ уголь въ рукавахъ; началась наша страда; и о П.-Артурской эскадрѣ мы на время забыли"...

„На Мадагаскарѣ къ намъ подошелъ догонявшій насъ отрядъ Добротворскаго.—„Семь броненосцевъ съ „*Нахимовымъ*" и семь крейсеровъ съ „*Алмазомъ*"—сила большая", утѣшалъ насъ въ приказѣ адмиралъ", непріятель не рѣшится открыто напасть на насъ"...

„Тутъ же стало доходить до насъ „*Новое Время*" со статьями Кладо; стали говорить объ эскадрѣ Небогатова, о томъ, какъ полезно имѣть въ бою лишнихъ одиннадцать 10-дюймовыхъ орудій. Правда, нѣкоторые тутъ же откровенно говорили, что посылаемыя намъ въ догонку суда—дрянь, что одного крупнаго снаряда будетъ достаточно, чтобы вывести любой изъ этихъ кораблей изъ строя; а другіе успокоительно прибавляли къ этому, что „одиннадцать 10-дюймовыхъ все-таки не фунтъ изюма", и начинали мечтательный разговоръ о возможномъ выходѣ черноморскаго флота и присоединеніи къ намъ еще трехъ броненосцевъ и двухъ крейсеровъ"...

„Много мы шли, но много и стояли"...

Скорбный это былъ путь, неимовѣрно длинный, съ постоянными задержками въ ходѣ всей эскадры изъ-за крупныхъ неисправностей въ машинахъ и рулѣ то у одного элемента эскадры, то у другого; — съ томительнымъ поджиданіемъ отряда крейсеровъ и транспортовъ въ водахъ Мадагаскара въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ;—съ еще болѣе мучительнымъ поджиданіемъ отряда Небогатова въ водахъ Аннама въ теченіе цѣлаго мѣсяца, гдѣ наши „союзники", строго соблюдая нейтралитетъ, перегоняли нашу эскадру изъ одной бухты въ другую...

Эти большія остановки очень мало были использованы эскадрою для обученія ея маневрированію и стрѣльбѣ. Личный составъ эскадры получалъ довольно большую свободу. Способомъ ея использованія ярко характеризуется уровень развитія значительной части персонала. Особенно это сказалось во время пребыванія эскадры въ водахъ Мадагаскара, гдѣ французы заранѣе ее ждали и заготовили для нея много всего, что нужно для дикаго разгула и широкаго соблазна молодежи, пробывшей безъ перерыва три мѣсяца на кораблѣ. Начались весьма обильныя возліянія Бахусу*), завелась на берегу въ сомнительныхъ кафѐ крупная и азартная картежная игра: **) одинъ изъ офицеровъ въ какой-нибудь часъ

---

*) Политовскій, стран. 96, 97, 141, 143, 147, 151, 192, 220, 237.

**) Онъ же, стран. 99, 112, 117 и друг.

успѣлъ выиграть 5000 франковъ и тутъ же начисто проигралъ ихъ; другой проигралъ своихъ 4000 рублей и т. д. Создалась нездоровая, удушливая атмосфера, въ основѣ своей неимѣющая ничего общаго съ задачами предпринятаго похода; среди нея мѣстами царили и дикость, и безобразіе...

„Оторванные отъ Россіи и отъ всего міра", пишетъ корабельный инженеръ Политовскій своей женѣ, „всѣ живутъ здѣсь, какъ животныя. Однообразіе томительное. Со скуки не знаемъ, что дѣлать. Сегодня, напр., вся каютъ-компанія занималась тѣмъ, что поила обезьяну шампанскимъ и заставляла ее возиться съ собаками"... (стр. 141).

У того же автора въ его книгѣ *„Отъ Либавы до Цусимы"* читаемъ слѣдующее (стран. 147): „До чего напивается иногда команда?!.. Сегодня видѣлъ, какъ на носилкахъ несли матроса безъ всякихъ чувствъ. Его даже дергала судорога. Смотрѣть было противно"...

А вотъ и еще нѣсколько строкъ (стран. 220): „Провизію съ прибывшаго парохода разобрали, какъ дикіе волки,—на шарапъ. Были отвратительныя сцены. Команда съ броненосца *„Орелъ"* самовольно разбила какой-то ящикъ и перепилась. Одинъ матросъ за что-то набросился съ поднятыми кулаками на доктора, но ударить его не успѣлъ. Съ матросомъ сцѣпились два офицера, случившіеся поблизости, и чуть было его не задушили. Лицо разбили ему въ лепешку. Такая гадость... И все это видѣли французы".

Разумныхъ развлеченій было очень мало; музыка не процвѣтала, изрѣдка устраивался театръ, представленія клоуновъ...

Плохо были удовлетворены у персонала даже и самыя элементарныя жизненныя потребности. Почтовыя и телеграфныя сообщенія съ родиной, съ театромъ войны, съ семьей совершенно были не подготовлены; и далѣе они были не организованы даже и на тѣхъ стоянкахъ, гдѣ эскадра оставались по мѣсяцу и по два съ половиной, и гдѣ пребываніе ея ни для кого не было тайной. Да тайны въ походѣ и быть никакой не могло, т. к. за каждымъ шагомъ эскадры все время исправно слѣдили японскіе и англійскіе шпіоны.

Прибывши къ Мадагаскару, адмиралъ Фелькерзамъ сообщалъ, что онъ „два раза телеграфировалъ въ главный морской штабъ, прося эскадрѣ прислать письма*). Штабъ даже не отвѣтилъ"... Октябрьскія письма 1904 г. получали въ концѣ апрѣля 1905 года**)... Самъ начальникъ главнаго штаба посылалъ свои письма сыну на эскадру чрезъ частную одесскую контору Гинзбурга***)... Но и помимо этого, какое удивительное невниманіе было проявлено главнымъ штабомъ: на эскадру приходили письма, адресованные на тѣ корабли, которые въ это время

*) *Политовскій,* стран. 89.
**) Онъ же, стран. 255.
***) Онъ же, стран. 153.

спокойно стояли въ Либавѣ, Кронштадтѣ,—на тѣ корабли, которые давно уже погибли въ П.-Артурѣ *); были письма на строющійся броненосецъ „*Андрей Первозванный*"; были даже письма, адресованныя въ Электротехническій Институтъ Императора Александра III-го **), который чиновники ухитрились смѣшать (!) съ броненосцемъ „*Александръ III-й*".

Въ разведеніи такихъ „порядковъ" отъ главнаго морского штаба не отставалъ впрочемъ и штабъ эскадры... Передъ выходомъ изъ водъ Мадагаскара было рѣшено, что транспортъ „*Горчаковъ*" пойдетъ назадъ въ Россію, какъ и транспортъ „*Малайя*",—оба съ испорченными, старыми машинами, все время задерживающими только ходъ всей эскадры. На „*Горчаковъ*" сдали почту, и среди нея много матросскихъ писемъ съ деньгами на родину ***); а затѣмъ въ походѣ оказалось, что „*Горчаковъ*" идетъ далѣе вмѣстѣ съ эскадрой въ воды Аннама, и вся корреспонденція—на немъ... Дальше этой небрежности и невниманія къ своимъ нуждамъ идти, кажется, было уже некуда.

Можно было развѣ ухитриться еще голодать въ походѣ, когда въ этомъ не было еще ни малѣйшей надобности, какъ это дѣлали, напр., безпечные офицеры нѣкоторыхъ миноносцевъ, прикомандированныхъ къ транспортамъ, дурно исполнявшимъ свои хозяйственныя обязанности ****). Не много лучше было въ этомъ отношеніи впрочемъ и на флагманскомъ кораблѣ во 2-й половинѣ похода, когда Мадагаскаръ пришлось покинуть уже и безъ французскаго ресторатора, и безъ французскаго повара, бывшихъ тамъ вначалѣ плаванія. Доходило до того, что и за адмиральскимъ столомъ обходились безъ водки, безъ мяса, безъ кофе; переходили на солонину.., Бывали случаи, что готовили кушанья изъ очень несвѣжей, испорченной провизіи*****)... Лучше всѣхъ хозяйственная часть была поставлена, кажется, на броненосцѣ „*Бородино*". Тамъ озаботились устроить даже приличное пасхальное розговѣнье; они не забыли при этомъ и ту часть своей команды, которая шла вмѣстѣ съ эскадрой на пловучемъ госпитальномъ суднѣ.

Внѣшняя жизненная обстановка въ походѣ была тоже со всячинкой начиная съ „собачьей жизни" на миноносцахъ, ведомыхъ на буксирѣ, который то и дѣло обрывается... Тамъ и тѣсно, тамъ и грязно, жарко, изъ трубъ летитъ сажа, ѣда отчаянная, нещадно качаетъ, по всѣмъ угламъ въ грязи спитъ команда, подъ ногами толкутся собаки, обезьяны ******)...

А обстановка послѣ погрузки угля на броненосцахъ*******)... „Всюду

*) Онъ же, стран. 122.
**) Онъ же, стран. 128.
***) Политовскій, стран. 255.
****) Политовскій, стран. 183.
*****) Онъ же. стран. 135, 140.
******) Политовскій, стран. 91, 182.
*******) Онъ же, стран. 216, 233.

угольная пыль въ палецъ толщины. Она, какъ туманъ, виситъ въ воздухѣ. Гдѣ и какъ лечь спать? Въ каютѣ и жарко, и пыльно, а то еще... и крыса нахально начинаетъ грызть ногу".

Спасаясь отъ духоты и жары, нѣкоторые офицеры спали на палубѣ, среди угля, точно команда, нераздѣтые, грязные *). Ложе офицера тѣмъ только и отличалось отъ матросскаго, что у перваго были цыновки"...

А главное были мучительны и несносны для персонала неопредѣленность и неизвѣстность, гдѣ сколько предстояло стоять, когда и куда предстояло идти,—это безцѣльное скрываніе отъ офицерства того, что нѣкоторые знали за недѣлю совершенно точно на берегу **). Въ секретничаньи дошли даже до того, что не сообщили командирамъ крейсеровъ даже и названія тѣхъ пароходовъ, которые изъ СПб. были переданы штабу эскадры шифромъ; а на нихъ шла военная контрабанда изъ Европы въ Японію. Списки этихъ пароходовъ зачѣмъ-то были объявлены только ровно за недѣлю ***) до боя подъ Цусимою!..

За шесть недѣль до боя по прибытіи въ бухту Камранъ у адмирала Фелькерзама сдѣлался ударъ ****). Доктора находили ударъ слабымъ и не опаснымъ но тѣмъ не менѣе ему становилось все хуже и хуже. Въ бою онъ долженъ былъ командовать вторымъ отрядомъ, съ броненосцемъ „*Ослябя*" во главѣ; но за 4 дня до боя (10 мая) Фелькерзамъ умеръ. Эскадрѣ не сообщалось объ этомъ—по приказу Рожественскаго, отданному имъ заблаговременно; онъ самъ былъ увѣдомленъ о послѣдовавшей смерти только особымъ условнымъ сигналомъ *****). Въ бою же 14 мая на „*Ослабя*" продолжалъ развѣваться адмиральскій флагъ Фелькерзама, что и вызвало со стороны японцевъ отчаянное нападеніе въ первую голову не только на „*Суворова*", но также и на „*Ослабя*".

Смертельные ушибы при погрузкѣ угля, смертельныя удушья при спускѣ въ разные нежилые отсѣки, случаи смерти отъ солнечнаго удара, нѣсколько случаевъ сумасшествія, самоубійства, опаснаго заболѣванія спеціально-тропическими болѣзнями, все это въ свой чередъ имѣло мѣсто на эскадрѣ съ ея пятнадцати-тысячнымъ населеніемъ, зачастую безпечнымъ, къ тому же поставленнымъ въ необычныя климатическія и жизненныя условія. Подъ тропиками „отъ духоты и жары людей съ вахты иногда чуть не подъ руки выводили" ******). Но главное бѣдствіе, борьба съ простудными заболѣваніями, для босой, обносившейся и

*) Политовскій, стр. 93.

**) *Политовскій*, стран. 162. Въ „*Нов. Вр.* телеграмма о предстоявшемъ снятіи эскадры съ якоря у Мадагаскара и уходѣ ея на Д. Востокъ была помѣщена 27 февраля 1904 г. Телеграмма была дана уже изъ Гонконга корреспондентомъ газеты «*South China Morning Post*".

***) *Политовскій*, стран. 261, 262.

****) Политовскій, стран. 216.

*****) „*Русское слово*", 1905, № 135.

******) Политовскій, стран. 39.

оборванной команды предстояло еще впереди, когда послѣ боя стали бы подниматься на сѣверъ, къ Владивостоку... Но судьба готовила имъ иныя испытанія.

Были и случаи бѣгства трусливой команды съ эскадры въ одиночку; были и случаи массоваго возмущенія ея *). Послѣднія происходили на почвѣ недовольства или пищей, или г-ми офицерами. Усмиренія происходили быстро, со всею строгостію. Иногда на мѣстѣ дѣйствія появлялся и самъ адмиралъ, „металъ громы и молніи"; попадало командѣ, попадало и офицерамъ, и командиру... Арестованныхъ разсаживали по карцерамъ, гдѣ духота и температура были невозможныя, а то и просто „высаживали на берегъ, почти пустынный **), и бросали на произволъ судьбы..."

Досуга, котораго было такъ много на стоянкѣ у Мадагаскара, наша эскадра не использовала даже и на то, чтобы обучить команду правильно употреблять спасательные круги и пояса. Отъ этого получились въ бою 14 мая весьма плачевные и прямо возмутительные результаты. Многіе русскіе матросы, когда тонули ихъ суда, надѣвали на себя спасательныя круги, но надѣвали они ихъ *вокругъ поясницы:* какъ только эти матросы попадали въ воду, они, конечно, сейчасъ же перевертывались головой внизъ и погибали. На другой день послѣ битвы можно было видѣть множество труповъ, плывущихъ съ торчащими изъ воды ногами... Японцы-моряки поснимали было съ нихъ фотографіи; но адмиралъ Того быстро прекратилъ это занятіе и всѣ пластинки конфисковалъ и уничтожилъ ***). Этотъ фактъ, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о высокой нравственности адмирала Того; своей властію онъ прекратилъ это посмѣшище надъ людьми, которые такъ много вынесли, перестрадали и въ концѣ концовъ очутились въ такомъ печальномъ положеніи совсѣмъ не по своей винѣ... А возможность существованія такихъ явленій въ русскомъ военномъ флотѣ достойна самаго серьезнаго вниманія со стороны гг. адмираловъ, которымъ ввѣряется жизнь плавающихъ съ ними людей.

Когда отрядъ Небогатова въ водахъ Аннама присоединился къ эскадрѣ Рожественскаго, послѣдній издалъ приказъ (отъ 26 апрѣля 1905 года, за № 229), въ которомъ между прочимъ говорилось слѣдующее:

„Съ присоединеніемъ отряда Небогатова силы эскадры не только уравнялись съ непріятельскими, но и пріобрѣли нѣкоторый перевѣсъ въ линейныхъ боевыхъ судахъ. У Японцевъ быстроходныхъ судовъ болѣе, чѣмъ у насъ, но мы не собираемся бѣгать отъ нихъ и сдѣлаемъ свое

---

*) Политовскій, стр. 87, 105, 109, 195, 214, 218, 237, 240.

**) Онъ же, стран. 105 и друг.

***) *Scientific Amer. Suppl.*, 1906, № 1598, *pg.* 25.601, статья америк. капитана *Уайта.*

дѣло, если наши заслуженныя машинныя команды и въ бою будутъ работать спокойно и такъ же старательно и добросовѣстно, какъ работали они до сихъ поръ".

Но это было... только слово ободренія.

Послѣдній переходъ передъ боемъ *). „Вотъ перешли уже и океанъ, стоимъ въ водахъ Аннама; вотъ дождались наконецъ соединенія съ Небогатовымъ **) и скоро пойдемъ на сѣверъ. Говорятъ, что мы пойдемъ чрезъ Корейскій проливъ, хотя никто изъ насъ этого точно не знаетъ..."

„Общаго настроенія не было. Послушаешь молодежь, тутъ только одно и слышишь:—„Мы разобьемъ японцевъ въ дребезги"... Старшіе въ отвѣтъ на это только загадочно помалкиваютъ. Но всѣ мы,—и офицеры, и команда, чѣмъ ближе подходимъ къ роковому мѣсту гибели нашего флота, тѣмъ больше и больше желаемъ боя".

— „Говорятъ, мы идемъ въ Корейскій проливъ?—„Да, кажется".—„А почему же не кругомъ Японіи во Владивостокъ?"—„Ну, что Вы, до какихъ же поръ—; бѣгать отъ нихъ, что ли? Пора ужъ", говорятъ въ каютъ-компаніи.

— „Когда же бой, Ваше Благородіе?" —„Самъ, голубчикъ, не знаю".—„Скорѣе бы, Ваше Благородіе, потому уже очень команда измучилась. Силъ у насъ больше никакихъ нѣтъ; гдѣ прежде *одинъ* управлялся, теперь *двоихъ* ставить надо", слышится со всѣхъ сторонъ.

Среди общества офицеровъ, плывшихъ съ нашей Цусимской эскадрой, было много трезвыхъ сторонниковъ того мнѣнія, что „нашъ походъ***)—это отчаянная авантюра, успѣхъ которой зависитъ исключительно отъ степени содѣйствія Николы-Угодника"; другіе же думали, что японцы непремѣнно „прозѣваютъ на чисто", какъ мы проскочимъ; а третьи все тѣшили себя тѣмъ, что если они и не прозѣваютъ, то во всякомъ случаѣ они „не посмѣютъ напасть... На насъ-то!"...

Посмѣютъ или нѣтъ, а все-таки надо было готовиться къ бою; надо было узнать, гдѣ скрылся врагъ, какъ лучше обойти его; надо было обдумать, что брать съ собою въ бой и что совсѣмъ не нужно брать.

Чтобы узнать болѣе достовѣрно, гдѣ именно находятся главныя силы непріятельскаго флота, наша эскадра не предпринимала никакихъ серьезныхъ развѣдокъ, хотя въ ея распоряженіи было достаточно крейсеровъ со скоростью хода отъ 18 до 24 узловъ въ часъ. Изъ нихъ нѣкоторые какъ разъ именно для этой цѣли и были во время войны

---

*) Абзацы этой главы, отмѣченные въ кавычкахъ и не оговоренные въ сноскахъ, взяты изъ писемъ нашихъ товарищей-техниковъ.

**) Это было 2 апрѣля 1905 г. въ 6 ч. веч.; а черезъ сутки послѣ этого, т.-е. 4 апрѣля, въ Кронштадтѣ былъ полученъ уже приказъ адм. Бирилева—„*изготовить IV эскадру къ 1 іюня 1905 г.*" („*Нов. Вр.*", 1905, № 10.476). Это звучало гордо... Но изъ какого же еще сверхъ-старья можно было изготовить эту IV эскадру. *П. X.*

***) Брошюра капитана Семенова—„*Цусимскій бой*", стр. 25—26.

пріобрѣтены у гамбургской компаніи; тѣмъ не менѣе на этомъ ихъ не использовали*), а въ бою они сами оказались только лишней обузой для эскадры. У японцевъ дѣло было поставлено иначе; ихъ развѣдочная часть была поставлена такъ, что съ момента прихода Рожественскаго въ Японское море каждый шагъ его былъ прекрасно извѣстенъ Того.

Наша же *освѣдомленность* о мѣстонахожденіи врага и его силахъ была такова, что, по разсказамъ нашихъ офицеровъ, съ судовъ, отдѣлившихся отъ хвоста эскадры и попавшихъ въ Маниллу, „они были удивлены отъ неожиданности, встрѣтивши японцевъ въ Корейскомъ проливѣ" („*Новое Вр.*" отъ 3 іюня 1905 г.). На русскихъ судахъ, попавшихъ въ плѣнъ къ японцамъ, были найдены списки судовъ японскаго флота; въ этихъ спискахъ имена броненосцевъ *Mikasa* и *Yashima* были вычеркнуты, т. к. упорные слухи объ ихъ гибели или очень сильныхъ поврежденіяхъ носились за границей въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (см. „*Морск. Сборн.*", 1905, № 9, стр. 225); а первое изъ этихъ судовъ было въ бою на-лицо и оказалось въ исправности.

Между адмираломъ, его младшими флагманами и командирами не было ни одного совѣщанія**) ни о ходѣ предстоящаго боя, ни о томъ, какъ сдѣлать послѣдній переходъ,—чрезъ Корейскій проливъ или иначе. Маршрутъ не былъ никому извѣстенъ даже наканунѣ. Судя по чрезмѣрной погрузкѣ угля, всѣ думали, что пойдутъ вокругъ Японіи...

Идти со всею эскадрою, ея старьемъ и транспортами въ Цусимскую ловушку для Рожественскаго совсѣмъ было необязательно. А главное, если всѣмъ составомъ такой разнокалиберной „эскадры" *нельзя* было достичь Владивостока, если гибель *такой именно* эскадры была *неизбѣжна*, то часть ея, бывшую въ бою только помѣхою главнымъ силамъ, было возможно разоружить заранѣе въ нейтральныхъ портахъ и тѣмъ самымъ облегчить задачу прорыва для боевого ядра эскадры. Репутація Рожественскаго отъ этого пострадала бы ничуть не болѣе, чѣмъ теперь; но Россіи это позволило бы сохранить невредимою нѣкоторую часть ея, хотя и непервокласснаго, но все-таки же и не малоцѣннаго флота; а что еще важнѣе, это сохранило бы ей многія тысячи ея сыновъ, совершенно неосмотрительно и съ малопригодными для борьбы средствами посланныхъ на вѣрную гибель... ***).

Насколько безпечно, чтобы не сказать болѣе, наша эскадра вела себя передъ боемъ и въ другихъ отношеніяхъ, показываютъ нижеслѣдующія строки, воспроизводимыя мною изъ писемъ, присланныхъ ко мнѣ участниками похода:

---

*) Французскій капитанъ *Daveluy*, писавшій о войнѣ 1904—5 г., говоритъ, что никогда еще ни одна въ мірѣ эскадра не была столь мало любознательна по отношенію къ тому, что дѣлалъ ея непріятель.

**) „*Нов. Вр.*", 1905, № 10,745, исповѣдь Небогатова.

***) Критическій разборъ того, чѣмъ болѣе цѣлесообразно можно было бы замѣнить безнадежный переходъ чрезъ Корейскій проливъ—см. въ изданіи „*В. К. А. М.*, *Военные Флоты*", 1906, стр. 80 приложенія, а также „*Нов. Вр.*", 1906, № 10.745.

„Еще въ Россіи, послѣ боевъ „*Варяга*“, 28 іюля и 1 августа 1904 г., на корабляхъ шли разговоры о средствахъ для предупрежденія пожаровъ во время сраженія. Было рѣшено тогда на этихъ частныхъ совѣщаніяхъ, что ко времени прибытія эскадры въ японскія воды, конечно, постепенно будетъ выброшено съ броненосцевъ по возможности все дерево и будетъ сорвана вся обивка. Но вотъ благополучно мы пришли наконецъ и въ воды Аннама; подошелъ Небогатовъ; до непріятеля оставался одинъ переходъ. Командиры нѣкоторыхъ судовъ были у Рожественскаго на „*Суворовѣ*“ и просили у него разрѣшенія—или выбросить дерево и обивку за бортъ, или же сдать то и другое на транспорты... Рожественскій, наотрѣзъ всѣмъ отказалъ въ этихъ просьбахъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что мебель и отдѣлка слишкомъ дорого стоятъ, чтобы ихъ портить и выбрасывать... А жизнь людей, а корабли, которые отъ непринятія этихъ мѣръ предосторожности подвергались неминуемой опасности, они-то развѣ ничего не стоятъ?.. А исходъ боя въ зависимости отъ этого, развѣ онъ для Россіи безразличенъ?“...

„Отвѣтъ адмирала убивалъ всю душу предпріятія... Мы ясно чувствовали это. Поэтому командиры нѣкоторыхъ судовъ сочли своей нравственной обязанностію ослушаться адмирала: на этихъ корабляхъ въ рубкахъ все дерево и обивка были убраны,—частію брошены за бортъ, частію сложены въ отдѣльныя компактныя кучи; почти всю мягкую мебель собрали въ одно мѣсто и вплотную набили ею адмиральскія каюты; во время боя она горѣла тамъ, производя на другія наши суда очень тяжелое впечатлѣніе, но пожаръ былъ по крайней мѣрѣ локализованъ и удаленъ отъ жизненныхъ артерій корабля“... Весь горючій хламъ, изъ боязни передъ суровымъ адмираломъ, нѣкоторые корабли начали выбрасывать за бортъ только въ день боя, чуть-ли не подъ огнемъ японцевъ“...

„Незадолго передъ боемъ на „*Суворовъ*“ пріѣхалъ одинъ изъ офицеровъ. Видя неубранную еще роскошную обивку и дерево, онъ спросилъ командира корабля:—„Развѣ Вы не убираете все это передъ боемъ?“ Тотъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, что-жъ! Мы не будемъ убирать; у насъ все такъ и останется!“... Слѣдуя примѣру флагманскаго корабля и повинуясь распоряженію адмирала, многіе командиры такъ и оставили на своихъ мѣстахъ весь горючій матеріалъ, вполнѣ довѣряя опытности и авторитету командующаго флотомъ“...

„На дѣлѣ, въ бою, оказалось, что при разрывѣ японскихъ снарядовъ дерево сразу загоралось не всегда: точно также не всегда загоралось и большинство предметовъ, обычно находящихся въ каютахъ; но легче и дружнѣе всего вспыхивала обивка на мебели, а съ нея огонь легко и свободно переходилъ затѣмъ уже и на самое дерево“.

„Пожары нашихъ кораблей въ Цусимскомъ бою *поражали японцевъ и приводили ихъ въ недоумѣніе*. Командиръ одного японскаго броненосца говорилъ по этому поводу плѣннымъ русскимъ офицерамъ слѣдующее:—„Почмеу Вы такъ горѣли? Что такое было на вашихъ корабляхъ?

Чѣмъ они были *начинены?*... Мы представить себѣ не можемъ, что могло у васъ такъ горѣть?"...

„Одинъ флагъ-офицеръ съ „*Суворова*" какъ-то потомъ въ Японіи разъяснялъ намъ, офицерамъ, въ поученіе, что, помимо взрывчатаго вещества, *японскіе снаряды были начинены еще и пухомъ (!)*, обильно летѣвшимъ послѣ взрыва; этотъ пухъ будто бы и производилъ пожары. Проще, естественнѣе и правдоподобнѣе однако будетъ предположить, что *пухомъ были начинены не японскіе снаряды, а рубки русскихъ броненосцевъ*,— въ обивкѣ и подушкахъ. Этотъ самый пухъ обильно и летѣлъ послѣ взрыва снаряда"...

По порядку здѣсь были разсмотрѣны выше послѣдовательно всѣ главнѣйшія „боевыя качества" нашей Цусимской эскадры и ея рабочаго персонала, открыто теперь засвидѣтельствованныя даже и въ русской технической литературѣ. Теперь мы имѣемъ уже данныя, чтобы видѣть тѣ средства, мало пригодныя для дѣла, съ которыми наша бюрократія морского вѣдомства наивно задумала побѣдить Японію на морѣ вблизи ея морской базы. Непростительно упустивши время для отсылки подкрѣпленія нашему флоту на Д. Востокѣ, въ концѣ концовъ мы снарядили свою эскадру, но—эскадру слабую, необученную, плохо обезпеченную углемъ, провіантомъ, снабженную малымъ количествомъ снарядовъ. И въ довершеніе всего безъ надобности мы осложнили нашей эскадрѣ поставленную ей задачу—прорваться во Владивостокъ; потребовали отъ нея,—пройти не только ей самой, но и протащить еще за собою цѣлую группу военныхъ транспортовъ. Въ бою эскадрѣ они были совсѣмъ не нужны, они служили ей только помѣхой, большой помѣхой; ее можно было однако устранить, переславши по желѣзной дорогѣ прямо во Владивостокъ всѣ запасы, погруженные на транспорты. Не сдѣлавши этого, мы очутились въ бою въ положеніи борца, обвѣшаннаго гружеными чемоданами, неповоротливаго, не могущаго свободно управлять своими силами для нападенія; мы могли только подставлять себя для ударовъ...

Отправляя нашу Цусимскую эскадру въ походъ, наша бюрократія, какъ азартный игрокъ, ставила на карту все,—и положеніе Россіи, какъ Великой Державы, и все ея національное достояніе (ея флотъ, армію, ея финансы и всѣ внутренніе жизненные интересы народа). Не взирая на все это, ставка была сдѣлана слишкомъ самоувѣренно и необдуманно, совершенно не считаясь ни съ образцовыми боевыми средствами противника, ни съ трезвой продуктивностью и осмысленностью его боевой работы, ни съ сознательнымъ отношеніемъ къ ней всѣхъ участвовавшихъ въ дѣлѣ работниковъ, привыкшихъ всегда чувствовать на себѣ отвѣтственность передъ родиной и общественнымъ мнѣніемъ своей страны. Ставка была сдѣлана не только самоувѣренно, но и безцѣльно: П.-Артурская эскадра въ ея цѣломъ въ это время уже не существовала, и только небольшіе остатки ея доживали свои послѣдніе дни; прорваться всей Цусимской эскадрѣ во Владивостокъ съ ея „багажемъ", т.-е. транспортами и тихо-

ходами, было абсолютно невозможно при наличности всѣхъ географическихъ условій и всего состава боевыхъ силъ нашего противника; прорваться безъ „багажа" при другомъ личномъ персоналѣ нашего флота, можетъ быть, было бы и возможно; но безъ своего „багажа" прорвавшаяся, искалѣченная эскадра не имѣла бы теперь средствъ ни починиться, ни восполнить быстро свои израсходованные запасы матеріаловъ; и въ концѣ концовъ „соединенную" Владивостокскую эскадру подъ командою сухопутно-подвезеннаго для нея адмирала съ его штабомъ, несомнѣнно постигла бы участь нашей П.-Артурской эскадры. Это былъ вопросъ только времени.

Тѣмъ не менѣе нашлись люди, готовые взяться за разрѣшеніе даже и этой неразрѣшимой задачи, такъ неудачно поставленной нашимъ морскимъ вѣдомствомъ. Но заранѣе какъ-будто и тамъ не надѣялись за цѣлость головы адмирала, ведущаго эскадру, и береговыми средствами доставлялся туда же и новый адмиралъ, и свѣжій штабъ при немъ, для командованія будущей „соединенной" эскадрой...

За разрѣшеніе этой задачи смѣло и самоувѣренно *) взялся З. П. Рожественскій, сдѣланный во время похода вице-адмираломъ и генералъ-адъютантомъ; но и онъ довелъ нашъ флотъ только... до Цусимы.

Переходъ изъ Финскаго залива до Корейскаго пролива былъ сдѣланъ нашей эскадрой довольно удачно, если не считать нелѣпаго столкновенія броненосной части эскадры съ гулльскими рыбаками, во время котораго мы разстрѣляли также и свой крейсеръ „*Аврора*". Поэтому Рожественскій, повидимому, вѣрилъ въ свою „счастливую звѣзду"; предъ боемъ онъ возложилъ излишне большую надежду еще и на „счастливую дату" 14 мая **), и на „счастливый туманъ", который утромъ 14 мая 1905 г. густо окутывалъ его эскадру.

И вотъ подъ прикрытіемъ этого тумана наша тяжеловѣсная, нестройная армада двинулась въ путь на Владивостокъ чрезъ Корейскій проливъ, имѣя хода мѣстами не болѣе 6—7 узловъ, въ надеждѣ пройти чрезъ проливъ незамѣченною непріятелемъ...

Это былъ ея крестный путь. Часъ возмездія Россіи за грѣхи ея прошлаго приближался...

---

*) „Всѣ министры были противъ отправки нашей эскадры на Д. Востокъ, но адмиралъ настоялъ на этомъ" (см. *Политовскій,* стран. 16).

**) День коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ въ 1896 году.

Цусимскій бой.

„Окончилась эпопея второй эскадры *). Опоздали ее начать готовить, основываясь на невѣрныхъ разсчетахъ и обманчивыхъ надеждахъ; готовили ее слишкомъ слабой; послали ее все-таки, но уже въ то время, когда было ясно, что въ томъ составѣ, какъ она шла, надежды на успѣхъ она имѣть не могла; не вернули ее въ то время, когда уже задача, на неё возложенная, очевидно, стала для нея совсѣмъ недостижима; пренебрегли всѣмъ опытомъ этой и предыдущихъ войнъ и указаніями стратегіи и тактики, которыя еще были способны уменьшить несчастіе. И катастрофа, все время висѣвшая надъ этой несчастной, самоотверженной эскадрой, разразилась. Эскадра погибла“...

Цусимскій бой... Описаніе этого боя, единственнаго въ своемъ родѣ, будетъ занимать въ исторіи однѣ изъ самыхъ тяжелыхъ и печальныхъ страницъ.

Глубокій трагическій отпечатокъ эта морская встрѣча двухъ враждующихъ сторонъ носила на себѣ въ томъ именно, что это былъ въ сущности *не равный бой* двоихъ, одинаково готовыхъ къ этому, одинаково искусныхъ и сильныхъ соперниковъ, а только *бойня*, только безпощадная экзекуція, произведенная однимъ противникомъ надъ другимъ. Но это была такая экзекуція, конечнымъ и обиднымъ результатомъ которой явилась гибель многихъ тысячъ людей, пріявшихъ свою мученическую кончину за неисчислимые, десятки лѣтъ копившіеся, грѣхи другихъ людей, которые безнаказанно живутъ и нынѣ...

По поводу характера этого боя, отецъ одного изъ нашихъ товарищей, погибшихъ въ этомъ сраженіи, написалъ въ „*Новомъ Времени*“ (1905, № 10.517) слѣдующія строки:

„Я гордился бы геройской смертію моего сына, я завидовалъ бы ему, если бы онъ положилъ свою душу съ пользою для родины. Но у меня отнято и это утѣшеніе. Нестерпимо обидно, что сынъ мой палъ въ битвѣ, которая принесла Россіи не славу, а позоръ,—въ битвѣ, не нужной, унизительной для насъ, во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Страшно подумать, что сынъ мой погибъ, вѣрнѣе, что онъ былъ потопленъ,

---

*) Изданіе „*В. К. А. М., Военные Флоты*“, 1906, стран. 126 приложенія.

даромъ, понапрасну, и что этотъ вопросъ былъ рѣшенъ его командиромъ еще до выхода эскадры изъ Кронштадта. „Побѣды не будетъ“, сказалъ въ своей застольной, откровенной рѣчи капитанъ Бухвостовъ, „насъ разобьютъ японцы“, но всѣ мы, какъ овцы, гонимыя на бойню, должны покорно идти и умереть. Какъ будто готовность умереть отъ руки врага—это все, что требуется отъ воина; какъ будто такая смерть сама по себѣ нужна и полезна для родины!..“

На сушѣ и на морѣ у японцевъ была строго проведена въ жизнь одна и та же тактика: они *заставляли* насъ принимать бой и безпощадно насъ били въ той самой обстановкѣ, которую они знали до тонкостей, наизусть, и которая была *для нихъ* вполнѣ благопріятна, дѣлала ихъ господами положенія, а насъ всегда неизбѣжно вела къ позорному пораженію. Рожественскій повелъ всю свою эскадру во Владивостокъ напрямикъ чрезъ Корейскій проливъ и сдѣлалъ только то, что нужно было японцамъ, т.-е. попалъ подъ Цусимою въ приготовленную ему западню; тутъ оказался въ полной готовности на-лицо и весь боевой флотъ адмирала *Того* и всѣ благопріятныя условія для вражескаго нападенія на всю нашу непригодную къ серьезному бою армаду: ширина пролива сравнительно небольшая,—около 25 миль (43 в.); съ востока къ нему прилегаютъ берега Японіи, съ запада расположенъ островъ Цусима, путь на сѣверъ заградила эскадра Того, а съ юга нашу эскадру окружили легкіе японскіе крейсера и миноносцы.

Какъ только наша эскадра выбрала путь чрезъ Корейскій проливъ, нашъ непріятель зналъ все, что ему нужно,—составъ эскадры, ея строй и скорость хода. Дальше *непріятель* уже *выбиралъ*, а не мы, *время*, *мѣсто* и *обстановку боя;* онъ заранѣе тщательно разбиралъ и взвѣшивалъ всѣ возможныя комбинаціи нападенія въ данномъ мѣстѣ и возможныя случайности и отклоненія отъ нихъ.

Не вполнѣ еще разсѣялся туманъ и послѣ полудня; но это не помѣшало нашимъ морякамъ въ половинѣ второго увидать предъ собою японскую эскадру, которая обложила насъ со всѣхъ сторонъ и главныя силы которой близъ острова Цусимы появились изъ засады, смѣло и властно перерѣзая намъ путь на сѣверъ...

Въ 1 ч. 49 м. дня 14 мая 1905 г. мы начали этотъ безпримѣрный, историческій морской бой подъ Цусимою; а къ половинѣ восьмого вечера въ тотъ же день активное боевое ядро нашей эскадры фактически было уже сожжено и разбито японцами; имъ оставалось послѣ этого только добивать несущественные остатки нашей эскадры по частямъ...

Времена, когда въ бою можно было брать „одной храбростью“, отошли въ область преданій. При современной артиллеріи нашъ врагъ начиналъ отчаянно бить насъ,—одинаково и на сушѣ, и на морѣ, иногда совсѣмъ не подпуская къ себѣ и даже не показывая себя въ такой мѣрѣ, чтобы можно было сосредоточить на немъ вѣрный прицѣлъ и добросить до него свой снарядъ...

Съ ихъ несравненными боевыми средствами Японцы все время сохраняли за собою инициативу боя; какъ на маневрахъ, они исполняли все время свой заранѣе всѣмъ имъ извѣстный и понятный планъ; безошибочно одинъ за другимъ они находили въ нашей эскадрѣ слабые пункты ея и съ удивительнымъ хладнокровіемъ и пунктуальностью на смерть поражали сначала все то, что представляло въ ней ея лучшую боевую силу и наибольшую цѣнность.

Тутъ, въ бою, уже все оказалось къ нашей невыгодѣ: и пассивное веденіе нами боя, и неумѣнье наше стрѣлять и маневрировать, и плохія качества нашихъ снарядовъ и нѣкоторыхъ нашихъ кораблей; и необходимость соразмѣрять скорость движенія кораблей нашего боевого ядра съ его тихоходами, и перегрузка нашихъ кораблей, и досадная подготовка ихъ къ возникновенію на нихъ сильнѣйшихъ пожаровъ, замѣшательства; и преступное обремененіе эскадры транспортами, и незнакомство импровизированныхъ руководителей боя съ общимъ планомъ работы, и растерянность контуженнаго адмирала и его штаба, и несовершенство сигнализаціи на судахъ; и неудачная окраска нашихъ кораблей, помогавшая непріятелю издали дѣлать вполнѣ тщательный прицѣлъ; и остроумная окраска японскихъ судовъ подъ цвѣтъ морской волны; и остроумная тактика систематическаго, послѣдовательнаго разстрѣла и поджога Японцами поочереди, не спѣша, то одного нашего головного корабля, то слѣдующаго за нимъ, временно игнорируя все остальное, несущественное, бутафорское; и тактика осыпанія нашихъ кораблей градомъ снарядовъ послѣ того, какъ было найдено приблизительно вѣрное разстояніе для прицѣла; и неумѣнье работать такимъ способомъ съ нашей стороны, и многое-многое другое...

Слова капитана Бухвостова, что мы, Русскіе, не были „настоящими моряками", оправдывались на дѣлѣ во всѣхъ ужасныхъ подробностяхъ, обрисовывающихъ печальныя событія этого дня.

Подробное описаніе Цусимскаго боя уже имѣется на русскомъ языкѣ. Оно составлено отставнымъ капитаномъ Н. Л. Кладо и помѣщено въ видѣ приложенія къ изданію „*В. К. А. М. Военные Флоты*", 1906 г.

Поэтому здѣсь я помѣщу въ переводѣ другое описаніе, которое въ оригиналѣ было дано американскимъ лейтенантомъ *Уайтъ* и помѣщено въ августѣ 1906 г. въ журналѣ *Scientific American*. Въ сноскахъ, сдѣланныхъ при этомъ описаніи, для большей полноты картины я помѣщаю нѣкоторые эпизоды, освѣщенные въ русской литературѣ участниками боя.

Съ балтійскимъ флотомъ при Цусимѣ *).

Лейтенанта морского флота С. А. С. Шт. *Уайтъ*.

Утренняя заря 14 мая 1905 г. была холодною и нерадостною для Балтійскаго флота, подвигавшагося медленно къ сѣверо-востоку по направленію къ Цусимскому проливу. Холодный вѣтеръ дулъ съ юго-запада, пронизывая до костей русскихъ матросовъ, которые, подъ впечатлѣніемъ еще недавней тропической жары, собирались вокругъ топочныхъ люковъ или искали укрытія на подвѣтренной сторонѣ палубы. Сѣрый туманъ висѣлъ надъ ними и не давалъ возможности ясно видѣть горизонта. Позднѣе полилъ дождь, холодный, пронизывающій.

Да, это былъ день, не обѣщавшій надежды—безнадежнымъ.

Со дня отплытія изъ Либавы не было ничего предвѣщавшаго что-нибудь хорошее,—ничего, кромѣ труда, неудобствъ, волненій... Никто не могъ предугадать момента, когда флотъ будетъ аттакованъ. Русскіе были увѣрены, что Японцы имѣли свѣдѣнія о всѣхъ ихъ передвиженіяхъ, тогда какъ сами они ничего не могли узнать о мѣстонахожденіи своего противника Слухи указывали, что онъ и тутъ, и тамъ, и всюду; но положительныхъ свѣдѣній получить было нельзя. Казалось, что онъ пропалъ съ лица земли; но они отлично знали, что онъ долженъ вновь

---

*) *With the baltic fleet at Tsushima, by Lieut. R. D. White, United States Navy.* Помѣщаемая здѣсь замѣтка составлена *Уайтомъ* на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ одного лица, присутствовавшаго при сраженіи. Не имѣя опредѣленнаго отношенія къ битвѣ онъ принялъ на себя обязанности наблюдать и заносить всѣ эволюціи битвы. Эту обязанность онъ выполнилъ съ удивительной осторожностью и аккуратностью. Время, когда были выполнены извѣстные маневры, и характеръ этихъ маневровъ, неоспоримы. Разстояніе, на которомъ онъ наблюдалъ каждый случай, измѣрялось или по дальномѣрамъ *Barr and Stround*, или опредѣлялось временемъ полета 12-дюймоваго снаряда. Направленія записывались съ осторожностію. Цѣнность его наблюденій заключается въ томъ фактѣ, что, будучи близко знакомъ съ современной военно-морской наукой, онъ искалъ не картинностивъ описаніи битвы, а положеній техническаго интереса, положеній, которыя зиждутся на принципахъ, руководствующихъ конструкціей, содержаніемъ и тактикой. *Уайтъ* сожалѣетъ, что не можетъ открыть имени автора этого описанія. Достаточно будетъ сказать, что его умъ, его желаніе говоритъ по этому предмету честно и безпристрастно, его тонкое знаніе всѣхъ сильныхъ и слабыхъ сторонъ построенныхъ и строющихся военныхъ судовъ, его сильная наблюдательность вообще и въ частностяхъ, его основательное знаніе правилъ военно-морской современной техники и войны заслужили восхищеніе и уваженіе Уайта. Данные здѣсь выводы ни въ коемъ случаѣ не появляются плодомъ воображенія *Уайта*, а составляютъ заключенія самого очевидца („*Scientific American Supplement*", 1906, *August* 11 *and* 18, №№ 1597, 1598). Русскій переводъ сдѣланъ возможно ближе къ англійскому оригиналу. Подстрочныя примѣчанія къ этому переводу составлены мною по источникамъ, разбросаннымъ въ русской литературѣ. *П. Худяковъ*.

явиться. Вопросъ былъ только—*когда, какъ?* Не проходило ни одной ночи по отплытіи отъ Мадагаскара безъ мысли—„въ эту ночь мы будемъ аттакованы миноносцами“, ни одной ночи, которая не оставила бы слѣдовъ изнуряющей бдительности мысли и духа. Да и какая надобность была въ этой бдительности. Результатомъ ихъ бдительности у Доггербанка было пока только посмѣшище, которымъ они сдѣлались во всемъ мірѣ. Да, начало не предзнаменовало надежды на побѣду. И все, къ чему они стремились,—это Владивостокъ, безопасность, отдыхъ... Ближайшее прошлое не давало никакихъ надеждъ впереди

При первомъ просвѣтѣ дня русскіе головные корабли увидѣли сквозь туманъ неясныя очертанія одного японскаго вспомогательнаго крейсера. Онъ былъ на виду лишь нѣсколько секундъ, описавши петлю въ туманной дали, послѣ чего онъ исчезъ; и все впечатлѣніе, которое осталось о немъ, это были нервные удары безпроволочнаго телеграфа на непонятномъ для русскихъ шифрѣ. То было посланіе къ адмиралу Того, извѣщавшее его, что ожидаемый имъ день наконецъ насталъ.

Русскій флотъ имѣлъ одно судно съ безпроволочнымъ телеграфомъ, могущимъ работать на разстояніе въ 600 миль. Почему оно не прервало это донесеніе и всѣ послѣдующія, остается загадкой *); и фактъ неисполненія этого долженъ служить доказательствомъ неспособности русскаго командира пользоваться современными усовершенствованіями **). Безъ всякихъ препятствій со стороны Русскихъ, японскіе развѣдчики донесли своему командующему не только о мѣстонахожденіи противника, но и о курсѣ, котораго онъ держался, о скорости и построеніи судовъ.

Слѣдующее судно, которое увидѣли Русскіе, былъ — крейсеръ „*Идзуми*“; въ теченіе двухъ часовъ онъ шелъ вмѣстѣ съ русской эскадрой справа отъ нея. Когда разстояніе между ними достигло 8000 ярдовъ (около 7 в.), Рожественскій приказалъ навести на него орудія заднихъ башенъ всѣхъ судовъ. Немного погодя, съ лѣвой стороны показался отрядъ легкихъ японскихъ крейсеровъ и отрядъ старыхъ судовъ, перешедшихъ къ Японіи послѣ войны ея съ Китаемъ. На этотъ разъ всѣ орудія переднихъ башенъ были направлены на противника, но, какъ и въ 1-мъ случаѣ, артиллеристы были разочарованы: приказа открыть огонь не послѣдовало...

Когда одинъ изъ кораблей приблизился къ эскадрѣ на разстояніе 6400 ярдовъ (ок. 5,5 в.), раздался выстрѣлъ съ „*Орла*“. Былъ ли произведенъ этотъ выстрѣлъ по ошибкѣ механизма, послѣдовалъ ли онъ, благодаря нервному состоянію кого-либо изъ наводчиковъ, или слишкомъ

*) „*Уралъ*“ просилъ разрѣшенія нарушить эти разговоры, но ему было отвѣчено по семафору: „не мѣшать японцамъ телеграфировать“ (см. изданіе „*В. К. А. М.*, *Военные Флоты*“, 1906 г., стран. 89 приложенія). *П. Х.*

**) Передъ боемъ „*Уралъ*“ не былъ использованъ для той цѣли, для которой онъ предназначался; а въ бою 14 мая онъ самъ чуть не сдѣлался источникомъ нашихъ несчастій: около 4 ч. дня былъ моментъ, когда, дѣлая эволюціи, на всемъ ходу крейсеръ вдругъ лишился своего руля и шелъ прямо на „*Жемчугъ*“; послѣдній спасла только бдительность его командира, сдѣлавшаго быстрыя распоряженія (см. „*Нов. Вр.*“, 1905, № 10.554). *П. Х.*

великъ былъ соблазнъ,—неизвѣстно. Нѣсколько другихъ судовъ, полагая, что это было слѣдствіе приказа адмирала, также открыли огонь. Но Рожественскій немедленно далъ эскадрѣ сигналъ: „огонь прекратить, снарядовъ даромъ не бросать“...

Когда японскіе развѣдчики впервые замѣтили русскій флотъ, онъ шелъ въ двѣ колонны. Первый отрядъ (правую колонну) составляли 4 новыхъ броненосца; флагъ Рожественскаго развѣвался на „*Суворовѣ*“; за ними шелъ отрядъ Фелькерзама съ его флагомъ на „*Ослябя*“, хотя самъ Фелькерзамъ уже скончался за нѣсколько дней передъ этимъ. Лѣвую колонну составлялъ отрядъ Небогатова съ его флагомъ на „*Николаѣ*“ и отрядъ крейсеровъ съ флагомъ Энквиста на „*Олегѣ*“. Развѣдчики шли впереди по обѣимъ сторонамъ, и вся армада подвигалась со скоростью не болѣе 10 узловъ. Въ теченіе утра былъ произведенъ одинъ маневръ. Скорость перваго отряда была увеличена до 11 узловъ, онъ былъ выдвинутъ впередъ и поставленъ во главѣ лѣвой колонны. Нужно замѣтить, что для исполненія этой простой эволюціи потребовалось около часу времени. Послѣ этого русскій флотъ уменьшилъ скорость до девяти узловъ (ок. 15 в.), и при этой скорости велъ всю битву*).

Въ полдень первому отряду былъ данъ приказъ къ послѣдовательному одинъ за другимъ повороту всего отряда вправо и когда послѣднее судно сдѣлало этотъ поворотъ, былъ данъ сигналъ къ послѣдовательному повороту всей колонны влѣво; и тогда прежній строй опять былъ возстановленъ. Затѣмъ, увеличивая скорость до 11 узловъ, послѣднее судно этого отрядя было выведено впередъ головного судна лѣвой колонны, и опять былъ данъ ходъ въ девять узловъ. Въ такомъ построеніи и произошла встрѣча съ противникомъ.

Въ 1 ч. 25 м. пополудни съ правой стороны показалась соединенная японская эскадра изъ 12 кораблей, идущихъ кильватернымъ строемъ наперерѣзъ русской эскадрѣ. Узнать суда Японцевъ было не трудно, ибо каждая деталь формы и оснастки ихъ изучалась Русскими по картинамъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. „*Миказа*“, развѣвая флагъ *Того* былъ во главѣ; флагъ Камимуры былъ на крейсерѣ „*Идзумо*“; третій флагъ развѣвался на „*Ниссинѣ*“, но чей — Русскіе не знали. Построеніе судовъ непріятеля было безукоризненно по своей точности. Каждый корабль, казалось, былъ связанъ со слѣдующимъ, идущимъ впереди его; и даже на такомъ большомъ разстояніи вся эта масса казалась несущейся по морю со страшной быстротой. Скорость хода у нихъ была только въ 16 узловъ, но каждый, наблюдавшій за ними,

---

*) Около половины двѣнадцатаго начался у насъ обѣдъ для команды и завтракъ для офицеровъ. И то, и другое происходило посмѣнно и наскоро, не взирая на торжественный царскій день. Въ концѣ завтрака, за первымъ бокаломъ шампанскаго, выпитымъ на „*Суворовѣ*“ за здравіе Ихъ Величествъ, „дружное, смѣлое „ура!“ огласило каютъ-компанію, и послѣдніе его отголоски слились со звуками боевой тревоги, доносившейся сверху“...

При первой же вслѣдъ за этимъ перестройкѣ боевого отряда броненосцевъ, сигналы не были поняты ими, и маневрированіе ихъ вышло неудачнымъ (см. брошюру кап. Семенова, стран. 33—34). *П. Х.*

Русскій опредѣлилъ бы ее по крайней мѣрѣ въ 20 узловъ. Это извѣстный самообманъ, которому подверженъ всякій, долго плывшій по морю.

Но для наблюденій времени было мало. Приказъ командамъ—занять свои мѣста—вернулъ всѣхъ къ дѣйствительности. Дѣла было много, и несущаяся по морю сѣрая линія заставляла торопиться... Если Рожественскій желалъ когда-нибудь осуществить перестроеніе своей эскадры, то теперь онъ желалъ этого всѣмъ сердцемъ. Перестроить эскадру ему было необходимо, эскадра Того скоро будетъ у него во флангѣ. Блестящій утренній маневръ, потребовавшій часъ времени на свое исполненіе, пришелъ ему на память. Онъ повторилъ этотъ маневръ. Первому отряду онъ приказалъ дать опять 11-узловой ходъ и т. д.

Это было въ 1 ч. 38 м. Средина японскаго боевого отряда приходилась какъ разъ противъ *„Суворова"* и вымѣренное разстояніе равнялось какъ разъ 12.000 ярдамъ (ок. 10, 5 в.) *). Перейдя на лѣвую сторону нашей эскадры, Того всѣми своими кораблями своевременно и съ удивительной точностью сдѣлалъ послѣдовательный поворотъ и, описавъ петлю, пошелъ въ одномъ съ нами направленіи. Продѣлывая этотъ контръ-маршъ **), Того бросилъ въ дѣйствіе весь свой флотъ, открывъ огонь на разстояніи 6000 ярдовъ (ок. 5 в.). Каждое японское судно, дѣлая поворотъ, открывало свой огонь по *„Ослябя"*, который, согласуя свои движенія съ начавшимся перестроеніемъ, долженъ былъ задержать свой ходъ и представлялъ въ это время отличную мишень для Японцевъ.

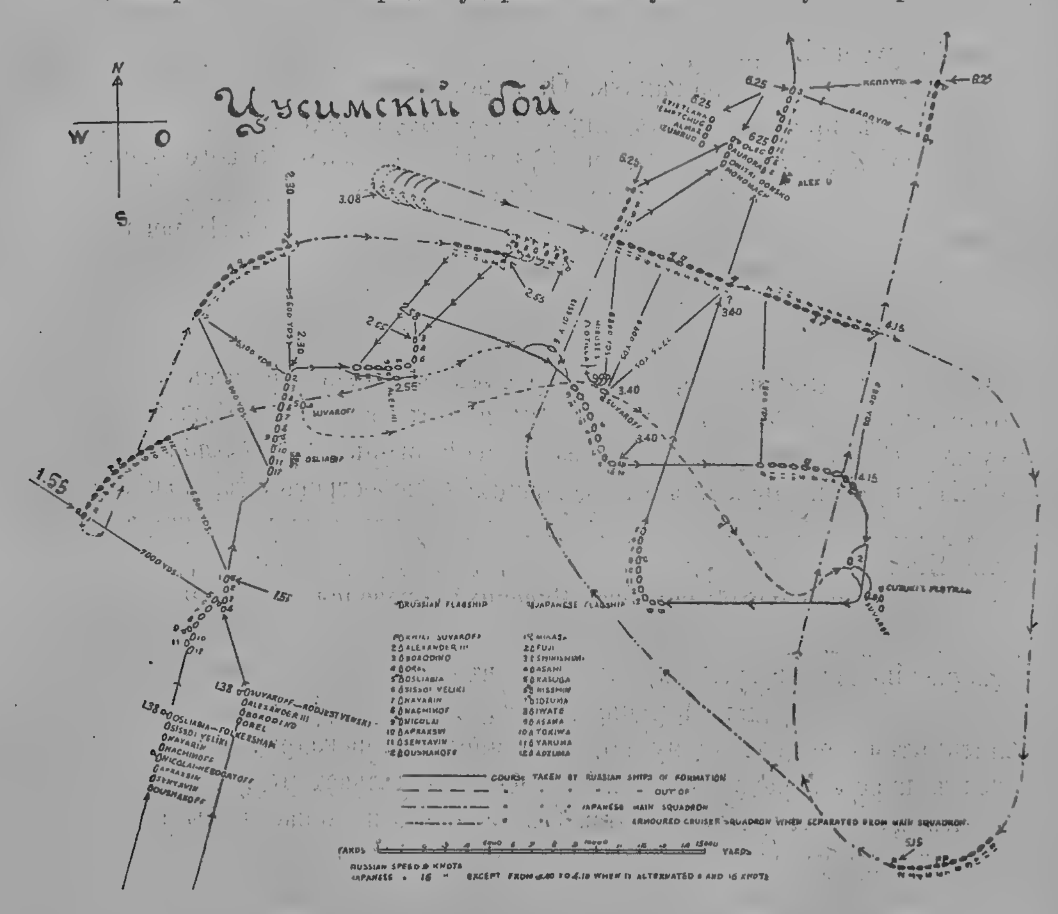
Первоначальный маневръ Русскихъ оказался разстроеннымъ; чрезъ 12 мин. *„Суворовъ"* измѣнилъ курсъ вправо и продолжалъ идти со скоростію девяти узловъ, полагая, что лѣвая колонна послѣдуетъ за кормою I-го отряда. Измѣняя курсъ, *„Суворовъ"* далъ сигналъ—стрѣлять всѣмъ по головному кораблю японской эскадры. *„Ослябя"* тоже взялъ курсъ вправо, разсчитывая идти въ кильватеръ *„Орла"*; но передъ этимъ *„Ослябя"* далеко забѣжалъ впередъ и долженъ былъ пріостановиться, чтобы избѣжать столкновенія; тѣмъ самымъ онъ привелъ въ замѣшательство всѣ слѣдующія за нимъ суда. Несчастный *„Ослябя"!* Его передняя башня сдѣлала только три выстрѣла. Японскій снарядъ попалъ въ амбразуру одной изъ пушекъ и, разорвавшись, чрезвычайно высоко приподнялъ орудіе и сорвалъ крышку башни. Надо замѣтить,

---

*) Передъ началомъ боя адм. Того отдалъ приказъ: „Отъ этого дня зависитъ существованіе нашей родины. Нынѣшній день требуетъ храбрости и энергіи каждаго офицера и каждаго матроса".

**) Послѣдовательныя перемѣщенія боевыхъ отрядовъ обѣихъ эскадръ, русской и японской, передаетъ помѣщенная здѣсь схема боя, составленная Уайтомъ. Сплошной линіей на этой схемѣ отмѣченъ путь русскаго отряда; пунктиръ изъ черточки и одной точки (или черточки и двухъ точекъ) указываетъ путь слѣдованія японскаго отряда; пунктиръ изъ однѣхъ черточекъ отмѣчаетъ путь, по которому несло *„Суворова"*, когда онъ вышелъ изъ строя и лишился возможности управлять своимъ рулемъ. Въ различныхъ мѣстахъ на этихъ линіяхъ отмѣчены цифрами часы и минуты. Рекомендуется разсмотрѣть схему сначала въ лупу. *П. Х.*

что броня у „*Ослябя*“ оканчивается около этой именно башни, а передняя часть корабля вовсе не бронирована. Поэтому, когда два снаряда ударили близъ ватерлиніи въ носовой части корабля, они попали въ легко пробиваемыя мѣста судна. Каждый изъ этихъ снарядовъ пробилъ свое отверстіе громадныхъ размѣровъ; и хлынувшая въ нихъ вода накренила судно впередъ. Двѣнадцати дюймовый снарядъ ударилъ въ одну изъ плитъ брони въ срединѣ судна по ватерлиніи и ослабилъ ея болты; второй 12-д. снарядъ ударилъ въ ту же плиту и сбросилъ ее

въ воду. Третій снарядъ попалъ въ мѣсто, съ котораго была сорвана броня, сдѣлавъ громадную пробоину, и участь броненосца было рѣшена*). Передняя часть корабля была окончательно затоплена, и онъ вышелъ изъ строя. На поворотѣ судна его кормовая башня послала Японцамъ еще одинъ прощальный выстрѣлъ, свидѣтельствующій о неумирающемъ духѣ,—какъ бы вызовъ, брошенный презрѣннымъ „макакамъ“... Нѣко-

---

*) Одинъ изъ уцѣлѣвшихъ офицеровъ съ „*Ослябя*“ неудачи своего корабля картинно характеризовалъ въ плѣну въ слѣдующихъ словахъ: „Ну, да! Кто жъ говоритъ? Хорошо стрѣляютъ... Но развѣ это прицѣлъ? Развѣ это умѣнье?.. Счастье! Удача! Чортова удача! Три снаряда одинъ за другимъ почти въ одно мѣсто! Понимаете?—Всѣ въ то же мѣсто! Всѣ въ ватеръ-линію подъ носовой башней!.. Не пробоина, а ворота! Тройка проѣдетъ! Чуть накрѣнились, стала подводной... Такой водопадъ... разумѣется, переборки не выдержали...“ (см. брошюру капит. Семенова „*Цусимскій бой*“, стран. 110). *П. Х.*

торое время „*Ослябя*“ продержался на боку, его трубы еще были видны надъ водою; но затѣмъ, медленно опрокидываясь *), онъ затонулъ въ 2 ч. 52 м. Подплылъ миноносецъ, но спасти удалось лишь небольшую часть команды.

Когда японскій отрядъ прошелъ мимо „*Ослябя*“ и покончилъ съ нимъ, весь огонь его былъ перенесенъ на „*Суворова*“ **); въ 2 ч. 5. м. онъ сильно началъ терпѣть отъ огня. Корабль повернулъ вправо въ надеждѣ, что Японцы потеряютъ разстояніе прицѣла, которое было тогда равно 5000 ярдовъ (ок. 4, 5 в.). Спустя 7 минутъ, онъ взялъ свой прежній курсъ... Этотъ маневръ только сбилъ съ толку своихъ же канонировъ. Подтвердилось старое правило: „гораздо опаснѣе бѣжать, чѣмъ нападать“. Въ 1904 году 28 іюля, когда „*Ретвизанъ*“ аттаковалъ Японцевъ, самъ онъ почти не пострадалъ. Всѣ снаряды летѣли чрезъ него. Но теперь, когда „*Суворовъ*“ хотѣлъ уйти отъ непріятельскаго огня, онъ пострадалъ болѣе всего; дѣйстіе японскаго концентрированнаго огня сказалось на немъ неописуемо; буквально дождь снарядовъ осыпалъ его ***). Лейтенантъ, командовавшій передней башней, получилъ ударъ осколкомъ въ шею, силой котораго едва не снесло ему голову. Въ то время, какъ его переносили внизъ, въ него попалъ другой снарядъ и буквально разорвалъ его пополамъ. Третій снарядъ попалъ въ амбразуру передней башни, разорвался и произвелъ взрывъ нѣсколькихъ мѣшковъ пороха. Крыша была сорвана и упала на палубу. Въ броневую рубку тоже попало нѣсколько снарядовъ. Рожественскій былъ

---

*) Впечатлѣніе опрокидыванія этого гигантской высоты броненосца было ошеломляющимъ. Съ другихъ кораблей было ясно видно, какъ съ палубы люди карабкались на его борты, какъ они цѣплялись, скользили, падали, раздавливались падавшими на нихъ надстройками или сметались дождемъ вражескихъ снарядовъ („*Нов. Вр.*“, 1906. № 10.497). Перевертываніе и затопленіе броненосца произошли такъ неожиданно для команды, что, во время рокового крена на лѣвый бортъ, команда праваго борта продолжала еще стрѣлять изъ орудій. Подъ градомъ снарядовъ были спасены съ „*Ослябя*“ только 176 человѣкъ, изъ нихъ 4 офицера. Многіе изъ нихъ сильно изранили себя въ самую послѣднюю минуту, цѣпляясь за ободранную обшивку корабля. *П. Х.*

**) Первый же японскій снарядъ, попавшій въ „*Суворова*“, угодилъ какъ разъ въ его временный перевязочный пунктъ. Онъ былъ устроенъ, казалось бы, въ самомъ укромномъ мѣстѣ, — на верхней батареѣ, у судового образа между средними шести-дюймовыми башнями. Здѣсь сразу погибло много народу, образовавши „груды чего-то, въ чемъ съ трудомъ только можно было угадать остатки человѣческихъ тѣлъ“... Въ этой массѣ погибъ и судовой священникъ, но кіотъ съ образами и докторъ уцѣлѣли; „не разбилось даже стекло большого кіота, передъ которымъ въ висячемъ подсвѣчникѣ мирно горѣло нѣсколько свѣчей... (Кап. Семеновъ—„*Цусимскій бой*“). *П. Х.*

***) По словамъ уцѣлѣвшихъ офицеровъ штаба (см. брошюру кап. Семенова), чрезъ четверть часа отъ начала боя, когда разстояніе между нами и непріятелемъ было, пожалуй, менѣе 20 кабельтовыхъ (около 3 верстъ), „въ бинокль Цейса можно было различить на японскихъ броненосныхъ судахъ стоящими въ цѣлости даже коечныя огражденія на мостикахъ, группы людей“... А у насъ... „*Ослябя*“ пылалъ; на „*Суворовѣ*“ — сильнѣйшій пожаръ и картина полнаго разрушенія: „пылающія рубки на мостикахъ, горящіе обломки на палубѣ; сигнальныя дальномѣрныя станціи, посты, наблюдающіе за паденіемъ снарядовъ,—все сметено, все уничтожено; крыша 12-дюймовой кормовой башни была уже разорвана и погнута кверху, хотя башня еще вращалась и стрѣляла“; а главное—вездѣ груды труповъ, масса раненыхъ; давалъ себя уже чувствовать недостатокъ свободныхъ рукъ команды; ихъ можно было бы иногда оторвать только отъ своего спеціальнаго дѣла; поэтому „убитыхъ оставляли лежать тамъ, гдѣ они упали, но даже и на уборку раненыхъ не хватало рукъ“; не хватало ихъ и на тушеніе пожаровъ... „*Александръ III-й*“ и „*Бородино*“ тоже были *окутаны дымомъ пожара*“... *П. Х.*

раненъ осколькомъ въ голову и лишился сознанія (въ 2 ч. 20 м.)... Вся броня съ передней части судна была сорвана, оно стало похоже на мониторъ. Пожаръ на кормѣ заставилъ броню осѣсть и преградилъ доступъ къ помѣщенію подъ верхней бронированной палубой, въ которомъ была устроена операціонная. Въ 2 ч. 25 м. *„Суворовъ“* вышелъ изъ строя, пылающій спереди и сзади, не могущій выдерживать долѣе убійственной бомбардировки. Но и послѣ этого все же онъ не былъ въ безопасности: позднѣе ему было суждено вынести дальнѣйшія испытанія.

Послѣ выхода *„Суворова“* изъ строя *) во главѣ нашего отряда сталъ *„Александръ III-й“*; на немъ теперь сосредоточился весь огонь японскаго флота, который къ этому времени продвинулся впередъ, владѣя тактическимъ преимуществомъ: весь японскій флотъ могъ сконцентрировать свой огонь на головномъ кораблѣ русскаго флота при разстояніи для выстрѣловъ отъ 5100 до 5600 ярдовъ (до 4,5 в.); тогда какъ задніе корабли русскаго флота должны были наводить прицѣлы, имѣя на пути выстрѣловъ свои же корабли. Кромѣ того, черный порохъ, который употреблялся для большихъ орудій стараго образца на *„Николаѣ“*, *„Нахимовѣ“* и *„Наваринѣ“*, окутывалъ дымомъ ихъ самихъ и всѣ суда, слѣдовавшіе за ними, что также мѣшало стрѣлять. Продолжать битву при такихъ условіяхъ, значило готовить вѣрную гибель для *„Александра III-го“*. Въ 2 ч. 30 м. онъ повернулъ на востокъ; за нимъ послѣдовали и всѣ другіе суда. Хотя этотъ маневръ облегчилъ на время положеніе *„Александра“*, но зато каждое слѣдовавшее за нимъ судно при поворотѣ испытывало на себѣ дѣйствіе сосредоточеннаго огня всей японскій эскадры.

Туманъ въ это время сгустился, и это вмѣстѣ съ дымомъ отъ пылающихъ русскихъ судовъ на время укрыло ихъ отъ Японцевъ. Если вырисовывался силуетъ какого-нибудь корабля, Японцы стрѣляли по нему, но при этомъ не было уже сосредоточеннаго огня.

Число пожаровъ, возникавшихъ въ это время на палубахъ русскихъ боевыхъ судовъ, было поразительно **), особенно же принимая во

---

*) Черезъ полчаса отъ начала боя, по свидѣтельству офицеровъ нашего штаба, оба японскихъ броненосныхъ отряда имѣли все тотъ же видъ, что и въ началѣ боя: „*ни пожаровъ, ни крена*, ни подбитыхъ мостиковъ...; словно они были не въ бою, а на учебной стрѣльбѣ; словно наши пушки, неумолчно гремѣвшія уже полчаса, стрѣляли не снарядами, а... неизвѣстно чѣмъ?“ Но возможно, что вина здѣсь падала и *не на одни снаряды*, а и на людей, которые до этого въ движущуюся цѣль ни разу не учились еще стрѣлять, несомнѣнно помогали достиженію этого эффекта и наши слабыя пушки на нѣкоторыхъ судахъ, которыя не добрасывали снарядовъ до цѣли...

А у насъ на адмиральскомъ суднѣ въ это время уже „сгорѣли послѣдніе фалы“; „сигнальщики попусту стояли подъ разстрѣломъ, не имѣя средствъ для сигнализаціи“; рулевые были перебиты, и въ замѣну ихъ „на штурвалѣ стоялъ старшій артиллеристъ, лейтенантъ Владимірскій“... (Брошюра капит. Семенова—„*Цусимскій бой*“, стран. 56). *П. Х.*

**) Вотъ что пишетъ адмиралъ *Того* въ своемъ оффиціальномъ рапортѣ о ходѣ боя вначалѣ и о пожарахъ въ это время на русскихъ корабляхъ:

... „Непріятель первый открылъ огонь. Мы выдерживали его въ теченіе нѣкотораго времени. Достигнувъ разстоянія въ 6000 метровъ, мы сосредоточили свирѣпый огонь на двухъ корабляхъ, которые были во главѣ непріятельской линіи...... *„Ослябя“* скоро былъ разбитъ и вышелъ изъ боевой линіи, *горя въ огнѣ*. Въ это время отрядъ нашихъ броненосныхъ крейсеровъ сталъ въ хвостѣ отряда броненосцевъ, и начался сосредоточенный

вниманіе то, что деревянныхъ частей на нихъ должно было бы быть очень ограниченное количество, указываемое современной теоріей судостроенія. Это замѣчаніе относится главнымъ образомъ къ 4-мъ новымъ броненосцамъ. На „*Орлѣ*“ въ теченіе дня возникло 34 разныхъ пожара. Три раза начинали горѣть койки, сложенныя какъ разъ у броневой рубки; и каждый разъ пожаръ заставлялъ находившихся въ броневой рубкѣ людей выходить оттуда. Канаты загорались легко, но тушить ихъ было трудно. Дымъ отъ однихъ горѣвшихъ сзади рубки канатовъ еще разъ принудилъ всѣхъ находившихся въ ней покинуть свой постъ. Дымъ, разстилающійся по судну, втягивался вентиляторами и проникалъ во всю переднюю часть судна, и люди должны были покидать свои помѣщенія. Заполнивъ переднюю 6-дюймовую башню, дымъ проникъ и въ нижнія палубы; находившіеся тамъ люди, полагая, что въ башнѣ произошелъ взрывъ, и что пожаръ распространялся по направленію къ магазину, побросали свои мѣста и начали убѣгать изъ магазина, пока офицеръ, замѣтивъ прекращеніе подачи снарядовъ снизу, не остановилъ это бѣгство. Отъ каждаго удара снаряда въ броневыя плиты отъ послѣднихъ летѣли по всѣмъ направленіямъ куски горящей окраски, весьма опасной для людей.

Въ 2 ч. 40 м. „*Александръ*“ вышелъ изъ строя, имѣя одинъ бокъ весь въ огнѣ. Это горѣла окраска, и огонь былъ потушенъ лишь тогда, когда большая часть окраски сгорѣла, при чемъ сурикъ подъ окраской не горѣлъ и послѣ пожара имѣлъ видъ только что наложеннаго.

Во главѣ русскаго флота шелъ теперь „*Бородино*“.

Сѣрый цвѣтъ, въ который былъ окрашенъ японскій флотъ, такъ хорошо сливался съ окружающимъ туманомъ, что ихъ флотъ былъ едва замѣтенъ для Русскихъ. Мѣстонахожденіе японскихъ судовъ опредѣлялось главнымъ образомъ по огневымъ вспышкамъ при выстрѣлахъ орудій. Японская эскадра далеко подалась на востокъ. Послѣднее судно ея находилось уже впереди головного судна Русскихъ, и для нихъ было очень соблазнительно скрыться подъ кормою у Японцевъ въ туманѣ.

Въ 2 ч. 50 м. „*Бородино*“ направилъ свой ходъ къ сѣверу, остальныя суда послѣдовали за нимъ. Русскіе разсчитывали уйти неза-

---

огонь нашего флота, все возраставшій въ своей силѣ по мѣрѣ уменьшенія разстоянія... „*Суворовъ*“ и „*Александръ III-й*“ вышли далеко изъ строя, и *жестокій огонь* показался на этихъ броненосцахъ... Замѣшательство въ непріятельскомъ строѣ дѣлалось для насъ все болѣе и болѣе очевиднымъ; и *огонь показывался на многихъ корабляхъ*, которые уходили тогда къ непріятельскому аріергарду... Дымъ, носимый западнымъ вѣтромъ, покрывалъ всю поверхность моря и вмѣстѣ съ туманомъ совершенно закрывалъ отъ насъ непріятельскій флотъ, такъ что наша броненосная эскадра была вынуждена изъ за этого на нѣкоторое время совершенно прекратить артиллерійскій огонь“...

Въ 40 минутъ времени Японцы так. обр. успѣли вывести изъ строя *три нашихъ броненосца* и зажечь многіе другіе корабли. Эскадра Рожественскаго мало-по-малу превращалась *въ пловучіе костры*; на нихъ пылали дерево и весь дорогой комфортъ эскадры, съ которыми до боя адмиралу такъ жаль было разстаться; на этихъ пловучихъ кострахъ прибавилась командѣ большая лишняя работа по тушенію грандіозныхъ пожаровъ, и рабочія силы отвлекались въ сторону отъ выполненія своей главной задачи — пораженія непріятеля...

„Передняя штурманская рубка горѣла на „*Суворовѣ*“, какъ деревянная изба; огненные языки вырывались изъ оконъ рубки наружу“... („*Нов. Вр.*“, 1906, № 10.745). *П. Х.*

мѣченными, но они упустили изъ вида то именно, что ихъ дымовыя трубы блестящаго желтаго цвѣта выдѣлялись въ туманѣ, какъ маяки. Японцы замѣтили ихъ движеніе еще въ самомъ началѣ; двѣ минуты спустя, шесть судовъ ихъ головного отряда повернули одновременно и пошли на западъ, пересѣкая опять курсъ русскихъ кораблей. Въ свое время отрядъ японскихъ броненосныхъ крейсеровъ повторилъ маневръ своего головного отряда.

Въ 2 ч. 58 м. „*Бородино*“ измѣнилъ свой курсъ, пошелъ на востокъ, и обѣ непріятельскія эскадры прошли одна мимо другой въ противоположныхъ направленіяхъ. Въ это время „*Орелъ*“ былъ намѣченъ главной цѣлью. Въ теченіе шести минутъ въ него попало двѣнадцать 12-дюймовыхъ снарядовъ и отъ тридцати до сорока 6- и 8-дюймовыхъ *).

Чтобы представить себѣ убійственное дѣйствіе такой бомбардировки, нужно знать, что снарядъ, начиненный порохомъ *Shimose*, имѣетъ силу небольшой мины, что каждый 12-дюймовый снарядъ, попавшій въ незащищенную часть судна, взорвавшись, дѣлалъ пробоину въ семь футъ высотою и шесть футъ шириною; что осколками отъ взорвавшагося снаряда окружающее пространство какъ бы насыщалось, что послѣ каждаго взрыва все кругомъ наполнялось густымъ чернымъ дымомъ, отъ котораго люди слѣпли и задыхались.

Да, при такихъ обстоятельствахъ положеніе людей на палубѣ „*Орла*“ было отчаяннымъ. Одинъ изъ матросовъ получилъ 130 ранъ осколками отъ разорвавшагося снаряда. Одинъ снарядъ попалъ въ амбразуру орудія на „*Сисоѣ*“ и сдѣлалъ ему пожаръ; объятый пламенемъ, онъ долженъ былъ выйти изъ строя въ 3 ч. 20 м., но скоро оправился и занялъ мѣсто въ концѣ отряда.

Въ 3 ч. 19 м. японскій флотъ сдѣлалъ опять поворотъ въ своемъ ходѣ и пошелъ на востокъ параллельнымъ курсомъ съ русскимъ флотомъ. Въ это время головнымъ кораблемъ у насъ былъ опять уже „*Александръ*“, успѣвшій оправиться **). До 3 ч. 40 м. онъ склонялъ движеніе нашихъ отрядовъ все на югъ, а затѣмъ вновь повернулъ на востокъ.

Въ 3 ч. 30 м. „*Суворовъ*“, потерявшій способность управляться, безпорядочно плылъ на сѣверо-востокъ со скоростью около семи узловъ

---

*) Адм. Того въ своиъ рапортѣ пишетъ: —„Въ 3 ч. дня я былъ уже убѣжденъ въ возможности—довести непріятеля до полнаго разгрома“. *П. Х.*

**) Въ это время (3 ч. 20 м.) „*Александръ III-й*“, имѣвшій еще и трубы, и мачты, шелъ прямо на „*Суворова*“, стоявшаго на прежнемъ мѣстѣ подъ сильнымъ креномъ на лѣвую сторону; и адмиральскій корабль случайно опять могъ принять участіе въ бою своей носовой 12-дюймовой башней, единственной изъ нихъ, уцѣлѣвшей у него къ этому времени. Въ бинокль съ „*Суворова*“ отчетливо можно было видѣть у „*Александра III-го*“ однако его уже „избитые борта, разрушенные мостики на немъ, *горящія рубки и ростры*“. За нимъ шелъ „*Бородино*“, тоже *сильно горѣвшій*. Но и здѣсь опять было очевидно, что вся сила огня Японцевъ сосредоточена на головномъ кораблѣ; временами казалось, что весь броненосецъ „*окутанъ пламенемъ и бурымъ дымомъ*, а кругомъ него море словно кипѣло, взметывая по временамъ гигантскіе водяные столбы“... Это дѣлали недолеты и перелеты японскихъ чиненыхъ „чемодановъ“ (Кап. Семеновъ). *П. Х.*

и прошелъ около строя русскихъ отрядовъ близъ „*Апраксина*“. Онъ былъ легко опознанъ близнаходящимися судами, но появившись вдругъ со стороны японскаго флота, съ одной мачтой и съ одной трубой, онъ былъ принятъ нѣкоторыми русскими судами, шедшими во главѣ отрядовъ, за одно изъ японскихъ судовъ типа „*Matsushima*“, и по нему съ нихъ былъ открытъ огонь*). Въ 3 ч. 40 м. онъ былъ аттакованъ миноносной флотиліей *Hirose*; но эта аттака была легко отбита близнаходящимися русскими судами. Тогда подошелъ японскій флотъ и еще разъ сосредоточилъ на „*Суворовѣ*“ свой огонь. Подъ перекрестнымъ огнемъ товарищей и противника онъ бросился на югъ чрезъ русскій строй и здѣсь еще разъ подвергся разстрѣлу русскими орудіями... Въ 4 ч. 45 м. его настигла минная флотилія „*Suzuki*“. Отъ нея онъ отбивался однимъ только орудіемъ. Позднѣе къ ней на помощь подошла еще флотилія „*Fujimoto*“. При совмѣстномъ ихъ дѣйствіи „*Суворовъ*“ получилъ 4 удара минами, но пошелъ ко дну только въ 7 ч. 10 м. вечера, что говоритъ о прекрасной постройкѣ этого судна и дѣлаетъ честь его строителямъ.

Пользуясь густымъ туманомъ, въ 4 ч. 15 м. Русскіе взяли курсъ на югъ, потомъ они его опять измѣнили и пошли на западъ; а послѣ 5 ч. круто повернули по направленію къ Владивостоку, окончательно уклонившись на время отъ преслѣдованія непріятеля. Японцы видѣли, какъ Русскіе пошли на югъ въ 4 ч. 15 м.; желая отрѣзать имъ путь отступленія, они забѣжали на югъ слишкомъ далеко и совсѣмъ было потеряли изъ вида главныя русскія силы, но затѣмъ они повернули тоже на сѣверъ, къ 6 ч. вечера догнали ихъ; и бой возобновился...

Во время передышки, которую получилъ русскій боевой отрядъ, произошли нѣкоторыя измѣненія въ его построеніи. „*Александръ*“ на время вышелъ изъ строя, но затѣмъ вернулся и занялъ мѣсто за „*Сенявинымъ*“; а „*Нахимовъ*“ отпалъ на послѣднее мѣсто въ строю. Послѣ 5 ч. дня ихъ нагналъ миноносецъ подъ флагомъ адмирала Рожественскаго и подалъ адмиралу Небогатову сигналъ—принять команду, 2-й по счету сигналъ, отданный Рожественскимъ съ самаго начала боя.

Курсъ былъ взятъ на сѣверо-востокъ. Путь казался свободнымъ. Явилась надежда уйти отъ противника... Но уже въ 6 ч. веч. эта надежда была разбита и на этотъ разъ окончательно. Японцы раздѣлились на два отряда, правый и лѣвый; правый шелъ впереди Русскихъ, лѣвый—нѣсколько сзади. Въ 6 ч. правый отрядъ открылъ мѣткій огонь по „*Александру*“. Мѣткость стрѣльбы была достойна удивленія, несмотря на дальность разстоянія (6000 ярдовъ, или около 5 в.). Ничто не могло противостоять такой бомбардировкѣ, поразительной по точности

---

*) „*Суворову*“ подбили послѣднюю башню (носовую 12-дюймовую) однимъ снарядомъ, а другимъ—снесли у него на лѣвомъ борту нижней батареи 3-дюймовую пушку и пробили броневую палубу (въ 3 ч. 30 м.). Началось захлестываніе воды, бороться съ которымъ было очень трудно, такъ какъ остатки уцѣлѣвшей команды „въ оцѣпенѣніи жались по угламъ и не отзывались уже ни на какія приказанія“ офицеровъ... (Кап. Семеновъ) *П. Х.*

выполненія. Накренившись на правую сторону, *„Александръ III-й“* вышелъ изъ строя, затѣмъ легъ на бокъ, опрокинулся и затонулъ вскорѣ послѣ 7 час. веч.

Слѣдующимъ неизбѣжно долженъ былъ погибнуть обожженный и разбитый *„Бородино“*. Въ 7 ч. 15 м. произошелъ страшный взрывъ его порохового погреба. Броненосецъ перевернулся, не успѣвъ выйти изъ строя, и быстро пошелъ ко дну.

„Орелъ“, вышедшій впередъ, чтобы обойти утопавшій *„Бородино“*, сдѣлался слѣдующей мишенью. Бомбардировка продолжалась 8 мин., но въ этотъ короткій промежутокъ въ *„Орелъ“ попало* пятнадцать 12-дюймовыхъ снарядовъ, т.-е. по два снаряда въ минуту. Въ адмиральской части броненосца вспыхнулъ пожаръ, пламя котораго служило для японскихъ наводчиковъ прекраснымъ прицѣломъ,—тѣмъ болѣе, что день быстро угасалъ, и для прицѣла надо было имѣть что-нибудь болѣе ясно видимое.

„Николай“ круто повернулъ здѣсь къ западу, и за нимъ въ полномъ безпорядкѣ послѣдовали остальные суда эскадры. Видя это, головной японскій отрядъ, шедшій далеко впереди Русскихъ, склонился на востокъ и очистилъ въ это время дорогу миноносной флотиліи. Японскіе миноносцы въ количествѣ около 100 штукъ надвигались на Русскихъ съ сѣвера, востока и запада, „бросаясь впередъ и назадъ, какъ стая собакъ“, по словамъ одного Русскаго.

Описаніемъ сраженія между отрядами легкихъ крейсеровъ обыкновенно пренебрегали, такъ какъ оно не имѣло никакого вліянія на тактику или исходъ главной битвы. Но тѣмъ не менѣе о немъ можно сказать слѣдующее:

Въ началѣ битвы три японскихъ отряда были посланы на югъ для аттаки Русскихъ съ тыла. Аттака состоялась, и русскіе крейсеры и вспомогательные суда были разсѣяны. Около 5 ч. на помощь русскимъ крейсерамъ пришли возвратившіяся съ юга главныя силы; и въ это время нѣкоторые японскіе крейсеры получили поврежденія, при чемъ больше всѣхъ пострадалъ крейсеръ *„Kasagi“* (американской постройки, 1898 г.). Послѣ 6 час. лѣвый броненосный отрядъ Камимуры, настигавшій Русскихъ при послѣднемъ движеніи ихъ съ юга на сѣверъ, открылъ огонь по легкимъ русскимъ крейсерамъ; но ни одинъ изъ нихъ не былъ затопленъ.

Много писалось объ аттакахъ японскихъ миноносцевъ въ ночь послѣ этой битвы. Главный успѣхъ этихъ аттакъ *) объясняется тѣмъ, что команда русскихъ судовъ, изнуренная дневной работой, должна была и тутъ держать вахту до самой поздней ночи. Минъ было выпущено много, но появляющееся изъ трубы при выбрасываніи мины пламя обнаруживало присутствіе аттакующаго миноносца. При отбоѣ аттаки мино-

---

*) Этотъ „успѣхъ“ выразился въ томъ, что изъ 16 русскихъ судовъ, шедшихъ ночью проливомъ, пострадали 4, шедшіе съ огнями; процентъ попаданій былъ очень не великъ *П. Х.*

носцевъ „*Николай*“ направлялся въ сторону показавшагося пламени изъ минной трубы,—маневръ, цѣлесообразность котораго является еще вопросомъ. Ни въ „*Орла*“, ни въ „*Николая*“ не попало *ни одной мины*, хотя одна прошла очень близко отъ „*Орла*“. Сильно поврежденный еще днемъ многими снарядами, попавшими въ носовую часть, „*Сисой*“ имѣлъ большой кренъ впередъ и могъ давать только 4 узла хода. На его счастье въ корму попала мина; въ корму вошла вода, винты погрузились въ воду, и „*Сисой*“ началъ давать до 12 узловъ хода. Потопленъ онъ былъ на слѣдующій день своей же командой, открывшей кингстоны; уцѣлѣвшая съ него команда 570 ч. сѣла въ шлюпки; убитыхъ 28 чел. Трофеемъ для всѣхъ аттакующихъ миноносцевъ былъ одинъ только „*Наваринъ*“. Его окружили около 20 миноносцевъ; онъ отбивалъ аттаку отъ нихъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, но получилъ въ концѣ концовъ 4 мины*)...

Состояніе духа команды на японскихъ броненосцахъ было прекрасное, но оно было еще лучше на миноносцахъ. Свѣтъ прожектора, брошенный на одинъ изъ японскихъ миноносцевъ, однажды обнаружилъ капитана, который, облокотясь на перила мостика, казалось, всецѣло былъ поглощенъ дѣломъ истребленія большой сигары, которую онъ спокойно курилъ. Его судно было тутъ же потоплено... Чтобы выпустить мину, каждый миноносецъ пріостанавливался, а затѣмъ онъ быстро удиралъ на всѣхъ парахъ, открывъ огонь по мостику или другимъ менѣе защищеннымъ мѣстамъ аттакованнаго корабля.

Русскіе миноносцы служили только для усугубленія безпокойства команды на русскихъ судахъ, и безъ того сильно измученной, т. к. было крайне трудно различать свои миноносцы отъ непріятельскихъ. „*Сисой*“ замѣтилъ ночью подозрительное судно и подалъ особый сигналъ. Судно, которое оказалось японскимъ миноносцемъ, искусно повторило этотъ сигналъ; „*Сисой*“ былъ введенъ въ заблужденіе, подпустилъ къ себѣ миноносецъ на разстояніе 100 ярдовъ и... получилъ пробоину въ корму, о которой упоминалось выше.

Вечеромъ 14 мая адмиралъ Того отдалъ приказъ своему флоту—собраться на слѣдующее утро къ острову *Ul-leung*, далеко на сѣверъ отъ мѣста сраженія перваго дня. Это было исполнено; и образовалась вторая цѣпь, чрезъ которую остатки русскаго флота должны были снова прорываться, чтобы попасть во Владивостокъ. Не мудрено, что на другой день въ 10 ч. 30 м. отрядъ Небогатова оказался окруженнымъ непріятелемъ со всѣхъ сторонъ. Во главѣ отряда шелъ „*Николай I-й*“,

---

*) Къ крейсеру „*Вл. Мономахъ*“ въ 11 час. веч. подошли 4 миноносца; онъ открылъ огонь; три изъ нихъ ушли, а 4-й вернулся и показалъ наши сигнальные огни; его подпустили ближе; подойдя на 5 кабельт., онъ выпустилъ мину, которая попала въ крейсеръ и сдѣлала его положеніе безнадежнымъ; миноносецъ разстрѣляли и потопили, но пришлось и самимъ затонуть. Изъ 800 чел. команды имѣли убитыми одного, ранеными—шесть. Въ главномъ сраженіи „*Вл. Мономахъ*“ также, какъ и другіе крейсеры, никакого почти участія не принималъ, т. к. не получилъ соотвѣтственнаго приказанія („*Новое Время*“, 1905, № 10.552). *П. Х.*

за нимъ слѣдовали *„Орелъ“*, *„Апраксинъ“*, *„Сенявинъ“* и крейсеръ *„Изумрудъ“*. День былъ чистый, ясный, идеальный для артиллерійской стрѣльбы. Въ 10 ч. 30 м. Японцы открыли по *„Николаю“* огонь съ броненоснаго крейсера *„Касуга“*, который находился на разстояніи 10.000 ярдовъ (ок. 8,5 верстъ). Первый снарядъ далъ перелетъ, второй—недолетъ, третій попалъ въ дымовую трубу. Послѣдовало еще нѣсколько ударовъ. Сопротивленія не было... Четыре разбитыхъ, оставшихся у русскихъ судна стояли противъ двѣнадцати свѣжихъ, неповрежденныхъ японскихъ боевыхъ судовъ. Одно изъ нихъ теперь стрѣляло съ такого разстоянія, дать отвѣтъ на какое могло лишь одно орудіе на всѣхъ Русскихъ судахъ Балтійско-Цусимской эскадры, но и это орудіе сослужило свою службу и давно уже смолкло. Русская команда была измучена, запасъ снарядовъ былъ уже на исходѣ. Что оставалось дѣлать?... Небогатовъ приказалъ поднять флагъ, возвѣщающій о сдачѣ. Можетъ ли кто назвать такой поступокъ неразумнымъ?...

Такъ кончилась битва... Повторимъ краткую исторію гибели каждаго изъ судовъ *).

---

*) Свое оффиціальное донесеніе о боѣ адмиралъ *Того* закончилъ слѣд. словами: „Непріятельскій флотъ не оказался особенно ниже нашего по качествамъ своимъ. Слѣдуетъ признать также, что непріятельскіе офицеры и экипажъ съ величайшей энергіей сражались за свое отечество. То, что нашъ флотъ, несмотря на эти обстоятельства, все-таки одержалъ побѣду и имѣлъ удивительный успѣхъ, объясняется высокими добродѣтелями нашего императора, а не какою-либо человѣческою мощью. Особенно я долженъ быть благодаренъ невидимымъ духамъ императорскихъ предковъ за то, что потери среди офицеровъ и команды были у насъ такъ не велики“...

Наша эскадра, стоившая въ полтора раза дороже всего японскаго флота, оказалась въ бою почти совершенно уничтоженной, а японскій флотъ подъ Цусимою не только не пострадалъ сколько-нибудь серьезно, но даже еще усилился послѣ сдачи отряда Небогатова.

Нашихъ товарищей, попавшихъ въ плѣнъ, занималъ между прочимъ и вопросъ о томъ, какія поврежденія нанесъ нашъ флотъ японскому. Вотъ что писалъ мнѣ по этому поводу одинъ изъ товарищей:

„Мнѣ пришлось 15 мая 1905 г. близко видѣть обѣ японскія эскадры—броненосную и броненосныхъ крейсеровъ. *„Миказа“*, флагманскій корабль адмирала *Того*, бывшій головнымъ въ бою 14 мая, стоялъ отъ насъ въ разстояніи до 8 кабельтовыхъ (около 700 саж.). При всемъ желаніи мы не могли найти въ немъ съ такого разстоянія какихъ-либо серьезныхъ поврежденій. Бросалось въ глаза лишь отсутствіе стенги на кормовой мачтѣ. Однако на *„Миказа“*, по японскимъ даннымъ, было 63 человѣка, выбывшихъ изъ строя, а стало быть все-таки же было порядочно и нашихъ попаданій въ него. Незамѣтны были поврежденія и на другихъ корабляхъ; и команда наша, взятая въ плѣнъ, видя это, ужасно тогда волновалась; она не хотѣла вѣрить, чтобы послѣ сраженія, въ которомъ Японцами были потоплены почти всѣ наши сильнѣйшіе броненосцы, а *„Орелъ“* былъ такъ сильно изуродованъ, непріятельская эскадра не имѣла бы хоть сколько-нибудь замѣтныхъ поврежденій. Ни одной трубы на всѣхъ 12-линейныхъ корабляхъ не было сбито. Издали казалось по внѣшности, что японская эскадра какъ будто вовсе въ бою и не была. — „Не можетъ этого быть! Вчера мы дрались, должно быть, съ другой эскадрой, съ англійской!“ раздавались голоса матросовъ; и не было возможности разубѣдить ихъ въ этомъ“.

„Насъ конвоировали до Майдзуру эскадренный броненосецъ *„Асахи“* (15.200 *tn.*), бывшій во время боя третьимъ отъ головного, и броненосный крейсеръ *„Азама“* (9.800 *tn.*), который, по рапорту адмирала *Того*, отъ полученныхъ имъ поврежденій былъ принужденъ покинуть строй на нѣкоторое время. Они шли у насъ съ лѣваго борта, откуда и былъ главный бой и большинство попаданій. На траверсѣ въ 2 кабельтов. былъ у насъ *„Азама“*, а въ кильватерѣ—*„Асахи“* на разстояніи около 3 кабельтовыхъ. Мы разсматривали ихъ въ бинокли. На правомъ борту броненосца мы не могли замѣтить никакихъ поврежденій; видны были только попаданія въ трубу—безъ взрыва снаряда; на немъ было 15 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Крейсеръ же имѣлъ замѣтный дифферентъ на корму; въ легкомъ борту у него была видна искусно задѣланная пробоина, узкая, но длиной около полутора

Броненосецъ „*Князь Суворовъ*“, флагманскій корабль адмирала Рожественскаго, приведенъ въ совершенную негодность орудійнымъ огнемъ; затонулъ 14 мая въ 7 ч. 15 м. веч., вслѣдствіе орудійнаго огня и минныхъ атакъ. Команды на немъ было болѣе 900 человѣкъ. Кромѣ адмирала и личнаго персонала его штаба, никто не спасся.

Броненосецъ „*Александръ III-й*“ приведенъ въ негодность орудійнымъ огнемъ и потопленъ 14 мая въ 6 ч. 35 м. веч. Команды на немъ было около 900 чел. Спаслись только трое.

Броненосецъ „*Бородино*“ затонулъ 14 мая въ 7 ч. 20 м. веч. отъ орудійнаго огня и, вызваннаго имъ взрыва порохового погреба. Команды было 900 человѣкъ. Извѣстно о спасеніи одного. Когда судно опрокинулось, этотъ человѣкъ ощупью нашелъ выходъ чрезъ амбразуру своего орудія, вылѣзъ чрезъ нее, выплылъ на поверхность и держался за обломки разбитаго судна. Онъ былъ подобранъ Японцами и взятъ въ плѣнъ. Опрокинутый броненосецъ нѣкоторое время держался на поверхности воды килемъ кверху. Около 15 человѣкъ команды тоже выбрались еще наружу и отчаянно боролись съ волнами. Полагаютъ, что никто изъ нихъ не былъ спасенъ. Слѣдовавшія за броненосцемъ „*Бородино*“ суда проходили мимо него, не останавливаясь...

Броненосецъ „*Орелъ*“, жестоко пострадавшій отъ орудійнаго огня, сдался 15 мая соединеннымъ силамъ противника.

Броненосецъ „*Ослябя*“ затонулъ 14 мая въ 2 ч. 52 м. пополудни отъ орудійнаго огня.

Броненосецъ „*Сисой Великій*“ былъ поврежденъ 14 мая орудійнымъ огнемъ. Ночью получилъ минную пробоину. Былъ затопленъ Русскими въ открытомъ морѣ. Команда открыла кингстоны и пересѣла въ шлюпки.

Броненосецъ „*Наваринъ*“ былъ поврежденъ орудійнымъ огнемъ 14 мая; ночью былъ потопленъ миноносцами.

Броненосецъ „*Адмиралъ Нахимовъ*“ пострадалъ 14 мая отъ орудійнаго огня. Дальнѣйшія поврежденія получилъ ночью отъ миноносцевъ. Продержался на водѣ до 10 ч. утра 15 мая и затѣмъ затонулъ.

Броненосецъ „*Императоръ Николай I-й*“ пострадалъ 14 мая отъ орудійнаго огня; отъ того же огня получилъ дальнѣйшія поврежденія утромъ 15 мая, передъ сдачей соединенному флоту Японцевъ.

Броненосецъ береговой обороны „*Сенявинъ*“ поврежденъ орудійнымъ огнемъ. Сдался 15 мая. Личный составъ весь уцѣлѣлъ.

аршина,—какъ будто два снаряда, плохо взорвавшихся (или малаго калибра), попали одинъ немного ниже другого; затѣмъ было замѣтно одно попаданіе въ трубу, одно около рубки и одно въ носовой части крейсера. Адмиралъ *Того*, въ своемъ рапортѣ о боѣ, говоритъ еще о трехъ гранатахъ, попавшихъ въ кормовую часть „*Азама*“ и выведшихъ крейсеръ изъ строя; вѣроятно, одною изъ нихъ была причинена глубокая подводная пробоина, отчего и явился у крейсера дифферентъ на корму; на ютѣ команда крейсера цѣлый день вытаскивала воду изъ нутра корабля большими кадками и отливала ее за бортъ; отливали воду также и пипками, выставленными въ полупортики. — Кромѣ этого, въ разстояніи 3 — 4 кабельт. намъ рѣзали корму броненосные крейсера „*Касуга*“ и „*Ниссинъ*“. Они вели главный бой 14 мая; но поврежденій и на этихъ крейсерахъ мы не замѣтили“...

Броненосецъ берег. обор. „*Апраксинъ*“ поврежденъ орудійнымъ огнемъ. Сдался 15 мая.

Броненосецъ „*Ушаковъ*“ потопленъ вечеромъ 15 мая орудійнымъ огнемъ крейсеровъ „*Ивате*“ и „*Якумо*“, когда не пожелалъ имъ сдаться.

Крейсеръ „*Дмитрій Донской*“ поврежденъ орудійнымъ огнемъ 14 мая. Выдержалъ преслѣдованіе и битву съ отрядомъ легкихъ крейсеровъ, ушелъ отъ нихъ и былъ потопленъ Русскими утромъ 16 мая. Команда была высажена на островъ и подобрана Японцами.

Крейсеры „*Олегъ*“, „*Аврора*“ и „*Жемчугъ*“ повреждены орудійнымъ огнемъ японскихъ крейсеровъ 14 мая. Скрылись въ Маниллѣ, гдѣ и были задержаны до окончанія войны *).

Крейсеръ „*Свѣтлана*“ затонулъ въ полдень 15 мая отъ орудійнаго огня японскихъ крейсеровъ „*Отава*“ и „*Нійтака*“.

Крейсеръ „*Изумрудъ*“ удралъ отъ Японцевъ 15 мая во время сдачи отряда, но наскочилъ на камень и потерпѣлъ аварію близъ Владивостока.

Крейсеръ „*Алмазъ*“ дошелъ до Владивостока.

Знаніе артиллеріи и тактики всегда будетъ рѣшающимъ факторомъ въ морскихъ сраженіяхъ между одинаковыми силами. Настоящій случай не составляетъ исключенія. Но Японцы на своей сторонѣ имѣли громадное преимущество въ этомъ.

За свою артиллерійскую подготовку Японцы заслуживаютъ самой высокой похвалы, въ особенности, если вспомнить, какъ еще сравнительно плохо дѣйствовала ихъ артиллерія 28 іюля 1904 г. въ бою съ нашей Артурской эскадрой. Но послѣ этого ими были употреблены всѣ усилія на приведеніе ихъ артиллеріи въ состояніе совершенства: сколько было у нихъ практическихъ ученій, и какъ регулярно японскіе морскіе артиллеристы, внѣ своего служебнаго времени, отправлялись въ артиллерійскую школу на сушѣ для полученія тамъ инструкцій! Стрѣльба въ цѣль производилась у нихъ въ послѣдній разъ всего за два дня до битвы 14 мая. Каждое изобрѣтеніе, извѣстное въ области артиллерійской науки, у нихъ было примѣнено и при томъ успѣшно. Въ теченіе перваго дня битвы броненосецъ „*Орелъ*“ получилъ 42 удара 12-дюймовыми снарядами и болѣе 100 ударовъ 6-и 8-дюймовыми. „*Суворовъ*“ долженъ былъ получить свыше 100 ударовъ одними 12-дюймовыми снарядами. При самомъ умѣренномъ подсчетѣ оказывается, что Японцы дали около 20% попаданій. Имѣя въ виду среднюю дальность боя въ 5000 ярдовъ (ок. 4, 5 в.) и туманное состояніе атмосферы, нельзя не признать, что эта цифра достаточно выразительна.

Съ другой стороны, теперь это не подлежитъ сомнѣнію, Японцы понесли весьма небольшой ущербъ. Броненосецъ „*Миказа*“ получилъ

---

*) На „*Олегѣ*“ оказалось убитыми 13 ч., ранеными—31; на „*Аврорѣ*“—убитъ командиръ и 14 ч., ранено 81 ч. команды и 8 офицеровъ; на „*Жемчугѣ*“—убитыхъ 12 ч., раненыхъ 22 чел. Утромъ 15 мая на этихъ судахъ оставалось угля все еще на переходъ до 1300 миль экономическимъ ходомъ (см. „*Нов. Вр.*“, 1905, № 10. 594). *П. Х.*

только 4 удара. На его палубѣ одинъ англійскій капитанъ провелъ все время битвы, сидя въ креслѣ, и остался невредимъ. При этомъ нужно помнить, что первый сигналъ Рожественскаго былъ приказомъ—сосредоточить весь огонь русскаго флота на броненосцѣ „*Миказа*“. Другія японскіе суда получили еще меньше ударовъ.

У Русскихъ совершенно отсутствовала артиллерійская подготовка. Во время стоянки флота у Мадагаскара практической стрѣльбой занимались только 2 раза, разстояніе было взято небольшое, расходъ снарядовъ былъ скудный, и результаты получались неудовлетворительные. Въ другой разъ отдѣлили отъ флота и послали въ открытое море одинъ крейсеръ съ цѣлію испытать дальномѣры; одинъ изъ нихъ показывалъ разстояніе 8000 ярдовъ, а другой — 12000 ярдовъ, т.-е. разница въ 4000 ярд.; а Японцы въ бою при разстояніи въ 5000 ярд. съ перваго же выстрѣла дѣлали иногда ошибку только въ 150 ярд.

Если тяжелая артиллерія русскаго флота ничуть не деморализовала Японцевъ, то какъ разъ обратное надо сказать о дѣйствіи японскихъ снарядовъ на Русскихъ. Осколки японскихъ снарядовъ залетали въ дула орудій, которыя разрывало отъ этого при слѣдующихъ же выстрѣлахъ. Отъ взрыва снарядовъ на палубахъ русскихъ кораблей поднималась клубами угольная пыль и мѣшала видѣть. Падающіе близъ судна снаряды, разрываясь, обдавали его массою брызгъ и дѣлали нѣкоторое время невозможнымъ пользованіе оптическими трубами... Одинъ русскій офицеръ, какъ намъ извѣстно, скомандовалъ въ машинное отдѣленіе — „открыть огонь“, а батареѣ далъ сигналъ—„полнымъ ходомъ“.

Но одной хорошей артиллерійской подготовки еще мало, съ нею одною нельзя выиграть сраженія. Адмиралъ Джонъ Фишеръ (*Fisher*) сказалъ: „человѣкъ у орудія—великій факторъ; но какъ бы великъ онъ ни былъ, его значеніе пропадаетъ сразу, если надъ нимъ нѣтъ адмирала, который въ должный моментъ даетъ ему указанія, какія слѣдуетъ“. Тактика Японцевъ была изумительна; всѣ ихъ построенія, эволюціи дѣлались съ правильностію часового механизма и выполнялись быстро. Только одно японское судно было выведено изъ строя, и не было съ японскими судами ни одного случая такихъ поврежденій, которыя заставили бы ихъ уменьшить свою скорость. Всѣ маневры исполнялись по сигналамъ флагами; и они, вѣроятно, передавались бы не такъ успѣшно, если бы стрѣльба Русскихъ имѣла надлежащую мѣткость.

Что же касается тактики у Русскихъ, то таковая отсутствовала. Адм. Рожественскій былъ раненъ въ началѣ битвы и находился въ безсознательномъ состояніи. Но если бы даже онъ и сохранилъ свою работоспособность, нѣтъ основаній думать, что онъ могъ бы оказаться даровитымъ флотоводцемъ. Первыя практическія ученія всей его эскадры происходили почти наканунѣ битвы. Онъ не имѣлъ никакого военнаго совѣта; и если былъ у него какой-нибудь планъ дѣйствія, то таковой остался неизвѣстнымъ даже для командующихъ отдѣльными отрядами

эскадры. Во время всей битвы Рожественскій далъ только два сигнала, о которыхъ мы уже упоминали выше.

О томъ, что сдѣлалъ бы на его мѣстѣ Небогатовъ, можно только гадать. Онъ не пользовался довѣріемъ Рожественскаго и на флагманскомъ суднѣ былъ всего одинъ разъ въ Камранской бухтѣ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Такъ какъ *„Суворовъ“* въ бою продолжалъ находиться у всѣхъ на виду съ развѣвающимся на немъ флагомъ почти до 5 ч. дня 14 мая, Небогатовъ, даже при всемъ его желаніи, не могъ, конечно, принять на себя управленія флотомъ. Послѣ же того, какъ командованіе перешло къ Небогатову, противникъ не топилъ уже больше головныхъ судовъ его отряда. Но и это, можетъ быть, не зависѣло ли скорѣе отъ командировъ этихъ передовыхъ судовъ?

Невольно напрашивается вопросъ: былъ ли, дѣйствительно, хоть одинъ человѣкъ, подходящій для командованія русскимъ военнымъ флотомъ? Я знаю, на это каждый Русскій сейчасъ же отвѣтитъ: „Ахъ, если бы адмиралъ Макаровъ былъ тамъ!“... Да; но это, вѣдь, имя человѣка, котораго нѣтъ уже въ живыхъ“...

Лейтенантъ Уайтъ.

Чтобы покончить съ описаніемъ Цусимскаго боя, мнѣ остается дополнить его еще нѣсколькими эпизодами, касающимися главнымъ образомъ сдачи Рожественскаго и Небогатова Японцамъ.

По собственной инициативѣ, къ жалкимъ остаткамъ *„Суворова“* подходитъ, *случайно проходившій мимо него*, нашъ миноносецъ *„Буйный“*, который транспортировалъ команду, снятую имъ ранѣе съ *„Ослябя“*. Руками ему дѣлаютъ сигналы, чтобы онъ принялъ на себя адмирала... По расписанію эта роль должна была бы принадлежать миноносцу *„Бѣдовый“*; но его „поведеніе“ въ этомъ случаѣ обвинительный актъ въ судебномъ процессѣ Рожественскаго (іюнь 1906 г.) обрисовываетъ въ слѣдующихъ словахъ: онъ „болтался неизвѣстно гдѣ, не получивъ поврежденій, не понеся потерь и не выпустивъ ни одного снаряда; а съ погибающаго броненосца снялъ адмирала со штабомъ, рискуя собою, другой миноносецъ, не знавшій даже, что этотъ пылающій остовъ — *„Суворовъ“*, и что на немъ — раненый адмиралъ“...

Подъ огнемъ непріятеля, около 5 час. вечера, серьезно раненаго Рожественскаго съ большими трудностями удалось передать на миноносецъ *„Буйный“*. Вмѣстѣ съ адмираломъ пересѣлъ туда же и весь его штабъ *)... Картина этой передачи была обрисована самимъ адмираломъ въ его рѣчи на судѣ (въ іюнѣ 1906 г.) въ слѣдующихъ словахъ;

---

*) Относительно времени этой пересадки существуютъ большія разногласія. Рожественскій говоритъ, что онъ ничего не помнитъ. Офицеры штаба, когда ихъ судили за сдачу *„Бѣдоваго“* Японцамъ, утверждали, что это произошло около 5 ч. А Небогатовъ и нѣкоторые другіе офицеры настаиваютъ, что это было около 3 ч. 30 м., и что съ 3 ч. пополудни до 6 ч. веч. наша эскадра была предоставлена самой себѣ и оставалась безъ руководителя (*„Нов. Вр.“*, 1906, № 10.475.) П. Х.

„*Суворовъ*“ *горѣлъ*... Ни на немъ, ни на миноносцѣ не было уже шлюпокъ. *Языки огня* не позволяли миноносцу пристать съ подвѣтреной стороны. Флагъ-капитанъ рѣшился приказать миноносцу пристать на большой зыби къ навѣтренному борту, гдѣ торчащими орудіями и перебитыми стрѣлами сѣтеваго огражденія, исковерканными выстрѣлами, легко могли быть причинены опасныя пробоины тонкому борту миноносца. Представилось зрѣлище, деморализовавшее всѣхъ свидѣтелей. Съ рискомъ разбиться и утопить, кромѣ своего экипажа, еще около 200 человѣкъ съ броненосца „*Ослябя*“, выловленныхъ изъ воды, миноносецъ „*Буйный*“ подъ огнемъ непріятеля присталъ къ „*Суворову*“, чтобы принять впавшаго въ забытье командующаго эскадрой. Зрѣлище это устраняло представленіе о переносѣ флага. Всѣ прониклись впечатлѣніемъ, что *старшее начальство бѣжитъ съ броненосца*, близкаго къ гибели, что оно спасаетъ жизнь только подбитаго адмирала, рискуя сотнями другихъ жизней“.... Не принадлежащіе къ составу штаба, три судовыхъ офицера броненосца „*Суворовъ*“ благородно отказались бѣжать со своего корабля вмѣстѣ съ перегруженнымъ ими адмираломъ... Другіе раненые съ „*Суворова*“ остались на немъ. О нихъ некому и некогда было думать... „Если бы въ приказѣ моемъ,—говоритъ Рожественскій,—было выражено опредѣленно, что выведенный изъ строя адмиралъ раздѣляетъ участь экипажа флагманскаго корабля, то въ лѣтописи Цусимскато боя не было бы этой грустной страницы, не было бы и суда за позорную сдачу Японцамъ миноносца, на которомъ увозили изъ боя адмирала и его штабъ“...

По приказанію начальника штаба, капитана I-го ранга Колонга, тоже уѣзжавшаго на миноносцѣ „*Буйный*“ вмѣстѣ съ адмираломъ, былъ поднятъ сигналъ:—„*Адмиралъ Рожественскій передаетъ командованіе адмиралу Небогатову*“. Передача этого сигнала была поручена миноносцу „*Безупречный*“, который долженъ былъ приблизиться къ флагманскому кораблю „*Николай I-й*“ и поставить Небогатова въ извѣстность о вступленіи его въ командованіе всею оставшеюся „эскадрою“, т.-е. серіей частію горѣвшихъ еще, частію уже потушенныхъ пловучихъ костровъ. Объ оставшихся на „*Суворовѣ*“ раненыхъ матросахъ и офицерахъ „*Безупречному*“ не было отдано никакого приказа.

Какъ только миноносецъ „*Буйный*“ принялъ на себя Рожественскаго съ его штабомъ, онъ получилъ отъ японскаго снаряда пробоину въ носовую часть; но это не помѣшало ему выйти изъ сферы непріятельскаго огня и быстро скрыться.

Утромъ 15 мая въ распоряженіи Небогатова было уже только два миноносца, четыре старыхъ полуразбитыхъ броненосца и остатки разбитаго „*Орла*“. Команда на судахъ была неимовѣрно утомлена — и морально, и физически: передъ боемъ шли безконечныя погрузки угля, матеріаловъ, провизіи; но это не избавляло команду отъ безсонныхъ ночныхъ вахтъ:

13 мая учились маневрировать; съ ранняго утра весь день 14 мая прошелъ въ волненіи, въ крайне напряженной работѣ, безъ проблеска надежды на счастливый исходъ боя, въ чаду отъ постоянныхъ пожаровъ, въ убійственномъ дыму отъ разрывныхъ японскихъ снарядовъ, съ запекшимися губами, съ мучительной, пичѣмъ не утолимой жаждой;—послѣ захода солнца шло непрерывное отбиваніе отчаянныхъ минныхъ аттакъ; ночь съ 14 на 15 мая была опять безъ сна, безъ минуты роздыха... Утромъ 15 мая большинство людей у Небогатова было въ такомъ состояніи, что они въ изнеможеніи отъ угара и удушья валились на ходу, не могли даже и двигаться *).

И вотъ при такихъ-то условіяхъ около 10 час. утра Небогатовъ увидалъ свой мизерный, измученный отрядъ окруженнымъ грозною эскадрою адмирала Того изъ 27 самыхъ сильныхъ судовъ, готовыхъ вступить опять въ бой...

„Апраксинъ“ и *„Сенявинъ“*, подбитые, обезсиленные, сильно отстали, слѣдуя за головой отряда; отъ прежней боевой мощи броненосца *„Орелъ“* послѣ сраженія 14 мая остались одни только воспоминанія; и длительнаго сопротивленія онъ оказать не могъ. Большинство команды было рѣшительно не способно къ какой-либо осмысленной работѣ, быстро не могло бы выполнить даже и потопленія судовъ,—тѣмъ болѣе, что и всей-то работы для японской эскадры надъ разстрѣломъ нашего отряда едва ли хватило бы и на полчаса. Щадя своихъ людей, измученныхъ всей предшествовавшей этому непосильной работой, подъ начавшимся уже разстрѣломъ Небогатовъ со своимъ отрядомъ сдался въ плѣнъ Японцамъ, не принявши послѣдняго боя... Спасены были имъ отъ вѣрной гибели около 2000 человѣкъ**). Сдались: *„Николай I-й“*, два миноносца и до нельзя избитые ***) *„Орелъ“*, *„Апраксинъ“* и *Сенявинъ“*.

---

*) *„Морск. Сборн.“*, 1905, № 9, стран. 227—230.

**) Всѣхъ моряковъ, попавшихъ въ плѣнъ въ Японію, не только изъ экипажа Небогатова, но и съ тѣхъ судовъ, которые были разстрѣляны Японцами въ бою, а также и съ тѣхъ, которые мы затопили сами, 7282 человѣка (*„Морск. Сборн.“*, 1905, № 9). Скоро исполнится уже полтора года Цусимской битвѣ, а морское министерство и до сихъ поръ все еще не собралось привести въ извѣстность окончательное число всѣхъ лицъ, погибшихъ подъ Цусимою, и напечатать алфавитный указатель ихъ.

Къ годовщинѣ боя *„Новое Время“* сдѣлало приблизительный подсчетъ всѣхъ погибшихъ. Нижнихъ чиновъ погибло у насъ около 4500 человѣкъ, офицеровъ и др. чиновниковъ 191 лицо, въ томъ числѣ механиковъ 30 чел. Больше всего погибшихъ на *„Суворовѣ“*—830, затѣмъ на *„Александрѣ III-мъ“*—793, на *„Бородинѣ“*—781, на броненосцѣ *„Наваринъ“*—652, на броненосцѣ *„Ослябя“*—около 600 и т. д.

***) Въ *„Вѣстн. Евр.“*, 1905, № 7 этотъ эпизодъ былъ переданъ такъ: „Четыре *могучихъ* броненосца добровольно были отданы Японцамъ“ (стр. 351). Подъ вліяніемъ такихъ извѣстій общественное мнѣніе было крайне возбуждено, и морское вѣдомство тогда же сочло нужнымъ сдѣлать слѣдующее оффиціальное заявленіе: „Въ виду возникшихъ въ обществѣ и печати разнорѣчивыхъ слуховъ по поводу сдачи непріятелю 4-хъ броненосцевъ, главный морской штабъ сообщаетъ, что контръ-адм. Небогатовъ и командиры этихъ судовъ, по возвращеніи изъ плѣна въ Россію, подлежатъ преданію суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 279 воен.-морск. уст. о наказаніяхъ“.—Въ этой статьѣ говорится: „Кто, командуя флотомъ, эскадрою, отрядомъ судовъ или кораблемъ, спустить передъ непріятелемъ флагъ, или положитъ оружіе, или заключитъ съ нимъ капитуляцію, не исполнивъ своей обязанности по долгу присяги и согласно съ требованіями воинской чести и правилами морского устава, тотъ подвергается: *исключенію изъ службы съ лишеніемъ чиновъ*; если таковыя дѣйствія совершены безъ боя, или несмотря на возможность защищаться: *смертной казни*“.

Въ бою 14 мая около 5 ч. дня командиръ „*Николая*“ былъ раненъ въ високъ. Его обязанности въ дальнѣйшемъ пришлось исполнять Небогатову самому. Къ вечеру этотъ броненосецъ имѣлъ уже двѣ серьезныя пробоины; одно 12-дюймовое орудіе было у него испорчено; фугасныхъ снарядовъ совсѣмъ не было. „*Орелъ*“ въ бою 14 мая былъ избитъ до крайней степени *); командиръ судна былъ уже убитъ; изъ 30 офицеровъ на кораблѣ въ живыхъ осталось только шесть; старшій офицеръ возбуждалъ даже вопросъ, не затопить ли лучше броненосецъ въ виду полной неспособности его къ бою; стволъ одного изъ 12-дюймовыхъ орудій у него былъ перешибленъ пополамъ (!) японскимъ снарядомъ. „*Апраксинъ*“ имѣлъ поврежденной свою кормовую башню. Гребные суда у всѣхъ кораблей были избиты и попорчены; уцѣлѣвшіе изъ нихъ спустить подъ огнемъ непріятеля было немыслимо; другихъ спасательныхъ средствъ—никакихъ; койки заранѣе были употреблены для устройства блиндажей и для защиты наиболѣе уязвимыхъ частей корабля. Въ 10 ч. 30 м. „*Касуга*“ началъ обстрѣливать „*Николая*“ съ разстоянія около девяти верстъ. За дальностью разстоянія „*Николай*“ отвѣчать не могъ и обратился, слѣд., просто въ мишень для вражескихъ снарядовъ. Попаданіе началось съ 3-го же выстрѣла: пробило уже бортъ у ватеръ-линіи на носу, вода затопила отдѣленіе динамо, электричество погасло, доступъ къ боевому погребу былъ прекращенъ **). Спасеніе людей съ корабля было уже неосуществимо, боевое сопротивленіе и одному „*Касугѣ*“ было бы безцѣльно и повело бы только къ гибели офицеровъ и команды, а тутъ была на-лицо вся эскадра адмирала Того, свѣжая и сильная...

Небогатовъ сдался... Въ свое оправданіе онъ говоритъ слѣдующее:

„Съ точки зрѣнія моихъ судей, приговорившихъ меня къ позорному наказанію ***), я долженъ былъ бы взорвать суда въ открытомъ морѣ и обратить 2000 матросовъ въ окровавленные клочья; я долженъ былъ бы открыть кингстоны и утопить 2000 человѣкъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Во имя чего?.. Во имя чести Андреевскаго флага! Но, вѣдь, этотъ флагъ является символомъ той Россіи, которая, въ проникновенномъ сознаніи обязанностей великой страны, бережетъ достоинство и жизнь своихъ сыновъ, а не посылаетъ людей на смерть на

---

*) Вскорѣ послѣ боя было помѣщено въ лондонскихъ газетахъ письмо одного изъ японскихъ офицеровъ изъ Майдзуру, куда былъ приведенъ „*Орелъ*“. Онъ писалъ тогда: „Мы сами были испуганы, когда увидали результаты нашей стрѣльбы. На корабль почти невозможно было войти. На каждомъ шагу можно было провалиться въ настоящую пропасть. На палубѣ не осталось сплошного, цѣлаго, нетронутаго снарядами пространства болѣе 4 квадр. сантиметровъ подрядъ. Все было избито, исковеркано; всюду обломки желѣза, трубѣ, орудій. Потребовалось 4 дня упорной работы, чтобы сдѣлать возможнымъ свободный входъ внутрь корабля“ (см. „*Нов. Вр*,“, 1905, № 10.544). Изъ всего состава строевыхъ офицеровъ на броненосцѣ осталось къ утру 15 мая только *двое*.

**) См. исповѣдь Небогатова въ „*Нов. Вр.*“, 1906, № 10.745, отъ 11 февраля.

***) Кромѣ Небогатова, приказомъ отъ 22 августа 1905 г., исключены изъ службы въ морскомъ вѣдомствѣ и всѣ командиры броненосцевъ отряда Небогатова, вопреки существующимъ узаконеніямъ, *безъ приговора суда*. *П. Х.*

старыхъ корабляхъ для того, чтобы скрыть и утопить въ морѣ свое нравственное банкротство и хищеніе, свое бездарное служеніе, ошибки, умственную слѣпоту и мракъ невѣдѣнія элементарнѣйшихъ началъ морского дѣла. Для представителей такой Россіи я не имѣлъ права топить людей"...

Изъ отряда Небогатова не сдался добровольно одинъ только броненосецъ „*Адмиралъ Ушаковъ*", на предложеніе сдаться геройски отвѣтившій выстрѣлами, заставившими японскіе крейсеры отойти дальше и только издали начать его бомбардировку. Въ концѣ концовъ „*Ушаковъ*" безъ особаго труда былъ потопленъ Японцами, не нанеся имъ никакого существеннаго вреда.

Свѣтлымъ пятномъ на этомъ безотрадномъ фонѣ пораженій является также геройскій подвигъ крейсера „*Дмитрій Донской*". Съ наступленіемъ темноты нашъ отрядъ крейсеровъ подъ командою Энквиста рѣшилъ отдѣлиться отъ нашей эскадры и прорваться на югъ. „*Донской*" долженъ былъ слѣдовать за ними; но, какъ тихоходъ, онъ не могъ этого выполнить и скоро отсталъ. Тогда онъ рѣшилъ одинъ, самостоятельно, идти во Владивостокъ; идя почью со всѣми предосторожностями, крейсеръ благополучно миновалъ Цусиму. Утромъ онъ нагналъ нашъ миноносецъ „*Буйный*" съ испорченной машиной, снялъ съ него экипажъ, а само судно разстрѣлялъ. Идя далѣе, „*Донской*" встрѣтилъ другой миноносецъ. Это былъ „*Бѣдовый*"; на него подъ утро съ „*Буйнаго*" перевели адмирала, его штабъ и остатки команды, подобранной съ „*Ослябя*" и сильно обременявшей миноносецъ. Встрѣчей съ „*Донскимъ*" штабъ прекрасно для себя воспользовался: съ крейсера взяли уголь, а ему сдали весь „лишній грузъ", команду съ „*Ослябя*". Эти долгія задержки въ пути сдѣлали то, что японская погоня, высланная за „*Донскимъ*" къ вечеру 15 мая. его настигла. Это были шесть легкихъ японскихъ крейсеровъ и 4 миноносца. Въ теченіе полтора часа „*Донской*" удачно отбивался отъ непріятельскихъ крейсеровъ, сдѣлалъ всѣмъ имъ пожары и заставилъ ихъ отойти. Они отошли... И это было его счастьемъ, п. ч. къ этому времени снаряды за два дня боя у него были почти всѣ уже израсходованы, а главное—комендоры были всѣ перебиты... Подступившіе къ „*Донскому*" японскіе миноносцы всѣ дали промахъ и тоже отошли. Надо было продолжать путь; но до Владивостока такому тихоходу оставалось идти съ возможными случайностями не менѣе сутокъ. Машины и котлы на крейсерѣ были въ исправности; но безъ артиллеріи нечѣмъ было бы отбиваться отъ дальнѣйшей погони, которую надо было ожидать непремѣнно. Рѣшили пристать къ ближайшему острову, перевезти на него всѣхъ людей, а крейсеръ потопить. До разсвѣта все это и было сдѣлано; но только потопить этотъ старый и заслуженный корабль оказалось не такъ легко: корпусъ крейсера очень медленно погружался, не перевертываясь... Когда вслѣдъ за этимъ пришла японская погоня, ей можно было взять въ плѣнъ только людей...

Задержавши „*Донского*“ на нѣсколько часовъ на мѣстѣ перегрузки, обезсиливши его погрузкой на него команды и отнятіемъ у него угля и оставивши его въ критическомъ положеніи въ ожиданіи съ минуты на минуты погони за нимъ, миноносецъ „*Бѣдовый*“, увозившій адмирала съ его штабомъ, самъ ушелъ очень недалеко. Спутникомъ „*Бѣдоваго*“ былъ миноносецъ „*Грозный*“. Въ погонѣ за ними обоими Японцы выслали два своихъ миноносца. Предстояло вступить въ бой. Съ „*Бѣдоваго*“ былъ отданъ „*Грозному*“ приказъ—идти во Владивостокъ, что тотъ и сдѣлалъ, прибавивъ хода. Японскіе миноносцы послѣ этого также отдѣлились одинъ отъ другого. Одинъ изъ нихъ погнался за „*Грознымъ*“ и вступилъ съ нимъ въ бой; примѣрно чрезъ два часа отъ начала боя „*Грозный*“ потопилъ его, самъ пошелъ во Владивостокъ и счастливо достигъ его. А все начальство на „*Бѣдовомъ*“, какъ это выяснилось на судѣ (въ іюнѣ 1906 г.), заранѣе *имѣло намѣреніе* безъ боя сдаться въ плѣнъ японскому миноносцу, у котораго водоизмѣщеніе было на 11% менѣе, чѣмъ у нашего. Это намѣреніе и было приведено въ исполненіе.

Изъ всей нашей Цусимской эскадры достигли Владивостока только небольшая яхта-крейсеръ *) „*Алмазъ*“ и два миноносца - „*Грозный*“ и „*Бравый*“. Въ нейтральныхъ портахъ укрылись три, пострадавшихъ въ бою, крейсера („*Олегъ*“, „*Аврора*“, „*Жемчугъ*“) и нѣсколько транспортовъ.

Добиваніе остатковъ Балт.-Цусимской эскадры было закончено Японцами 15 мая, а подбираніе ими случайно уцѣлѣвшихъ людей съ нея, окоченѣвшихъ, голодныхъ и безпомощныхъ, которыхъ прибивало къ японскимъ берегамъ на утлыхъ обломкахъ нашего флота, продолжалось и въ теченіе слѣдующаго дня.

Бой закончился... Его результатъ никогда не снился даже и побѣдителю. Наше пораженіе оказалось безпримѣрнымъ въ исторіи и по его позорности, и по его полнотѣ.

Одна часть сражавшихся съ нашей стороны за свое невольное участіе въ этомъ бою заплатила своей жизнью, своей кровью, а другая, въ качествѣ „позорно сдавшихся“, обречена теперь на тяжкія моральныя муки, униженіе и матеріальныя лишенія...

Бой выяснилъ, что неосвѣдомленность наша по всѣмъ вопросамъ, касающимся морскихъ силъ врага, была прямо чудовищной, и что Цусимскій разгромъ—это результатъ нашей технической отсталости и заносчивости, технической неумѣлости, нерадивости. Ужасны подробности этого пораженія... И не хотѣлось бы думать, говорить и писать о нихъ... Но слѣдуетъ и думать, и говорить, и писать. Это нужно для того, чтобы скорбные результаты всей этой прискорбной морской войны не пропали безъ пользы для будущаго.

---

*) Эта яхта предназначалась для намѣстника; она вся изъ дерева, и только какая-то счастливая случайность спасла ее отъ гибели. На ней—роскошное адмиральское помѣщеніе, занимающее половину корабля, прелестная гостиная, столовая, кабинетъ, спальни, помѣщеніе для штаба и доктора, винный погребъ. Вооруженіе яхты ничтожное (четыре 3-дюймовыхъ пушки); и отъ перваго же попавшаго въ нее крупнаго снаряда корабль представлялъ бы собою огромный пылающій костеръ („*Рус. Слово*“, 1905, № 141).

Цусимскіе герои.

Мы будемъ плыть... Мы дѣти
рока.
Мы не воротимся назадъ.........
Маковскій.

Цусимскіе герои... Это—вѣрные, благородные исполнители своего служебнаго долга, до конца испившіе свою горькую, роковую чашу. Уцѣлѣвшая часть ихъ была взята въ плѣнъ съ дравшихся до послѣдней возможности кораблей, погибшихъ въ неравной борьбѣ. А другая часть ихъ, еще болѣе значительная, пошла ко дну, безсильная справиться съ тѣми поврежденіями, которыя среди сплошного, безпрерывнаго пожара наносилъ ихъ кораблямъ непріятель. Одни изъ нихъ задолго передъ этимъ пали мертвыми и продолжали въ бою часами лежать неубранными тамъ, гдѣ смерть застигла ихъ; другіе боролись еще съ своими смертельными болями на перевязочномъ пунктѣ—съ надеждою въ сердцѣ, что свои не забудутъ ихъ и во-время снимутъ съ подбитаго корабля; третьи все еще работали въ полной увѣренности, что ихъ слабыя, ничтожныя усилія могли чѣмъ-нибудь помочь кораблю, который, можетъ быть, не болѣе какъ черезъ 2—3 минуты послѣ этого иногда бывалъ уже опрокинутъ мощнымъ ударомъ вражескаго снаряда...

Всѣхъ ихъ заставили передъ боемъ преодолѣть сначала трудности тяжелаго морского перехода—кого за 30.000 верстъ, кого за 14.000 в. Особенно много труда и заботъ выпало во время этого перехода на долю механиковъ.

Всѣхъ ихъ заставили пережить тревожное и мучительное мѣсячное плаваніе отъ Мадагаскара до Аннама подъ непрерывной угрозой ночныхъ минныхъ атакъ со стороны непріятеля,—пережить тяжелыя ночныя вахты при изнурительныхъ климатическихъ условіяхъ.

Всѣхъ ихъ заставили перенести муки неизвѣстности того, что ожидаетъ ихъ впереди; они не знали, куда они идутъ; они шли безъ малѣйшаго намека на задачи ближайшаго будущаго, на общій планъ предстоящихъ дѣйствій.

Всѣхъ ихъ мучили нелѣпыми извѣстіями съ театра войны и тревожными телеграммами о нихъ самихъ, которыя могли прочитать на родинѣ ихъ близкіе *).

---

*) Въ бухтѣ Камранъ 6 апрѣля 1903 г. продавались телеграммы агентства Рейтеръ, сообщавшія, что бой между эскадрами уже состоялся, и что Русскіе съ своей стороны потеряли два миноносца и два крейсера—„*Аврору*“ и „*Донского*“... (см. *Политовскій* стран. 220).

Всѣхъ ихъ игнорировали... Имъ обидно не довѣряли никакихъ данныхъ о предстоявшемъ, считая ихъ недостаточно серьезными, способными сболтнуть некстати что-нибудь лишнее, неспособными оберегать интересы своей родины... Равнодушные, безучастные чиновники боялись взглянуть на нихъ, какъ на разумныхъ и взрослыхъ людей, и съ своей стороны во̀ время не позаботились поднять уровень ихъ нравственнаго развитія и пониманія тамъ, гдѣ это требовалось. Проще, конечно, было смотрѣть на нихъ, какъ на сильныя руки, крѣпкія ноги, какъ на живой, послушный механизмъ, который такъ легко и просто „заводится" посредствомъ властнаго, нерѣдко хмельного и грубаго окрика... Такъ и дѣлали.

Ихъ не только не уважали, но и ничуть не жалѣли... Ихъ изнурили передъ боемъ усиленной очередной работой; имъ приготовили и сверхъ-урочную работу по тушенію пожаровъ въ бою... Жалѣли дорогую мебель, предметы роскоши и комфорта, но... людей не жалѣли.

Нашъ противникъ поступалъ однако не такъ. Въ бою пожаровъ у него на корабляхъ почти вовсе не было. Въ Японіи не только офицеры, но и всѣ лица, носившія званіе, соотвѣтствующее унтеръ-офицерскому, имѣли при себѣ и карту, и диспозицію, и знали общій планъ работы. Убивали офицера, у нихъ всегда оставались люди, знающіе, что надо дѣлать дальше; каждый изъ команды зналъ это, и никто изъ нихъ не злоупотребилъ этимъ благороднымъ довѣріемъ во вредъ своей родинѣ... *)

Кто изъ нашихъ былъ раненъ въ бою, тѣмъ оказывали первоначальную помощь; но затѣмъ иногда о нихъ вовсе забывали и оставляли на кораблѣ даже и тогда, когда для всѣхъ было ясно, что гибель корабля была неминуема, когда съ него давно бѣжало уже все начальство... Само оно не пожелало дожидаться погрузки на миноносецъ раненыхъ героевъ, но оно даже не потрудилось сдѣлать и распоряженія, чтобы за ними пришелъ другой свободный миноносецъ или крейсеръ... **) О возможности назначенія транспортовъ для снимания на нихъ людей съ

) О поднятіи уровня общаго развитія своихъ гражданъ Японія озаботилась заблаговременно; тамъ теперь почти нѣтъ безграмотныхъ. А въ Россіи по всеобщей переписи 1897 г. оказалось: число грамотныхъ мужчинъ 30,6%, женщинъ—9,3%; всѣхъ грамотныхъ круглымъ счетомъ 40%. Изъ нихъ получили среднее и высшее образованіе 2,43% (мужчинъ—1,47%, женщинъ 0,96%).—„Рус. Бог."*, 1905, № 7.

Въ нашей Манчжурской дѣйствующей арміи числилось около 89% неграмотныхъ, тогда какъ японскіе солдаты *всѣ грамотны*, свободно читаютъ топографическія карты, умѣютъ начертить на бумагѣ схему, чего не умѣютъ дѣлать у насъ и многіе офицеры (*„Вѣстн. Евр."*, 1905, № 8, стр. 789).

**) На главномъ перевязочномъ пунктѣ флагманскаго корабля *„Суворовъ"*, подъ броневой палубой его, спустя одинъ часъ отъ начала боя:

...„Палуба была полна ранеными. Возможно, что здѣсь ихъ было больше, чѣмъ на всей японской эскадрѣ. Они стояли, сидѣли, лежали... Иные—на заранѣе приготовленныхъ матрацахъ, иные—на спѣшно разостланныхъ брезентахъ, иные на носилкахъ, иные просто такъ... Здѣсь они уже начинали чувствовать. Смутный гулъ тяжелыхъ вздоховъ, полузадушенныхъ стоновъ разливался въ спертомъ влажномъ воздухѣ, пропитанномъ какимъ-то кислымъ, противно-приторнымъ запахомъ... Свѣтъ электрическихъ люстръ, казалось, съ трудомъ пробивался чрезъ этотъ смрадъ... Гдѣ-то впереди мелькали суетливыя фигуры въ бѣлыхъ халатахъ съ красными пятнами на нихъ... И къ нимъ поворачивались, къ нимъ

гибнущихъ кораблей, какъ объ этомъ гласила программа Рожественскаго, поданная имъ въ морской штабъ (см. выше страницу 45), въ бою никому, конечно, и въ голову не могла придти такая мысль, какъ явно несообразная; и только въ началѣ боя одинъ лишь транспортъ „*Анадыръ*“ принялъ на себя подобную роль по собственной инициативѣ.

А тѣхъ офицеровъ, кто былъ раненъ въ бою, но имѣлъ несчастіе попасть въ плѣнъ вмѣстѣ съ экипажемъ Небогатова, въ началѣ этого года мы ухитрились даже обречь на голодовку, впредь до полученія рѣшенія суда по вопросу о сдачѣ Небогатовскаго отряда Японцамъ *).

Къ привезенныхъ на погибель нашимъ борцамъ за родину отнеслись въ концѣ концовъ безъ вниманія **), безъ уваженія, безъ жалости, безъ состраданія: всѣхъ за одно ихъ просто подставили подъ вѣрные убійственные выстрѣлы врага, заранѣе избравши для всего состава эскадры однообразный, наиболѣе прямой и вѣрный путь къ гибели...

Изъ нашихъ товарищей-техниковъ погибло въ Цусимскомъ бою шесть лицъ:

1. **Быковъ**, Алексѣй Александровичъ, инженеръ-механикъ выпуска 1903 года; 28 лѣтъ.

2. **Гагаринъ**, Григорій Григорьевичъ, князь, инженеръ-механикъ выпуска 1901 года; 28 лѣтъ.

3. **Михайловъ**, Александръ Николаевичъ, инженеръ-механикъ выпуска 1904 года; 25 лѣтъ.

мучительно тянулись, отъ нихъ чего-то ждали всѣ эти груды тряпокъ, мяса и костей... Словно отовсюду, со всѣхъ сторонъ поднимался и стоялъ неподвижный, беззвучный, но внятный, душу пронизывающій призывъ о помощи, о чудѣ, объ избавленіи отъ страданій, хотя бы... цѣною скорой смерти“... (Капит. Семеновъ, стр. 74).

Въ шестомъ часу, за два часа передъ тѣмъ, какъ „*Суворовъ*“ былъ потопленъ Японцами, на подошедшій къ нему миноносецъ „*Буйный*“ перегрузили только адмирала и его штабъ... А всѣ другіе раненые и всѣ герои, работавшіе на „*Суворовѣ*“, были оставлены на произволъ судьбы и пошли ко дну вмѣстѣ съ броненосцемъ...

*) Морской министръ распорядился перевести и *всѣхъ* офицеровъ этого отряда на $^1/_3$ берегового оклада, въ томъ числѣ и раненыхъ до сдачи кораблей непріятелю. Для младшихъ офицеровъ это сводится къ содержанію въ 8 р. въ мѣсяцъ. Ни къ Рожественскому, ни къ его штабу въ свое время эта мѣра примѣнена не была; они получали жалованье, квартиру, отопленіе и освѣщеніе (см. „*Нов. Вр.*“, 1906, №№ 10.722, 10.783, 10.791).

**) Не больше вниманія и гуманности проявляли военное и морское вѣдомства и къ семьямъ убитыхъ героевъ. Жены офицеровъ о смерти мужей узнавали часто отъ полковыхъ казначеевъ, которые сразу прекращали осиротѣлой семьѣ выдачу содержанія „за выбытіемъ г-на офицера изъ строя по случаю смерти“... Такъ было долго въ военномъ вѣдомствѣ, а въ морскомъ—еще оригинальнѣе: штабъ въ С.-Пб. зналъ, что подъ Цусимою погибло „много“, но въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не зналъ, кто именно погибъ; поэтому, чтобы не вышло какой ошибки, перестали семьямъ выдавать содержаніе всѣмъ; а кто живъ, тому предоставлялось доказывать законнымъ порядкомъ, что онъ еще не умеръ... Инженеръ Демчинскій 20 августа 1905 г., т.-е. спустя три мѣсяца послѣ боя, въ канцеляріи главнаго штаба морского вѣдомства въ С.-Пб. узналъ лично, что „жалованье семьямъ гг. офицеровъ не платятъ потому, что въ штабѣ *нѣтъ еще* донесенія о Цусимскомъ боѣ отъ старшаго адмирала (онъ самъ—въ отпуску, а его замѣстители — на дачѣ), поэтому канцелярія не знаетъ, кто живъ и кто погибъ“, а полученныя японскія и французскія свѣдѣнія не могутъ служить для нея оправдательнымъ документомъ передъ контролемъ („*Руск. Бог.*“, 1905, № 9). Какая удивительная заботливость о показномъ контролѣ копеекъ и рублей, когда кругомъ безъ всякаго подчиненія контролю уплываютъ сотни тысячъ и милліоны рублей!..

4. **Плѣшковъ**, Александръ Михайловичъ, инженеръ-механикъ выпуска 1904 года; 25 лѣтъ.

5. **Трубицынъ**, Николай Егоровичъ, инженеръ-механикъ выпуска 1904 года; 27 лѣтъ.

6. **Федюшинъ**, Павелъ Степановичъ, инженеръ-механикъ выпуска 1904 года; 25 лѣтъ.

Политехническое О-во въ память ихъ беззавѣтнаго геройскаго подвига, въ Годичномъ Собраніи 4 апрѣля с. г. положило основаніе капиталу ихъ имени *); доходы съ этого кипитала пойдутъ на воспитаніе и образованіе дѣтей нашихъ товарищей-техниковъ.

Всѣ эти шесть лицъ приняли свою мученическую кончину въ бою, оставаясь на своемъ посту, при исполненіи своихъ тяжелыхъ служебныхъ обязанностей, безсильные предупредить или ослабить силу несчастія, которое выпало имъ на долю не по ихъ винѣ...

Воздадимъ же дань уваженія этимъ мученикамъ, всмотримся въ дорогія и симпатичныя черты человѣческой личности этихъ героевъ, скажемъ имъ *вѣчную память* и наше товарищеское спасибо за честное исполненіе ими своего долга передъ родиной до послѣдняго своего вздоха...

---

*) Приглашаются принять участіе въ образованіи этого капитала не только члены Политехническаго О-ва, но также и родственники погибшихъ героевъ, ихъ друзья, знакомые и всѣ тѣ, кому дорога память о герояхъ минувшей войны. Всѣ суммы, которыя поступятъ въ Политехническое О-во за отдѣльные экземпляры этой брошюры, будутъ направлены также въ этотъ капиталъ. *П. Х.*

ИНЖЕНЕРЪ-МЕХАНИКЪ

Алексѣй Александровичъ Быковъ.

Источникомъ постоянныхъ огорченій для судовыхъ механиковъ является то именно, что невѣжественное судовое начальство смотритъ на машину, какъ на лишнюю вещь на кораблѣ, о которой можно ему и не заботиться *).

Быковъ, А. А. родился въ Москвѣ въ 1877 году. Его родители оба еще живы и горько оплакиваютъ смерть своего сына, въ лицѣ котораго они видѣли радость, утѣшеніе и украшеніе ихъ семьи. Тяжелое горе ихъ раздѣляютъ съ ними старшій братъ А. А. и три сестры.

Отецъ А. А., Александръ Авдѣевичъ Быковъ, имѣетъ званіе личнаго почетнаго гражданина за его 50-лѣтнюю службу *Т-ву Прохоровской м-ры* въ Москвѣ.

Среднее образованіе А. А. получилъ въ московской Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ, окончивши въ ней восьмилѣтній курсъ въ 1896 году.

Въ Императорскомъ Техническомъ Училищѣ А. А. окончилъ курсъ въ 1903 году съ званіемъ инженеръ-механика, пробывъ въ У-щѣ шесть лѣтъ.

Одинъ изъ товарищей-однокурсниковъ съ А. А. сообщилъ мнѣ о немъ слѣдующее:

„Мое знакомство съ Быковымъ завязалось еще въ Практической Академіи, гдѣ мы оба вмѣстѣ учились. Уже и тогда это былъ усидчивый, хорошій работникъ, добросовѣстный исполнитель своихъ учебныхъ работъ. Эти качества сохранились у него и въ И. Т. У. Это серьезное отношеніе къ работѣ ничуть не мѣшало ему однако вносить жизнерадостность и веселье въ товарищескую среду. Это легко удавалось ему съ его юморомъ, наблюдательностію и находчивостію; а его жизнерадостность и открытая натура невольно располагали къ себѣ съ первой же встрѣчи. При простомъ, трезвомъ взглядѣ на жизнь онъ обладалъ природной добротой и правдивостью. Благодаря этимъ чертамъ его ха-

---

*) Изъ писемъ А. А. Быкова изъ Специи въ 1903 г.

рактера, у него было много друзей и совсѣмъ не было враговъ. Серьезныя занятія наукою въ И. Т. У. не мѣшали ему однако относиться съ любовію также и къ музыкѣ; посѣщенія оперы и концертовъ были для А. А. высшимъ наслажденіемъ".

Каникулярное время А. А. проводилъ на практикѣ. Ему удалось поработать практикантомъ на желѣзныхъ дорогахъ М.-Курской и Ряжско-Моршанской, а также и на Брянскомъ заводѣ.

По окончаніи курса его потянуло во флотъ желаніе въ немъ поработать, а вмѣстѣ съ тѣмъ попутно удовлетворить и свою любознательность.

Его сразу назначили на броненосецъ „*Ослябя*" и отправили въ заграничное плаваніе въ Средиземномъ морѣ. Въ это время въ его завѣдываніи были сначала шлюпки, опрѣснители и мастерскія на броненосцѣ; а затѣмъ онъ былъ сдѣланъ помощникомъ главнаго механика. Его работоспособность очень цѣнили, и въ декабрѣ 1903 г. чуть было не совершился переходъ его на одинъ изъ миноносцевъ на роль отвѣтственнаго механика; на этотъ миноносецъ переходилъ старшій офицеръ съ „*Ослябя*"; цѣня А. А., онъ тянулъ и его туда же съ собою; но этому воспротивился главный механикъ броненосца, и переходъ не состоялся. *)

Въ письмѣ отъ 25 августа 1903 г. одному изъ своихъ товарищей А. А. выражалъ свое недовольство окружающею его средою, съ ея узкими интересами, ея дрязгами, интригами, постоянной взаимной руганью. Во главѣ дѣла у нихъ на кораблѣ оказались тогда неинтересные сами по себѣ и несимпатичные люди; одинъ изъ нихъ былъ алкоголикъ, позволявшій много лишняго въ обращеніи со всѣми, особенно же съ командой. „Порядка на суднѣ никакого. Старшему механику ежедневно достается за недостатокъ въ парѣ, за неисправность тѣхъ или другихъ аппаратовъ. Никто не хочетъ только понять, что аппараты были въ бездѣйствіи чуть ли не пять лѣтъ, что многое въ нихъ испортилось, заржавѣло, что команда забыла уже ихъ устройство; машинисты всѣ новички, квартирмейстеры есть вольные; нѣкоторые не знаютъ, какъ машину въ ходъ пустить... Эти непріятности ко мнѣ непосредственно не относятся, и я вообще не вмѣшиваюсь въ отношенія между начальствомъ. Но вчера не выдержалъ и вмѣшался. Машинная команда передъ этимъ работала почти сутки безъ отдыха; послѣ этого вчера опять ей дали только шесть часовъ отдыха, включая сюда и время на ѣду, и хотѣли заставить ее работать всю слѣдующую ночь... Я же съ своей стороны выразилъ, что теперь командѣ надо сначала дать хорошій отдыхъ. Какъ на меня всѣ взъѣлись! Посыпались обвиненія въ неумѣніи обращаться съ командой, въ поощреніи лѣности!... Хорошо еще, что старшій механикъ вполнѣ раздѣлялъ мой взглядъ.

*) Изъ письма А. А. отъ 16 декабря 1903 изъ Бизерты.

Хотя и съ большими непріятностями, но ему удалось все-таки отстоять наше мнѣніе... Домой объ этомъ я, конечно, не пишу. Да съ письмами изъ дома происходитъ вообще какая-то нехорошая штука; ихъ писемъ я совсѣмъ не получаю; не можетъ быть, чтобы они мнѣ совсѣмъ не писали"...

Поручикъ корпуса инженеръ-механиковъ флота
Алексѣй Александровичъ Быковъ.
† 14 мая 1905 г. †

Осенью 1903 г. „*Ослябя*" въ Специи чинился. Вотъ что писалъ тогда А. А. одному изъ своихъ товарищей по выпуску:

...„Начальство смотритъ на машину, *какъ на лишнюю вещь* на кораблѣ, и притомъ вещь грубую, сдѣланную изъ желѣза, чугуна.... О ней можно и не заботиться. Поэтому между строевымъ начальствомъ и машиннымъ у насъ идетъ постоянная нелѣпая перебранка; и чтобы сдѣлать что-нибудь, самое необходимое для машины, я долженъ ждать еще разрѣшенія строевого начальника... Корабль нашъ считается новымъ, но все на немъ, можно сказать, старое. Строился онъ семь лѣтъ, плаваетъ 4 года, большихъ кампаній не имѣлъ. Какой уходъ за котломъ

и машинами былъ раньше, не знаю; но это—фактъ, мы всего три мѣсяца въ плаванiи, а приходится уже чинить всю котельную арматуру. Все было устроено так. обр., что въ котлы то и дѣло попадала соленая вода. Благодаря этому, въ мѣстахъ, гдѣ соприкасаются различные металлы, происходило разъѣданiе, и настолько сильное, быстрое, что чрезъ мѣсяцъ отъ нѣкоторыхъ вещей почти не оставалось и слѣда. А происходило это отъ того, что *одна и та же донка* служила—и для выкачиванiя грязной воды изъ трюма, и для пожарныхъ цѣлей, и для подачи прѣсной воды изъ запаса ея въ тепловой ящикъ. Удалось убѣдить начальство, что для послѣдняго назначенiя нужна особая донка; и въ Специи мы ее поставили.—Машины у насъ то же незавидныя; ихъ три, каждая по 5000 силъ. Стучатъ, гремятъ; грѣются то тутъ, то тамъ; и ни одного перехода мы не сдѣлали безъ заливанiя грѣющихся частей. Иначе и быть не могло: на всѣ наши просьбы—сдѣлать небольшой переходъ специально для пробы машинъ послѣ ихъ ремонта, намъ всегда въ этомъ отказывали. Теперь съ нами ѣдетъ адмиралъ, человѣкъ болѣе разсудительный, чѣмъ наше постоянное начальство; можетъ быть, съ нимъ поладимъ. Только благодаря ему, въ Италiи мы теперь и чинимъ судно... При осмотрѣ его въ докѣ оказалось, что почти весь киль содранъ: его придется дѣлать новый; затѣмъ на протяженiи 10—12 саж. съ лѣваго борта содрана вся мѣдная обшивка; мѣстами уже и деревянную обшивку пропороли на глубину 2—3 дюйм.; на всемъ этомъ протяженiи бортъ помятъ на семь дюйм. Это мы такъ удачно ходили отъ Алжира до Пороса и обратно въ Специю. Вотъ уже двѣ недѣли стоимъ въ докѣ. Пишутъ донесенiе въ штабъ. Будемъ ожидать разрѣшенiя чинить, а потомъ работы съ починкой хватитъ мѣсяца на полтора“...

Черезъ два мѣсяца послѣ этого ремонтъ закончили, вышли въ Бизерту, и на этомъ переходѣ снимали дiаграммы съ главныхъ машинъ. „Обычный ходъ машинъ 55—60 оборотовъ въ минуту, а тутъ насъ заставили идти форсированно на 70 оборотовъ. Раньше у насъ нехватало 12 котловъ, а тутъ шли подъ десятью, и притомъ 5 изъ нихъ были уже по шести сутокъ въ работѣ до этого перехода. При такихъ условiяхъ результатъ получился не важный: расходъ угля на одну индикаторную силу оказался 2,30 фунта“...

Въ письмѣ къ родителямъ отъ 7 декабря 1903 г. А. А. писалъ изъ Бизерты слѣдующее;

„Здѣсь теперь стоятъ одинъ броненосецъ, 2 крейсера и 5 миноносцевъ; скоро придутъ сюда еще 1 крейсеръ и 5 миноносцевъ; тогда мы всѣ вмѣстѣ отправимся на Д. Востокъ *)... Передъ этимъ основательно отремонтировали судно и машины. За содѣйствiе при ремонтѣ машинъ мы всѣ получили отъ Балтiйскаго завода денежныя на-

---

*) Это намѣренiе не осуществилось, т.-к. послѣ начала войны отрядъ Виренiуса вернули изъ Краснаго моря въ Либаву.

грады: старшему механику—500 франковъ, младшимъ—по 250 фр. каждому, а командѣ—отъ 10 до 75 франковъ (по усмотрѣнію механика)... Чрезъ два дня уѣзжаемъ въ Тунисъ: мѣстныя власти тамъ устраиваютъ балъ въ честь русской эскадры, и всѣ мы имѣемъ на него личныя приглашенія"...

Въ письмѣ къ одному изъ товарищей отъ 7. XI. 03 исторію съ гонораромъ Балтійскаго завода А. А. описываетъ съ гораздо большими подробностями и передаетъ, что „благодарность за исправное содержаніе котловъ и машинъ и за внимательный ремонтъ ихъ" была получена также командиромъ броненосца и старшимъ офицеромъ. Ни тотъ, ни другой не сочли это за насмѣшку... Въ томъ же письмѣ А. А. жалуется товарищу, что законнымъ путемъ ничего нельзя добиться получить. „Нуженъ былъ для мастерской малый токарный станокъ по дереву, нужны были инструменты... Что ни попросишь, ассигновки не даютъ... Это доставитъ намъ поставщикъ вагранки и къ счету ея самой и ея установки будетъ приписана соотвѣтственная сумма стоимости инструментовъ и станка"...

Въ письмѣ 16 декабря 1903 г.:

„Изъ Бизерты уходимъ 21 декабря. Рождество и Новый годъ будемъ встрѣчать съ греческой королевой Еленой, которая и хлопотала о переводѣ нашей эскадры въ Персей"...

Съ присоединеніемъ ихъ отряда къ эскадрѣ Рожественскаго веселые деньки сразу отошли въ область воспоминаній, вмѣсто нихъ надвинулась полоса усиленной работы и всевозможныхъ лишеній.

Въ письмѣ къ родителямъ отъ 2 апрѣля 1905 г. изъ бухты Камранъ читаемъ уже слѣдующее:

„Вчера пришли въ китайскія воды, пробывши въ пути 29 дней. Еще 3—4 дня пути, и намъ пришлось бы сидѣть на рисѣ и на испорченной солонинѣ. Команда уже испытывала это удовольствіе нѣсколько дней. Завтра возьмемъ быковъ и, по приказанію Рожественскаго, „покормимъ" команду свѣжимъ мясомъ. Нѣмцы привезли уже намъ уголь и провизію... У насъ, на „*Ослябя*", все идетъ хорошо, если не считать одного несчастья, которое случилось во время моей вахты нѣсколько дней тому назадъ. Лопнула въ котлѣ трубка, и паромъ обварило троихъ кочегаровъ. Одинъ изъ нихъ умеръ третьяго дня; два другіе поправляются, но плохо. Было назначено слѣдствіе. Изъ показаній умершаго кочегара адмиралъ смѣло вывелъ заключеніе, что ни кочегары, ни мы, ни даже старшій механикъ, никто ничего не знаетъ, и что всѣ мы не умѣемъ обращаться съ котлами. Адмиралъ отнесся къ этому инциденту съ большой злобой и началъ насъ учить. Вотъ пословица-то, пожалуй, и вѣрна, что „вѣкъ живи, вѣкъ учись"... и т. д. Самая трудная и опасная часть пути едва ли уже не сдѣлана; и ни въ одномъ изъ узкихъ проливовъ Японцамъ не удалось осуществить свое нападеніе на эскадру.

У насъ на кораблѣ всѣ вѣрятъ въ счастливую звѣзду Рожественскаго, и это сильно бодритъ команду и насъ. Начинаемъ готовиться къ бою, собираемъ въ укромное мѣсто болѣе цѣнныя вещи, составляемъ завѣщанія. И я сдѣлалъ это, хотя меня поддерживаетъ какая-то увѣренность, что я останусь живъ"...

Къ сожалѣнію для этой увѣренности не было никакихъ основаній. „*Ослябя*", самый высокій изъ всѣхъ нашихъ броненосцевъ, представлялъ собою отличную цѣль для стрѣльбы Японцевъ. Къ тому же броненосецъ былъ неповоротливъ и плохо маневрировалъ въ бою. Присутствіе на кораблѣ мертваго адмирала Фелькерзама, тѣло котораго лежало тогда уже 4-й день безъ погребенія, никого не оживляло въ работѣ. Броненосецъ то забѣгалъ впередъ, то останавливался, чтобы выждать своей очереди въ строѣ, и сдѣлался поэтому самой первою мишенью, на которую полился дождь японскихъ снарядовъ. Съ полученными кораблемъ пробоинами не справились на большой волнѣ; и броненосецъ первымъ перевернулся *) и пошелъ ко дну. Съ него спаслись 176 человѣкъ, но Алексѣй Александровичъ не попалъ въ ихъ число... Горе и отчаяніе престарѣлыхъ родителей, получившихъ объ этомъ извѣстіе, не поддаются описанію...

---

*) На-дняхъ при личномъ свиданіи одинъ изъ нашихъ товарищей передалъ мнѣ о глубоко-трагичномъ эпизодѣ. Перевернувшись, „*Ослябя*" держался нѣкоторое время на водѣ килемъ кверху. Нѣкоторые наши корабли не сразу поняли, что это гибнетъ не японское боевое судно, а наше. На нихъ раздались крики „ура!" и былъ открытъ огонь по останкамъ несчастнаго русскаго броненосца.

ИНЖЕНЕРЪ-МЕХАНИКЪ

князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ.

„Чтобы постоять за честь родной земли, онъ оставилъ свою беззаботную юность и только что открышееся ему счастье семьянина; и все это, вмѣстѣ съ накопленными долгимъ трудомъ знаніями, онъ принесъ въ жертву отечеству“...

Изъ одного письма къ родителямъ Григорія Григорьевича, написаннаго послѣ 14 мая 1905 г.

Князь Гагаринъ, Г. Г. родился въ СПб. 3-го декабря 1876 года. Его отецъ, князь Гагаринъ, Григорій Григорьевичъ,—кандидатъ естественныхъ наукъ С.-Петербургскаго университета, членъ Государственной Думы перваго состава (1906 г.), крупный землевладѣлецъ и сознательный работникъ въ области сельскаго хозяйства.

Нашъ товарищъ получилъ превосходное воспитаніе и весьма серьезное домашнее образованіе. Обставленное со всей полнотою въ необходимыхъ для этого учебно-вспомогательныхъ средствахъ, въ научныхъ пособіяхъ, образованіе будущаго техника-морехода велось подъ руководствомъ отца и при его непосредственномъ въ этомъ дѣлѣ участіи, при содѣйствіи матери, княгини Маріи Александровны, и при помощи приглашенныхъ для этого лучшихъ педагоговъ. Будучи самъ классикомъ, князь Г. Г. Гагаринъ - отецъ далъ своему сыну живое, практическое, естественно-научное образованіе, придерживаясь въ общемъ программы реальныхъ училищъ, но положивши въ основу всего обученія принципъ самодѣятельности самого учащагося, принципъ наглядности обученія, широкаго использованія при этомъ научно-обставленными опытами и экскурсіями *).

Свое дѣтство и отрочество (до 16-лѣтняго возраста) Г. Г. провелъ среди чудной природы въ Карачаровѣ, въ имѣніи отца, которое широко и вольно раскинулось въ живописной холмистой мѣстности на высокомъ берегу Волги, на границѣ Москов. и Тверск. губ.

---

*) Курсъ древней исторіи, напр., былъ обставленъ путешествіемъ въ Грецію, М. Азію и Египетъ, гдѣ уроки отца, опять подъ его же руководствомъ, были повторены на мѣстѣ при обзорѣ памятниковъ древности. Так. же обр. знакомство съ географіей Россіи заканчивалось надлежащими экскурсіями внутри родной страны и т. д.

Начиная съ 10-лѣтняго возраста, каждый годъ весною Г. Г. держалъ переходные экзамены изъ класса въ классъ при реальномъ училищѣ Фидлера въ Москвѣ, а два послѣдніе класса (6-й и 7-й) онъ прошелъ уже въ самомъ училищѣ, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1895 году.

Еще задолго до поступленія въ И. Т. У-ще, кромѣ теоретическихъ предметовъ, Г. Г. съ любовію изучалъ также и ремесла,—столярное, токарное, слесарное, кузнечное, самъ дѣлалъ всевозможныя починки, ковалъ лошадей и т. п. Исполняя подобныя работы, Г. Г. охотно носилъ рабочую синюю блузу и проявлялъ большую выносливость въ трудѣ и любовь къ здоровому физическому напряженію. Всѣ извѣстные виды спорта и физическихъ упражненій имѣли въ немъ прекраснаго исполнителя, обладавшаго отличнымъ здоровьемъ и ловкостію. Занятія искусствами также влекли его къ себѣ,—особенно рисованіе, при чемъ излюбленными темами его рисунковъ съ самаго ранняго возраста было все, что соприкасается съ морской стихіею,—лодки, пароходы, цѣлыя флотиліи *)...

Въ И. Т. У-ще Г. Г. поступилъ по конкурсу въ 1895 г. на механическое отдѣленіе. Науками онъ занимался съ большимъ интересомъ, стараясь вполнѣ уяснить себѣ каждый вопросъ. Однокурсники имѣли въ лицѣ Григорія Григорьевича веселаго, добродушнаго и жизнерадостнаго товарища, любившаго во всемъ порядокъ, систему и аккуратность, обладавшаго и проявлявшаго себя хорошимъ запасомъ здраваго смысла, большимъ тактомъ и распорядительностью.

Одинъ изъ учителей Григорія Григорьевича впечатлѣніе своей первой встрѣчи съ нимъ по пріѣздѣ въ Карачарово передалъ мнѣ въ слѣдующихъ словахъ:

„Я увидалъ передъ собою **) мальчика въ скромной бѣлой блузѣ, твердыми шагами направлявшагося навстрѣчу вновь пріѣхавшему учителю. Первый же взглядъ, которымъ мы обмѣнялись, первое рукопожатіе, первыя слова быстро успокоили меня. Передъ мною былъ ребенокъ съ чуткою душою, серьезно желающій близко подойти къ вамъ, желающій найти въ васъ человѣка, котораго онъ могъ бы полюбить, къ которому онъ могъ бы привязаться душою; передъ собою я видѣлъ ребенка, интересующагося вами, но въ то же время проникнутаго тонкимъ сознаніемъ предѣла, за который онъ переступитъ, лишь когда къ этому призоветъ его искренній душевный порывъ. Эта *деликатность*, эта *искренность чувства*, по моему мнѣнію, и есть преобладающая черта характера покойнаго Гриши. По крайней мѣрѣ, мое первое впечатлѣніе въ этомъ отношеніи не изгладилось и до настоящаго дня“.

---

*) Возможно, что влеченіе Григорія Григорьевича къ морю и къ рисованію было наслѣдственнымъ. Его пращуръ былъ морякъ, капитанъ II ранга русскаго паруснаго флота. А дѣдъ Г. Г. былъ извѣстный въ свое время художникъ и вице-президентъ Академіи Художествъ. *П. Х.*

**) Изъ письма П. М. Богаевскаго, директора *Московскаго Дворянскаго Пансіона.*

И это глубоко вѣрно. Такимъ позднѣе знали его и мы въ стѣнахъ Техническаго Училища.

Будучи студентомъ-техникомъ, каждое лѣто Григорій Григорьевичъ проводилъ на практическихъ занятіяхъ: въ 1896 г. онъ участвовалъ въ научной экскурсіи на Уралѣ, отправлявшейся туда подъ руководствомъ профессора Вл. И. Вернадскаго и В. Д. Соколова; лѣто 1897 г. онъ пробылъ за границею и осматривалъ различныя инженерныя сооруженія;

Поручикъ корпуса инженеръ-механиковъ флота

князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ.

† 14 мая 1905 года. †

въ 1898 г. онъ былъ за Байкаломъ на работахъ по сборкѣ желѣзнодорожнаго моста чрезъ р. Селенгу въ Верхнеудинскѣ; лѣтомъ 1899 г. онъ работалъ на Черноморскомъ заводѣ въ Николаевѣ и принималъ участіе въ сборкѣ частей нѣкоторыхъ механизмовъдля броненосца „*Екатерина II-я*“; лѣтомъ 1900 г. онъ былъ на практикѣ на извѣстномъ механическомъ заводѣ Бельвиля (бл. Парижа), гдѣ изучалъ постройку морскихъ котловъ системы *Belleville*, готовясь къ будущей службѣ во флотѣ; и наконецъ весною 1901 г. онъ работалъ практикантомъ на Балтійскомъ судостро-

ительномъ заводѣ въ СПб., чтобы ознакомиться ближе со сборкою судовыхъ машинъ и механизмовъ.

Окончивши курсъ въ Императорскомъ Техническомъ Училищѣ въ 1901 году съ званіемъ инженеръ-механика, Григорій Григорьевичъ рѣшилъ отбывать воинскую повинность въ флотѣ въ качествѣ механика, чтобы наилучшимъ образомъ примѣнить свои спеціальныя познанія и въ то же время усовершенствоваться въ нихъ. Онъ хотѣлъ не только отбыть во флотѣ воинскую повинность, но и продолжать морскую службу съ тѣмъ, чтобы пройти Морскую Академію по кораблестроительной части и сдѣлаться корабельнымъ инженеромъ. Когда его отецъ въ разговорѣ съ однимъ адмираломъ высказалъ такое желаніе сына,—адмиралъ отвѣтилъ, что „это—несбыточная мечта, потому что, во-первыхъ, молодой механикъ по годамъ уже не соотвѣтствуетъ морскому цензу, а во-вторыхъ онъ вышелъ не изъ морского корпуса и не изъ морского инженернаго училища; ...да, и вообще механики считаются паріями во флотѣ".

Тѣмъ не менѣе такое заявленіе не остановило Григорія Григорьевича, и 3 іюня 1901 г. онъ былъ уже зачисленъ вольнымъ механикомъ на броненосецъ береговой обороны *„Адмиралъ Апраксинъ"*. Онъ проплавалъ на немъ все лѣто въ Балтійскомъ морѣ. Въ октябрѣ того же года онъ былъ назначенъ младшимъ инженеръ-механикомъ на броненосецъ *„Пересвѣтъ"*, на которомъ вскорѣ ушелъ на Дальній Востокъ. Весною 1902 года онъ прибылъ въ Портъ-Артуръ, а затѣмъ черезъ Японію во Владивостокъ. Такъ какъ *„Пересвѣтъ"* долженъ былъ остаться въ водахъ Тихаго Океана въ резервѣ, Григорій Григорьевичъ перешелъ на крейсеръ 1-го ранга *„Адмиралъ Нахимовъ"*. Обогнувъ на немъ берега Японіи, съ остановками въ портахъ, онъ вторично пришелъ въ Портъ-Артуръ, сдѣлалъ отсюда на *„Варягѣ"* рейсъ въ Чемульпо и обратно, а въ ноябрѣ того же года пошелъ на *„Адмиралѣ Нахимовѣ"* изъ Портъ-Артура въ Кронштадтъ, куда и прибылъ въ маѣ 1903 г., обогащенный хорошимъ опытомъ непрерывнаго плаванія.

По словамъ офицеровъ-моряковъ, плававшихъ съ нимъ въ теченіе двухъ лѣтъ его морской службы, его „всѣ высоко цѣнили, какъ прекраснаго товарища и сослуживца". „Рѣдкій, по своему знанію дѣла и и серьезному отношенію къ обязанностямъ, инженеръ-механикъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ соединялъ въ себѣ всѣ качества и симпатичныя стороны любимаго всей каютъ-компаніей товарища". „Онъ всегда являлся душой всѣхъ веселыхъ начинаній офицерскаго общества, не забывая при этомъ своего служебнаго долга. Во время кругосвѣтнаго плаванія, при всякой остановкѣ корабля, онъ устраивалъ съ товарищами интересныя и поучительныя экскурсіи внутри материка".

Въ письмахъ отъ 23 и 30 іюля 1901 г. изъ Ревеля съ *„Апраксина"* читаемъ слѣдующія строки:

„Оказывается, что я очень хорошо переношу море. Качка не доставляетъ мнѣ никакой непріятности. Сегодня на ногахъ съ 4 час. утра... Въ Балтійскомъ портѣ наши миноносцы должны были аттаковать нашъ отрядъ. Ученье прошло очень интересно... На обратомъ пути сюда были упражненія въ стрѣльбѣ. Я тоже стрѣлялъ изъ скорострѣльной пушки и хочу научиться стрѣлять изъ пушекъ, хотя это меня совсѣмъ и не касается"...

Въ письмахъ съ броненосца „*Пересвѣтъ*" можно отмѣтить слѣдующія мѣста:

Изъ Nyborg. отъ 20 октября 1901 г.: „Сегодня въ 4 ч. ночи благополучно снялись съ мели, на которой простояли 32 часа"...

Изъ Тулона отъ 1 декабря 1901 г.: „Чрезъ сутки послѣ Гибралтара попали въ настоящій штормъ. Онъ былъ особенно силенъ ночью. Уменьшали ходъ до 6 узловъ. Несмотря на качку, я былъ въ полномъ здравіи и чувствовалъ себя отлично. Послѣ шторма, чтобы нагнать время, шли 15-узловыхъ ходомъ. Съ 19 ноября стоимъ въ докѣ, исправляемъ себѣ подводную часть, которую повредили при постановкѣ броненосца на мель въ Большомъ Бельтѣ; простоимъ мѣсяцъ. Жаль, что изъ-за этого не пришлось побывать ни въ Испаніи, ни въ Алжирѣ"...

Изъ Пирея отъ 28 декабря 1901 г.: „Сюда прибыли 23 дек. Здѣсь стоитъ вся Средиземная эскадра, и всѣ дни у насъ заняты различными празднествами. На броненосцѣ „*Николай I-й*" были на вечерѣ король и королева; а сегодня они были у насъ, завтракали, раздавали подарки матросамъ... Успѣлъ побывать въ Аѳинахъ, гдѣ осматривалъ акрополь и музеи. Встрѣча Новаго Года будетъ у насъ *), и мы пригласимъ всю эскадру и королей. Вообще, этотъ мѣсяцъ изъ пріемовъ мы не выходимъ, и они намъ, навѣрное, здорово влетятъ"...

Изъ Портъ-Саида отъ 15 января 1902 г.: „Изъ Пирея мы ушли 3-го. Въ Судѣ производили стрѣльбу минами съ броненосца и съ катеровъ. Была также стрѣльба изъ ружей на берегу. Изъ офицеровъ я стрѣлялъ наиболѣе удачно: на 200 шаговъ изъ 10 пуль я попалъ 8-ю въ средину щита".

Изъ Коломбо отъ 18 и 27 февраля 1902 г.: „Переходъ отъ Адена былъ весьма утомителенъ, было очень жарко, а главное—плохія трубки у нашихъ котловъ лопались, какъ мыльные пузыри; на этомъ переходѣ было 4 взрыва... На Цейлонѣ осматривалъ интереснѣйшій ботаническій садъ и тропическіе лѣса; въ горахъ охотился за оленями съ гончими и борзыми; убили 5 шт. Охота была очень красива".

---

*) На „*Пересвѣтъ*" плавалъ тогда Великій Князь Кириллъ Владимировичъ.

Изъ Батавіи отъ 14 марта 1902 г.: „Послѣ 9-дневнаго перехода пришли сюда; 9.III перешли черезъ экваторъ. Всѣхъ насъ, кто проходилъ въ 1-й разъ, „*крестили*", бросая одѣтыми въ бассейнъ съ водою... Наши офицеры охотились на алигаторовъ, убили четверыхъ маленькихъ за двѣ охоты. По служебнымъ обязанностямъ мнѣ было нельзя принять въ этомъ участіе"...

Изъ П.-Артура отъ 11 и 24 апрѣля 1902 г.: „Вчера намъ дѣлалъ смотръ Скрыдловъ... Начались ученья, къ которымъ мы были мало подготовлены, а вчера была артиллерійская стрѣльба въ морѣ. Всѣхъ порядочно разнесли, особенно же командира. Здѣсь простоимъ до начала мая, потомъ будутъ маневры, а въ концѣ іюля пойдемъ во Владивостокъ, станемъ тамъ въ резервѣ и простоимъ до сентября... Мнѣ поручили слѣдить за всѣми исправленіями на броненосцѣ.

Изъ Владивостока отъ 29 іюня и 2 іюля 1902 г.: „Уже мѣсяцъ, какъ я назначенъ миннымъ механикомъ.. Теперь я завѣдую всѣми динамо-машинами, подводными и надводными минными аппаратами и минными катерами, которые отличились оба на гонкѣ. 2.VII меня перевели на крейсеръ „*Адм. Нахимовъ*"; осенью пойдемъ, вѣроятно, обратно въ Россію. Это—крейсеръ не 1-й молодости, на Д. Востокѣ его незадержатъ"...

Въ письмахъ съ „*Нахимова*" слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія мѣста:
Изъ Коде отъ 16. VIII. 02: „За то время, что я былъ на Д. Востокѣ я видѣлъ почти все, что можно видѣть, оставаясь на службѣ на военномъ кораблѣ; многіе за три служебныхъ года не видѣли и половины".

Изъ Мозампо отъ 25. VIII. 02: „Когда мы подходили къ проливу Симоносеки, недалеко отъ насъ прошелъ тайфунъ; всю ночь пришлось простоять на якорѣ. Вѣтеръ страшно ревѣлъ, хотя мы стояли за горами. Завтра идемъ опять въ Артуръ, гдѣ насъ ожидаетъ пыль и вонь въ городѣ и зыбь на рейдѣ.

Изъ П.-Артура отъ 29. IX. 02: „Съ нашимъ новымъ корейскимъ посланникомъ неожиданно удалось попасть въ Пекинъ чрезъ Цин-вандао. Желѣзная дорога между ними очень благоустроена, поѣздъ идетъ быстро. Днемъ мы проѣзжали по мѣстамъ, гдѣ два года тому назадъ была война. Мѣстами поля до горизонта засыпаны курганами,—могилами китайцевъ, убитыхъ въ бою,—маленькими и большими, въ зависимости отъ положенія, которое занимали убитые. Въ Пекинѣ прежде всего поѣхали въ „храмъ неба", расположенный въ громадномъ паркѣ, окруженномъ тоже стѣною. Самъ этотъ храмъ очень красивъ и оригиналенъ; боговъ внутри не оказалось, ихъ куда-то увезли. Потомъ ѣздили на кладбище и на городскую стѣну. Она 7 саж. шириной; съ нея обозрѣвали всѣ мѣста, гдѣ происходила защита посольствъ, вылазки, и откуда

взошли европейскія войска. Въ городѣ много зелени, и видъ со стѣнъ необыкновенно красивъ. Весь городъ оставляетъ по себѣ грандіозное впечатлѣніе".

Изъ П.-Артура отъ 25. X. 02: „Недѣлю я проплавалъ на *„Варягѣ"*, куда былъ назначенъ въ комиссію по осмотру машинъ. Полная проба крейсера была неудачна, полнаго хода онъ не далъ... Десятаго ноября выходимъ домой. Переходъ будетъ трудный, у насъ всего 3 механика; придется стоять на 3 вахты (4 часа днемъ и 4 ч. ночью).

Лѣто 1903 года, до конца срока обязательной службы, Григорій Григорьевичъ плавалъ по Балтійскому морю на крейсерѣ *„Свѣтлана"* и на немъ же ходилъ въ Копенгагенъ, а затѣмъ осенью, на опытѣ убѣдившись въ томъ, какую горькую правду сказалъ адмиралъ о положеніи механиковъ во флотѣ, вышелъ въ запасъ (октябрь 1903 г.) и пріѣхалъ въ Карачарово помогать отцу въ его сельскохозяйственныхъ трудахъ.

Но лишь только загремѣли выстрѣлы, полилась кровь у Портъ-Артура и была объявлена война съ Японіей, Григорій Григорьевичъ добровольно, еще до призыва запасныхъ, подалъ прошеніе о принятіи его снова на службу во флотъ.

Однако, несмотря на усиленныя и непрерывныя хлопоты, только въ апрѣлѣ 1904 г. онъ былъ назначенъ младшимъ инженеръ-механикомъ на броненосецъ гвардейскаго экипажа *„Императоръ Александръ III-й"*.

Уже зачисленный въ эскадру Рожественскаго, Григорій Григорьевичъ былъ помолвленъ и женился на А. Н. Львовой. Вскорѣ же послѣ свадьбы ему пришлось уѣхать съ молодой женой въ Кронштадтъ, чтобы нести тамъ службу на броненосцѣ въ ожиданіи похода, пойти въ который онъ рвался всей душою, но изъ котораго ему не суждено было вернуться...

Подъ впечатлѣніемъ доблестной отваги и героизма, проявленнаго инженеръ-механиками подъ Портъ-Артуромъ, правящія сферы измѣнили къ лучшему свой взглядъ на этихъ *„парій флота"*. Уже на походѣ всѣ они были переименованы изъ гражданскихъ чиновъ въ военные: широкіе погоны и морскіе палаши были даны имъ въ знакъ уравненія въ правахъ со строевыми офицерами. Григорій Григорьевичъ получилъ чинъ поручика.

Письма Григорія Григорьевича, присланныя въ семью съ похода, очень характерны. Онъ нигдѣ не выдѣляетъ себя изъ состава эскадры: цѣликомъ, всей душой онъ слился съ тѣмъ огромнымъ цѣлымъ, къ которому принадлежалъ и съ которымъ былъ связанъ общей высокой задачей. Свои мысли, чувства и настроенія онъ выражаетъ большею частью во множественномъ числѣ, отъ имени всѣхъ. Попутно онъ даетъ любопытныя свѣдѣнія о злополучной армадѣ.

Вначалѣ настроеніе на эскадрѣ у всѣхъ было бодрое, приподнятое. Всѣ рвались впередъ, навстрѣчу къ Японцамъ и жаловались только

на одно, на медленность почтоваго сообщенія и недостатокъ извѣстій съ родины.

Въ иностранныхъ портахъ Григорій Григорьевичъ бывалъ всецѣло занятъ погрузкою угля и потому часто не могъ сходить на берегъ. Иногда суда „грузились въ продолженіе 20 часовъ подрядъ, состязаясь *на скорость*; и въ большинствѣ случаевъ денежная премія доставалась командѣ „*Александра III-го*".

„Благодаря погрузкѣ угля", пишетъ онъ, „грязь у насъ всюду ужасная, въ каютахъ спать невозможно, поэтому всѣ офицеры спятъ въ гостиныхъ и каютъ-компаніяхъ".

Въ Дакарѣ, въ тропикахъ, онъ въ первый разъ послѣ Либавы сошелъ на берегъ (2 ноября 1904 г.) „Мы отвалили съ корабля въ $5^1/_2$ часовъ утра въ компаніи доктора Бертенсона, поэта Случевскаго и др. и поѣхали по желѣзной дорогѣ въ *Rufisque*, который отстоитъ отъ Дакара въ 1 ч.. 20 м. ѣзды. Около Дакара очень пустынно и некрасиво; но чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ лучше становится мѣстность. Отъ *Rufisque*'а мы пошли пѣшкомъ по лѣсамъ; они очень красивы и состоятъ почти исключительно изъ громадныхъ баобабовъ съ неправильными стволами. Масса красивыхъ пальмъ и цвѣтовъ, всюду летаютъ птицы удивительно яркихъ цвѣтовъ. У меня было съ собой ружье, и я убилъ одну темно-синюю птицу съ длиннымъ хвостомъ и одну маленькую ярко-красную съ черной бархатной грудью. Очень жаль, что „промазалъ" по большой оранжевой птицѣ, которая вблизи должна была быть очень хороша. Въ поляхъ вырывалъ земляные орѣхи, которые растутъ здѣсь, какъ сорная трава. Здѣсь исполняютъ должность кротовъ какіе-то темно-синіе краббы съ красными лапами. Мы всѣ остались очень довольны нашей прогулкой, гдѣ видѣли такъ много интереснаго и красиваго... На берегу совсѣмъ не страдалъ такъ отъ жары, какъ на кораблѣ, гдѣ все страшно накаливается. Моя зеленая свѣча въ красномъ подсвѣчникѣ совсѣмъ согнулась и уперлась концомъ въ мой письменный столъ"...

Либрвилль, Конго, 15 нояб. 04.: „Вчера командиръ получилъ разрѣшеніе отъ адмирала, и мы почти полнымъ составомъ поѣхали на берегъ. До сихъ поръ *только нашъ корабль* былъ такимъ счастливымъ: офицеровъ съ другихъ кораблей на берегъ не пускаютъ. Мы съѣхали на сушу противъ мѣста нашей стоянки вдалекѣ отъ города. Вышли на чудный берегъ моря, которому позавидовали бы, навѣрное, всякія купальныя мѣста Европы. Сейчасъ же за берегомъ идетъ непроходимой стѣной настоящій тропическій лѣсъ, страшно густой и весь перевитый ліанами. Мы хотѣли пройти прямо по лѣсу, но проникнуть въ него не было никакой возможности. Тогда отыскали прорубленныя тропинки и далеко прошли по лѣсу. Лучи солнца совсѣмъ не проходятъ сквозь чащу самыхъ разнообразныхъ деревьевъ, и потому гулять очень пріятно.

Къ вечеру вернулись домой вполнѣ довольные. Ночью была страшная тропическая гроза; я подобной никогда не видѣлъ. Дождь лилъ потоками; безпрерывно раздавались сильнѣйшіе раскаты грома; молніи освѣщали нашъ рейдъ и падали въ море".

16 нояб. 04: „Сегодня мы окончили нашу погрузку и, должно быть, опять получимъ *первый призъ* *). Я грузилъ всю ночь и потому усталъ... Нашъ адмиралъ проявляетъ большія строгости. Послѣ спуска флага сообщеніе между кораблями запрещено. Вчера три офицера съ крейсера „*Дм. Донской*" поѣхали ночью на „*корабль X*", чтобы отвести какую-то даму, которая у нихъ обѣдала. Сегодня утромъ о нихъ вышелъ приказъ, по которому они списываются въ Россію (уѣзжаютъ завтра), гдѣ будутъ преданы военно-морскому суду. Адмиралъ давно уже былъ золъ на этотъ крейсеръ за проявленіе недисциплины".

Мадагаскаръ, островъ St Marie, 19 дек. 04: „Въ Ангра-Пеквэнѣ простояли 6 дней безъ сообщенія съ берегомъ; изъ-за сильныхъ вѣтровъ никакъ не могли скоро покончить съ погрузкой угля. Оттуда пошли прямо на Мадагаскаръ; близко прошли мимо мыса Доброй Надежды. Дальше насъ нагналъ сильный попутный штормъ, который продолжался три дня. Волны громадной высоты перекатывались черезъ палубу юта (кормы), но насъ качало сравнительно очень мало; зато крейсеры имѣли страшные размахи и совсѣмъ ложились бортами... Послѣднее время насъ кормили довольно скверно; провизія, взятая изъ Россіи, вышла; а съ парохода-ледника намъ давали наполовину испорченное мясо".

Nossi-Bé, 27 дек. 04: „Пришли сюда сегодня утромъ и соединились съ нашими кораблями эскадры Фелькерзама, которые пришли сюда черезъ Суэцъ. Мы вышли сюда наканунѣ Рождества. По дорогѣ насъ встрѣтила „*Свѣтлана*" и миноносцы, которые были посланы изъ отряда Фелькерзама. Они сообщили намъ всѣ печальныя новости, между прочимъ и о взятіи Артура и потопленіи эскадры... По пути сюда мы праздновали Рождество. Была устроена елка изъ деревянныхъ прутьевъ, обвязанныхъ зеленой кожурой съ кокосовыхъ орѣховъ; послѣднее время у насъ не было сообщенія съ берегомъ, и потому мы не могли достать свѣжаго дерева. Вчера команда устроила представленіе. Весело были разыграны малороссійскія комедіи. Несмотря на замкнутую жизнь, команда все-таки умѣетъ веселиться. За все время нашего плаванія команду ни разу не спускали на берегъ. Большимъ развлеченіемъ служатъ имъ двѣ обезьяны, купленныя въ Либрвиллѣ: онѣ сдѣлались теперь совсѣмъ ручными и очень забавными... Съ потерей артурской эскадры наши дѣла далеко не блестящи, но Рожественскій не падаетъ духомъ и очень торопится на Востокъ. Можетъ быть, съ его энергіей

*) Преміи для команды за скорость погрузки угля доходили иногда до 1200 р. за одинъ разъ. *П. Х.*

и при извѣстномъ счастьѣ намъ удасться прорваться во Владивостокъ... Послѣднее время мы ведемъ сторожевую службу, и я довольно часто хожу на миноносцѣ на ночь въ море. Идемъ безъ огней съ заряженными минами. Ночью море фосфоресцируетъ свѣтящимися пятнами и потому на разстояніи не знаешь, свѣтится ли пароходный огонь или это свѣтитъ само море".

30 дек. 04: „Вчера мы сдѣлали очень интересную прогулку по острову: съѣхавши въ 6 часовъ утра на берегъ, пошли пѣшкомъ на ванильныя плантаціи одного француза, съ которымъ мы здѣсь познакомились. Тамъ мы прошли къ рѣчкѣ, въ которой водятся крокодилы. Большіе крокодилы очень осторожны и при нашемъ появленіи сейчасъ же скрывались подъ водой; мы видѣли только ихъ спины, или же только одни всплески, которые они дѣлали, отплывая отъ берега. Только одному X. удалось убить одного маленькаго крокодила. Мы гуляли по лѣсамъ; они здѣсь необыкновенно красивы, состоятъ изъ разнообразныхъ; въ большинствѣ случаевъ небольшихъ деревьевъ и кустарниковъ. Яркая зелень, много красивыхъ птицъ и бабочекъ. Докторъ Б. поймалъ въ коробку хамелеона, который привезенъ на корабль. Въ лѣсу хамелеонъ былъ свѣтло-зеленаго цвѣта, такъ что его очень трудно было отличить отъ листвы кустарника, на которомъ онъ сидѣлъ; когда же его посадили въ коробку, онъ сейчасъ же сдѣлался темно-бурымъ. Въ лѣсу мы нашли норы земляныхъ краббовъ. При нашемъ свистѣ они вылѣзали каждый изъ своей норы и съ любопытствомъ слушали. Какъ только свистъ прекращался, краббы прятались обратно. Говорятъ, что здѣсь много змѣй боа, но онѣ показываются только вечеромъ. Въ полдень мы пошли обратно въ городъ. Было страшно жарко (здѣсь теперь лѣто). Солнечные лучи падали совершенно отвѣсно и потому на дорогахъ не было никакой тѣни... На эскадрѣ довольно много больныхъ офицеровъ и матросовъ, не переносящихъ жаркаго климата. Многихъ на-дняхъ отправляютъ въ Россію. У насъ на „*Александрѣ*" всѣ здоровы".

31 дек. 04: „Третьяго дня задохлись на „*Бородинѣ*" въ бортовомъ коридорѣ два машиниста—трюмныхъ, а вчера стрѣлой для подъема тяжестей на „*Уралѣ*" убило одного прапорщика и тяжело ранило лейтенанта. Будемъ надѣяться, что новый годъ принесетъ намъ больше счастья и удачи... Французы насъ увѣряютъ, что японская эскадра стоитъ въ архипелигѣ *Chagos* въ 1500 миляхъ отсюда. Мы непремѣнно пройдемъ мимо этихъ острововъ; и было бы хорошо, если бы встрѣтились съ ними; я очень вѣрю въ нашу эскадру и особенно въ Рожественскаго. Будетъ ужасно, если мы его лишимся. Остальные два адмирала совсѣмъ на него не похожи и не внушаютъ большого довѣрія. Здѣсь стоять намъ очень спокойно, нѣтъ почти никакой охранной службы; она здѣсь излишня. Наши офицеры и даже часть команды днемъ на берегу: всѣ отдыхаютъ и набираются силъ передъ предстоящимъ походомъ, который

обѣщаетъ быть серьезнымъ. „*Александръ III-й*" продолжаетъ считаться образцовымъ кораблемъ всей эскадры.

7 янв. 05: ...„Чѣмъ дольше стоимъ у Мадагаскара, тѣмъ скучнѣе и томительнѣе становится наше бездѣйствіе. Хотѣлось бы скорѣе къ развязкѣ, хотя впереди насъ ожидаетъ масса препятствій и не такъ-то просто будетъ добраться до Владивостока, особенно теперь, съ уничтоженіемъ первой Тихоокеанской эскадры... Вчера сдѣлали большую прогулку въ горы на вершину одного изъ здѣшнихъ острововъ. Вначалѣ насъ порядочно вымочило дождемъ; горная дорога сдѣлалась очень скользкой; взбираться было трудно. Наверху мы прямо промерзли; развели костеръ, сушили свое платье и сапоги. Дорога чрезвычайно живописна, все время идетъ лѣсомъ, среди котораго много густыхъ зарослей, перевитыхъ вьющимися растеніями. Съ вершины горы чудный видъ на весь островъ *Nossi-Bé* и на нашу эскадру.

18 янв. 05: Только что вернулись съ моря: ходили на эволюціи и практическую стрѣльбу всей эскадрой. Завтра рано утромъ опять идемъ въ море. Эти ученья немного оживляютъ насъ и вносятъ интересъ въ нашу однообразную жизнь на Мадагаскарѣ. Уже вторую недѣлю идутъ дожди, которые продолжаются цѣлыми днями, съ небольшими перерывами... Сидимъ безъ всякихъ извѣстій изъ Россіи. Адмиралъ получаетъ много телеграммъ, но ихъ содержаніе не оглашается. Случайно получили французскія извѣстія, изъ которыхъ узнали о безпорядкахъ, происходившихъ въ СПб. въ началѣ января, но въ очень краткой и неопредѣленной формѣ. Всѣмъ бы намъ хотѣлось знать, что съ нами рѣшено дѣлать, идемъ ли мы дальше на войну. Теперь только теряемъ время, и эта потеря врядъ ли будетъ намъ въ пользу. Ужасно угнетающимъ образомъ дѣйствуетъ эта неизвѣстность.

29 янв. 05: ...„Жизнь у насъ идетъ очень однообразно и тоскливо... Послѣднюю недѣлю усиленно занялись ученьями. У насъ образовался отрядъ изъ судовыхъ миноносокъ, на которыхъ мы цѣлыми днями (съ 7 утра до 6 вечера) ходимъ по „рейду и готовимся къ аттакамъ"...

6 фев. 05: ...„Съ приходомъ „*Олега*" опредѣлилось, что теперь мы на востокъ не идемъ и простоимъ здѣсь въ ожиданіи третьей эскадры еще около полугода (!). Перспектива довольно грустная... Мы продолжаемъ почти ежедневно свои ученья на минныхъ катерахъ, стрѣляемъ минами и производимъ ночныя аттаки".

2 мар. 05: „Нашъ уходъ *внезапно* рѣшенъ, и завтра въ полдень мы идемъ, какъ говорятъ — на Востокъ, но куда—не знаю. Это лучше,— скорѣе къ развязкѣ. Мы, очевидно,—послѣднія силы въ этой войнѣ: на сушѣ такъ всё идетъ плохо, что врядъ ли можно теперь разсчитывать на успѣхъ. Намъ, конечно, не легко придется теперь, когда японскій флотъ отдохнулъ послѣ Артурской блокады, опять привелъ себя въ

боевой видъ и теперь вполнѣ приготовился къ встрѣчѣ съ нами. Намъ надо будетъ много счастья и удачи, чтобы достигнуть хорошихъ результатовъ. Вся вѣра въ энергію, настойчивость и способность Рожественскаго"...

Бухта Камранъ, 1 апр. 05: Благополучно добрались до Аннама, сдѣлавъ въ одинъ переходъ и не заходя никуда 4.500 миль. Теперь осталось до Владивостока всего 2.500 миль. Говорятъ, что будемъ ожидать здѣсь третьей эскадры, которая должна придти черезъ 2—3 недѣли. Переходъ былъ сдѣланъ очень удачно; по дорогѣ *въ открытомъ морѣ* нѣсколько разъ грузились углемъ. Погода все время была прекрасная и потому не мѣшала нашимъ работамъ. Миноносцы шли до самаго Малаккскаго пролива *на буксирахъ* транспортовъ и потому пришли сюда совсѣмъ свѣжими. Адмиралъ проявляетъ большую дѣятельность. Организація эскадры имъ сдѣлана превосходно; только благодаря его энергіи, мы такъ удачно сдѣлали этотъ большой переходъ, имѣя въ эскадрѣ 46 кораблей. Пришли сюда вчера утромъ, миноносцы протраллили рейдъ и сдѣлали промѣры, послѣ чего въ бухту взошли транспорты; мы же (броненосцы) до сегодняшняго утра оставались въ морѣ въ ожиданіи четырехъ угольщиковъ, которые пришли сюда прямо съ Мадагаскара съ однимъ изъ флагъ-офицеровъ адмирала. Теперь мы *вполнѣ обезпечены громаднымъ запасомъ угля,* чтобы дойти до Владивостока. Проходя Сингапуръ, мы получили извѣстія отъ нашего консула, что японскій флотъ стоитъ у Борнео, а минный флотъ у Натунскихъ острововъ. Мы проходили ночью въ 60 миляхъ отъ этихъ острововъ, но никто насъ не тронулъ. Вообще за послѣднее время мы перестали вѣрить въ существованіе Японцевъ; самый удобный моментъ для ихъ минной аттаки былъ, когда мы выходили изъ Малаккскаго пролива, и ночи были темныя. Теперь же свѣтитъ луна, а къ приходу третьей эскадры будетъ новая. Адмиралъ страшно увѣренъ въ себѣ: еще на-дняхъ останавливались *въ открытомъ морѣ* для погрузки. Ночью мы ходимъ съ отличительными огнями, всегда готовые къ миннымъ аттакамъ. Правда, что съ такимъ количествомъ транспортовъ трудно идти безъ огней. Не малую пользу приносятъ намъ развѣдочные крейсеры, бывшіе нѣмецкіе пассажирскіе пароходы; держась вдали отъ эскадры, они обо всемъ даютъ намъ знать. Здѣсь организована большая ночная охрана рейда, а днемъ два крейсера уходятъ въ море, чтобы слѣдить за проходящими судами, которые могутъ набросать минъ... Я очень доволенъ нашими дѣлами и въ восторгѣ отъ адмирала; если мы доѣдемъ до Владивостока, чему я вѣрю, то только благодаря ему. Удивительно, какъ у него все организовано и предусмотрѣно. Онъ самъ страшно много работаетъ и, кажется, никогда не спитъ.

Бухта Камранъ, 5 апр. 05: „Продолжаемъ стоять въ здѣшней удобной бухтѣ. Никто насъ до сихъ поръ не тревожитъ, имѣемъ постоянное сообщеніе съ Сайгономъ, откуда намъ привозятъ провизію и

всякія необходимыя для эскадры вещи... Насчетъ ухода пока еще ничего не слышно; занимаемся теперь всякими погрузками и разгрузками транспортовъ, возвращающихся въ Россію... Къ намъ на эскадру пріѣхалъ изъ Кіао-Чао лейтенантъ Кедровъ, флагъ-офицеръ Макарова и Витгефта. Онъ разсказываетъ много интереснаго о боѣ 28 іюля. Какъ оказывается, не мы, а Японцы потерпѣли пораженіе, которое не было понято Ухтомскимъ; изъ-за его оплошности мы потеряли всю нашу артурскую эскадру. На нѣсколькихъ японскихъ броненосцахъ башни были уже заклинены и орудія у нихъ не стрѣляли болѣе; многіе имѣли сильныя поврежденія, тогда какъ въ нашей эскадрѣ пострадалъ только одинъ „*Цесаревичъ*", потерявшій способность управляться изъ-за снаряда, попавшаго въ прозоръ боевой рубки. Ужасно досадно слушать такіе разсказы. Что было бы теперь, если бы первая эскадра была во Владивостокѣ! Можно быть увѣреннымъ, что съ нашимъ адмираломъ ничего подобнаго не случится"...

Изъ Камрана отъ 8 апр. 05: „Французы сдѣлали намъ непріятный сюрпризъ, попросивъ насъ выйти изъ бухты. Это очень разстраиваетъ планы адмирала, тѣмъ не менѣе принуждены завтра выйти въ море. Не знаю, куда мы направимся, но теперь мы очень рискуемъ не соединиться съ третьей эскадрой... Хотѣлось бы поскорѣе во Владивостокъ, гдѣ будешь чувствовать себя гораздо ближе къ вамъ, если только мы не будемъ отрѣзаны отъ суши"...

Это письмо Григорія Григорьевича было послѣднимъ. Въ немъ не проглядываетъ никакого безпокойства о себѣ лично, и какъ будто нѣтъ даже и тѣни предчувствія близкой опасности. А за мѣсяцъ передъ этимъ, когда эскадра уходила отъ Мадагаскара, когда ее пугали предстоящими въ пути минными аттаками Японцевъ, Г. Г. своей горячо любимой матери написалъ слѣдующее краткое письмо, исполненное благородства:

„Милая мама́! Завтра уходимъ на Д. Востокъ. Не знаю, придется ли мнѣ еще писать тебѣ. Поэтому прощаюсь съ тобой и съ папа́ и благодарю васъ обоихъ за все хорошее, что вы для меня сдѣлали, и за вашу любовь къ моей женѣ"...

Въ бою при Цусимѣ 14 мая 1905 года, честно исполняя свой долгъ передъ родиной, со всѣми своими товарищами, со всѣмъ экипажемъ броненосца „*Александръ III-й*" погибъ Григорій Григорьевичъ, 28-ми лѣтъ отъ роду. Послѣ него остались вдова и маленькая дочь-сирота, которая ни одной минуты не видѣла своего отца.

Только 18 мая пришла въ Карачарово съ газетами первая вѣсть о Цусимскомъ боѣ, какъ громомъ поразившая всѣхъ родныхъ и близкихъ Г. Г., заставившая болѣзненно сжаться сердца въ тяжеломъ предчувствіи...

Свѣдѣнія о судьбѣ „*Александра III-го*" и его экипажа долгое время были крайне скудны, неопредѣленны, сбивчивы, противорѣчивы. Родные и всѣ любившіе Григорія Григорьевича хватались за всякую возможность получить о немъ какую-либо вѣсть. Были разосланы телеграммы ко всѣмъ, кто могъ имѣть хоть какое-нибудь отношеніе къ эскадрѣ Рожественскаго и могъ что-нибудь знать о судьбѣ „*Александра III-го.* Справлялись въ СПб. въ телеграфныхъ агентствахъ, во французскомъ посольствѣ, въ морскомъ штабѣ. Всюду былъ одинъ и тотъ же отвѣтъ,—„о судьбѣ „*А. III-го*" нѣтъ рѣшительно никакихъ вѣстей". Казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы всѣ до единаго погибли изъ всего экипажа броненосца. Убитые горемъ родители все еще нѣкоторое время не теряли надежды, что Г. Г. подобранъ японскими рыбаками и находится въ плѣну.

Морскому министру въ Токіо была отправлена телеграмма съ запросомъ—„спасенъ ли князь Гагаринъ съ броненосца *Александръ*". На 4-й день пришелъ отвѣтъ: „Князь Гагаринъ до сихъ поръ еще не спасенъ".

Во французскомъ посольствѣ 26 мая на запросъ дали такой отвѣтъ:

„Сегодня намъ сообщено изъ Токіо, что въ Японіи нѣтъ ни одного человѣка съ броненосцевъ „*АлександръIII-й*", „*Бородино*" и „*Наваринъ*". Мнѣ прискорбно говорить вамъ это, но это—правда. Японцы все еще подбираютъ плавающихъ на морѣ, и потому пока не нужно терять надежды".

А. С. Суворинъ въ *Новомъ Времени* написалъ 3 іюня 1904 г.: „Рѣчи Бухвостова оказались пророческими. Эскадра погибла; „*Александръ III*-й" сражался, какъ герой, и погибъ со всѣмъ экипажемъ. Погибла вся эта симпатичная, мужественная молодежь, напоминавшая скорѣе взрослыхъ дѣтей, чѣмъ закаленныхъ моряковъ, какими ихъ хотѣлось бы видѣть... Столько погибло, столько проливается слезъ, столько раздирающихъ душу драмъ! Спросите въ главномъ морскомъ штабѣ, какія трагическія сцены онъ видѣлъ, какое молчаливое горе отцовъ и стонущее отчаяніе матерей и женъ"...

А 4 іюня (черезъ 3 недѣли послѣ Цусимы) въ *Новомъ Времени* появилось объявленіе, отъ имени офицеровъ гвардейскаго экипажа, объ общей панихидѣ по погибшимъ съ броненосцемъ „*Александръ III*-мъ" въ бою въ Корейскомъ проливѣ товарищамъ и сослуживцамъ.

Въ спискѣ погибшихъ офицеровъ былъ названъ и младшій инженеръ-механикъ, поручикъ Григорій Григорьевичъ Гагаринъ.

Гаданіямъ и надеждамъ больше не было мѣста...

Въ первую годощину Цусимскаго боя, 14 мая 1906 г. на фамильномъ кладбищѣ *), близъ Карачарова, при церкви села Сучковъ, въ па-

*) Родъ князей Гагариныхъ ведетъ свое происхожденіе отъ Рюрика, чрезъ Всеволода Большое Гнѣздо. *П. Х.*

мять Григорія Григорьевича поставленъ крестъ изъ бѣлаго мрамора. На его нижней расширенной части высѣчено:

Князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ,
Поручикъ Инженеръ-Механикъ флота.
3 дек. 1876—14 мая 1905.
Погибъ въ бою за родину.
Могила его—Цусимскій проливъ,
Гробъ его – брененосецъ „Императоръ Александръ III“.

Многочисленныя письма, съ выраженіемъ соболѣзнованія и сочувствія, въ теченіе этого года неслись къ родителямъ.

Родной дядя Григорія Григорьевича, директоръ Петербургскаго Политехническаго Института, князь А. Г. Гагаринъ въ своемъ письмѣ сказалъ о любимомъ племянникѣ: „Онъ, чистый, умеръ за грѣхи нечистыхъ!.. Боже, какъ мнѣ больно, что погибъ для Россіи этотъ развитой и способный человѣкъ, этотъ милый, добрый мальчикъ!“

Изъ многочисленной серіи другихъ писемъ приведу здѣсь слѣдующія наиболѣе яркія:

„Съ какими высокими чувствами онъ стремился на войну! Чтобы постоять за честь родной земли, онъ оставилъ свою беззаботную юность и только что открывшееся ему счастье семьянина; и все это, вмѣстѣ съ накопленными долгимъ трудомъ знаніями, онъ принесъ въ жертву отечеству. Теперь онъ отдалъ ему свою молодую жизнь въ числѣ другихъ героевъ, сражавшихся до послѣдняго вздоха“...

„Однимъ изъ многихъ достоинствъ, которыми обладалъ Г. Г., было мужество, соединенное со скромностью. Кажется, что и въ судьбѣ его рѣшающую роль сыграли эти качества: какъ въ выборѣ спеціальной науки, такъ и въ службѣ, бывшей прямымъ послѣдствіемъ этого выбора. Не изъ-за мундира онъ служилъ, но серьезно, какъ всегда, отнесся къ начатому дѣлу. Безкорыстно и мужественно подошелъ онъ къ кончинѣ, безъ фразъ и безъ ропота. Дай намъ Богъ побольше людей съ его достоинствами!“...

„Благородное происхожденіе налагаетъ свои обязанности. Григорій Григорьевичъ былъ живымъ воплощеніемъ этого прекраснаго правила. Еще 15-лѣтнимъ мальчикомъ, на урокѣ теоріи словесности, на вопросъ учителя: какими чертами можно охарактеризовать древне-русскаго князя?—онъ, не задумываясь, съ твердымъ убѣжденіемъ въ голосѣ, отвѣтилъ:—„Хорошій князь водитъ свое войско на враговъ и первый складываетъ свою голову на полѣ битвы. Вотъ это настоящій князь. А въ мирное время онъ долженъ быть образцомъ для всѣхъ, чтобъ никто на него пальцемъ не могъ указать“. Такимъ „хорошимъ, настоящимъ княземъ“ былъ онъ самъ. Этотъ древне-русскій идеалъ онъ незапятнаннымъ пронесъ черезъ всю свою короткую жизнь, и осуществилъ его въ своей смерти“...

Въ Карачаровѣ долго не могли примириться съ происшедшимъ. Все казалось, что это ужасный кошмаръ, который долженъ кончиться, что это слишкомъ несправедливо и неестественно.

Настроеніе обитателей Карачарова прекрасно и вѣрно отразилось въ слѣдующемъ стихотвореніи, которое посвятилъ памяти Григорія Григорьевича одинъ изъ его бывшихъ учителей, Н. А. Флёровъ:

Какъ много пало ихъ въ далекомъ, чуждомъ морѣ,—
Любимыхъ, любящихъ, веселыхъ, молодыхъ!
Ихъ окружилъ злой врагъ, и смялъ въ неравномъ спорѣ,
И торжествующій въ пучину бросилъ ихъ.

И между ними ты,—нашъ *Гриша* милый!
Нечаянная вѣсть о томъ, примчавшись къ намъ,
Насъ въ сердце самое жестоко поразила,
И раны той не исцѣлить годамъ.

Не знаемъ мы, когда и какъ погибъ ты, бѣдный:
Шимозой ли сраженъ, мгновенно ты угасъ?
Слабѣлъ ли медленно въ борьбѣ съ волной побѣдной?
Что передумалъ ты въ свой страшный смертный часъ?

И бездыханнаго тебя мы не видали...
У храма сельскаго, на кладбищѣ родномъ,
Въ могилу свѣжую земли мы не бросали...
Вдали, на днѣ морскомъ, ты спишь послѣднимъ сномъ!

Съ раскрытою душой, съ тревогою сердечной,
Мы не придемъ туда, гдѣ милый прахъ лежитъ:
Въ безвѣстной глубинѣ, храня покой твой вѣчный,
Угрюмый мракъ тебя ревниво сторожитъ.

А въ Карачаровѣ, гдѣ домъ ты кинулъ отчій,—
При блескѣ солнечномъ, въ погожій лѣтній день,
Въ вечернихъ сумеркахъ, въ прохладѣ тихой ночи,
Витаетъ предо мной тоскующая тѣнь.

Сижу ль надъ Волгою въ раздумьѣ,—рядомъ
Со мною на скамью садишься ты подчасъ,
Просторъ полей родныхъ окидываешь взглядомъ
И говоришь, вздохнувъ: „Какъ славно здѣсь у васъ!"

По парку ли иду, одинъ съ моей мечтою,
Подъ сводами деревъ, гдѣ мягче солнца свѣтъ,—
Мнѣ чудится, что тамъ, заросшею тропою
Навстрѣчу близится знакомый силуэтъ.

И вотъ ужъ ты со мной: весь, какъ бывало, въ бѣломъ;
Открытый умный лобъ, взоръ честный и прямой,
И столько доброты въ лицѣ безстрашно-смѣломъ,
И столько бодрости и силы молодой.

И долгій разговоръ тогда съ тобой веду я,
То философствуя о пользѣ жертвъ святыхъ,
То на измѣнниковъ отчизны негодуя,
Что пре́дали на смерть тебя и всѣхъ другихъ...

Когда мы въ комнатахъ семьей сойдемся дружной,
Въ молчаньѣ ль тягостномъ вокругъ стола сидимъ,
Бесѣду ли ведемъ съ безпечностью наружной,—
Мы помнимъ о тебѣ, мы безъ тебя грустимъ.

И если иногда, души скрывая муку,
Смѣемся громко мы иль споримъ горячо,
Незримый входишь ты и дружескую руку
Кому-нибудь изъ насъ положишь на плечо.

И это тайное твое прикосновенье
Подавитъ звонкій смѣхъ, рѣчь тихо оборветъ,
Въ лицѣ нѣмой тоски проглянетъ выраженье,
И сдержанной слезой туманный взоръ блеснетъ.

Природа ли плѣнитъ насъ дивной красотою,
Поетъ ли нѣжную мелодію рояль,
Семейный праздникъ ли придетъ своей чредою,—
Со всякой радостью свита у насъ печаль...

Печаль, что нѣтъ тебя, тоска, что ты не съ нами,
Что жизнь прекрасная оборвана такъ вдругъ,
И ты на вѣки взятъ холодными волнами,
Нашъ милый сынъ, нашъ братъ, супру́гъ, отецъ и другъ...

Счастливый, радостный, и юный, и здоровый,
Съ такою ласковой и чуткою душой,
Къ труду полезному для родины готовый,—
Исчезъ!.. Зачѣмъ?.. За что?.. Гдѣ жъ разумъ міровой?

„Нѣтъ! мы обмануты!“ порой хочу сказать я:
„Неправды на землѣ не можетъ быть такой!
„Ты не погибъ! ты живъ! и скоро къ намъ въ объятья
„Вернешься снова ты, любимый, дорогой!“

ИНЖЕНЕРЪ-МЕХАНИКЪ

Александръ Михайловичъ Плѣшковъ.

„Онъ былъ любимъ матросами*) за его всегдашнее огромное присутствіе духа, непокидавшее его даже и въ самыя тяжелыя минуты и весьма ободрившее въ бою оробѣвшую было команду кочегарни“...

Плѣшковъ, А. М. родился въ Москвѣ 16 августа 1880 г. Его родителей давно нѣтъ уже болѣе въ живыхъ. Въ семьѣ, среди многочисленнаго состава ея, А. М. пользовался общей любовію. Во время войны многія изъ сестеръ и братьевъ состояли съ нимъ въ непрерывной и живой перепискѣ. Всѣ они скорбѣли душою даже и о томъ временномъ, какъ тогда казалось, удаленіи Александра Михайловича изъ семьи. Нечего и говорить, во что обратилась эта скорбь, когда пришли извѣстія о катастрофѣ подъ Цусимою...

Подготовка А. М. къ школьной жизни происходила въ семьѣ и шла неособенно удачно. Съ одной стороны А. М. развивался довольно медленно, а съ другой и у самихъ руководителей не было въ этомъ трудномъ для нихъ дѣлѣ большого опыта.

Въ 1889 г. А. М. по экзамену поступилъ въ 1-й приготовительный классъ Александровскаго Коммерческаго Училища. Въ этомъ классѣ онъ застрялъ на два года. Но затѣмъ способности А. М. начали быстро развиваться; а при окончаніи курса онъ уже получилъ большую золотую медаль. Это было въ 1898 году. Въ томъ же году онъ держалъ конкурсные экзамены сразу и въ Московскомъ Инженерномъ Училищѣ, и въ Московск. Императ. Технич. Училищѣ. Готовился къ этимъ экзаменамъ А. М. вполнѣ самостоятельно безъ посторонней помощи. Конкурсные экзамены были сданы имъ удачно въ обоихъ учрежденіяхъ, но А. М. предпочелъ И. Т. У-ще, гдѣ въ это время учился его старшій братъ.

А. М. былъ отличнымъ товарищемъ и сохранилъ по окончаніи школы дружескія отношенія со своими однокурсниками какъ по Алекс. Коммерч. Уч., такъ и по Техническому Училищу.

---

*) Изъ письма машиниста Гашпира съ „*Камчатки*“.

Вспоминая студенческіе годы жизни А. М. Плѣшкова, одинъ изъ его товарищей сообщилъ мнѣ слѣдующее:

„А. М. былъ однимъ изъ лучшихъ моихъ друзей. Молчаливый, какъ бы ушедшій въ самого себя, онъ почти никогда не принималъ участія въ нашихъ товарищескихъ разговорахъ о литературѣ, искусствѣ, театрѣ, и производилъ сначала впечатлѣніе большого нелюдима. Но когда мы ближе узнавали его, то приходили къ заключенію, что первое впечатлѣніе ошибочно. Для всѣхъ насъ, обращавшихся къ нему за какою-либо помощію,—касалось ли дѣло разъясненій по проектамъ или денежныхъ затрудненій, А. М. былъ настоящимъ и безкорыстнымъ помощникомъ и всегда проявлялъ къ намъ дѣятельное и сердечное отношеніе. Его работоспособности мы удивлялись не мало: неизмѣнно съ 8 час. утра, а иногда и раньше, онъ первымъ приходилъ въ чертежную, а уходилъ изъ нея послѣднимъ. Всего себя онъ отдавалъ только наукѣ; развлеченій для него какъ бы не существовало: его, бывало, не заманишь ни въ театръ, ни въ ресторанъ, хотя иногда намъ и хотѣлось бы это сдѣлать, чтобы развлечь заучившагося товарища, который и вечеромъ не давалъ себѣ отдыха. Если вопросъ касался науки, А. М. былъ неутомимымъ и могъ объяснять, производить разсчеты и спорить, сколько угодно. Когда началась война и начали приходить извѣстія о неудачахъ русскаго оружія, его это сильно волновало. Всегда молчаливый, тогда онъ съ негодованіемъ отвѣчалъ намъ на всѣ наши сужденія, неблагопріятныя для русскихъ. Поступить во флотъ его заставило искреннее желаніе принести ему и общему дѣлу посильную пользу“.

Другой нашъ товарищъ дополняетъ эту характеристику въ слѣдующихъ словахъ:

„А. М. представлялъ собою образецъ кроткаго, умнаго, благороднаго и занимавшагося науками студента. Послѣдній годъ пребыванія въ Т. У., когда надо было налечь на проекты, А. М. къ 9 ч. утра всегда былъ уже въ У-щѣ за чертежной доской и усердно работалъ до 8 ч. веч. Завтракъ, прогулка на свѣжемъ воздухѣ и обѣдъ отнимали у него очень короткое время. Своей необыкновенной старательностію онъ невольно заставлялъ подтягиваться и сосѣдей. Всѣ работы А. М. въ у-щѣ по проектированію отличались серьезностью, выдержкой и обдуманностію. Въ мастерскихъ и лабораторіяхъ А. М. работалъ также со свойственными ему аккуратностію и добросовѣстностію. Тамъ, гдѣ велись занятія въ группахъ, онъ былъ всегда однимъ изъ самыхъ надежныхъ участниковъ въ общей работѣ; за чужія спины онъ никогда не прятался и такихъ не долюбливалъ... И. Т. У. Александръ Михайловичъ очень любилъ и нерѣдко выражалъ намъ, что года, проведенные въ У-щѣ, онъ считаетъ и всегда будетъ считать лучшими годами своей жизни...

До войны А. М., какъ и многіе другіе молодые люди, не обладающіе воинственнымъ настроеніемъ, не особенно расположенъ былъ къ

отбыванію воинской повинности въ строю. Но когда началась война, А. М. и его товарищи-однокурсники пришли къ убѣжденію, что при такомъ положеніи дѣлъ всякое уклоненіе отъ военной службы было бы не честно. Затѣмъ мало-по-малу стало для всѣхъ очевидно, что исходъ войны въ ту или другую сторону можетъ выясниться только на морѣ. Тогда и А. М., и многіе товарищи его по выпуску рѣшили поступить во флотъ, гдѣ полученная ими техническая подготовка лучше всего могла быть использована.

Поручикъ корпуса инженеръ-механиковъ флота *)
Александръ Михайловичъ Плѣшковъ.
† 14 мая 1905 года. †

Съ первыхъ же шаговъ на мѣстѣ своего служенія во флотѣ А. М. былъ непріятно пораженъ: тамъ онъ совсѣмъ не встрѣтилъ той живой, сознательной работы, которую онъ надѣялся видѣть, которая могла бы увлечь его и заставить его отдать ей всего себя. Мало культурная и мало серьезная среда, въ которую онъ попалъ, съ ея мелкими, узенькими и

*) Портретъ изображаетъ его въ студенческой тужуркѣ. Портрета въ морской формѣ, хорошо исполненнаго, у родныхъ не оказалось. П. Х.

подчасъ низменными интересами, съ ея интригами и происками, съ ея во многихъ случаяхъ только внѣшней, показной порядочностью,—такая среда сразу ошеломила его, еще не утратившаго свои нравственные идеалы, невольно заставила его брезгливо отойти отъ нея въ сторону и ограничиться только минимальнымъ, неизбѣжнымъ числомъ пунктовъ соприкосновенія съ нею. Это обстоятельство доставляло Александру Михайловичу, съ его чуткой, неиспорченной душой, неисчислимыя нравственныя страданія и обрекало его повременамъ на полное одиночество. Горько и тяжело читать письма А. М. въ его семью, гдѣ онъ касается этой неприглядной стороны его новой жизни...

Служба А. М. во флотѣ началась съ 22 іюня 1904 г., когда онъ былъ опредѣленъ сначала „вольнымъ механикомъ" на крейсеръ „*Аврору*". Ровно чрезъ 2 мѣсяца послѣ этого состоялось зачисленіе его въ офицерскій корпусъ инженеръ-механиковъ. Въ водахъ внутренняго плаванія ему пришлось пробыть болѣе 3 мѣсяцевъ. Оторванный отъ семьи и лишенный всякаго культурнаго общенія съ людьми, А. М. сильно заскучалъ; въ это время его единственнымъ удовольствіемъ было поддерживать общеніе съ своими братьями и сестрами. Въ еженедѣльныхъ письмахъ А. М. къ роднымъ содержится между прочимъ весьма много интереснаго фактическаго матеріала, обрисовывающаго физическое и моральное состояніе нашей эскадры какъ въ послѣдніе мѣсяцы ея сборовъ передъ отплытіемъ на войну, такъ и во время самаго плаванія. Всѣ эти письма любезно были предоставлены въ мое распоряженіе родными А. М., чтобы сдѣлать изъ нихъ выборки, представляющія болѣе общій интересъ.

Въ письмѣ отъ 27 іюня 1904 г., съ крейсера „*Авроры*" содержатся между прочимъ такія данныя:

„Когда я сюда пріѣхалъ, на внѣшнемъ рейдѣ находились пока еще только крейсеры „*Дмитрій Донской*" да „*Аврора*". Остальные же корабли все еще чинились и достраивались, кто въ гавани, кто—въ докахъ. Только 20 іюня появились рядомъ съ нами сначала „*Бородино*", потомъ „*Александръ III-й*"; затѣмъ „*Адм. Нахимовъ*" и „*Наваринъ*"...

Отъ 28 іюня 1904 г., съ „*Авроры*":

„Для офицеровъ—здѣсь харчъ хорошій, обильный, нерѣдко съ деликатессами. Солдатъ же кормятъ не важно, но не потому, чтобы давали на нихъ мало... Одѣты матросы въ рабочее время бываютъ такъ скверно, что весьма напоминаютъ собою арестантовъ. Нижніе чины все время проводятъ въ работѣ, поднимая шлюпки, баркасы, занимаясь эквилибристикой по мачтамъ, трапамъ и т. п. Зуботычины въ это время идутъ своимъ чередомъ"...

Въ письмѣ отъ 3 іюля 1904 г., съ „*Авроры*" читаемъ слѣдующее:

„Устроился довольно сносно. Попалъ на крейсеръ постройки Франко-русскаго завода. Онъ долженъ былъ бы ходить со скоростью до 23

узловъ, но больше 19 узловъ не получалось. Нашъ корабль пойдетъ на Д. Востокъ, какъ развѣдочное судно; но оно не бронировано, а цѣли для вражескихъ снарядовъ на немъ много... Машины пускаютъ въ ходъ чрезъ 4 сутокъ на пятыя, когда выходимъ въ море для ночного дозора... Попалъ въ общество, довольно легкомысленное; никто ничего не читаетъ, даже газетъ; за исключеніемъ немногихъ женатыхъ, всѣ, не исключая „батьки", говорятъ и думаютъ все объ одномъ и томъ же... Да оно и понятно: дѣла почти никакого, а кормятъ прямо, какъ на убой... Теперь появились на рейдѣ еще „*Ослябя*" и „*Свѣтлана*"... Вездѣ все что-нибудь да передѣлываютъ"...

Въ письмѣ отъ 8 іюля 1904 г.:

„Любопытно распредѣляется мое морское довольствіе — 48 р.: изъ нихъ 40 р. приходится платить въ каютъ-компанію за столъ; прямо досадно платить такую большую сумму денегъ за одну ѣду; затѣмъ идутъ 1 р. 86 к.—вѣстовымъ, 5 р.—на содержаніе оркестра, 20 к.—за пользованіе ватеръ-клозетомъ (гальянщику); потомъ дѣлаютъ вычетъ на усиленіе флота и 20 к.—на церковь. Нѣсколько копеекъ, впрочемъ, выдается и на руки... Но это бы ничего. А вотъ скверно, что очутился въ средѣ людей, нравственный обликъ и пошибъ коихъ мнѣ такъ мало симпатиченъ. Живу только вашими письмами... Раньше много слыхалъ о молодцоватости матросовъ; но здѣсь былъ пораженъ арестантскимъ видомъ команды; одѣты почти всегда страшно грязно; лица блѣдныя, одутловатыя, нерѣдко прямо съ идіотскимъ выраженіемъ; работаютъ *минимумъ* съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера; праздники мало отличаются отъ буденъ; не всегда бываютъ и церковныя службы; наоборотъ, иногда тутъ работаютъ еще больше. На пищу слышны жалобы... На „бережишко" ихъ спускаютъ рѣдко. Отъ лейтенантовъ и особенно мичмановъ слышна только ругань, кончая тяжеловѣсной извозчичьей бранью. Нѣкоторыхъ вахтенныхъ офицеровъ я не могу себѣ иначе представить, какъ только сплошь изрыгающими мерзкую ругань. Выраженіе идіотизма въ лицахъ у матросовъ я склоненъ объяснить забитостью команды... Нашей „подводной", т.-е. машинной, командѣ живется лучше; тамъ отношенія къ нимъ не хуже, чѣмъ гдѣ-нибудь на фабрикѣ или заводѣ, если не лучше; но верхнее начальство часто самоуправствуетъ, вызываетъ ихъ еще и для своихъ работъ наверхъ, ставитъ на вахту къ орудіямъ и т. п. По роду своей службы мнѣ приходится все время контролировать работу. Въ силу своего характера я, конечно, ругаться не въ состояніи, и съ этой стороны чувствую себя совершенно неподготовленнымъ. Одинъ механикъ мнѣ прямо давалъ совѣтъ—зѣвающихъ и неисправныхъ „брать за шиворотъ и тыкать носомъ", какъ это у нихъ принято... При попыткѣ ближе ознакомиться съ трубопроводами, механизмами, мнѣ дали еще совѣтъ, что напрасно это я дѣлаю, не убѣдившись, оставятъ меня или нѣтъ на „*Аврорѣ*", гдѣ—уже полный комплектъ механиковъ"...

Въ письмѣ А. М. отъ 7 іюля 1904 г. читаемъ слѣдующее:

„Личное мое желаніе не ѣхать на „*Аврорѣ*". Это значило бы идти подъ вѣрный разстрѣлъ: брони на ней нѣтъ никакой; машины и котлы „защищаются" только углемъ по бортамъ; артиллерія слабая,—пулеметы и пушки въ $1^1/_2$ и 3 дюйма; а 6-дюймовыя наши пушки (ихъ восемь) стрѣляли въ послѣдній разъ, кажется, въ прошломъ столѣтіи; а теперь изъ нихъ не было даже и холостыхъ выстрѣловъ. Все только чистятъ, моютъ, красятъ, прикрываютъ чехлами"...

Въ письмѣ отъ 8 іюля 1904 г.:

„По своимъ наклонностямъ публика для меня здѣсь совершенно неподходящая. Ближе другихъ сошелся съ „батькой"; да и то—больше потому, что не могъ сразу перейти къ состоянію душевнаго одиночества... На-дняхъ видѣлъ, какъ провели на буксирѣ подводную лодку „*Protector*", купленную въ Америкѣ. Ее выводятъ въ море почти каждый день для упражненій съ нею"...

Въ письмѣ отъ 16 іюля 1904 г.:

„Вчера на „*Свѣтланѣ*", стоящей рядомъ съ нами, упалъ съ борта одинъ матросъ и пошелъ ко дну; спускали водолазовъ, но упавшаго не нашли; произошло это во время мытья борта. Работа матросовъ, какъ поломоекъ, процвѣтаетъ лучше всего. При развитіи такихъ работъ офицерамъ и спокойно, и собачиться можно вволю"...

Въ письмѣ отъ 21 іюля 1904 г. съ „*Авроры*":

„Гигіеническая обстановка не важная. Крейсеръ новый, а таракановъ-пруссаковъ масса; ползаютъ они въ невѣроятномъ количествѣ по всему кораблю,—и въ каютахъ, и даже въ машинномъ отдѣленіи. Въ нѣкоторыхъ каютахъ развелись еще муравьи"...

Въ письмѣ отъ 25 іюля 1904 г.:

„Вчера въ 1-й разъ увидалъ на кораблѣ офицера съ книгой въ рукѣ, но и та оказалось... *Боккачіо*. Всѣ интересы офицерства сосредоточились въ узенькомъ-узенькомъ кругѣ: дамы, выпивка, сплетни, разносы („фитили") отъ начальства, приказы первой очереди и повторные... Котлы у насъ хорошіе, системы Бельвиля, а машины неважныя, стучатъ, грѣются, приходится постоянно охлаждать водой даже и на короткихъ переходахъ... На „*Орлѣ*" еще только заканчиваютъ ставить машины; а у насъ уже готовъ и безпроволочный телеграфъ, и стрѣлы Темперлея для погрузки угольныхъ мѣшковъ; осталось устроить вентиляцію... А вотъ зачѣмъ зовутъ насъ броненоснымъ крейсеромъ, не знаю; брони у насъ никакой нѣтъ. Машины и котлы подъ защитой слоя каменнаго угля, и только средняя часть корабля отдѣлена отъ кормы перегородкой изъ тонкаго котельнаго желѣза"...

Въ письмѣ отъ 31 іюля 1904 г. изъ Кронштадта:

„Собирались уходить 2 августа чуть не къ Либавѣ, а теперь опять отложили... Будутъ ходить въ Біорки, маленькій финляндскій городокъ, для минной и артиллерійской стрѣльбы... Со всѣхъ сторонъ слышу:—„Что вы за человѣкъ, разъ не пьете, не курите... ?“... Благодарю Бога, что у меня все-таки есть хоть одна слабая точка соприкосновенія со здѣшними обитателями; это—музыка“...

Въ письмѣ отъ 1 августа 1904 г. изъ Кронштадта:

„Наконецъ сегодня Рожественскій поднялъ свой флагъ на „*Князь Суворовъ*“, но выходъ эскадры для ученія опять отложенъ дней на пять... Изъ каюты въ каюту меня переселяютъ уже въ 3-й разъ. Дѣлается это изъ-за прибывающихъ на корабль новыхъ мичмановъ. Какая все это зеленая молодежь, и какая у нихъ уже гордость, какое самомнѣніе! И вотъ въ этихъ-то рукахъ будетъ до нѣкоторой степени судьба нашего отечества!“...

Въ письмѣ отъ 5 августа 1904 г. читаемъ слѣдующее:

„...Грозитъ отходъ эскадры, отходъ „куда-то“; всѣ наши офицеры ударились въ отчаянный пессимизмъ. Если пошлютъ теперь нашу эскадру, то пошлютъ ее на вѣрный убой... Относительно отхода эскадры—ничего опредѣленнаго,—только слухи, масса слуховъ, разнорѣчивыхъ и подчасъ нелѣпыхъ... Вчера вечеромъ нашъ судовой составъ обуяла паника. Дѣло вотъ въ чемъ. Рангоутное судно „*Генералъ-Адмиралъ*“, плавая у Балтійскаго порта, на-дняхъ ночью замѣтило 3 миноносца съ угольщикомъ-транспортомъ. Пробираясь по морю во тьмѣ ночной, вели они себя очень подозрительно и на опознавательные сигналы не отвѣчали, что и было занесено въ вахтенный журналъ „*Г.-А.*“. Подозрѣваютъ, что это японскіе суда. Поэтому сдѣлано распоряженіе—бдительнѣе держать караулы, заряжать орудія на ночь боевыми снарядами, а не холостыми, какъ ранѣе. Все это показываетъ, какое у насъ царитъ здѣсь настроеніе... Сплю на крейсерѣ „*Аврора*“ надъ 80-ю пудами пироксилина“...

Отъ 6 и 7 августа 1904 г. съ „*Авроры*“:

„Все еще стоимъ въ Кронштадтѣ. *По слухамъ* скоро пойдемъ въ Ревель для артиллерійской и минной стрѣльбы. Это было бы очень полезно, а то здѣсь вздумали пострѣлять для практики въ прицѣлъ, и вышло прямо неудачно. Стрѣляли изъ пушекъ ружейными патронами и вкатили нѣсколько разъ въ одинъ изъ фортовъ, оттуда прислали жалобу, и пришлось это „ученіе“ прекратить... Еще вздумали пострѣлять минами съ парового катера; выпустили одну, а она взяла да и зарылась въ дно морское,—да такъ глубоко, что ее насилу вытащили водолазы... И все въ этомъ родѣ. То упустятъ что-нибудь въ море, а потомъ хороводятся цѣлый день съ водолазами, канатами и проч.; то шлюпки столкнутся одна съ другой, и обѣ ихъ посылаютъ чинить въ портъ и т. д.... Читаемъ

въ газетахъ, какъ нашихъ бьютъ на Д. Востокѣ,—особенно эскадру, и становится грустно. Настроеніе у всѣхъ офицеровъ теперь прескверное, такъ что мое да батькино, пожалуй, будутъ еще самыя бодрыя. Нашъ батька меня просто поражаетъ своей воинственностію... *) Всѣхъ смущаетъ составъ нашей эскадры. Лучшую часть ея составятъ 4 новыхъ броненосца и крейсеръ „*Олегъ*". Но они, вѣдь, только что построены, въ настоящемъ плаваніи не испытаны, не говоря уже о томъ, что всѣ орудія у нихъ еще „цѣломудренны". Остальная компанія... Но лучше о ней и не говорить".

„Относительно команды мнѣнія своего я не измѣнилъ еще; она и до сихъ поръ производитъ на меня угнетающее впечатлѣніе своимъ видомъ. Ты **) пишешь, что видѣлъ нѣчто другое. Это другое бываетъ и у насъ. Пріѣзжай въ праздникъ часовъ въ 5 веч., когда все убрано, вычищено, и команда отдыхаетъ. Ты увидишь тогда поразительную идиллію: на средней части палубы играетъ оркестръ, двѣ-три пары матросиковъ „шерка съ машеркой" выплясываютъ польку, венгерку, па-де-катръ при общемъ хохотѣ собравшейся кругомъ толпы матросовъ. И я впервые также подумалъ, что весело тутъ живется. За два мѣсяца эту идиллію можно было однако наблюдать ровно два раза, не болѣе полтора часа каждый разъ. Но за это же время я успѣлъ уже видѣть одно наказаніе розгами; а поставить на 4 часа (подъ ружье или такъ),—это считается почти за ничто... На ѣду была заявлена командой уже нѣсколько разъ коллективная претензія командиру во время его обычнаго праздичнаго освѣдомленія у матросовъ:—„Нѣтъ ли претензій?" Однимъ словомъ, не благоденствуетъ наша низшая команда. Батька утверждаетъ, что тутъ случилась просто описка, и что надо было бы читать „нищая" команда"...

„Хотѣлось бы перебраться съ нашего „пассажирскаго парохода" на другой корабль, болѣе надежный: ходилъ въ штабъ, но тамъ... нужна протекція, протекція и еще разъ протекція".

Въ письмѣ отъ 14 и 15 августа 1904 г.:

„Вышли изъ Кронштадта 12 августа въ 5 час. утра „шаечкой": 5 крейсеровъ, 5 броненосцевъ и 9 миноносцевъ; шли очень медленно, по дорогѣ дѣлали всякія перестроенія. Все бы сошло благополучно, только вотъ сконфузилась наша „*Аврора*": въ машинѣ загорѣлся одинъ изъ двухъ главныхъ подшипниковъ; изъ двухъ машинъ пришлось идти на одной и очутиться ужъ не во главѣ всей кампаніи, какъ вышли, а въ ея хвостѣ. Ночевали въ Біоркѣ. Ночью миноносцы и катеры открыли отчаянную пальбу по несчастнымъ чухонскимъ паруснымъ суднамъ, шедшимъ съ контробандой; одни стрѣляли холостыми зарядами, а другіе и настоящими; длилась эта пальба почти всю ночь... На другой день

---

*) Его разстрѣляли потомъ подъ Гуллемъ за одно съ англійскими рыбаками. *П. Х.*
**) Обращеніе къ брату.

было ученье съ минными катерами. Опять всѣ мины утопили и возжались съ водолазами. Пошли дальше 14 августа; 15 пришли къ Ревелю. На этомъ переходѣ мнѣ назначили въ завѣдываніе кормовую, рулевую и шпилевую машины"...

Отъ 30 августа 1904 г. съ „*Камчатки*":

„...Я переведенъ на транспортъ-мастерскую „*Камчатка*". Состою здѣсь помощникомъ старшаго судового механика. Кромѣ меня, здѣсь еще есть два младшихъ механика: одинъ (лѣтъ 50—55) завѣдуетъ безпроволочно-телеграфнымъ дѣломъ *на всей эскадрѣ*, а другой—мастерскими. Дали мнѣ въ завѣдываніе машинное и котельное отдѣленіе, и опять я очутился въ Кронштадтѣ. При испытаніи одна машина сильно поломалась *). Когда ее починятъ, будетъ 2-я проба, а тамъ—и въ Ревель... На пробѣ „*Камчатка*" дала 13,5 узловъ вмѣсто обѣщанныхъ 12; но и съ этимъ отъ Японца все равно не удерешь..."

„На этомъ транспортѣ-мастерской я назначенъ въ *заграничное плаваніе*. Подъ началомъ у меня будетъ 2 прапорщика запаса. Дали мнѣ уже отдѣльную каюту. Нашъ заводикъ пойдетъ въ походъ вмѣстѣ съ эскадрой; на немъ есть столярная мастерская, слесарная, литейная, кузнечная, паяльная и проч."

„*Камчатка*" строилась, какъ транспортъ для армейскихъ войскъ, который долженъ былъ свершать рейсы между Россіею и портами Д. Востока. Съ такимъ именно разсчетомъ корабль и былъ выстроенъ; но послѣ начала войны его рѣшили передѣлать въ транспортъ-мастерскую для эскадры. Но и послѣ передѣлки „*Камчатка*" продолжала оставаться больше транспортомъ, чѣмъ мастерской: здѣсь на-лицо громадныя помѣщенія для команды, масса каютъ и въ то же время скученныя, низкія помѣщенія для мастерской. Расположеніе станковъ пришлось сдѣлать совсѣмъ не такъ, какъ это слѣдовало бы, а соображаясь только съ размѣрами готоваго помѣщенія: большіе станки оказались поставленными довольно далеко отъ люковъ, и поэтому всѣ громоздскія вещи надо было туда и назадъ волочить по тѣсной и низкой мастерской.

„Въ кузницѣ—небольшой паровой молотъ, вальцевый станокъ для выгиба котельнаго желѣза, паровыя ножницы для обрѣзки котельнаго и др. желѣза. Лучше другихъ все-таки слесарная мастерская; а литейная и кузнечная слишкомъ тѣсны, работать въ нихъ можно съ очень большой осторожностію только въ тихую погоду; а въ качку здѣсь будутъ одни только несчастія,—обжоги, обливаніе металломъ и т. п. На кораблѣ 150 вольнонаемныхъ рабочихъ, кромѣ 280 чел. матросовъ. Корабль „вооруженъ" восемью 2-дюймовыми пушками; и въ бой, нужно думать, онъ не пойдетъ..."

---

*) У поврежденной машины, оказывается, сильно погнули поршневой штокъ: въ котлѣ держали много воды, и она бросилась вмѣстѣ съ паромъ въ цилиндръ.

Въ письмѣ отъ 3 сентября 1904 г.:

„Снялъ свою студенческую тужурку и надѣлъ морскую форму, но чувствую, что „морскимъ волкомъ“ никогда не буду“.

Изъ письма отъ 13 сентября 1904 г.:

„До чего отвратительно все сдѣлано. Прочности у всего хватаетъ ровно настолько, чтобы продержаться до осмотра комиссіей. Одна за другой начали лопаться паровыя трубы, а на-дняхъ отлетѣлъ кранъ у главнаго паропровода, и оттуда началъ хлестать паръ подъ полнымъ давленіемъ. Машины и котлы были сданы спѣшно, и теперь съ ними масса возни. Къ тому же и команда машинная и кочегарная очень неопытны. Недоразумѣній не оберешься. Вчера во время 8-часового перехода упускали уровень воды въ котлѣ два раза“.

Изъ писемъ отъ 16 и 20 сентября 1904 г.:

Сейчасъ идутъ проводы „*Камчатки*“. Масса гостей, и всѣ здорово „набодались“. Пьяное офицерство ведетъ отвратительныя сцены съ матросами. Какъ эти господа могутъ строго требовать съ людей работы, когда у нихъ же на виду они сами ровно ничего не дѣлаютъ; ночи кутятъ, а днемъ поправляются для новыхъ кутежей... Выяснилось, что буду получать во внутреннемъ плаваніи 141 р., а въ заграничномъ — 240 р... Чѣмъ ближе знакомлюсь съ котлами и машинами, тѣмъ яснѣе вижу, что заводы, которые ихъ ставили, стремились только поскорѣе отъ нихъ отдѣлаться. Устроено все „на живую руку“, и... въ концѣ концовъ все было принято. Въ каютъ-компаніи между тѣмъ появились вещи (идетъ перечень ихъ), купленныя на деньги, которыя были получены въ видѣ „преміи“ съ заводовъ-поставщиковъ. Я уже поднималъ вопросъ, чтобы эти деньги обращены были лучше на исправленія недостатковъ въ машинѣ и въ котлахъ; но всѣ какъ-то пропустили это мимо ушей... Начиная съ командира судна и кончая послѣднимъ гальянщикомъ, всѣ работаютъ на Царя-батюшку „спустя рукава“... Уходимъ въ Ревель 22-го“.

Изъ писемъ отъ 2 и 4 октября 1904 г.:

„На переходѣ изъ Ревеля въ Либаву три котла изъ шести потекли настолько, что пришлось ихъ выключить; вода совсѣмъ въ нихъ не держалась и уходила... При малѣйшемъ волненіи насъ такъ и треплетъ. Въ $10^1/_2$ ч. утра вышли изъ Либавы на Д. Востокъ. Насъ сопровождаетъ нѣмецъ-лоцманъ. Придется проходитъ чрезъ узкіе проливы. Нанято много коммерческихъ пароходовъ, крейсирующихъ вдоль береговъ этихъ проливовъ. Они ведутъ дозорную службу вмѣстѣ съ датскими миноносцами“.

Въ письмѣ отъ 15 октября 1904 г. изъ Танжера читаемъ слѣдующее:

„До Скагеррака шли благополучно. Здѣсь же подъ вечеръ 7 окт. броненосецъ „*Бородино*“ вынужденъ былъ открыть огонь по тремъ

лайбамъ*), которыя лѣзли на эскадру, не взирая на предупрежденіе. Снаряды перелетали какъ-разъ чрезъ нашу корму и неособенно далеко отъ насъ падали въ воду. Ночью ждали нападеній и... вдругъ раздался страшный трескъ и грохотъ. Оказалось, что мы на всемъ ходу столкнулись съ лайбой и переѣхали ее; а она своими мачтами кое-что порвала и перепортила намъ. На слѣдующую ночь мы были аттакованы со всѣхъ сторонъ миноносцами. Ночь была тихая, лунная; и всѣ, кто изъ насъ видѣлъ эти суда, говорятъ, что это, несомнѣнно, были миноносцы. Мы шли въ компаніи съ „*Авророй*" и „*Донскимъ*", но отъ нихъ какъ-то отстали. Часовъ съ 8 веч. начали къ намъ приближаться какіе-то огни. Имъ дали сигналъ: „не приближаться"; они отвѣтили опознавательнымъ сигналомъ прошлой ночи и настойчиво продолжали къ намъ приближаться. „*Камчатка*" дала полный ходъ и начала маневрировать. Подозрительные суда все тѣснѣе окружали насъ. Пробили „минную аттаку" и открыли огонь по миноносцамъ. Пришлось безвыходно пробыть въ кочегаркѣ часовъ 16. При первыхъ же выстрѣлахъ, когда я переходилъ изъ одной кочегарки въ другую, часть кочегаровъ перетрусила и разбѣжалась. Тогда я поймалъ нѣсколько человѣкъ небоевой смѣны и заставилъ ихъ стоять, пока не найдутся сбѣжавшіе. Большая часть моей боевой кочегарной смѣны до того обалдѣла, что у нихъ опустились руки, и они перестали подбрасывать уголь въ топки. Первыя двѣ аттаки миноносцевъ были между 8 и 12 час. ночи**), а третья—около 2 час. утра. Не взирая ни на что, паръ мы подавали исправно. При первыхъ же нашихъ выстрѣлахъ я сначала почувствовалъ себя скверно, но быстро оправился, считая предстоящую смерть неизбѣжной... Съ верхней палубы нѣсколько человѣкъ видѣли, какъ одинъ миноносецъ, увивавшійся за нами подъ кормой весьма близко, выпустилъ одинъ разъ мину изъ верхняго надводнаго аппарата намъ подъ корму, но удачное маневрированіе спасло „*Камчатку*" отъ гибели. Съ нашего корабля было сдѣлано 296 выстрѣловъ, и подъ утро миноносцы оставили насъ въ покоѣ... Какъ мало цѣнятъ „*Камчатку*", это обнаружилось въ 1-й же нашъ переходъ. По безпроволочному телеграфу мы дали знать адмиралу, что мы окружены миноносцами, что мы вступили съ ними въ бой и находимся тамъ-то; но никто не потрудился придти къ намъ на помощь, а сопровождавшіе насъ раньше крейсера разыскали насъ *только чрезъ сутки*"...

Въ письмѣ отъ 15 ноября 1904 г. изъ *Либрвилля* (на зап. берегу Африки, 30′ сѣв. широты отъ экватора) читаемъ слѣдующее:

„Отъ Нѣмецкаго моря до Танжера намъ приходилось пробавляться одной солониной, да и то не совсѣмъ доброкачественной... Въ Танжерѣ простояли цѣлую недѣлю, шелъ усиленный ремонтъ машинъ и котловъ, погрузка угля".

*) Рыбачьи судна.

**) На крейсерахъ, сопровождавшихъ „*Камчатку*", была получена отъ нея телеграмма—„меня окружаютъ 8 миноносцевъ, выпущены 4 мины, онѣ не попали" (Изъ письма одного изъ нашихъ товарищей).

Отъ 27 и 29 декабря 1904 г. изъ *Helle-Ville* на Мадагаскарѣ:

„Передъ мысомъ *„Доброй Надежды"* трепало насъ отчаянно и долго. Боялись опрокидыванья *„Камчатки"*. Накренялась она много разъ до 35°, а ея предѣльнымъ креномъ считаютъ 42°. При такомъ кренѣ столы и вся мебель срывались съ мѣста изъ ячеекъ, въ которыхъ находятся ихъ ножки; пришлось укрѣпить ихъ канатами. Почти вся посуда у насъ перебилась, поломалась... Съ котлами опять возня. Хорошо еще, что съ командой поставилъ себя хорошо; взаимно довольны другъ другомъ".

Изъ письма А. М. отъ 1 января 1905 г. изъ Нози-бея заимствую слѣдующія строки:

„Передъ самымъ Мадагаскаромъ у насъ вышла непріятность съ углемъ. Изъ угольныхъ ямъ пошелъ отвратительный уголь нѣмецкой доставки. Паръ сразу сѣлъ. Мы отстали отъ эскадры, а раньше все шли отъ самаго Танжера впереди даже адмирала. Пошла въ ходъ сигнализація корабля съ адмираломъ. Нашъ командиръ попросилъ позволенія выбросить 150 *tn.* этого угля за бортъ, чтобы добраться до лучшаго. Въ отвѣтъ на это адмиралъ далъ сигналъ: „Не выбрасывать ни одной тонны угля, а выбросить за бортъ злоумышленника". Кого онъ здѣсь разумѣлъ, неизвѣстно. Подобные казусы и сигналы случаются нерѣдко. Мое личное убѣжденіе, что мы идемъ подъ начальствомъ... больного человѣка... Англійскихъ газетъ читать невозможно; тамъ идетъ непристойное глумленіе подъ нашимъ адмираломъ. За разстрѣлъ рыбаковъ подъ Гуллемъ его называютъ прямо... (не хорошо). Рождество думали простоять на якорѣ, но не удалось; пришли тревожныя вѣсти; ждутъ нападенія адм. Камимуры... *„Свѣтлана"* съ 2 миноносцами гонялись за подозрительными судами и осматривали ихъ. Большинство изъ нихъ оказалось впрочемъ нашими же угольщиками, которые шли на нашу прежнюю стоянку... Въ праздникъ ѣли скудно, т. к. припасы у насъ вышли всѣ"...

Отъ 5 января 1905 г. изъ *Helle-Ville*:

„Мѣсто очень лихорадочное. Послѣ дождя воздухъ становится такъ влаженъ, что прямо душитъ, какъ паръ. Разслабляющая жара. Къ стыду нашему, долженъ констатировать фактъ бѣгства съ нашей эскадры на Мадагаскарѣ массы офицеровъ и команды, списывающихся якобы по болѣзни. Большинство изъ нихъ симулянты. У насъ, напр., списанъ одинъ лейтенантъ... *изъ-за морской болѣзни!*... А плавалъ еще этотъ человѣкъ когда-то на миноносцѣ".

Изъ писемъ отъ 22 и 24 января 1005 г. изъ *Helle-Ville:*

„На-дняхъ эскадра уходила въ море для эволюцій и стрѣльбы. Вдругъ у насъ улавливаютъ такую безпроволочную телеграмму съ адмиральскаго корабля: *„Донской"*, сообщите число раненыхъ и убитыхъ"... Насъ это очень удивило тогда; а дня чрезъ два узнали, что во время

стрѣльбы это „*Суворовъ*“ вкатилъ въ „*Донского*“ шестидюймовымъ снарядомъ, поранившимъ около 10 человѣкъ... Нашъ заводикъ приноситъ свою долю пользы. Съ самаго утра къ намъ начинаютъ подходить одна шлюпка за другой съ разными поврежденными частями машинъ, котловъ, трубопровода. Жаль только, что это иногда обращаетъ нашъ корабль въ какой-то постоялый дворъ. На-дняхъ такъ перепились, что *N* (высокаго ранга офицеръ) пустился плясать „русскую“, а затѣмъ заплетающимся голосомъ преподнесъ всѣмъ тостъ за *Урiу!...* *) Но всѣ были уже невмѣняемы, и это обошлось безъ послѣдствiй“.

Письмо отъ 31 января 1905 г.,—открытка съ видомъ бухты Нози-бея и величаваго силуэта горъ Мадагаскара. Приписка гласитъ: „Видъ хорошъ, но не глядѣли-бы мои глаза на него; мною начинаетъ, кажется, овладѣвать тоска по родинѣ“...

Изъ письма къ брату отъ 5 февраля 1905 г.:

„Не безпокойся, къ алкоголю меня совершенно не тянетъ, и подражать окружающимъ я не собираюсь... На-дняхъ былъ здѣсь нашъ техникъ *N*. Меня обижаетъ, что онъ не вѣритъ въ нападенiе непрiятельскихъ миноносцевъ на нашу „*Камчатку*“ въ Нѣмецкомъ морѣ. Рыбачьи суда я видѣлъ и ранѣе, и на слѣдующую ночь; но это совсѣмъ не то, что всѣ мы видѣли въ ночь съ 8 на 9 октября“.

Изъ письма отъ 18 февраля 1905 г.:

„Началась очистка подводныхъ частей судовъ отъ ракушекъ и водорослей. На эту работу посылаютъ водолазовъ съ нашего транспорта съ однимъ изъ механиковъ. Чрезъ 3 дня на 4-й намъ приходится по-очереди заниматься этой скучной работой; водолазы же охотно идутъ на нее, т. к. за каждый спускъ, хотя бы меньше часа, они получаютъ рубль золотомъ; а за спускъ меньше 2 часовъ, хотя бы 1 ч. 5 м., имъ платятъ по 2 рубля золотомъ... На-дняхъ былъ на „*Орлѣ*“; посмотрѣлъ, какъ живутъ на броненосцахъ и не позавидовалъ. Всюду грязь, тѣснота, жарища. Одно только утѣшенiе—это броня да башни. Вездѣ, гдѣ только можно, понапиханъ уголь въ мѣшкахъ. Въ сравненiи съ броненосцемъ у насъ палуба все равно, что Невскiй проспектъ; у насъ есть гдѣ и погулять, и поѣздить на велосипедѣ. Только полубакъ у насъ заваленъ всякими трубами, балками, валами, шестернями, которые привозятъ къ намъ для исправленiя. Здѣсь же стоятъ у насъ и горны, т. к. на стоянкѣ большинство мастеровыхъ выселились на палубу; тутъ они куютъ, паяютъ и т. д. Наши мастерскiя буквально завалены работой“.

Въ письмѣ отъ 22 февраля 1905 г. изъ *Нози-бея* содержатся между прочимъ слѣдующiя строки:

„...Нашъ рефрижираторъ, поставленный передъ самымъ уходомъ изъ Россiи, совершенно никуда не годится. На переходѣ изъ Либавы до

---

*) Командовалъ въ 1904 г. японскими крейсерскими отрядами.

экватора выбросили изъ-за этого, должно быть, на цѣлую тысячу всякой провизіи, солонины, консервовъ... На-дняхъ былъ на „*Аврорѣ*". Кормили хорошо, было даже мороженое... Но тѣснота у нихъ невообразимая. Приняли около 700 *tn* лишняго угля; завалили имъ и каютъ-компанію, и всю жилую палубу, и даже верхнюю палубу... Лѣзутъ туда чрезъ мѣшки съ углемъ. Осматривалъ пробоины отъ снарядовъ, которые съ нашей эскадры влѣпили въ нее подъ Гуллемъ. Снарядъ, убившій Аврорскаго батьку, описалъ необыкновенно сложный путь: пробивши бортъ въ батькиной каютѣ, пролетѣвши надъ его койкой и оторвавши самому батькѣ руку, снарядъ пробилъ перегородку каюты; затѣмъ онъ прошелъ наискось чрезъ двѣ стѣнки машиннаго люка, „непроницаемую" перегородку и ударился о стѣну въ командномъ помѣщеніи, гдѣ и упалъ, „*не разорвавшисъ*"...

Въ томъ же письмѣ читаемъ слѣдующее:

„Вчера (т.-е. 21 февраля 1905 г.) у насъ, на „*Камчаткѣ*" и на нѣкоторыхъ другихъ судахъ былъ „самъ баринъ". Объѣзжать суда Рожественскій вздумалъ *въ 1-й разъ*... Противъ обыкновенія адмиралъ „были милостивы, изволили шутить съ командой и мастеровыми". „Приставанье" шло на „вы"... Въ это время мы стояли во фронтѣ подъ такимъ дождемъ, что чрезъ нѣсколько минутъ промокли, какъ утопленники. По этому случаю насъ распустили сейчасъ же, а „самъ" отправился въ мастерскія на „*Камчаткѣ*". Ихъ предупредили, и тамъ водворился адскій шумъ: о что ни попало колотили ручниками, кувалдами. Впечатлѣніе получалось такое, что здѣсь работаютъ, работаютъ и работаютъ... Оглушенный адмиралъ могъ задавать только летучіе вопросы, въ родѣ того, напр.:—„Какая здѣсь сейчасъ температура?"—Ему отвѣтили: „45 градусовъ" и т. д.

„Какіе же разнообразные и противорѣчивые слухи распускались на эскадрѣ послѣ визита адмирала на корабли! Одни говорили, что адмиралъ своимъ посѣщеніемъ хочетъ ободрить весь составъ эскадры передъ ея уходомъ на Д. Востокъ *). Другіе утверждали, что онъ покидаетъ эскадру и хочетъ хоть въ послѣднее время оставить по себѣ хорошее впечатлѣніе; третьи упорно разсказывали, что адмиралъ поссорился съ „угольщиками" и дѣлаетъ ревизію остатковъ угля... Намъ, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно, предстоитъ еще погрузка угля, т. к. во время посѣщенія адмиралъ рѣшилъ, что у насъ еще мало мѣста завалено углемъ. И, дѣйствительно, лишнихъ противъ нормы у насъ принято только 150 *tn*; собираются добавить еще 200 *tn*. Начнется такая качка, какую одинъ разъ уже испытали мы передъ мысомъ Доброй Надежды, рискуя каждую минуту перекувыркнуться... Гребные винты все время тогда оголялись; машина, облегченная отъ нагрузки, „бросалась" и грозила „разносомъ"; приходилось неотлучно стоять надъ машинистами, чтобы они не зазѣвались".

---

*) Эскадра снялась съ якоря у Мадагаскара 3 марта 1905 г. *П. Х.*

„Корпуса броненосцевъ кончили уже очищать отъ наростовъ извнѣ. Сегодня водолазы начнутъ скоблить подводную часть „*Олега*“ и др. крейсеровъ. Никакъ не могу убѣдить—почистить также и нашу „*Камчатку*“...

Изъ письма отъ 2 апрѣля 1905 г. изъ *Камрана*:

„Передъ уходомъ изъ Нози-бея чуть было мы сами не затопили „*Камчатку*“. Ни нашъ старшій механикъ, ни трюмный механикъ не знали устройства трубопроводовъ при холодильникѣ и расположенія на нихъ клапановъ; они вскрыли одну изъ клапанныхъ коробокъ, чтобы узнать, отчего холодильникъ отказался работать*), и въ машинное отдѣленіе подъ сильнымъ давленіемъ вдругъ хлынула забортная вода. Шумъ поднялся адскій; смятеніе произошло невообразимое. Пробовали крышку клапанной коробки поставить обратно на ея мѣсто, но не удалось, т. к. чрезъ нѣсколько минутъ вода уже покрыла машинную площадку по колѣно и угрожала залить топки сосѣдней кочегарки; ее сперва задраили водонепроницаемой дверью, а затѣмъ понадобилось почему-то отдать противоположное приказаніе. Пустили въ ходъ центробѣжныя турбины, откачивающія до 500 *tn* воды въ часъ, подвели пластырь въ мѣстѣ нахожденія отливного клапана, и весь инцидентъ былъ исчерпанъ. Съемки съ якоря мы не задержали; адмиралу же „втерли очки“ и вышли благополучно сухими изъ воды“...

„Переходъ эскадры отъ Мадагаскара до Камрана свершился довольно благополучно. Чтобы отвлечь вниманіе японскихъ шпіоновъ, въ пути мѣняли курсъ нѣсколько разъ и въ концѣ концовъ, обогнувъ материкъ, прошли не узкими проливами, а самой торной дорогой, Малаккскимъ проливомъ. Изъ Сингапура выходилъ намъ навстрѣчу паровой катеръ съ французскимъ консуломъ; онъ передалъ адмиралу пакетъ съ депешами и сообщилъ ему, что за 3 недѣли передъ этимъ тамъ была японская эскадра; она ушла оттуда, раздѣлившись на отряды; отрядъ крейсеровъ и миноносцевъ въ послѣднее время видѣли въ 150 миляхъ отъ Сингапура близъ какихъ-то острововъ, а броненосцы и другіе крейсеры ушли по направленію къ Явѣ. Выйдя изъ Малаккскаго пролива въ 8 час. веч., эскадра приготовилась къ отраженію минной аттаки, послѣ которой ожидался и самый бой. У себя, въ кочегаркахъ, я приготовилъ брезенты, мѣшки и проч., чтобы можно было подступиться къ паропроводамъ на тотъ случай, если бы какой-нибудь шальной снарядъ повредилъ трубопроводъ... Однако ночь миновала благополучно, и на слѣдующее утро въ Южно-Китайскомъ морѣ мы сдѣлали остановку для погрузки угля... На вторыя сутки послѣ Сингапура мы были разбужены пушечными выстрѣлами. Оказалось, что это „*Суворовъ*“ отвѣчалъ салютомъ на привѣтствіе какого-то англійскаго крейсера, шедшаго намъ навстрѣчу“.

„Чрезъ полчаса встрѣтили еще другой англійскій крейсеръ, который велъ себя уже иначе. Крейсеру „*Свѣтланѣ*“, шедшему впереди, онъ

*) Очищая подводную часть транспорта отъ водорослей, водолазы сильно засорили одну изъ трубъ циркуляціонныхъ помпъ холодильника.

поднялъ сигналъ:—„Не могу разобрать флага вашего адмирала; нужно ли салютовать?“... На это ему отвѣтили съ „*Суворова*“:—„Въ другой разъ“. И крейсеръ, поблагодаривъ за отвѣтъ, пошелъ своей дорогой“.

Въ письмѣ отъ 12 апрѣля 1905 г. изъ Камрана А. М. сообщалъ, какъ попросили удалиться нашу эскадру изъ этой бухты, принадлежащей нашимъ союзникамъ, какъ эскадра была вынуждена долго слоняться вдоль береговъ трехъузловымъ ходомъ, и какъ ее заставили передвинуться въ сосѣднюю бухту Ванъ-Фонгъ, почти совершенно безлюдную.

„По ночамъ здѣсь начались холода, а днемъ адская, невыносимая жара и въ каютахъ, и всюду ниже верхней палубы“.

„Нашей мастерской подвалили столько работы, что не передѣлать ее и въ мѣсяца три. Работаютъ и по ночамъ. „*Камчатка*“, не взирая на несовершенство ея мастерскихъ, оказала эскадрѣ громадную пользу. Трудно и представить себѣ, что сдѣлала бы наша эскадра, не имѣя при себѣ такого транспорта-мастерской. Запасами матеріала мы снабжены въ достаточномъ количествѣ и болѣе или менѣе *надлежащаго качества, хотя басню „Тришкинъ кафтанъ“ приходится вспоминать нерѣдко.* Подъ конецъ длиннаго плаванія мало осталось нѣкоторыхъ запасовъ, но и самое плаваніе подходитъ къ концу“.

„Начали ремонтъ котловъ. Облазили ихъ въ Страстную пятницу и увидали выпучины на одной изъ трубокъ. Одну изъ нихъ разорвало у насъ въ 1-й день Рождества, но благополучно; а на „*Ослябя*“ при подобныхъ же обстоятельствахъ сварило замертво кочегара. Во время ремонта изъ-за одной трубки приходится извлекать цѣлую баттарею ихъ, вѣсомъ пудовъ 60, и держать всю эту массу на вѣсу. Ночью по ошибкѣ отняли совсѣмъ не ту трубку и удвоили себѣ работу“.

Опухшія трубки оказались изъ плохого матеріала. Сильно нагруженной запасами и углемъ „*Камчаткѣ*“, чтобы не отставать, приходилось всегда имѣть подъ парами всѣ шесть котловъ. Неисправность въ одномъ изъ нихъ давала себя знать сейчасъ же. Осмотръ котловъ становился при такихъ условіяхъ тоже весьма затруднительнымъ. Поэтому обращено особое вниманіе на фильтровку воды; ее дѣлали въ два фильтра, машинный и кочегарный. Такая „роскошь“ не вездѣ встрѣчалась у насъ даже и на самыхъ новыхъ броненосцахъ. Извести и соды также не жалѣли. При осмотрѣ внутренней поверхности кипятильныхъ трубокъ она всегда оказывалась чистой.

„Для церковной службы въ 1-й день Пасхи соорудили шатеръ, задрапировали все флажной матеріей разныхъ цвѣтовъ и по бокамъ поставили двѣ срубленныя на берегу роскошныя пальмы. Утромъ къ 8 час. ждали священника съ „*Дмитрія Донского*“. Но вдругъ въ $7\frac{1}{2}$ час. утра къ борту подошелъ угольщикъ, и былъ объявленъ приказъ адмирала начать грузить уголь. До сихъ поръ не соблюдались у насъ ни воскресенья, ни другіе праздники, но мысль о пренебреженіи праздникомъ Пасхи даже и „въ силу военнаго времени“ всѣмъ намъ показалась чудовищной. Командиръ лично отправился къ адмиралу и упросилъ его

отложить погрузку угля до 6 час. веч. Была отслужена заутреня и обѣдня; священникъ перехристосовался со всѣми 400 человѣками, и началось разговѣнье; были приготовлены: изъ консервированнаго молока сносная пасха, куличъ, облитый чѣмъ-то краснымъ, очень соленая ветчина, крашеныя яйца и какіе-то паштеты. Большинство въ каютъ-компаніи при этомъ удобномъ случаѣ „набодалось"... Послѣ отдыха, въ 2 часа дня, началась раздача подарковъ командѣ и мастеровымъ по билетамъ, которые они вынимали на счастье. Для подарковъ былъ взятъ оставшійся въ судовой лавочкѣ не проданный товаръ: бѣлье, обувь, ножи, трубки, нитки и т. п. Раздача заняла около 3 час. времени и породила массу курьезовъ среди мастеровыхъ и команды, которые ухитрились къ этому времени тоже гдѣ-то и какъ-то нализаться... Эти подарки, оказывается, стоили въ общей сложности около 1000 руб.; и расходъ былъ покрытъ изъ такъ называемыхъ „экономическихъ" средствъ. Въ 5 час. подошелъ къ намъ опять угольщикъ и начались приготовленія къ погрузкѣ; а съ 6 час. началась и самая угольная оргія. На этотъ разъ грузили довольно быстро,—по 28 *tn* въ часъ, и приняли всего 500 *tn*. Послѣ погрузки намъ было разрѣшено войти въ глубь бухты, т. к. адмиралу было доложено, что въ мастерскихъ „*Камчатки*" невозможно работать по ночамъ при задраенныхъ иллюминаторахъ и запрещеніи имѣть какіе-либо огни. Хотя мы и стоимъ теперь на новомъ мѣстѣ, но приходится удивляться, зачѣмъ насъ сюда перевели, т. к. каждую ночь все-таки приказываютъ закрывать огни... Переходя на новое мѣсто, мы чуть не прободали госпитальное судно „*Орелъ*", благодаря командиру, бывшему на-веселѣ и желавшему хвастнуть своей ловкостью передъ сестрами милосердія".

Самое послѣднее письмо отъ Александра Михайловича было отъ 29 апрѣля. Въ немъ онъ сообщалъ о поимкѣ въ бухтѣ Ванъ-Фонгъ японскаго шпіона, которой съ китайской лайбы заносилъ себѣ въ записную книжку расположеніе судовъ эскадры на рейдѣ и названія ихъ.

Чтобы узнать, при какихъ обстоятельствахъ А. М. погибъ на „*Камчаткѣ*" въ бою, его родные просили морской штабъ сообщить имъ адресы команды, работавшей на этомъ транспортѣ и оставшейся въ живыхъ. Изъ штаба былъ полученъ отвѣтъ съ указаніемъ 31 адреса кочегаровъ, машинистовъ и др. матросовъ; по этимъ адресамъ были разосланы письма съ конвертомъ и маркой на отвѣтъ и съ просьбой написать то, что каждый изъ нихъ знаетъ о гибели А. М. Обратно получено 22 отвѣта, изъ нихъ 8—отъ машинной команды. Опредѣленнаго отвѣта изъ этихъ писемъ на интересовавшій семью вопросъ извлечь оказалось невозможнымъ: очевидно, не всѣ эти лица видѣли А. М. передъ самою его кончиною; но никому не хотѣлось сознаться въ томъ, что онъ этого не видалъ, или не знаетъ; оттого и показанія вышли довольно противорѣчивыми. Но эти письма подробно обрисовываютъ печальную картину напрасной гибели транспорта и его безпомощность въ бою. Въ

нихъ обрисовывается также и характеръ отношеній А. М. къ своимъ подчиненнымъ.

Одинъ изъ машинистовъ съ „*Камчатки*“ сообщилъ, что Александръ Михайловичъ былъ „весьма любимъ матросами за его веселый нравъ, мягкій характеръ и за его всегдашнее огромное присутствіе духа, не покидавшее его даже въ самыя тяжелыя минуты и весьма ободрившее въ бою оробѣвшую было команду кочегарни“.

Въ самое послѣднее время одному изъ товарищей удалось получить слѣдующія свѣдѣнія объ А. М. Плѣшковѣ и судьбѣ транспорта отъ машиниста, работавшаго на „*Камчаткѣ*“ и вернувшагося на заводъ съ котораго его взяли на корабль:

„А. М. былъ вторымъ младшимъ механикомъ изъ четверыхъ. Въ бою его мѣсто—въ кочегарномъ отдѣленіи. До 5 час. пополудни транспортъ былъ подъ защитой нашихъ судовъ. Но потомъ мы очутились окруженными шестью японскими крейсерами. Начался разстрѣлъ „*Камчатки*“. Первый снарядъ попалъ въ мачту, второй—въ каюту офицера, третій снарядъ, навѣсный, попалъ между машинами, никого не ранивши, четвертый снарядъ пробилъ бортъ, попалъ въ мастерскую и въ цилиндръ высокаго давленія. Обѣ машины встали. Минутъ чрезъ пять послѣ этого на транспортѣ, лишенномъ всякой дальнѣйшей возможности передвиженія, снарядъ попалъ въ кочегарное отдѣленіе, перешибъ паровую магистраль и др. паровыя трубы. Изъ людей, бывшихъ въ носовой кочегаркѣ цѣлыми вышли на палубу только двое, а изъ кормовой кочегарки никто не вышелъ, и выхода изъ нея уже не было“. Смерть застигла Александра Михайловича, очевидно, на мѣстѣ работы.

Получивши затѣмъ 3 подводныхъ пробоины, транспортъ началъ тонуть. Изъ 13 шлюпокъ уцѣлѣла къ этому времени только одна; покидая разбитый корабль, ею могли воспользоваться только около 40 чел., остальные бросались прямо въ воду; шлюпка также была осыпана градомъ японскихъ снарядовъ. Изъ всего персонала въ 400 человѣкъ остались въ живыхъ и попали въ плѣнъ 64 человѣка; изъ нихъ нѣкоторые были выловлены изъ воды въ безсознательномъ состояніи уже на третій день послѣ боя. Офицеры всѣ погибли.

Одинъ изъ бывшихъ сослуживцевъ А. М. по кораблю заканчиваетъ свое письмо такими словами:—„Вѣчная память Александру Михайловичу, пролившему свою кровь и положившему животъ свой за отечество, которое, можетъ быть, даже и не требовало такихъ напрасныхъ жертвъ, какъ гибель „*Камчатки*“, съ ея вольнонаемными рабочими; а вѣдь и ее тоже повели съ собою въ бой неизвѣстно зачѣмъ... Но кому было о нихъ подумать? Никто, вѣдь, не оказалъ „*Камчаткѣ*“ помощи даже и въ Нѣмецкомъ морѣ; некому было подумать объ ея участи и здѣсь. Да что „*Камчатка?*“ Объ участи *всей* эскадры, и объ этомъ передъ боемъ ничего не поговорили, ничего не обсудили...

ИНЖЕНЕРЪ-МЕХАНИКЪ

Николай Егоровичъ Трубицынъ.

> На немъ лежала вся надежда для семьи, воспитавшей его на свои послѣднія средства. Но подъ впечатлѣніемъ П.-Артурскихъ печальныхъ событій онъ нашелъ въ себѣ благородное мужество—поставить интересы отечества выше интетересовъ семьи.

Трубицынъ, Н. Е. родился 7 января 1878 года. По своему происхожденію онъ—сынъ крестьянина Егора Федоровича Трубицына изъ деревни Трубицына, Елецкаго уѣзда, Орловской губерніи.

Отецъ нашего товарища съ 15 лѣтъ и по настоящее время (въ теченіе 37 лѣтъ) работаетъ на паровыхъ мельницахъ. Благодаря трудолюбію и внимательному отношенію къ работѣ, ему удалось достичь званія мастера по крупчатно-мучному дѣлу. Мечтой его жизни было скопить небольшія средства, чтобы дать образованіе своему старшему сыну Николаю Егоровичу и получить отъ него поддержку для образованія всѣхъ другихъ членовъ семьи. „Онъ былъ—старшій изъ восьми нашихъ дѣтей", пишетъ мнѣ убитый горемъ отецъ, „мы его учили на послѣднія средства, дабы отъ него для остальныхъ дѣтей была намъ поддержка; и онъ всегда утѣшалъ насъ надеждою—повести къ образованію и другихъ своихъ братьевъ, такъ какъ намъ хотѣлось, чтобы всѣ наши дѣти были просвѣщены"... И теперь эта надежда отнята у семьи.

По словамъ отца, Николай Егоровичъ въ дѣтствѣ былъ „молчаливый и тихій мальчикъ; съ восьми лѣтъ его начали обучать въ приходскомъ училищѣ, гдѣ онъ и кончилъ три класса съ похвальнымъ листомъ". Среднее образованіе Н. Е. получилъ въ Воронежскомъ Реальномъ Училищѣ, оказавши въ общемъ удовлетворительные успѣхи. Въ 1897 г. онъ окончилъ тамъ курсъ, послѣ чего въ 1898 г. поступилъ по конкурсу въ Императорское Техническое Училище, „обожаемое нами" добавляетъ отецъ Н. Е.

Полный курсъ И. Т. У-ща Н. Е. окончилъ въ шесть лѣтъ и получилъ званіе инженеръ-механика. Это былъ скромный, тихій, отзывчивый, деликатный, но нѣсколько болѣзненный, молодой человѣкъ, весь поглощенный своей учебной работой, выполненіе которой давалось ему

не легко. Учился онъ на средства отца и никогда не хлопоталъ ни о стипендіяхъ, ни объ освобожденіи отъ платы, не желая отнимать этихъ средствъ отъ другихъ своихъ товарищей, которыхъ онъ считалъ болѣе нуждающимися въ пособіи, чѣмъ онъ самъ.

Въ каникулярное время два лѣта Н. Е. работалъ на Моск.-Нижегор. ж. д., ѣздилъ на паровозѣ.

По окончаніи курса въ И. Т. У-щѣ Н. Е. поѣхалъ домой, чтобы постепенно подготовить своихъ родителей къ мысли о поступленіи его во флотъ. Они жалѣли отпускать его въ морскую службу, но ему удалось уговорить ихъ и урезонить словами, что „вотъ окончится война, и въ Россіи все опять будетъ хорошо"...

Въ половинѣ сентября 1904 г. онъ отправился въ СПб. хлопотать о поступленіи во флотъ. Въ это время всѣ комплекты были уже составлены; эскадра Рожественскаго готовилась не сегодня-завтра отплыть; и его зачислили вольнымъ механикомъ на престарѣлый крейсеръ III ранга „*Азія*", районъ служебной работы котораго ограничивается короткими рейсами въ Финскомъ заливѣ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ это былъ недурной корабль американской постройки; но для перваго знакомства и это было недурно; а работу всегда можно было найти и здѣсь. Оказалось, что на крейсерѣ не было еще и чертежей съ расположеніемъ всѣхъ его запутанныхъ трубопроводовъ; Н. Е. занялся этимъ и составилъ такіе чертежи. „Командиръ остался очень доволенъ этой работой", сообщаетъ онъ объ этомъ своимъ братьямъ, которымъ пишетъ очень часто и вникаетъ во всѣ ихъ текущія дѣла и нужды. Какъ работника, его быстро оцѣнили, и чрезъ два мѣсяца (22. XI. 04) онъ былъ уже опредѣленъ на службу младшимъ инженеръ-механикомъ на броненосецъ береговой обороны „*Адмиралъ Ушаковъ*".

Узнавши объ этомъ назначеніи, родители Н. Е. въ письмахъ къ нему выражали боязнь, какъ бы его не отправили на войну. Въ отвѣтъ на это онъ писалъ имъ:—„Я пріѣхалъ сюда работать, а не бояться. Есть много отцовъ и матерей, у которыхъ ушли на войну единственные сыновья; а Васъ дѣтьми Богъ благословилъ. Надѣйтесь на Бога"...

Между тѣмъ „*Ушаковъ*", дѣйствительно, былъ назначенъ въ отрядъ Небогатова, стоялъ въ докѣ, и на кораблѣ шелъ усиленный ремонтъ; работали и по воскресеньямъ, и всѣ дни рождественскихъ праздниковъ, кромѣ перваго дня. Николаю Егоровичу былъ порученъ присмотръ за ремонтомъ машинъ. Это давало ему возможность ближе ознакомиться съ ними, это его сильно радовало. Къ Новому году онъ былъ произведенъ въ поручики. Успѣхи Н. Е. въ работахъ и скорое полученіе имъ чина доставили всей семьѣ большое удовольствіе.

„*Ушаковъ*" вмѣстѣ съ отрядомъ Небогатова ушелъ въ походъ 2.II.05. Великій князь Алексій Александровичъ передъ этимъ дѣлалъ отряду смотръ. Утромъ 8.II отрядъ пришелъ въ Скагенъ и простоялъ

около сутокъ; 20.II такая же остановка была въ Средиземномъ морѣ у острова Зафаринъ; оба раза спѣшно грузились углемъ съ иностранныхъ транспортовъ; а „въ пути не видали почти ничего, кромѣ неба да воды". Короткая остановка для отряда была также близъ острова Крита. Греческая Королева Ольга Константиновна посѣтила отрядъ и сердечно напутствовала его. Если бы Рожественскій подождалъ на Мадагаскарѣ еще двѣ недѣли, Небогатовъ догналъ бы его тамъ, а не въ

Поручикъ корпуса инженеръ-механиковъ флота
Николай Егоровичъ Трубицынъ.
† 15 мая 1905 года †

водахъ Аннама. Но случилось какъ-то нескладно: Рожественскій не зналъ, гдѣ находится Небогатовъ, и наоборотъ. Каждый шелъ самостоятельно, и въ бухтѣ Ванъ-Фонгъ они наконецъ соединились 26. IV. 05.

Въ Цусимскомъ бою „*Ушаковъ*" былъ поставленъ сначала на самое послѣднее, 12-е мѣсто, въ боевомъ отрядѣ; но черезъ полтора часа отъ начала боя его мѣсто въ отрядѣ было уже 9-е, а передъ гибелью „*Бородино*" онъ занималъ 7-е мѣсто. Во время дневного боя 14 мая

„*Ушаковъ*“ имѣлъ неоднократно пожары, но ходилъ исправно, изъ строя не выступалъ. Въ ночь съ 14 на 15 мая, какъ и другіе наши корабли, „*Ушаковъ*“ вынесъ на себѣ многочисленныя минныя аттаки миноносцевъ и получилъ двѣ подводныхъ пробоины. Съ ними онъ справился, могъ держаться на водѣ; но ходъ броненосца сильно ослабъ, и онъ поэтому отсталъ. Въ числѣ кораблей отряда Небогатова, которые готовились къ сдачѣ Японцамъ, его не было; онъ подходилъ къ этому отряду, когда вопросъ о сдачѣ былъ уже рѣшенъ. Тогда онъ отошелъ въ сторону и сдѣлалъ попытку уйти во Владивостокъ. Но при его слабомъ ходѣ это была напрасная мечта. Въ 4 ч. пополудни 15 мая его догнали два японскихъ крейсера и предложили ему сдаться. Въ отвѣтъ на это предложеніе „*Ушаковъ*“ открылъ огонь: тогда и Японцы начали его разстрѣливать 8-дюймовыми снарядами съ такого большого разстоянія, на которое снаряды броненосца вовсе не долетали. Чрезъ полчаса доблестный броненосецъ „*Адмиралъ Ушаковъ*“ не существовалъ болѣе; были открыты кингстоны, и онъ началъ тонуть... Около 30 человѣкъ команды выбросились за бортъ, ухватившись за плавательные круги, но Японцы ихъ разстрѣливали *), и большинство выбросившихся погибло. Часть экипажа была спасена подошедшими къ кораблю Японцами. Въ этомъ неравномъ и жестокомъ бою нѣкоторые отъ ужаса обезумѣли; съ большимъ трудомъ удалось ихъ привести потомъ въ сознаніе и успокоить: переодѣтые Японцами въ сухое платье и обогрѣтые, они безумно бѣгали по палубѣ, рвались къ трапамъ наверхъ, судорожно обхватывали руками какіе-нибудь предметы и не могли отъ нихъ оторваться **)... Японцы успѣли спасти съ „*Ушакова*“ 342 человѣка, а погибло около 80 человѣкъ. Въ числѣ погибшихъ оказался и Николай Егоровичъ Трубицынъ.

Случайно спасся его товарищъ по работѣ, инженеръ-технологъ Джелеповъ, поручикъ корпуса инженеръ-механиковъ флота, который о послѣднихъ минутахъ „*Ушакова*“ разсказалъ одному изъ нашихъ товарищей-техниковъ слѣдующее:

Когда были открыты на „*Ушаковѣ*“ кингстоны, люди начали бросаться съ корабля въ воду; одни, обвязавшись койками, другіе, держась за спасательные круги. Въ числѣ бросившихся въ воду былъ и Н. Е. Трубицынъ. Японцы продолжали стрѣлять до тѣхъ поръ, пока „*Ушаковъ*“ окончательно не скрылся подъ водой; отъ ихъ огня поэтому пострадали очень многіе изъ бросившихся въ воду. По исчезновеніи „*Ушакова*“ японскіе крейсеры подошли къ мѣсту его гибели, но шлюпокъ не спускали, желая наказать русскихъ, не сдавшихся сразу и стрѣлявшихъ въ японскіе крейсеры. Благодаря этому, нашимъ довольно далеко и долго приходилось плыть до крейсеровъ; вода была холодная,

---

*) „*Нов. Вр.*“, 1905, № 10.595, разсказы уцѣлѣвшихъ матросовъ.
**) „*Морск. Сборн.*“, 1905, № 10, стр. 239.

руки и ноги коченѣли, и многіе этого не выдерживали. Изъ 17 офицеровъ, бросившихся въ воду и продержавшихся на ней отъ полутора до двухъ часовъ, спаслось только 11 человѣкъ; Н. Е. Трубицына среди спасенныхъ уже не оказалось.

Поручикъ Джелеповъ хвалилъ Николая Егоровича, какъ товарища и работника.

Много горькихъ слезъ выпало на долю всей семьи Николая Егоровича, въ лицѣ его отца, его матери, его семерыхъ младшихъ братьевъ и сестеръ. Ко всѣмъ нимъ покойный относился съ ласкою и вниманіемъ, писалъ имъ изъ похода отдѣльныя письма, все время входилъ въ ихъ интересы, давалъ имъ свои совѣты и указанія. Много безотрадныхъ дней и часовъ тяжелой неизвѣстности пережила эта трудовая и многострадательная семья, пока для всѣхъ не сдѣлалось яснымъ, что любимый сынъ и братъ погибъ, что всѣ надежды семьи на него, какъ будущаго помощника, разбиты...

Исполненное скорби и печали письмо родителя безвременно погибшаго товарища нашего заканчивается слѣдующимъ сообщеніемъ:

„Второй сынъ у меня живетъ своимъ трудомъ, имѣетъ маленькую мельницу, третій сынъ учится въ юнкерскомъ училищѣ въ Казани. А остальные всѣ — на моихъ рукахъ; надо имъ дать образованіе. Пока есть силы, буду добиваться. А только года мои уходятъ, и что Богъ дастъ для остальныхъ, не знаю. Подалъ прошеніе на Высочайшее имя о благоволеніи ко мнѣ и о помощи для обученія остальныхъ дѣтей на казенный счетъ. Но отвѣта еще не получалъ“...

Желательно, чтобы наши товарищи, служащіе во флотѣ и посѣщающіе морской штабъ, не оставили этого дѣла безъ вниманія и справились о судьбѣ этого прошенія.

На тотъ случай, если бы кто-нибудь изъ товарищей пожелалъ оказать вниманіе къ памяти Николая Егоровича, облегчить горе его семьѣ и написать его родителю слово утѣшенія, сообщаю адресъ послѣдняго: Слобода Россошъ (почтовое отдѣленіе), Воронежской губерніи, Острогорскаго уѣзда, паровая мельница Овсянникова, Егору Федоровичу Трубицыну.

ИНЖЕНЕРЪ-МЕХАНИКЪ.

Павелъ Степановичъ Федюшинъ.

> Въ сношеніяхъ съ людьми Павелъ Степановичъ былъ врагомъ всякихъ насилій. Онъ вѣрилъ, что люди и должны и могутъ относиться другъ къ другу сердечно *).

Федюшинъ П. С. родился 28 іюня 1880 года. Онъ—сынъ статскаго совѣтника Степана Павловича Федюшина, который въ теченіе 28 лѣтъ состоялъ преподавателемъ русскаго языка въ Елецкой гимназіи. Отецъ П. С. умеръ еще въ 1889 г.; и кончину нашего товарища-героя оплакиваютъ его мать Марія Николаевна, его братъ и двѣ его сестры.

Въ первые годы своей жизни П. С. былъ слабымъ ребенкомъ, и его здоровье окрѣпло, только благодаря правильному, заботливому лѣченію.

Ему было 9 лѣтъ, когда умеръ его отецъ. Положеніе семьи, получавшей 75 р. пенсіи, сдѣлалось не легкимъ: четверымъ дѣтямъ надо было дать образованіе; старшимъ въ семьѣ былъ 13-лѣтній сынъ, братъ нашего товарища. Всѣ заботы о семьѣ выпали на долю матери. Трудомъ и энергіей ей удалось побороть трудности, связанныя съ воспитаніемъ и образованіемъ ея старшихъ дѣтей. Тяжелый циклъ заботъ для нея въ этой области въ 1904 г. близился уже къ концу; еще немного времени, и труды матери увѣнчались бы полнымъ успѣхомъ; пріобрѣтеніе этой семьею самостоятельнаго работника и помощника было уже не за горами, но начавшаяся война разрушила всѣ разсчеты **)...

---

*) Изъ письма товарища-однокурсника съ П. С.

**) Въ офиціальномъ отдѣлѣ журнала *„Морской Сборникъ“*, 1906 г. въ № 8 напечатанъ отчетъ эмеритальной кассы морского вѣдомства и списокъ лицъ, которымъ назначены пенсіи изъ этой кассы въ теченіе первой половины 1906 года. Любопытныя свѣдѣнія можно получить изъ этого документа, *кому* и *на сколько лѣтъ* впередъ назначаются пенсіи. Львиная доля,—пенсіи до 1800 р. ежегодно на сроки отъ 21 до 35 лѣтъ, назначена „звѣздамъ“ первой величины: двадцати семи вице-и контръ-адмираламъ, двадцати генераламъ, имѣющимъ военные и гражданскіе чины, прослужившимъ въ вѣдомствѣ отъ 27 до 35 лѣтъ. За исключеніемъ двоихъ, остальные изъ этихъ почтенныхъ пенсіонеровъ не были участниками боя ни подъ Цусимою въ 1905 г., ни подъ Артуромъ въ 1904 г. Вмѣсто нихъ работали, жертвовали жизнію другіе; а пенсіи получатъ они, выслужившіе цензъ. На долю же вдовъ, дѣтей и вдовыхъ матерей, лишившихся въ бою своихъ кормильцевъ и работниковъ для семьи назначены въ этомъ спискѣ большею частію только жалкія крохи. Мать нашего товарища П. С. Федюшина очутилась въ такомъ положеніи: ея дѣти

Десяти лѣтъ П. С. поступилъ въ 1-й классъ Елецкой классической гимназіи. Ученье давалось ему легко. Съ перваго же года пребыванія въ гимназіи онъ обнаружилъ математическія способности и любовь къ занятіямъ математикой. Изученіе древнихъ языковъ его не увлекало. Съ самаго дѣтства любимыми книгами его были описанія путешествій, разсказы по естественной исторіи и въ частности по зоологіи. Начиная съ 4-го класса гимназіи, онъ началъ давать уроки,— но никогда не заваливалъ себя ими, несмотря на множество предложеній.

Въ 1898 г. П. С. окончилъ курсъ гимназіи первымъ ученикомъ, съ золотой медалью. Радостное настроеніе его омрачается въ это время смертью дяди, который очень любилъ П. С. и былъ любимъ въ этой семьѣ, какъ родной отецъ.

Въ томъ же 1898 г. П. С. по конкурсу поступилъ въ И Т. У-ще.

Во вниманіе къ его успѣхамъ и къ необезпеченному матеріальному положенію его семьи, П. С. при переходѣ со 2-го курса на III-й былъ удостоенъ казенной стипендіи, которою и пользовался до самаго окончанія курса въ 1904 году, продолжая заниматься весьма успѣшно. Въ семью онъ писалъ, что учебныя занятія поглощаютъ все его время, и сожалѣлъ, что, кромѣ учебниковъ, приходится читать вообще очень немного.

Его друзья, съ которыми ему приходилось жить и работать въ это время, отмѣчаютъ преданность его наукѣ, честное, благородное отношеніе къ своему долгу и къ людямъ, твердость и устойчивость сужденій и почти непрерывный трудъ.

Одинъ изъ товарищей-однокурсниковъ П. С., знающій его ближе другихъ, въ дополненіе къ этому далъ мнѣ слѣдующую характеристику П. С.:

„Мы близко познакомились другъ съ другомъ въ Т. У. довольно рано, еще на II-курсѣ; П. С. привлекалъ насъ къ себѣ своей отзывчи-

---

не всѣ еще закончили свое образованіе; Павелъ Степановичъ, какъ инженеръ, являлся бы теперь для семьи главной опорой и помощникомъ; событія подъ Цусимою отняли у матери эту опору, и ей „за службу сына, поручика корпуса инженеръ-механиковъ флота“, назначена пенсія въ размѣрѣ 63 р. 91 к. *каждогодно въ теченіе трехъ лѣтъ*... Уставъ эмеритальной кассы, можетъ быть, и удовлетворителенъ, пока его примѣняютъ въ обыкновенное мирное время для награжденія за выслугу лѣтъ. Но результаты примѣненія его въ такихъ экстренныхъ случаяхъ, какъ событіе 14 мая 1905 г., по отношенію ко многимъ пенсіонерамъ нельзя не признать совершенно неудовлетворительными. Экстренныя событія требуютъ экстренныхъ мѣръ и экстренныхъ ассигновокъ. Цусима—событіе чрезвычайное. Безъ боязни создать прецедентъ, безъ боязни обременить свой бюджетъ, морское вѣдомство должно было испросить на этотъ случай особую ассигновку и широко удовлетворить изъ нея запросы по удовлетворенію нужды въ обездоленныхъ и разбитыхъ семьяхъ. Величина ассигновки, приходящейся на долю отдѣльныхъ лицъ, во всякомъ случаѣ должна быть прилична, не должна граничить съ такими суммами, которыя лицамъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ этого дѣла, говорятъ скорѣе о насмѣшкѣ, объ издѣвательствѣ одной стороны надъ другой, чѣмъ о дѣйствительной помощи. Погибшія подъ Цусимою молодыя силы, столь дорогія для родины и для семьи, къ которой онѣ принадлежали, нельзя оцѣнить никакими суммами... Но исправленіе подсчетовъ эмеритальной кассы по отношенію ко многимъ семьямъ все-таки является настоятельной необходимостью. Вѣрность этихъ подсчетовъ, надо думать, неоспорима. Но въ этомъ дѣлѣ со стороны морского вѣдомства хотѣлось бы видѣть не только одну ариѳметику, а и сердечное, внимательное, довѣрчивое отношеніе ко всѣмъ потерпѣвшимъ, у которыхъ погибли въ бою не только дорогіе для нихъ люди, но и радость, и всѣ надежды на какой-либо просвѣтъ душевнаго спокойствія въ будущемъ. *П. Х.*

востію на все хорошее, своей деликатностію, серьезнымъ, вдумчивымъ отношеніемъ къ жизни. Въ Т. У. онъ пошелъ по личному желанію и занимался всѣми предметами очень серьезно и съ большимъ интересомъ. Въ сношеніяхъ съ людьми П. С. былъ врагомъ всякихъ насилій. Онъ вѣрилъ, что люди и должны и могутъ относиться другъ къ другу сердечно. Поэтому при первыхъ встрѣчахъ съ людьми онъ замѣчалъ только ихъ хорошія стороны. По отношенію къ своимъ родственникамъ онъ былъ очень заботливъ и внимателенъ. Когда П. С. былъ въ Т. У. на II курсѣ, весной во время экзаменовъ серьезно заболѣлъ его старшій

Поручикъ корпуса инженеръ-механиковъ флота

Павелъ Степановичъ Федюшинъ.

† 14 мая 1905 года †

братъ, студентъ университета; П. С. бросилъ держать свои экзамены, сосредоточилъ все свое вниманіе на оказаніи помощи брату и остался поэтому на II курсѣ на 2-й годъ. Такая самоотверженность имѣетъ свою цѣнность, если взять во вниманіе, что П. С. учился тогда еще на свои средства".

Каникулярное время своей студенческой жизни П. С. проводилъ на практикѣ: одно лѣто онъ работалъ въ качествѣ рабочаго-литейщика по чугуну на механическомъ заводѣ Московскаго Т-ва (въ Климовкѣ);

второе лѣто онъ ѣздилъ на Брестской жел. дор. помощникомъ машиниста; а третье лѣто П. С. работалъ на Брянскомъ заводѣ. Въ письмахъ къ семьѣ относительно этой командировки онъ писалъ тогда, что матеріальный заработокъ она дала ему плохой, и что директоръ этого завода (изъ технологовъ) очень недружелюбно относился къ студентамъ-практикантамъ изъ Техническаго Училища. Товарищи-техники, съ которыми П. С. въ одно время работалъ на Брянскомъ заводѣ, отмѣчаютъ его необыкновенное трудолюбіе, способность быстро осваиваться въ незнакомой обстановкѣ завода, улавливать интересныя для техника подробности производства, составлять эскизы деталей различныхъ машинъ и т. п. „Изъ него вышелъ бы отличный, даровитый работникъ-инженеръ", добавляютъ товарищи, „но на возможность проявленія какой-либо воинственности у него не было даже и намека"...

Передъ окончаніемъ курса въ И. Т. У-щѣ П. С. задумалъ поступить во флотъ, чтобы тамъ отбывать воинскую повинность. Его влекло во флотъ желаніе послужить роднѣ своими техническими знаніями, а также привлекала и возможность осуществить мечту „о кругосвѣтномъ путешествіи". Во что оно обратится еще на пути до Камрана, онъ, конечно, тогда не предвидѣлъ.

Въ мартѣ 1904 г. П. С. писалъ своей матери слѣдующія строки:

„Положеніе дѣлъ на войнѣ весьма серьезно. Въ настоящее время нельзя и думать о собственномъ спокойствіи. Надо итти на войну... Мнѣ жаль тебя и сестеръ, но берутъ на службу моихъ товарищей, у которыхъ уже есть дѣти... Я отправилъ прошеніе въ морской штабъ о принятіи меня во флотъ".

По окончаніи курса въ И. Т. У. съ званіемъ инженеръ-механика П. С. пріѣхалъ домой къ роднымъ *только на три дня;* и 1 іюня 1904 г. его уже провожали въ СПб. на службу во флотъ.

Пока разрѣшались различныя формальности о зачисленіи во флотъ, П. С., пріѣхавши въ СПб., осмотрѣлъ Эрмитажъ, музеи, учебныя учрежденія и т. п.

Начальникомъ морского штаба П. С. былъ назначенъ на броненосецъ *„Князь Суворовъ"*, гдѣ и началась его служба съ 9. VI. 04.

Изъ Кронштадта отъ 21 и 27. VI. 04 П. С. писалъ между прочимъ слѣдующее:

„Потребовалось двѣ недѣли, чтобы вполнѣ ознакомиться и усвоить себѣ расположеніе всѣхъ частей на броненосцѣ. Первые дни я былъ, какъ въ лѣсу; хочу пройти въ одно помѣщеніе, попадаю въ другое. Въ настоящее время мы стоимъ все еще въ гавани; послѣ 15 іюля уйдемъ на большой рейдъ. Изъ новыхъ судовъ готовъ пока *только* броненосецъ *„Александръ III-й"*, который стоитъ уже на внѣшнемъ рейдѣ... Чрезъ мѣсяцъ я буду произведенъ въ инженеръ-механики флота и опредѣленъ на дѣйствительную службу; мое званіе будетъ соотвѣтствовать чину

мичмана или поручика; жалованье буду получать 118 р. (вмѣсто 48 р., какъ теперь), а въ заграничномъ плаваніи 187 р. Тамъ увижу много интереснаго; побываю въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ до сихъ поръ приходилось такъ много читать... Жизнь на кораблѣ здѣсь довольно пріятна, если не обращать вниманія на постоянный стукъ, который не прекращается и днемъ и ночью; съ достройкой спѣшатъ, поэтому работа идетъ непрерывно. У меня своя каюта; къ моимъ услугамъ—вѣстовой; столъ великолѣпный: завтракъ изъ 2-хъ блюдъ, обѣдъ изъ 4-хъ. Окружающіе меня офицеры народъ симпатичный. На „*Суворовѣ*" сейчасъ семь инженеръ-механиковъ".

Изъ письма отъ 4. VII. 04: „Командиръ пристроилъ меня къ пріемкѣ угля. Послѣ погрузки 5000 пуд. изъ блондина я превратился въ брюнета. На-дняхъ предстоитъ погрузить 40.000 пуд., и тогда я превращусь, по всей вѣроятности, въ негра. На моей обязанности лежитъ только наблюденіе, изысканіе способовъ скорѣйшей погрузки. Потомъ мнѣ поручено составить схему парового отопленія, и оно впослѣдствіи должно перейти въ мое завѣдываніе. Кромѣ того, я буду завѣдывать паровыми катерами; ихъ у насъ четыре, два—минныхъ и два пассажирскихъ. Всѣ они, какъ игрушки, будутъ разставлены на верхней палубѣ... Я очень доволенъ, что поступилъ во флотъ. Другіе инженеры здѣшніе много плавали и разсказываютъ массу всего интереснаго объ Японіи, Артурѣ, китайскихъ портахъ. И все это я увижу!"..

Изъ письма отъ 20. VII. 04: „Работать приходится очень много. Поручили мнѣ погрузки угля еще и на транспортѣ „*Корея*"; присутствую лично на погрузкѣ, т. к. боюсь за людей, много опасности для нихъ. Пока все обходилось благополучно... Познакомился съ вахтами на „*Суворовѣ*"; выходили въ море для пробы машины и орудій; во время хода въ машинномъ отдѣленіи вверху температура доходила до 55° *Р*.; пробыть на вахтѣ 4 часа подрядъ—не легкое дѣло... На пробѣ узнали, что такое залпъ изъ 12-дюймоваго орудія. Одного мичмана уже оглушило. Зарядъ для такого выстрѣла стоитъ около 500 р. Интересная вещица тоже пулеметъ, дѣлающій 400 выстрѣловъ въ минуту. У насъ много всякаго вооруженія и между прочимъ 4 минныхъ аппарата. Каждая мина стоитъ 3.500 р. Весь нашъ броненосецъ обошелся въ 13 $^1/_2$ милліоновъ рублей. Кромѣ того мы повеземъ съ собою разныхъ боевыхъ припасовъ на милліоны; и все это еще малая доля тѣхъ расходовъ, которые связаны съ войною"...

Изъ письма отъ 7. VIII. 04: „Съ 1 августа Рожественскій живетъ на нашемъ броненосцѣ. Это очень суровый и свирѣпый господинъ. Что ни день, то новый арестъ для кого-нибудь изъ офицеровъ и за самые ничтожные пустяки. Его зовутъ здѣсь... (не хорошо). Человѣкъ онъ очень нервный; когда говоритъ, сильно волнуется; 1-го августа онъ говорилъ рѣчь матросамъ такъ нервно, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ увлека-

тельно, что у всѣхъ на лицѣ была полная готовность умереть, если понадобится, за Царя и родину"...

Изъ Ревеля въ письмѣ отъ 21 сентября 1904 г. своей матери П. С. написалъ слѣдующія строки: „Мнѣ очень грустно, что ты такъ волнуешься за меня; я доволенъ своей участію; и я чувствовалъ бы себя гораздо бодрѣе, если бы зналъ, что твое огорченіе по поводу моего отъѣзда не такъ сильно"...

Изъ похода П. С. роднымъ писалъ не много и всегда очень осторожно. Въ письмахъ же къ товарищамъ онъ былъ откровеннѣе, и съ горечью писалъ онъ имъ объ окружающихъ его лицахъ на „*Суворовѣ*". Его, какъ человѣка съ благородной душой и честными взглядами, очень многое коробило и возмущало въ окружавшей его средѣ...

Въ первомъ письмѣ изъ похода П. С. описываетъ послѣдніе дни пребыванія эскадры въ Ревелѣ, посѣщеніе ея Государемъ и Государыней и эффектное зрѣлище, которое было имъ показано,—взрывъ сразу десяти минъ загражденія вдали отъ броненосца. Государыня посѣтила только два корабля—„*Суворовъ*" и „*А. III-й*".

Въ письмѣ отъ *27 октября 1904 г.* читаемъ слѣдующее:

„Вотъ уже пятыя сутки, какъ мы вышли изъ *Танжера*. Пятыя сутки кругомъ вода, берега не видно. Одинъ только разъ ласкали нашъ взоръ показавшіеся вдали на горизонтѣ силуеты горъ на Канарскихъ островахъ. Погода намъ благопріятствуетъ; океанъ спокоенъ. Сидя въ каютѣ нашего гиганта-броненосца, можно позабыть, пожалуй, что находишься на морѣ. Я до сихъ поръ еще не знаю, что такое морская качка. Настроеніе хорошее. Пріятно сознавать, что приносишь пользу, хотя и незначительную, можетъ быть. Приходится, однако, сожалѣть, что не пускаютъ на берегъ. Хотѣлось бы побродить по чужимъ городамъ, ближе посмотрѣть жизнь, нравы. Но...пока довольствуемся осмотромъ городовъ въ бинокль. Прошли тропикъ Рака; идемъ въ Дакаръ. Сейчасъ здѣсь зима, но все-таки температура воды въ океанѣ 20°; всѣ—въ кителяхъ".

Изъ *Габуна* отъ *13 ноября 1904 г.:* „На берегу—роскошнѣйшая фауна, съ корабля виденъ чудный дѣвственный тропическій лѣсъ... Но пускать насъ на берегъ боятся: за мѣсяцъ передъ нашимъ приходомъ туземцы съѣли здѣсь четверыхъ европейцевъ... Послѣдній переходъ изъ Дакара въ Габунъ былъ очень тяжелъ для машинной команды и для насъ; въ машинныхъ помѣщеніяхъ наверху доходило до 61° *Р*. Выйдешь на палубу, и тамъ нѣтъ ни малѣйшей прохлады и облегченія... Передъ Габуномъ сплоховали наши штурманы; прежде чѣмъ попасть сюда, эскадра блуждала, и экваторъ намъ пришлось переходить три раза, т.-е. съ сѣвера на югъ, затѣмъ обратно, и еще разъ съ сѣвера на югъ"...

Изъ *Нози-бей* отъ *7 и 31 января 1905 г.:* „Растительность здѣсь роскошная. Хотѣлось бы вѣчно имѣть ее передъ глазами. Громадныя, роскош-

ныя кокосовыя пальмы, мангу... По воскресеньямъ гуляемъ на берегу. Мѣстечко—рай земной... Съ туземцами разговариваю на „французскомъ" языкѣ; и я и туземцы изрядно его коверкаемъ, но другъ друга понимаемъ... Европейцевъ здѣсь всего полтораста человѣкъ, а насъ на эскадрѣ около 15.000 ч. Здѣсь теперь собралась почти уже вся эскадра кромѣ запоздавшихъ крейсеровъ „*Олега*", „*Изумруда*", „*Ріона*", „*Днѣпра*", двухъ миноносцевъ и транспорта „*Иртыша*". На миноносцахъ мнѣ часто приходится быть въ охранной цѣпи;и оттуда издали вся эскадра кажется цѣлымъ городомъ... Въ Нози-бей есть нѣсколько европейскихъ магазиновъ, торгующихъ удивительно разнообразными товарами: въ одномъ и томъ же магазинѣ желающій можетъ себѣ пріобрѣсти и бутылку шампанскаго и...китель; тутъ же продаются инструменты для слесарей, плотниковъ. Съ приходомъ эскадры цѣны на всѣ продукты здѣсь сильно поднялись... Наши матросы говорятъ съ неграми по-русски, и тѣ хорошо начали привыкать къ нашему языку; многіе изъ нихъ вполнѣ правильно выговариваютъ русскія числительныя имена и скоро заговорятъ по-русски... На якорѣ служба механикамъ легче, хотя дѣлъ у нихъ не меньше, чѣмъ въ походѣ. Послѣ каждаго перехода нужно бываетъ осмотрѣтъ машины, сдѣлать, гдѣ надо, исправленія... Я все-таки очень доволенъ, что пошелъ во флотъ. Моя служба здѣсь будетъ продолженіемъ моего техническаго образованія. Въ Техническомъ У-щѣ насъ долго учатъ, какъ надо проектировать машины; меньше времени тратится на обученіе, какъ надо строить машины, и совсѣмъ почти не учили насъ, какъ надо ухаживать за машиной построенной. Это—пробѣлъ, который здѣсь и приходится все время пополнять... Въ заграничномъ плаваніи я получаю 182 рубля. Если бы содержаніе на суднѣ стоило не такъ дорого, я былъ бы богатъ. Около ста рублей вычитается въ каютъ-компанію. Но немногое, что остается, я кладу въ сберегательную кассу. На случай, если со мной что-нибудь приключится, составилъ завѣщаніе; всѣ мои взносы должны быть выданы тогда моей сестрѣ А... Въ каютъ-компаніи здѣсь только и разговору, что о плаваніяхъ, о цензѣ, о выслугѣ кампаній, объ орденахъ. Да, и не мудрено. Вся ихъ жизнь сводится къ тому. Выплавалъ цензъ и жди терпѣливо, когда получатъ производство старшіе, когда можно будетъ занять ихъ мѣсто. Есть тутъ у насъ одинъ мичманъ-кретинъ, такъ тотъ все вычисляетъ, насколько онъ продвинулся впередъ, благодаря войнѣ. Многіе очень напоминаютъ Скалозуба... Прибытіе корреспонденціи—событіе на эскадрѣ. Больше всего приходитъ писемъ на имя молодоженовъ. Получаются у насъ здѣсь свѣдѣнія и о безпорядкахъ въ Россіи. Мичманы съ глубокомысленнымъ видомъ говорятъ:—„Это—студенты! Тутъ война, а они бунтуютъ!.." Никакъ не могутъ сообразить, что война у насъ оттого и затянулась, что не внимали раньше студентамъ; а теперь принуждены прислушиваться къ болѣе настойчивыхъ требованіямъ не студентовъ, а всего народа. Уже существуетъ въ Россіи и свобода печати. Наконецъ-то начнутъ раскрывать всѣ злоупотребленія. Дай-то Богъ! Пора, пора!.."

Въ походѣ жилось Павлу Степановичу совсѣмъ плохо, но онъ ни слова не писалъ объ этомъ никому изъ родныхъ, чтобы не тревожить ихъ. Одинъ только разъ вдругъ прорвалась и у него такая загадочная для нихъ фраза: — „Ну, и упекъ же я себя!..“

Одинъ изъ нашихъ товарищей въ письмѣ ко мнѣ передаетъ такую сцену: „Въ февралѣ 1905 г., въ Нози-бей очищали броненосцымъ ихъ подводныя части при помощи водолазовъ. Дошла очередь и до нашего корабля. Къ нему со всей броненосной эскадры пришли шлюпки съ водолазами; съ „*Суворовскими*“ пришелъ Федюшинъ. Въ Училищѣ у насъ было съ нимъ только шапочное знакомство, а здѣсь мы съ перваго же слова перешли на „ты“. Я позвалъ его въ мою каюту, которую занималъ вдвоемъ съ инж.-мех. *N*.—„Вотъ счастливецъ! Какая у тебя каюта!“ сказалъ мнѣ Федюшинъ. — „Ну, какая же у меня обстановка“, говорю ему.—„Зато спать можно. А у насъ вѣдь штабъ; флагманскіе заняли не только всю верхнюю палубу, а часть каютъ и въ батарейной. Живу я во внутренней каютѣ вмѣстѣ съ мичманомъ *М*. Вентилятора нѣтъ; каюта какъ разъ надъ машинами; и днемъ, и ночью тамъ такая жара, что спать рѣшительно невозможно... И я тамъ не сплю. Приходится дожидаться, когда разойдутся въ каютъ-компаніи; ну, съ 12 часовъ и спишь до 5-6 час. утра. Отъ хроническаго недосыпанья чувствую себя совсѣмъ плохо“.—„Ну, а если у тебя ночная вахта?“— Федюшинъ только молча развелъ руками“...

Писать неправду ему было очень тяжело, а потому, начиная съ половины пребыванія эскадры у Мадагаскара П. С. вдругъ какъ-то смолкъ...

Послѣднее письмо Павла Степановича изъ бухты Камранъ отъ 8 марта было получено уже въ концѣ мая 1905 г., послѣ катастрофы. Въ этомъ письмѣ онъ опровергаетъ только сообщенія о вымышленномъ газетами боѣ нашей эскадры съ японской близъ Аннамскихъ острововъ; а о себѣ пишетъ подозрительно кратко и въ такихъ общихъ выраженіяхъ, какъ „вполнѣ здоровъ, чувствую себя превосходно, настроеніе прекрасное“...

Въ бою „*Суворовъ*“, на которомъ работалъ П. С., очутился въ самомъ жалкомъ и безпомощномъ положеніи... Чрезъ три четверти часа отъ начала боя онъ вышелъ уже изъ строя и навсегда... Безъ руля, безъ всякихъ средствъ для сигнализаціи и съ единственной уцѣлѣвшей у него къ этому времени 12-дюймовой носовой башней, флагманскій броненосецъ очень быстро послѣ этого началъ представлять собою въ дальнѣйшемъ только мишень для японскихъ снарядовъ; вся его боевая мощь была уже исчерпана... Онъ держался на водѣ, дѣлалъ видъ, что кому-то угрожаетъ, кому-то помогаетъ, но самъ больше всѣхъ нуждался въ помощи...

Когда былъ раненъ адмиралъ и выведены были изъ строя на корабле его главныя орудія, сила и значеніе броненосца сразу выдохлись; штабу нечего было и пытаться демонстрировать на немъ „беззавѣтную храбрость и отвагу", выѣзжая на чужой спинѣ. Дальнѣйшее стремленіе этого корабля быть ближе къ мѣсту боя рѣшительно ничѣмъ не вызывалось, ничѣмъ не оправдывалось: боемъ онъ не руководилъ; нашимъ боевымъ силамъ онъ существенно не помогалъ, развѣ тѣмъ только, что былъ по временамъ тою мишенью, которая привлекала на себя всю силу непріятельскаго огня... Достойную вниманія цѣнность на кораблѣ представлялъ въ это время только личный составъ его. Боевую иниціативу и энергію этого состава можно было использовать и ввести въ бой, пересадивши его на одинъ изъ самыхъ быстроходныхъ и сильныхъ крейсеровъ; а всѣхъ раненыхъ съ „*Суворова*" надо было передать на другой болѣе надежный крейсеръ, готовый отойти съ ними въ одинъ изъ нейтральныхъ портовъ. Но помощь къ „*Суворову*" однако не приходила ниоткуда... Онъ не шелъ къ крейсерамъ; крейсеры же, поглощенные охраною транспортовъ, не шли къ нему; а миноносцы „*Бѣдовый*" и „*Быстрый*" куда-то окончательно исчезли; по расписанію они должны были все время держаться въ траверсѣ „*Суворова*" и немедленно подойти къ нему, какъ только онъ выйдетъ изъ строя, чтобы снять адмирала со штабомъ и перевезти ихъ на другой исправный корабль... Лишенный возможности управлять своимъ ходомъ, пылающій флагманскій корабль, съ котораго все еще не былъ снятъ раненый адмиралъ, какимъ-то теченіемъ понесло потомъ къ цѣлому ряду новыхъ испытаній, къ совмѣстному разстрѣлу его японскимъ отрядомъ и... русскимъ: головная часть нашего боевого отряда, не узнала „*Суворова*", несомаго со стороны Японцевъ... Прикомандированные къ флагману миноносцы такъ и не появились выручать его... Съ доживавшаго свои послѣдніе часы „*Суворова*", были сняты только адмиралъ и его штабъ на случайно подошедшій миноносецъ „*Буйный*", и безъ того обремененный большимъ грузомъ всей команды съ „*Ослябя*", которую удалось ему подобрать въ самомъ началѣ боя. Пока адмиралъ и его штабъ оставались на давно уже потерявшемъ свою боевую мощь и значеніе броненосцѣ, между чинами штаба тамъ не происходило никакихъ дѣловыхъ совѣщаній, вызываемыхъ ходомъ событій, и не послѣдовало никакихъ указаній и распоряженій для штаба со стороны адмирала. Пересѣсть ли адмиралу на другой боевой корабль, этотъ вопросъ въ первый разъ возникъ только послѣ перегрузки адмирала на миноносецъ „*Буйный*"... Но отвѣтъ на этотъ вопросъ получить сразу было нельзя: адмиралъ былъ въ это время безъ памяти... А время шло... „*Буйный*" догналъ уходившіе на сѣверъ остатки нашей эскадры. Было отдано распоряженіе о томъ, что командованіе эскадрою передается Небогатову. Былъ найденъ наконецъ одинъ изъ бѣглыхъ миноносцевъ—„*Бѣдовый*"... Послѣ этого его будто бы вернули назадъ отъ уходившей на сѣверъ эскадры, чтобы

онъ разыскалъ „*Суворова*“ и снялъ оставшихся на немъ людей *)... Мудрое и мудреное порученіе... „*Бѣдовый*“ не узнавалъ „*Суворова*“ и за нѣсколько часовъ раньше, когда онъ все-таки еще походилъ самъ на себя, а тутъ и этого не было; и надо было идти къ „*Суворову*“, вокругъ котораго въ это время носились стаи японскихъ миноносцевъ. Понятно, что „*Бѣдовый*“ его... „не нашелъ“ и вернулся обратно къ главнымъ нашимъ силамъ, уходившимъ на сѣверъ... „*Суворову*“ могли бы во время боя оказать помощь наши крейсеры, но... это не входило въ ихъ задачу; онъ, страдающій, ихъ не интересовалъ и въ началѣ боя; ничѣмъ не помогли они ему, еще сильнѣе страдавшему, и въ срединѣ боя; совсѣмъ не интересовалъ онъ ихъ и въ концѣ боя, когда вся оставшаяся у насъ боевая сила эскадры двинулась на сѣверъ... „*Суворовъ*“ былъ въ это время уже одинъ среди чужихъ... Спасать людей съ добиваемаго Японцами корабля было некому... Чрезъ два часа отъ начала боя русскіе броненосцы начали принимать „*Суворова*“ за чужой корабль, а Японцы до конца боя узнавали его; всѣ они сознательно, непрерывно и ожесточенно нападали на него. Сначала на немъ было сосредоточено вниманіе всей боевой мощи японской эскадры, потомъ стало довольно обстрѣливать его легкими крейсерами, и наконецъ къ нему можно было подступить и съ одними миноносцами... Но потопить его оказалось не такъ-то легко. Руль у него давно уже не дѣйствовалъ, но машины были, очевидно, въ исправности. Корабль все еще дѣлалъ какія-то предсмертныя эволюціи, все еще ускользалъ отъ вражескихъ минъ... Машины на кораблѣ продолжали работать, но минуты ихъ дѣйствія были сочтены... И наконецъ „*Суворова*“ не стало...

Въ числѣ другихъ, работавшихъ до послѣдняго своего вздоха на этомъ кораблѣ, мученическая кончина выпала также на долю и Павла Степановича...

„Онъ вѣрилъ, что люди и должны и могутъ относиться другъ къ другу сердечно“... При столкновеніи съ жизнію его вѣра въ благородство человѣческой души, какъ мы видимъ, не оправдалась, разбилась о некультурность окружавшихъ его людей. Оставленный еще въ началѣ боя безъ всякой помощи флагманскій броненосецъ съ погибающими на немъ людьми, не снятыми съ него въ то время, когда это можно было сдѣлать и надо было сдѣлать, во что бы то ни стало, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о некультурности нашей морской среды. Этотъ и подобные ему инциденты подъ Цусимою показали, насколько мало усвоены нами вѣковыя традиціи культуры, и сколько остается еще Россіи поработать надъ собою въ этомъ направленіи...

---

*) Капит. Семеновъ—*Цусимскій бой*, стран. 115.

ИНЖЕНЕРЪ-МЕХАНИКЪ

Александръ Николаевичъ Михайловъ*).

На всѣ соблазны и увѣренія, что онъ имѣетъ право пользоваться жизнію и своей молодостью, не принося жертвъ, Александръ Николаевичъ, сознавая долгъ гражданина, скромно отвѣчалъ всѣмъ, что тому, кто обязанъ служить, „неудобно сидѣть дома во время войны"...

Михайловъ, А. Н. родился въ гор. Казани 1 марта 1880 года. Онъ сынъ потомственнаго почетнаго гражданина Николая Ивановича Михайлова. Своей матери А. Н. лишился, когда ему не было еще и двухъ лѣтъ.

Среднее образованіе А. Н. получилъ въ реальномъ училищѣ, до III класса—въ Перми, куда съ 1888 г. переселился его отецъ для управленія дѣлами одного крупнаго торгово-промышленнаго предпріятія, а съ III класса — въ Казани. Живой, впечатлительный мальчикъ обладалъ хорошими способностями и большой любовью къ математикѣ. Курсъ реальнаго училища онъ окончилъ однимъ изъ первыхъ учениковъ.

Въ И. Т. У-ще А. Н. по конкурсу поступилъ въ 1899 г., а окончилъ полный курсъ съ званіемъ инженеръ-механика въ 1904 г. Благодаря хорошимъ способностямъ, при прохожденіи курса въ Техническомъ У-щѣ все обошлось „безъ запинки"; даже переходъ со II на III курсъ, камень преткновенія для многихъ, былъ сдѣланъ имъ безъ переэкзаменовокъ.

А. Н. въ И. Т. У-щѣ былъ любимъ товарищами за прямой характеръ и никогда не покидавшіе его юморъ и веселость. Ученіе давалось ему легко; хорошая память и быстрая сообразительность позволяли ему овладѣвать предметомъ безъ большихъ усилій; А. Н. могъ похвалиться энциклопедичностью своихъ знаній: ни одинъ предметъ не овладѣвалъ его вниманіемъ въ ущербъ прочимъ. Ближе всего ему было

---

*) Въ серіи біографическихъ очерковъ, напечатанныхъ выше, этотъ очеркъ не попалъ въ свою очередь по алфавиту, вслѣдствіе очень поздняго поступленія ко мнѣ главнаго матеріала, послужившаго для составленія этого очерка. *П. Х.*

желѣзнодорожное дѣло; онъ изучалъ его практически въ теченіе нѣсколькихъ школьныхъ вакацій на Пермь-Котласской жел. дор. Послѣднюю изъ вакацій онъ работалъ уже машинистомъ.

Благодаря своему общительному живому характеру, А. Н. съ удовольствіемъ посѣщалъ бывавшія у его знакомыхъ вечеринки, принимая живое участіе также и въ танцахъ; но самое большое удовольствіе всѣмъ доставляли его юморъ, его необыкновенное умѣнье разсказывать „въ лицахъ". На этотъ случай у него всегда былъ наготовѣ неистощимый запасъ новыхъ разсказовъ „страшныхъ", „смѣшныхъ" и проч. На этихъ маленькихъ собраніяхъ А. Н. являлся душою общества, всегда желаннымъ гостемъ.

Здоровье его было не изъ крѣпкихъ. Въ 1904 г. ему пришлось много выстрадать отъ длительной тяжелой болѣзни. Исцѣленіе отъ нея, благодаря счастливой операціи, онъ получилъ незадолго лишь до выступленія своего въ походъ.

Воинскую повинность А. Н. пожелалъ отбывать по жребію. Душою онъ рвался во флотъ, на корабли, отбывающіе на театръ военныхъ дѣйствій. Большого труда стоило удержать его въ И. Т. У-щѣ до полнаго окончанія курса и сдачи всѣхъ работъ. Онъ готовъ былъ оставить Училище передъ самымъ выпускнымъ экзаменомъ: такъ великъ былъ его страхъ, что „эскадра Рожественскаго уйдетъ безъ него"... Крѣпка еще была въ то время вѣра наша въ силу и могущество русскаго флота!...

И въ Москвѣ, и въ СПб. очень многіе совѣтовали Александру Николаевичу не идти на войну, ставили ему на видъ, что „Русско-Японская война—неидейна, не пользуется популярностью въ обществѣ, и что послѣ тяжелыхъ учебныхъ лѣтъ онъ имѣетъ право на отдыхъ"... Никакія заманчивыя перспективы въ этомъ направленіи не поколебали рѣшимости А. Н. На всѣ соблазны и увѣренія, что онъ имѣетъ право пользоваться жизнію и своей молодостію, не принося жервъ, А. Н., сознавая долгъ гражданина, скромно отвѣчалъ всѣмъ, что тому, кто обязанъ служить „неудобно сидѣть дома во время войны"...

Кромѣ того, интересуясь механическимъ дѣломъ, А. Н. желалъ использовать представлявшійся ему случай пополнить свои знанія путемъ ознакомленія себя съ судовыми машинами и механизмами. Опасности онъ не боялся, говоря, что будетъ всегда около машинъ,—такъ сказать, въ сердцѣ корабля, защищенномъ болѣе другихъ частей его.

Зачисленный младшимъ механикомъ на броненосецъ „*Наваринъ*", А. Н. почувствовалъ сильный приступъ своей хронической болѣзни, которою онъ страдалъ съ дѣтскаго возраста и которая неоднократно посѣщала его и во времена студенчества.

По воинскому уставу, какъ страдавшій апендицитомъ, А. Н. могъ быть навсегда освобожденъ отъ обязанностей по отбыванію воинской повинности; но онъ не пожелалъ воспользоваться этимъ правомъ, взялъ только отпускъ, необходимый для выполненія операціи; а по выздоровленіи тотчасъ же вернулся на мѣсто своего служенія во флотѣ.

На броненосцѣ „*Наваринъ*", очевидно, не ожидали, что А. Н. скоро вернется туда послѣ своей тяжкой болѣзни, и весь штатъ механиковъ былъ уже снова заполненъ ко времени его возвращенія. Поэтому кому-нибудь надо было уходить, перевестись на другіе корабли, остающіеся въ водахъ внутренняго плаванія. Уходъ съ броненосца по жребію выпалъ на долю Александра Николаевича, который однако стремился къ этому менѣе всего и былъ очень сильно огорченъ выпавшимъ

Поручикъ корпуса инженеръ-механиковъ флота *)

Александръ Николаевичъ Михайловъ.

† 15 мая 1905 года. †

ему на долю жребіемъ. Только благодаря содѣйствію командира броненосца, оцѣнившаго порывъ и стремленія нашего товарища, ему удалось остаться на своемъ мѣстѣ и пойти въ походъ... Судьба указывала ему его роковой путь.

---

*) Портретъ изображаетъ его въ студенческой формѣ. Портретъ въ морской формѣ былъ полученъ изъ Перми, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Запоздали прибытіемъ и данныя для текста, вслѣдствіе чего произошло и общее запозданіе въ печати всей этой статьи. *П. Х.*

Въ письмѣ его къ одному изъ нашихъ товарищей отъ 20 іюня 1904 г. читаемъ слѣдующее:

„Зачисленъ я на одинъ изъ самыхъ старыхъ броненосцевъ „*Наваринъ*"…. На-дняхъ налетѣлъ на насъ броненосный корабль „*Не тронь меня*" и таранилъ намъ корму; появилась течь, придется чиниться... Затонула въ Кронштадтѣ подводная лодка „*Дельфинъ*". Шли съ открытымъ люкомъ: захотѣли немного опуститься въ воду, открыли кингстоны для впуска воды, а люкъ закрыть забыли... Подъ коммерческимъ флагомъ вмѣстѣ съ эскадрою пойдетъ одинъ корабль (слѣдуетъ названіе). На немъ будутъ поселены наши сплавательницы; онѣ будутъ значиться по спискамъ сестрами милосердія... Комплектъ въ 400 человѣкъ уже весь сформированъ".

Въ письмѣ его отъ 28 іюня 1904 г., читаемъ: „Недавно былъ такой случай: одинъ изъ крейсеровъ арестовалъ въ морѣ судно подозрительнаго вида, шедшее подъ норвежскимъ флагомъ; оказалось, что это подводная лодка „*Protector*", проданная американцами русскому правительству... Теперь и насъ посылаютъ въ море осматривать подозрительныя суда въ виду „маловѣроятной, но возможной минной аттаки противника", какъ было сказано въ приказѣ".

Изъ письма отъ 13 августа 1904 г.: „Броненосецъ „*Орелъ*" все еще не готовъ: приходится намъ его ждать. Судя по всему, на немъ завелись какіе-то измѣнники. Весною вытащили пробки и онъ затонулъ. Теперь онъ былъ готовъ и хотѣлъ уже идти на пробу машинъ, но во-время замѣтили, что во всѣ подшипники гребного вала были насыпаны наждакъ и мѣдныя опилки, чтобы заставить расплавиться вкладыши и ободрать валъ. Теперь перебираютъ у него подшипники"....

Далѣе въ томъ же письмѣ слѣдуетъ подробное описаніе „поведенія" священника, который былъ прикомандированъ къ броненосцу и оказался совершенно не на высотѣ своего сана и своего призванія *).

Изъ письма отъ 3 сентября 1904 г.: „Ходили въ Біоркъ. Стояли 2 дня. Ночью была тревога. На ночь были высланы 8 катеровъ охранять входъ въ гавань; на каждомъ было по пушкѣ. На случай нападенія Японцевъ расположились цѣпью, ограждающею входъ въ гавань. Былъ отданъ приказъ—въ гавань никого не пускать. Часа въ 2 ночи на 4-мъ катерѣ замѣтили лайбу подъ парусами; катеръ выстрѣломъ потребовалъ остановки ея. Лайба пустилась на утёкъ. Катеръ погнался за ней и началъ по ней палить разрывными снарядами. Темнота и вѣтеръ помогли лайбѣ удрать въ море. Послѣ этого она разсчитывала пробраться въ гавань по берегу, но нарвалась на катеръ № 8; и тотъ

---

*) Этотъ случай не единственный. То же самое сообщалъ въ своихъ письмахъ нашъ погибшій подъ Цусимою товарищъ А. М. Плѣшковъ о другомъ священникѣ, съ которымъ ему пришлось служить вмѣстѣ на крейсерѣ „*Аврора*". *П. Х.*

началъ по ней палить. Лайба хотѣла опять удрать, но „*Д. Донской*“ освѣтилъ ее прожекторомъ; и тогда всѣ катеры бросились на нее, окружили и открыли огонь со всѣхъ сторонъ, рискуя попасть въ своихъ. Оказалось, что это—лайба котрабандистовъ. Когда всѣ катеры бросились на лайбу, то Японцы, если бы они были здѣсь на своихъ миноносцахъ, могли смѣло войти въ гавань и надѣлать бѣдъ. За такой промахъ молодые и неопытные офицеры на катерахъ получили отъ адмирала по фитилю“...

Изъ письма отъ 7 сентября 1904 г.: „Старшій офицеръ сообщилъ намъ сегодня въ каютъ-компаніи, что крейсеръ „*Донъ*“ пришелъ въ Либаву пораженный миной Уайтхеда въ Балтійскомъ морѣ. Должно быть, и въ самомъ дѣлѣ Японцы поджидаютъ здѣсь нашу эскадру“...

Изъ письма отъ 16 сентября 1904 г.: „Дѣло оказалось проще, Крейсеръ „*Донъ*“ самъ напоролся на камни... Ходъ у него 20 узловъ: онъ слабѣе другихъ изъ его компаніи, пріобрѣтенной у нѣмцевъ. По общему мнѣнію, эти вспомогательные крейсеры все-таки лучше, чѣмъ наши „*Изумрудъ*“, „*Свѣтлана*“ и др.; одно только не хорошо, много на нихъ дерева, въ бою надо ждать на нихъ пожаровъ“...

Изъ письма отъ 21 сентября 1904 г., изъ Ревеля:

„Въ моемъ вѣдѣніи находятся между прочимъ ледодѣлательныя машины. Разобрался въ нихъ не сразу; спасибо, помогъ старшій механикъ... Составъ команды у насъ весьма плохъ; такъ и норовятъ какъ бы кого обмануть, какъ бы что стащить, соврать и проч. Не такъ давно двое изъ команды нашего броненосца обругали офицера. Ихъ присудили къ четыремъ годамъ каторги. На судѣ они съ наглостью грубо заявили, что приговоромъ суда они очень довольны, „тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ на войну не идти“... Тогда состоялось новое постановленіе суда, и приговоръ былъ измѣненъ на безсрочную каторгу. Нашивки и ленточку съ фуражки у нихъ срывали передъ всѣмъ фронтомъ“...

Въ письмѣ отъ 28 сентября 1904 г. изъ Ревеля читаемъ слѣдующее: „Съ 17 началось посѣщеніе эскадры Высочайшими особами. Сначала пріѣзжала Государыня-мать Марія Ѳеодоровна, съ нею вмѣстѣ Ксенія Александровна и королева греческая Ольга Константиновна; а 26 былъ смотръ эскадры Государемъ. У насъ на броненосцѣ Онъ милостиво разговаривалъ съ каждымъ изъ офицеровъ, въ томъ числѣ и со мной; а затѣмъ Государь обратился къ командѣ съ рѣчью, въ которой выразилъ увѣренность, что наша эскадра сумѣетъ постоять за Отечество и за Него, что наша эскадра будетъ столь же доблестна, какъ и Артурская, и добавилъ, что непремѣнно нужно сломить дерзкаго врага, который первый началъ войну“...

Изъ Па-де-Кале отъ 10 октябтя 1904 г.: „Плывемъ нельзя сказать, чтобы благополучно... Наканунѣ выхода илъ Либавы купеческій

пароходъ таранилъ Наваринскій катеръ, разбилъ ему бортъ, и катеръ затонулъ. При переходѣ къ Лангеланду миноносецъ наскочилъ на „*Сисоя Великаго*", помялъ себѣ бортъ, но продолжаетъ идти съ нами. Во время стоянки у Лангеланда катеръ у „*Жемчуга*" оборвался со шлюпъ-балки и затонулъ. Въ Скагенѣ адмиралъ стрѣлялъ по ледоколу „*Ермакъ*" за то, что онъ не сразу отвѣчалъ на сигналъ адмирала... Изъ Скагена вышли спѣшно: вдали были замѣчены 2 воздушныхъ шара, и узнали, что изъ Норвежскихъ бухтъ вышли якобы японскіе миноносцы. Нашъ отрядъ вышелъ первымъ, а на довольно значительномъ разстояніи шли другіе 2 отряда. Чрезъ сутки, когда мы были уже въ Нѣмецкомъ морѣ, около полуночи „*Наваринъ*" поймалъ безпроволочнымъ телеграфомъ такую депешу: „Камчатку преслѣдуютъ 8 миноносцевъ". Всѣ приготовились къ отраженію минной аттаки. Вдругъ слышимъ вдали канонаду во 2-мъ отрядѣ; гдѣ-то на горизонтѣ мелькаютъ огни. Чрезъ нѣсколько времени аппаратъ поймалъ такую депешу: „*Аврора*" получила 4 пробоины; двѣ отъ 47-миллиметровыхъ снарядовъ, одну отъ 75-миллиметроваго снаряда, и найдены осколки 6-дюймоваго снаряда; раненъ легко комендоръ, и у священника оторвало руку". Выходитъ, что своя своихъ не познаша, и „*Суворовъ*" залѣпилъ 4-жды въ „*Аврору*". Отчего такъ вышло, не знаю, ибо мы все плывемъ и ни съ кѣмъ не сообщаемся".

Изъ Канеи отъ 6 ноября 1904 года: „Въ Средиземномъ морѣ плыли благополучно и безъ скандаловъ. Когда же пришли въ Суду, то команду съ „*Наварина*" гоняли грузить уголь на другіе суда. Матросамъ это казалось весьма обиднымъ; и однажды, когда одинъ прапорщикъ запаса обругалъ ихъ за нерасторопность при погрузкѣ, они отвѣтили ему тѣмъ же. Обиженный такимъ образомъ прапорщикъ донесъ нашему командиру, что его команда отказывается грузить уголь. Команду всю вызвали на палубу во фронтъ, и командиръ началъ переписывать тѣхъ, которые якобы отказались грузить уголь. Поднялся всеобщій ропотъ. Командиръ держалъ рѣчь и замѣтилъ одного разговаривающаго матроса. Этимъ обстоятельствомъ командиръ особенно возмутился, вытащилъ матроса впередъ и ударилъ его по уху. Поднялся форменный бунтъ, и въ командира было брошено два камня довольно солидныхъ размѣровъ; но оба пролетѣли мимо. Пробили боевую тревогу, и караулу были выданы боевые патроны и винтовки. Командѣ же было приказано встать всѣмъ по своимъ мѣстамъ. Она медленно расходилась, хотя и кричала, чтобы не расходиться. Когда всѣ встали по мѣстамъ, командиръ обошелъ весь броненосецъ, опрашивая претензіи и разыскивая недовольныхъ. Понятно, такихъ не нашлось"...

Изъ писемъ 20 и 27 ноября 1904 г. изъ Джибути:

„Большіе броненосцы съ Рожественскимъ пошли вокругъ Африки, а нашъ „*Наваринъ*" присоединили къ отряду легкихъ крейсеровъ, идущихъ чрезъ Суэцъ.—Стоимъ здѣсь уже болѣе недѣли. „*Наваринъ*"

вчера устроилъ балъ, на который изъ Джибути были приглашены всѣ французы съ женами и дочерьми (человѣкъ полтораста, среди нихъ около 20 дамъ). Истратили на этотъ балъ около 5000 франковъ... Простоимъ неизвѣстно сколько!"...

„Отъ Крита плывемъ благополучно, и никакихъ недоразумѣній не было, если не считать того, что на о. Критѣ пускали команду на берегъ; упившись виномъ, она вступила въ драку другъ съ другомъ. Какъ разъ въ это время отъ туберкулеза мозга умеръ матросъ „*Наварина*", и его хоронили. Въ иностранныхъ газетахъ писали по этому поводу, что пьяная команда русскихъ кораблей безобразничала и передралась, и что одинъ матросъ былъ даже убитъ... Суэцкимъ каналомъ шли все время съ музыкой..."

Изъ Нози-бей отъ 22 декабря 1904 г.: „Рождество придется встрѣтить въ морѣ во время похода; послѣ завтра снимаемся съ якоря и уходимъ на соединеніе съ Рожественскимъ. Пока онъ огибалъ Африку, мы плыли не торопясь, дѣлая продолжительныя остановки и направляясь къ Діего-Суарецу, какъ того хотѣлъ Рожественскій. Но въ Джибути командующій нашимъ отрядомъ адмиралъ Фелькерзамъ получилъ приказъ отъ Штаба изъ С.-Петербурга, чтобы мы шли на Нози-бэй, гдѣ мы и очутились. Между тѣмъ Рожественскій, обогнувши Африку, пришелъ въ Антонгиль. Думая, что мы въ Діего-Суарецѣ, онъ послалъ туда за нами крейсеръ „*Кубань*"; но насъ тамъ не было. Наконецъ мы получили отъ Рожественскаго телеграмму: „Идти немедленно въ Антонгиль". Но это „немедленно" исполнить было нельзя; уходъ пришлось отложить на 4 дня, ибо у многихъ кораблей ремонтировались машины, и нужно было ихъ собрать. Но съ другой стороны, какъ слышно, Японцы приближаются къ намъ во главѣ съ адмираломъ *Того*, и терять времени нельзя. Мѣстное населеніе ожидаетъ боя у береговъ Мадагаскара. Адмиралъ Того можетъ напасть на нашъ слабый отрядъ именно въ то время, когда мы пойдемъ, чтобы соединиться съ Рожественскимъ. Что-то будетъ?.. Затѣмъ мы не знаемъ, гдѣ находятся наши крейсеры „*Олегъ*" и „*Изумрудъ*" съ 8-ю миноносцами. Предполагаемъ, что они идутъ отъ Джибути къ Мадагаскару. Они тоже могутъ нарваться на эскадру Того. И все это въ Питерѣ мудрятъ и подводятъ насъ..."

„На Мадагаскарѣ страшная жара. Страдаемъ отъ тропической сыпи на тѣлѣ. Днемъ печетъ, ночью—гроза и дождь проливной. Многіе европейцы заражаются здѣсь лихорадкой, которая уноситъ человѣка въ могилу въ нѣсколько дней. Въ предупрежденіе зараженія принимаемъ ежедневно хину. Изъ насъ пока никто еще не болѣлъ. Капитанъ же французскаго крейсера „*Каприкорнъ*" умеръ отъ нея въ 4 дня. Растительность здѣсь роскошная. Но при такой богатой фаунѣ островъ буквально кишитъ крокодилами, змѣями, и вообще пресмыкающимися. Ходили гулять въ лѣсъ, и многіе изъ ружей и палками убивали змѣй

солидныхъ размѣровъ. При погрузкѣ пива съ берега въ соломѣ навезли на корабль скорпіоновъ, но ихъ скоро переловили и перебили...“

Изъ письма отъ 28 и 29 декабря 1904 г. изъ Нози-бэй къ нашимъ товарищамъ: „Офицеры съ „*Авроры*“, „*Донского*“ и „*Нахимова*“ разсказывали про ихъ плаваніе вокругъ Африки. Рожественскій былъ строгъ и требователенъ невообразимо..., но зато и привелъ свою эскадру въ надлежащій примѣрный видъ. Недавно былъ такой случай: съ „*Наварина*“ былъ посланъ катеръ съ порученіями; былъ свѣжій вѣтеръ и приливъ; катеръ занесло на рифы; нашъ командиръ, наблюдавшій за нимъ съ корабля въ бинокль, думалъ, что онъ попалъ на камни, и поэтому поднялъ сигналъ—„прислать паровые катеры на помощь“. Корабли отряда Фелькерзама долго еще разбирали сигналъ, а съ кораблей отряда Рожественскаго въ это время уже успѣли ихъ прислать...“

„Соединеніе отрядовъ на Мадагаскарѣ произошло не безъ инцидентовъ. Фелькерзамъ прошелъ прямо въ Нози-бей, какъ и слѣдовало по маршруту изъ СПб.; а Рожественскій остановился сначала у острова *St.-Mary*, и все ждалъ, что Ф. придетъ къ нему на соединеніе; но тотъ не шелъ. Озлобленіе Рожественскаго было неописуемо. Когда это съ нимъ бываетъ, онъ „выскакиваетъ на палубу, и сперва изъ груди его, какъ у звѣря, вырываются дикіе звуки: У-у-у-у-у!!... или О-о-о-о-!!... Присутствующимъ кажется, что этотъ ревъ долженъ быть слышенъ на всей эскадрѣ. А затѣмъ начинается отборная ругань“. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Послали крейсеры отыскивать Фелькерзама; тѣ долго его искали и наконецъ нашли спокойно стоящимъ въ Нози-беѣ, куда и намъ слѣдовало идти. Когда сообщили объ этомъ Р., что тутъ только было... Вцѣпился себѣ руками въ волосы и оралъ грому подобно... ...(фразы, неудобныя въ печати)... А все-таки ему надо было идти въ Нози-бей“. Оффиціальная встрѣча адмираловъ была самая умилительная, даже лобызались“...

„Рожественскій за все время плаванія до Мадагаскара не разрѣшалъ сообщенія съ берегомъ. Не пускалъ на берегъ даже ревизора, чтобы размѣнять деньги, такъ что они съ выхода изъ Россіи не получали жалованья. Не пускалъ на берегъ, чтобы купить свѣжей провизіи; и его эскадра два мѣсяца шла на солонинѣ... Сообщеніе съ кораблями разрѣшалось на стоянкахъ только съ двѣнадцати до часу дня. И вся публика валила тогда на „корабль Иксъ“ (слѣдуетъ названіе) къ сестрамъ милосердія... А то былъ и такой случай. Одна изъ сестеръ милосердія утромъ пріѣхала на „*Донской*“ завтракать; но пробыла на этомъ кораблѣ не до часу дня, а до часу ночи. Думали незамѣтно перевезти ее потомъ на „корабль Иксъ“ ночью, пока не взошла еще луна, чтобы не увидалъ Рожественскій. Послѣ спуска флага ни одна шлюпка не смѣетъ показать носа безъ разрѣшенія адмирала и безъ особо уважительной причины. У Рожественскаго выбраны сигнальщики съ такимъ удивительно острымъ зрѣніемъ, что

въ какую-угодно темную ночь они видятъ все, что дѣлается на эскадрѣ... Ну, и попались молодцы! Не успѣли они пристать къ трапу „корабля Иксъ", какъ уже тамъ былъ полученъ съ „*Суворова*" сигналъ: „арестовать паровой катеръ съ „*Донского*" и прислать его ко мнѣ со всѣми, кто тамъ находится"... А было тамъ три офицера; одинъ изъ нихъ сынъ извѣстнаго адмирала... Рожественскій разжаловалъ ихъ въ матросы, отдалъ подъ судъ; и для отбыванія наказанія они будутъ отосланы въ Россію. На другой день командиръ съ „*Донского*" пріѣхалъ просить прощенія за своихъ офицеровъ; но адмиралъ его не принялъ. Потомъ поѣхалъ адмиралъ Энквистъ, который плаваетъ на „*Донскомъ*", и добился аудіенціи: по его ходатайству Рожественскій смягчилъ участь провинившихся, удалилъ ихъ со службы безъ мундира и пенсіи; дали имъ денегъ на дорогу на билетъ II класса, но безъ продовольствія"...

„Кто не скоро разбираетъ сигналы въ его отрядѣ, вахтеннаго офицера Рожественскій сажаетъ подъ арестъ на четверо сутокъ. Для броненосцевъ у него свои названія: одного онъ называетъ „идіотомъ", другого—„горничной", третьяго—„женщиной легкаго поведенія" и т. д. Такъ и приказы отдаетъ: „поднять сигналъ—прибавить ходу *такой-то особѣ*"...

„Къ главному морскому штабу у адмирала тоже очень своеобразныя отношенія. Оттуда приходятъ иногда несуразные приказы. Прочитавши одинъ изъ нихъ, адмиралъ изрекъ „словечко", а отвѣта никакого не далъ. Флагъ-офицеръ приходитъ 2-й разъ за отвѣтомъ. Адмиралъ вторично говоритъ, чтобы отвѣтили тѣмъ же „словечкомъ", что и ранѣе. Разумѣется, такого отвѣта не посылали. Штабъ шесть разъ спрашивалъ объ одномъ и томъ же, но отвѣта такъ и не получилъ"...

Изъ Нози-бея въ письмѣ къ родителямъ отъ 21 января 1905 г. Александръ Николаевичъ сообщалъ имъ, что онъ только что теперь наконецъ получилъ *первое письмо* отъ нихъ.

„Въ свободное время занимаюсь изученіемъ французскаго языка и электротехники. На-дняхъ свободно сдѣлалъ переводъ интересной статьи изъ газеты „*Matin*"; въ ней описана обстановка засѣданія Совѣта Министровъ, состоявшагося въ Царскомъ Селѣ 15 декабря 1904 г. подъ предсѣдательствомъ Государя, и подробно передано содержаніе всѣхъ рѣчей, которыя были произнесены *за* и *противъ* манифеста, якобы заготовленнаго ко дню рожденія Государя и поставленнаго въ тѣсную связь съ охватившимъ Россію движеніемъ"...

„Рожественскій продолжаетъ подтягивать всѣхъ на эскадрѣ. Въ минуты его наивысшей свирѣпости на рейдѣ все притихаетъ, и слышенъ лишь одинъ властный голосъ адмирала"...

„На-дняхъ ходили въ море на стрѣльбу. Въ машинномъ помѣщеніи было слишкомъ 40°Р; воздухъ пропитанъ былъ парами горѣлаго масла и пылью угля до такой степени, что я, стоя на вахтѣ въ машинѣ, чуть было не потерялъ сознаніе. Мнѣ казалось, что нечѣмъ было дышать"...

Изъ Нози-бея отъ 28 января 1905 г.: „Адмиралъ началъ производить маневры. Шли кильватерной колонной; данъ былъ сигналъ — повернуть на 8 румбовъ вправо, и получилось такое безобразіе, что теперь Рожественскій началъ ходить на ученье чуть не ежедневно и добился болѣе или менѣе хорошихъ результатовъ. Рожественскій, все-таки человѣкъ рѣшительный и умный; а вотъ если онъ погибнетъ въ бою съ Японцами, тогда мы останемся безъ руководителя, ибо два другихъ адмирала посланы не изъ-за боевыхъ способностей... Не повторилось бы того же самого, что было послѣ смерти Витгефта... Капитану Кладо на эскадрѣ всѣ сочувствуютъ и посылаютъ ему привѣтственныя телеграммы... На „*Нахимовѣ*“ повторилась исторія въ родѣ той, какая у насъ была въ Судѣ. Только результатъ другой: у насъ все дѣло предали забвенію, и здѣсь двоихъ арестовали и приговорили къ разстрѣлу... Сегодня адмиралъ арестовалъ весь броненосецъ „*Бородино*“ за то, что на маневрахъ тотъ отказался дать ходъ болѣе 11-ти узловъ. А откуда онъ ихъ возьметъ?.. Этого не хочетъ понять нашъ „большой баринъ“....

Изъ Гельвиля отъ 2 марта 1905 года: „Завтра мы уходимъ въ походъ, и въ морѣ пробудемъ 36 дней, какъ объ этомъ сегодня объявилъ намъ командиръ. Куда идемъ — неизвѣстно. Знаемъ только, что къ Японіи... Лихорадками на эскадрѣ переболѣли почти всѣ офицеры, за небольшимъ исключеніемъ; я не болѣлъ, и вообще послѣ операціи апендицита всѣ болѣзни какъ рукой сняло“.

Изъ бухты Ванъ-Фонгъ отъ 19 апрѣля 1905 г.: „Христосъ Воскресе! Вотъ уже 3 недѣли какъ мы пришли въ Китайское море и мычемся по нему подобно летучему Голландцу; заходимъ по временамъ во французскія гавани; гдѣ простоимъ нѣсколько дней, туда является французскій крейсеръ или миноносецъ и предъявляетъ намъ требованіе, чтобы въ силу нейтралитета мы уходили оттуда; мы идемъ въ сосѣднюю бухту и т. д. Противъ такого образа дѣйствій французы ничего не имѣютъ“...

„По выходѣ съ Мадагаскара совершили походъ большой трудности, такъ какъ грузиться углемъ приходилось въ открытомъ морѣ при волнѣ. Кромѣ того, мы шесть мѣсяцевъ имѣли солнце въ зенитѣ; по тѣлу у всѣхъ пошла тропическая сыпь; теперь начали страдать ею почти всѣ поголовно... Рожественскій у насъ безъ особыхъ затрудненій и быстро устраняетъ всѣ недоразумѣнія на эскадрѣ. Надняхъ команда одного броненосца попробовала было выразить неудовольствіе; но Рожественскій сумѣлъ всѣхъ ихъ такъ осадить, начиная съ матросовъ и кончая командиромъ, что болѣе такихъ случаевъ не повторялось; и порядокъ теперь на эскадрѣ примѣрный. Все исполняется быстро и хорошо. Кромѣ того, онъ внушилъ всѣмъ намъ, что мы разобьемъ Японцевъ... У насъ занемогъ одинъ инже-

неръ-механикъ, его отвезли на госпитальное судно. Почти вся его часть перешла въ вѣдѣніе ко мнѣ; работы на много прибавилось. чему я весьма радъ. Одно лишь не особенно пріятно — это изъ кочегарки, гдѣ я буду во время боя, всѣ выходы задраиваются желѣзными дверями и запираются снаружи".

Послѣднее письмо Александра Николаевича къ родителямъ—безъ даты; оно все покрыто налетомъ каменноугольной пыли:

„Ваши письма отъ 20 и 30 января получилъ 29 апрѣля. Ихъ привезла эскадра Небогатова. Но отослать отвѣтъ представляется случай только теперь. Мы находимся сейчасъ близъ острова Формоза и грузимся въ морѣ съ транспортовъ углемъ; послѣ этого транспорты отправятъ въ Шанхай, и вотъ это письмо я отдамъ на одинъ изъ нихъ... Существуетъ предположеніе, что пройдемъ во Владивостокъ безъ боя, такъ какъ Японцы будто бы не хотятъ его... Но адмиралъ утверждаетъ, что бой будетъ! До сего дня никакихъ столкновеній не было... Отъ Мадагаскара переходъ былъ очень трудный. Изводили насъ главнымъ образомъ погрузка угля въ открытомъ морѣ и тропическая жара... Пасхальную ночь провели на якорѣ во французской бухтѣ Ванъ-Фонгъ; оттуда насъ вышибъ французскій адмиралъ, пришедшій на крейсерѣ, ибо Японцы чуть ли не ультиматумъ поставили Французамъ—или насъ вышибить или за нихъ заступится по договору Англія. Мы тогда ушли въ другую бухту посѣвернѣе, но чрезъ три дня и оттуда насъ вышибли. Мы ушли въ море, поболтались дня два около берега; а потомъ, когда французскій крейсеръ ушелъ, мы опять вошли въ бухту и встали на якорь. Теперь, соединившись съ Небогатовымъ, пошли въ Владивостокъ. Письмо грязное отъ того, что идетъ погрузка угля и на кораблѣ нѣтъ мѣста, на которое не сыпала бы угольная пыль"...

Это было послѣднее письмо Александра Николаевича, написанное всего за нѣсколько дней передъ Цусимскимъ боемъ, но полученное отцомъ его уже спустя два мѣсяца послѣ этого злосчастнаго сраженія.

Справка, которая была выдана изъ главнаго морского штаба только 4-го іюля 1905 г., гласила слѣдующее:

„Корпуса Инженеръ-Механиковъ поручикъ Александръ Михайловъ считается погибшимъ вмѣстѣ со всѣмъ личнымъ составомъ броненосца „*Наваринъ*".

Краткія извѣстія о послѣднемъ днѣ жизни Александра Николаевича удалось получить его родителямъ отъ матроса Сѣдова, работавшаго на „*Наваринѣ*" и выловленнаго Японцами изъ воды 15 мая въ единственномъ числѣ... Въ этомъ письмѣ Сѣдовъ выражаетъ, что „отношенія Александра Николаевича къ нижнимъ чинамъ были самыя безукоризненныя; онъ велъ себя просто, не заносился, старался сблизиться со своими подвиженными и за это пользовался отъ всѣхъ матросовъ общимъ уваженіемъ и любовію"...

Отправленный на войну съ плохими котлами, престарѣлый броненосецъ *„Наваринъ“*, на которомъ работалъ А. Н., въ бою 14 мая шелъ все-таки не хуже другихъ тихоходовъ. Въ началѣ боя ему было дано 7-е мѣсто, чрезъ 2 часа ему пришлось идти уже на 4-мъ мѣстѣ, а въ началѣ седьмого часа вечера передъ гибелью *„Бородино“* онъ занималъ 3-е мѣсто, т.-е. шелъ сейчасъ же за *„Орломъ“*; изъ строя не выходилъ, броня пробита у него не была.

Къ великому несчастію, передъ ночью у *„Наварина“* лопнула паровая труба и Японцы разбили ему дымовую трубу; пришлось вывести изъ строя три котла; ходъ убавился. *„Наваринъ“* быстро началъ отставать, остался одинъ и былъ аттакованъ цѣлымъ отрядомъ миноносцевъ; 1-я мина попала ему въ корму, но онъ все продолжалъ еще идти. До 2 час. ночи онъ успѣлъ получить еще три мины, положеніе его сдѣлалось совершенно безнадежнымъ; и весь личный составъ корабля переживалъ тяжелыя минуты сознанія, что корабль сейчасъ долженъ погибнуть. Командиръ и старшій артиллерійскій офицеръ были серьезно ранены. Передъ разставаньемъ вся семья собралась, чтобы проститься и приготовиться къ мученической кончинѣ з а Ц а р я и р о д и н у, такъ какъ спасательныхъ средствъ никакихъ уже не было; все или сгорѣло, или было испорчено... Офицеры братски перецѣловались съ выстроившейся командой... Корабль между тѣмъ неудержимо погружался въ воду. Спасался, кто могъ и какъ могъ. Команда начала бросаться въ воду. Во мракѣ ночи раздавались голоса погибавшихъ... За одну деревянную крышку ящика изъ-подъ талей ухватилось восемь человѣкъ; но скоро ихъ стало уже шестеро, потомъ четверо; а къ утру осталось только двое, остальные ослабли и отпали... Этихъ двоихъ подобралъ англійскій корабль и доставилъ въ Шанхай. Ночью же Японцы разстрѣливали всѣхъ, кто съ *„Наварина“* бросался въ воду и, держась на ней, голосомъ обнаруживалъ свое мѣстонахожденіе *).

Съ броненосца *„Наваринъ“* чудомъ спаслось всего трое матросовъ; весь же остальной персоналъ погибъ. Среди этихъ погибшихъ былъ и Александръ Николаевичъ...

Убитый горемъ отецъ нашего товарища заканчиваетъ свое послѣднее письмо ко мнѣ слѣдующими словами:

„Вѣчная память погибшимъ... Итакъ, свершилось... Свершилось безпримѣрное, неслыханное, ужаснѣйшее событіе. Прокатилось оно по всей Россіи широкой волной слезъ и горя. Пали невинныя жертвы чужой вины. Гдѣ же безсердечные виновники гибели этихъ невинныхъ жертвъ? Они до сихъ поръ остаются безнаказанными. Они, можетъ быть, благодушествуютъ и не чувствуютъ угрызеній давно потерянной ими совѣсти. Но ихъ знаетъ русскій народъ. Онъ заклеймитъ ихъ своимъ презрѣніемъ на вѣчныя времена. А героевъ, сложившихъ свои головы за родную

---

*) *„Нов. Вр.“*, 1905, №№ 560, 619.

страну, онъ увѣковѣчитъ въ своихъ пѣсняхъ: и долго-долго на Руси баяны будутъ воспѣвать ихъ доблестные подвиги"...

Приведемъ здѣсь одну изъ весьма многочисленныхъ этихъ пѣсенъ *).

Послѣдняя жертва.

Вкругъ Африки мрачной, по бурной равнинѣ
Безбрежныхъ тропическихъ водъ,
Къ далекой странѣ Восходящаго Солнца
Семья броненосцевъ плыветъ.
Прекрасны и грозны стальные гиганты,
Окрашены въ цвѣтъ боевой,
И жѐрлами сотенъ орудій зіяютъ,
Готовые ринуться въ бой.
Но странно безмолвны они, какъ гробницы:
Ни кликовъ, ни пѣсенъ живыхъ;
Недвижнѣе статуй угрюмые люди
Стоятъ у лафетовъ стальныхъ.
Такъ узникъ стоитъ передъ плахой кровавой....

— „Погибель вѣрна впереди,
И тѣ, кто послалъ насъ на подвигъ ужасный,—
Безъ сердца въ желѣзной груди!"...
„Мы—жертвы... Мы гнѣвнымъ отмѣчены рокомъ"....
Но бьетъ искупленія часъ—
И рушатся своды отжившаго міра,
Опорой избравшаго насъ.
„О, день лучезарный свободы родимой,
Не мы твой увидимъ восходъ,
Но если такъ нужно, возьми наши жизни...
Впередъ, на погибель, впередъ!"...

И вотъ зашумѣли восточныя воды.
Сѣдой буревѣстникъ кричитъ.....
Привѣтъ тебѣ, грозное Желтое море!
Чу! выстрѣлъ далекій гремитъ....
„Не флотъ ли Артура?... Взгляни: *Петропавловскъ*, *Полтава*, *Побѣда*, *Баянъ*...
То старый Макаровъ къ намъ ѣдетъ навстрѣчу,
Салютъ отдаетъ „*Ретвизанъ*"...
. . . .

*) Она принадлежитъ Якубовичу (Мельшину) и была напечатана въ журналѣ „*Русское Богатство*", 1905 г., № 6.

Безумная грёза!.. Ужъ гордо не грянетъ
Огонь изъ его амбразуръ;
Въ развалинахъ дымныхъ, кровавою раной
Зіяетъ погибшій Артуръ!
И путь туда русскому флагу заказанъ...
— Смѣлѣе жъ направо! Впередъ
Къ безвѣстнымъ утесамъ враждебной Цусимы,
Въ зловѣщій Корейскій проходъ!

— „Ты сжалишься, сжалишься, праведный Боже,
И волю измѣнишь Свою:
Пусть чудо, великое чудо свершится—
Врага поразимъ мы въ бою!"—

. . . .

Свершилось!.. На днѣ ледяномъ океана
Стальные красавцы лежатъ,
И чуда морскія, акулы и спруты,
На нихъ въ изумленьи глядятъ.
Разбиты, истерзаны, кровью залиты
Гротъ-мачты, лафеты, рули.....
Ни стона, ни звука... Въ могильномъ покоѣ,
Недвижимы, спятъ корабли....

Но бурею вѣсть по отчизнѣ далекой
Промчится, темна и грозна—
И кличемъ могучимъ: „Довольно!" отвѣтитъ
Одѣтая въ трауръ страна.
Довольно! Довольно! Герои Цусимы,
Вы жертвой послѣдней легли:
Разсвѣтъ уже близокъ.... Она у порога—
Свобода родимой земли!........

Заключенie.

Наша семья техниковъ лишилась въ минувшую Русско-Японскую войну семерыхъ товарищей: шестеро изъ нихъ погибло подъ Цусимою, а доблестный инженеръ-механикъ Павелъ Михайловичъ Дмитрiевъ—подъ Артуромъ *).

Когда мы прощались съ нашими товарищами въ послѣднiй разъ, ничто не предвѣщало ихъ скорой мученической кончины. Покидая школьныя стѣны, они выходили на жизненный путь съ запасомъ свѣжихъ силъ и во всеоружiи техническихъ знанiй. Они были готовы начать свою практическую дѣятельность въ роли скромныхъ работниковъ, въ какой бы области разумное выполненiе этой роли отъ нихъ ни потребовалось, лишь бы это не выходило изъ рамокъ честнаго и разумнаго служенiя родинѣ. Но вотъ среди веселой праздной жизни, царившей въ П.-Артурѣ, вдругъ прорвались звуки вражескихъ минныхъ взрывовъ и нашихъ пушечныхъ выстрѣловъ... Честное служенiе родинѣ потребовало отъ нашихъ товарищей примѣнить ихъ познанiя и силы въ этой спецiальной области, къ служенiю въ которой большинство изъ нихъ не было еще вполнѣ готово. Прiученныхъ къ дѣятельному и сознательному техническому труду, ихъ не смущала эта новая предстоявшая имъ работа, которая ихъ интересовала и къ себѣ тянула; они быстро съ нею освоились и выполняли ее безупречно во все время неимовѣрно труднаго для нихъ похода, а затѣмъ и во время самаго сраженiя, геройски воодушевляя своимъ примѣромъ растерявшуюся и обезумѣвшую отъ страха „нижнюю" команду. Не покидая въ бою мѣста своего служенiя, они прiяли свою мученическую кончину, воодушевленные сознанiемъ, что эта работа требовалась отъ нихъ для защиты чести и достоинства родины... Отъ роли простыхъ работниковъ спокойно, просто, безъ рисовки, велѣнiемъ переживаемаго момента они переходили къ роли героевъ, готовыхъ смотрѣть опасности въ глаза, не утрачивая при этомъ культурной мощи своего духа.

---

*) См. бiографическiй очеркъ его—въ *Вѣстникѣ* Политехн. О-ва, 1905, № 7. Выстроенный по *Высочайшему повелѣнiю* въ честь нашего товарища миноносецъ „*Инженеръ-механикъ Дмитрiевъ*" уже готовъ, и 20 августа 1906 г. онъ былъ на Высочайшемъ смотру въ Кронштадтѣ. Строилъ его заводъ Шихау; водоизмѣщенiе 350 tn; машина 6000 индикаторныхъ силъ; скорость 27 узловъ; вооруженiе: двѣ 3-дюйм. скорострѣльныя пушки, 4 пулемета, 3 надводныхъ минныхъ аппарата. *П. Х.*

Они не обманули надеждъ, которыя ожидалъ отъ нихъ командующій флотомъ: въ бою корабли давали столько именно хода, сколько они могли дать. Но тѣмъ не менѣе въ бою погибли многіе корабли и многіе люди...

Среди другихъ погибли и шестеро нашихъ товарищей. Они погибли, но ихъ имена и благородныя черты ихъ человѣческой личности не будутъ забыты...

Смерть унесла нашихъ товарищей въ самомъ расцвѣтѣ ихъ жизненной силы и энергіи. Невольно возникаетъ роковой вопросъ: съ какою же пользою для родины отдана ихъ драгоцѣнная жизнь?

Отецъ одного изъ нихъ въ порывѣ отчаянія восклицаетъ: у меня отнято послѣднее утѣшеніе—считать погибшаго сына героемъ; онъ погибъ въ безславномъ Цусимскомъ бою.

Горько было бы думать, что есть основаніе у безутѣшнаго отца говорить такимъ образомъ. Но насколько вѣрно такое сужденіе? Не представляетъ ли въ данномъ случаѣ и при данныхъ обстоятельствахъ все служеніе нашихъ товарищей во флотѣ, весь крестный путь ихъ, одинъ сплошной подвигъ самоотверженнаго служенія родинѣ?... А безупречное исполненіе ими долга въ послѣдніе страшные часы и минуты...

Они показали своимъ примѣромъ, какихъ сотрудниковъ, какихъ преданныхъ дѣлу работниковъ-техниковъ можетъ имѣть нашъ флотъ. Они достойны были лучшей доли.

Будемъ надѣяться, что въ будущемъ силы подобныхъ работниковъ не будутъ тратиться такъ безплодно, и что положеніе техника во флотѣ будетъ отъ вышеописаннаго далеко разниться въ лучшую сторону. Будемъ надѣяться, что и многое другое во флотѣ измѣнится къ лучшему. Цусима, вѣдь, повториться не можетъ. Несмываемымъ позоромъ покрыты безславныя имена подготовившихъ ее „дѣятелей", расплодившихся подъ прикрытіемъ бюрократическаго режима. По дѣламъ узнаете ихъ,— *а дѣла ихъ привели насъ къ Цусимѣ...*

Семья техниковъ Императорскаго Техническаго У-ща, оплакивая безвременно погибшихъ ужасною смертію товарищей, возымѣла желаніе—почтить дорогія для всѣхъ русскихъ инженеровъ имена и образовать *капиталъ имени инженеръ-механиковъ Быкова, князя Гагарина, Михайлова, Плѣшкова, Трубицына и Федюшина* *). Положеніе объ этомъ капиталѣ выработано и утверждено Годичнымъ Собраніемъ Политехническаго О-ва 4 апрѣля 1906 года. Проценты съ этого капитала пойдутъ на дѣла благотворенія при Политехническомъ Обществѣ.

---

*) Въ память нашего товарища инженеръ-механика П. М. Дмитріева, погибшаго подъ П.-Артуромъ на миноносцѣ „*Страшный*", въ 1904 г. былъ уже образованъ особый капиталъ, переданный въ распоряженіе Политехническаго О-ва. Всѣ лица, которыя пожелали бы почтить память нашихъ товарищей-техниковъ, погибшихъ подъ Цусимою, приглашаются выразить свое участіе присылкой посильной лепты для образованія капитала ихъ имени. Почтовый адресъ: *Москва, Покровскія ворота, д. Слудской, Петру Кондратьевичу Худякову.* Личный пріемъ—тамъ же отъ 2 до 4 час. ежедневно, кромѣ четверга и субботы.

Жестокую и несправедливую судьбу испытали погибшіе товарищи наши...

Скажемъ имъ наше товарищеское прости и сохранимъ о нихъ въ семьѣ техниковъ вѣчную добрую память.

Почетный Членъ Политехническаго О-ва
профессоръ *П. К. Худяковъ.*

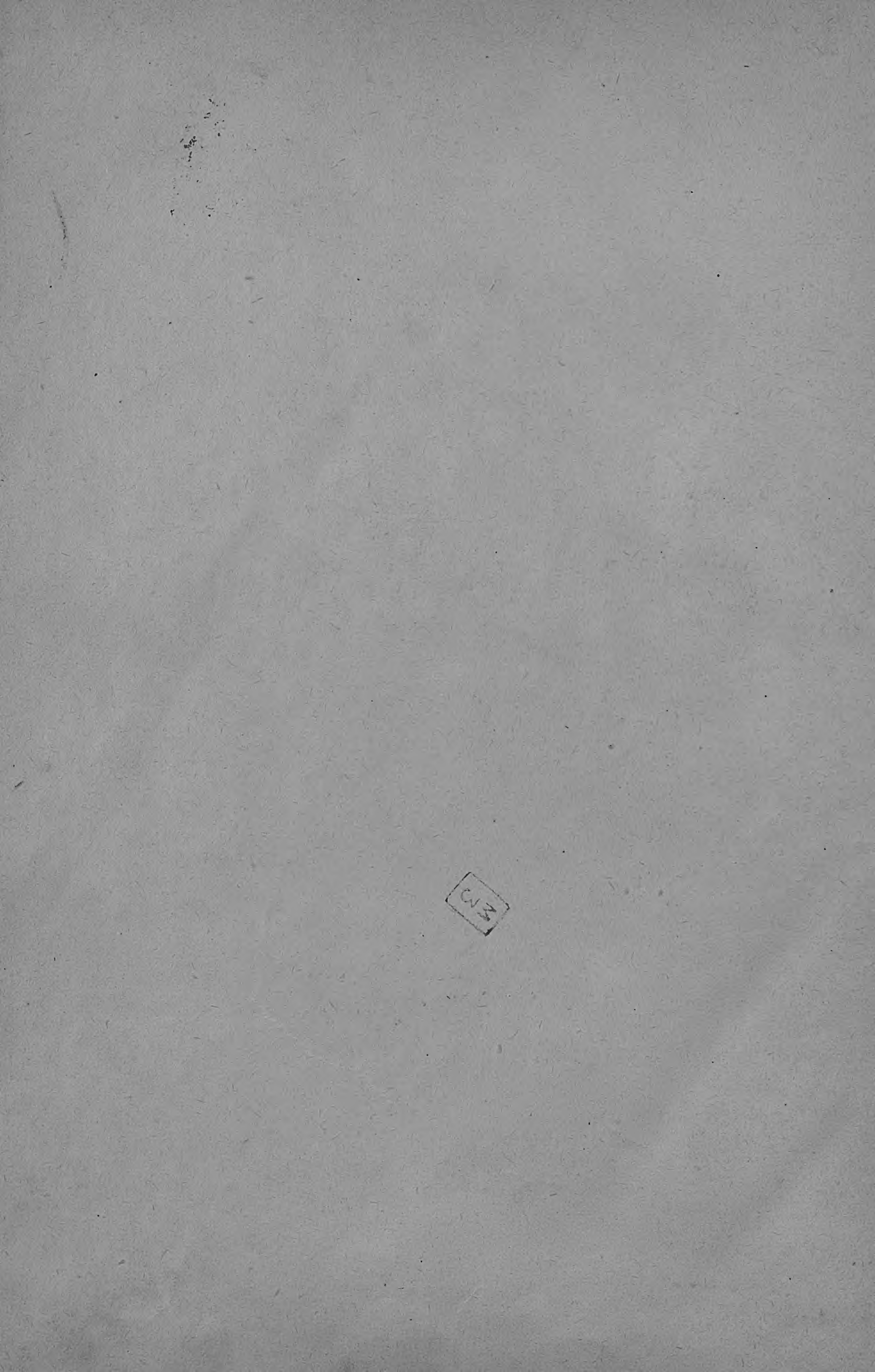
20 октября 1906 г.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка снизу.	Слѣдуетъ читать:
17	7	чинить и мѣнять
45	22	толклись въ бою
55	14	пріемка работъ
77	5	выбросить въ море
144	2	потеряли
„	4	1905 года
„	13	минныхъ аттакъ
11	13	непристойныя
29	31	артиллерія
105	8	Реомюра
108	35	ошвартовывались
110	15	оставалась
116	1	Почему

На стран. 4, 28, 45, 51, 52, 56, 58, 62, 64 фамилію автора брошюры **„Отъ Либавы до Цусимы“** слѣдуетъ читать—Политовскій.

45-
[illegible]

